

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 30, № 4*

Вологда • 2026

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (Экономические)
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (Экономические)
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (Экономические)
- 5.2.4. Финансы (Экономические)
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии (Социологические)
- 5.4.2. Экономическая социология (Социологические)
- 5.4.3. Демография (Социологические)
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (Социологические)
- 5.4.5. Политическая социология (Социологические)
- 5.4.6. Социология культуры (Социологические)
- 5.4.7. Социология управления (Социологические)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Кожевников С.А., заместитель главного редактора, к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Кузнецова О.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (ООО «Марфино», Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Агентство мониторинга и социологических исследований, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ускова Т.В.

Пространство как главный фактор устойчивого развития территорий..... 7

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Балацкий Е.В.

Экспансионистская политика Д. Трампа и переформатирование глобального
геополитического пространства 10

Белоусова Е.А.

Оценка пространственной сбалансированности в контексте экономического
благополучия муниципальных образований 29

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Третьякова Е.А.

Пространственно-динамическая интегрированная оценка водопользования
в регионах Северо-Западного федерального округа России 44

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Патракова С.С.

Концептуальные основы развития сельских территорий России на базе
неоэндогенной модели 67

Ромашкина Г.Ф., Осокин О.И.

Пространственная взаимосвязанность локальных рынков жилья
в Тюменской области..... 84

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Секушина И.А., Белкин А.Н.

Особенности и тенденции развития жилищной сферы в муниципальных образованиях Вологодской области	107
--	-----

Плахин А.Е., Огородникова Е.С., Ростовцев К.В.

Оценка легальной трудовой миграции в регионах России	130
--	-----

Комарова Т.М., Аверина О.В., Стельмах Е.В., Соловченков С.А.

Старение населения как угроза демографического развития региона (на примере Еврейской автономной области).....	148
--	-----

Степаненко В.А., Базуева Е.В.

Управление экономическим развитием региона на основе сокращения интеллектуального неравенства	164
---	-----

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Экономика Северо-Запада России в мае 2026 года: рост потребительского спроса на фоне спада инвестиционной активности	183
--	-----

Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в июне 2026 года	199
--	-----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

Об итогах XI Международной интернет-конференции «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий»	207
---	-----

Правила для авторов	209
---------------------------	-----

Информация о подписке	210
-----------------------------	-----

CONTENTS

FROM THE EDITOR

Uskova T.V.

Space as the Main Factor in the Sustainable Development of Territories 7

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Balatsky E.V.

The Expansionist Policy of D. Trump and the Reshaping of the Global Geopolitical
Landscape 10

Belousova E.A.

Assessment of Spatial Balance in the Context of the Economic Well-Being
of Municipalities 29

ECONOMICS OF NATURE

Tretiakova E.A.

Spatial-Dynamic Integrated Assessment of Water Use in the Northwestern
Federal District Regions of Russia 44

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Patrakova S.S.

Conceptual Foundations of Rural Development in Russia Based
on the Neo-Endogenous Model 67

Romashkina G.F., Osokin O.I.

Spatial Interconnectedness of Local Housing Markets in the Tyumen Region 84

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Sekushina I.A., Belkin A.N.

Features and Trends in the Development of Housing Sector in the Vologda Region Municipalities	107
--	-----

Plakhin A.E., Ogorodnikova E.S., Rostovtsev K.V.

Assessment of Legal Labor Migration in Russian Regions	130
--	-----

Komarova T.M., Averina O.V., Stelmakh E.V., Solovchenkov S.A.

Population Ageing as a Threat to the Region's Demographic Development (Case Study of the Jewish Autonomous Region)	148
---	-----

Stepanenko V.A., Bazueva E.V.

Managing Regional Economic Development by Reducing Intellectual Inequality	164
--	-----

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

The Economy of Northwest Russia in May 2026: Growth in Consumer Demand amid a Decline in Investment Activity	183
Monitoring of Social Well-Being of the Vologda Region Population in June 2026	199

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

CONFERENCES, MEETINGS, SEMINARS

On the Results of the 11th International Internet Conference "Problems of Economic Growth and Sustainable Development of Territories"	207
Author Guidelines	209
Subscription Information	210

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.1

УДК 332.1 | ББК 65.050.22

© Ускова Т.В.

ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

главный редактор
доктор экономических наук
профессор
заслуженный деятель науки РФ
ФГБУН ВолНЦ РАН
Вологда
Российская Федерация
ORCID: [0000-0001-9416-1136](https://orcid.org/0000-0001-9416-1136)
ResearcherID: [O-2232-2017](https://www.researcherid.com/profile/O-2232-2017)

ПРОСТРАНСТВО КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Геополитическое противостояние, нарастание динамизма внешней и внутренней среды переводят задачи сохранения мирового превосходства, обеспечения национальной безопасности стран и устойчивого развития их территорий в разряд стратегических. В решении этих задач на современном этапе развития все более важную роль играет пространственный фактор. В данном выпуске журнала подобраны статьи, в которых авторы рассматривают пространство как фактор устойчивого развития территорий разного уровня – от глобального до локального.

Работа *Е.В. Балацкого* посвящена проблеме перекраивания геополитического пространства и изменения границ государств как возможности сохранения мирового лидерства. Обосновывается, что слияние больших территорий в единые государства может стать главным фактором развития мировой экономики на ближайшие 2–3 десятилетия. Показано, что Соединенные Штаты Америки, реализуя проект Великого Объединения, предполагающий присоединение к стране трех новых территорий – Гренландии, Канады и Австралии, пытаются перезапустить цикл накопления капитала и сохранить свою геополитическую гегемонию, так как такое объединение может привести к переформатированию глобального рынка природных ресурсов в пользу США.

Для цитирования: Ускова Т.В. (2026). Пространство как главный фактор устойчивого развития территорий // Проблемы развития территории. Т. 30. № 4. С. 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.1

For citation: Uskova T.V. (2026). Space as the main factor in the sustainable development of territories. *Problems of Territory's Development*, 30(4), 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.1

Е.А. Белоусова в своей работе обосновывает, что одной из важных характеристик экономического благополучия муниципального образования является пространственная сбалансированность. Автор предлагает методику ее оценки на основе расчета среднего отклонения от единицы индексов по социально-экономическим показателям, отражающим стадию воспроизводства, и проводит апробацию разработанного инструментария на муниципальных образованиях Свердловской области. Расчеты, выполненные автором за 15-летний период, позволили выявить периоды снижения и роста пространственной сбалансированности, а также ее внутрирегиональную неоднородность.

Исследование *Е.А. Третьяковой* нацелено на формирование интегрированной модели комплексного пространственно-динамического эколого-экономического оценивания использования природных ресурсов, позволяющей объективно охарактеризовать сложившуюся ситуацию как в пространственном, так и во временном аспекте, своевременно выявлять формирующиеся тренды и заблаговременно принимать соответствующие управленческие решения. Методика была апробирована на данных водопользования в регионах Северо-Западного федерального округа России, которые отличаются развитой и диверсифицированной промышленностью с высокой экологической интенсивностью воздействия на природные водные объекты. Полученные результаты могут быть полезны органам государственной власти регионов Северо-Запада России при разработке или актуализации проектов и программ, нацеленных на обеспечение устойчивого сбалансированного развития.

С.С. Патракова изучает влияние пространственного фактора на уровне сельских территорий. В статье подчеркивается, что устойчивое развитие сельских территорий выступает актуальной задачей государства. Вместе с тем, несмотря на реализацию на федеральном и региональном уровнях комплекса государственных программ и про-

ектов, в развитии села сохраняется большое число проблем, ставших уже хроническими. Автор делает вывод о необходимости пересмотра реализуемой модели развития села, рассматривает концептуальные основы развития сельских территорий России на базе неозндогенной модели и предлагает новые перспективные инструменты регулирования, в числе которых индивидуальные планы развития сельских территорий, стандарты качества жизни, проекты сотрудничества по линиям «город – село» и «село – село».

Следующие две статьи посвящены проблемам жилищной сферы на региональном уровне. *Г.Ф. Ромашкина, О.И. Осокин* исследуют пространственную взаимосвязанность локальных рынков жилья Тюменской области – одного из полицентричных регионов с выраженной дифференциацией локальных рынков не только субъектов Федерации, входящих в состав региона, но и муниципальных образований. В работе *И.А. Секушиной и А.Н. Белкина* раскрываются особенности и тенденции развития жилищной сферы в муниципальных образованиях Вологодской области. Выявлены устойчивые территориальные диспропорции в уровне обеспеченности населения жильем, степени благоустройства, состоянии жилого фонда, объемах и структуре ввода нового жилья, включая индивидуальное жилищное строительство. Доказано наличие пространственных особенностей: существенные различия в развитии жилищной сферы городов и сельской местности, проявление характерных для субурбанизации признаков, а также специфика жилищной сферы сельских муниципальных образований. Полученные результаты могут быть использованы органами государственной власти региона и местного самоуправления при разработке жилищных программ и стратегий пространственного развития.

Наиболее острыми внутренними вызовами и угрозами пространственного развития РФ в настоящее время являются нехватка трудовых ресурсов и демографические проблемы.

Вопрос нехватки трудовых ресурсов в определенной мере решается за счет внешней трудовой миграции. Изучению этой проблемы посвящено исследование *А.Е. Плахина, Е.С. Огородниковой, К.В. Ростовцева*. Оно нацелено на определение подходов к выявлению особенностей территориального распределения легальных трудовых мигрантов и актуализацию представлений о миграционных потоках. Авторами установлено, что наибольшая концентрация иностранных работников приходится на экономические центры федеральных округов, а также наблюдается существенный прирост иностранных работников в регионах Дальневосточного федерального округа.

Старение населения как одна из демографических угроз имеет особую остроту для слаборазвитых дальневосточных регионов. Коллективом авторов (*Т.М. Комарова, О.В. Аверина, Е.В. Стельмах, С.А. Соловченков*) изучен процесс старения населения и его последствия для социально-экономического развития Еврейской автономной области. Отмечается высокая демографическая нагрузка на трудоспособное население, снижение удельного веса нетрудоспособных жителей и преобладание доли населения

старше трудоспособного возраста. Сделан вывод о том, что низкая продолжительность жизни населения косвенно характеризует слабый уровень развития здравоохранения в регионе. Кроме того, имеет место недостаточная приверженность населения к здоровому образу жизни. Наличие демографических проблем сдерживает социально-экономическое развитие региона.

В работе *В.А. Степаненко, Е.В. Базуевой* исследуется интеллектуальное неравенство как один из факторов устойчивой пространственной дифференциации социально-экономического развития регионов РФ. Делается вывод о том, что в настоящее время эта проблема решается фрагментарно. Авторы предлагают организационно-управленческий механизм сокращения уровня интеллектуального неравенства, нацеленный на экономическое развитие региона.

В разделе «Мониторинг перемен» представлены тенденции экономики Северо-Запада по итогам мая 2026 года (*М.А. Сидоров, Е.В. Лукин*) и основные тренды социального самочувствия населения Вологодской области (*М.В. Морев, Е.Э. Леонидова*).

Выражаем надежду, что статьи выпуска вызовут интерес у читателей.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора по научной работе, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy director for science, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.2

УДК 327(100) | ББК 66.4

© Балацкий Е.В.

ЭКСПАНСИОНИСТСКАЯ ПОЛИТИКА Д. ТРАМПА И ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЕВГЕНИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ БАЛАЦКИЙ

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) имени Е.М. Примакова РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: EVBalatsky@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

В настоящее время началось перекраивание геополитического пространства и изменение границ государств, что продуцирует совершенно новые решения политического руководства многих стран. В контексте данной проблемы в статье рассмотрена возможность сохранения Союзенными Штатами Америки своей геополитической гегемонии за счет реализации проекта Великого Объединения, предполагающего присоединение к стране трех новых территорий – Гренландии, Канады и Австралии. Показано, что этот проект является фактически единственным шансом для США перезапустить цикл накопления капитала в рамках прежней юрисдикции. Продемонстрировано, что подобное объединение привело бы к переформатированию глобального рынка природных ресурсов в пользу США с сохранением их неоспоримого лидерства. Понятие сделки, постоянно артикулируемое Трампом в его политической риторике, полностью укладывается в исторические традиции Америки по расширению их территории. Отдельное рассмотрение ситуации с Гренландией, Канадой и Австралией свидетельствует, что эти территории имеют свои уязвимые места, следовательно могут быть заинтересованы во вхождении в состав США, что делает проект Великого Объединения вполне реализуемым. Вместе с тем подчеркивается, что реализация названного проекта потребует выполнения четырех условий, которые пока отсутствуют: достижение окончательного консенсуса в среде политических элит США в отношении необходимости проекта Великого Объединения; переход властей США от деструктивной к конструктивной форме экспансионистской политики (от силовых методов к созидательной интеграции); возвращение политических элит страны к цивилизованной

Для цитирования: Балацкий Е.В. (2026). Экспансионистская политика Д. Трампа и переформатирование глобального геополитического пространства // Проблемы развития территории. Т. 30. № 4. С. 10–28. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.2

For citation: Balatsky E.V. (2026). The expansionist policy of D. Trump and the reshaping of the global geopolitical landscape. *Problems of Territory's Development*, 30(4), 10–28. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.2

дипломатии, предусматривающей учет чужих интересов, ведение конструктивных переговоров, демонстрацию уважения к партнерам, готовность идти на компромиссы; наличие у Вашингтона соответствующего концептуального документа (плана) с детально проработанными стратегией и тактикой интеграции новых территорий. Отмечается, что в случае невыполнения перечисленных условий будут наблюдаться периодические вспышки активизации и затухания интереса будущих хозяев Белого Дома в отношении присоединения новых территорий, которые внесут весомый вклад в общую дестабилизацию геополитической обстановки. Слияние больших территорий в единые государства может стать главным фактором развития человечества на ближайшие 2–3 десятилетия.

Проект Великого Объединения, США, геополитическая гегемония, сделка.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках проекта Министерства науки и высшего образования РФ на 2026 год «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве» (№ 075-15-2024-551). Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за полезные замечания. Особую благодарность автор выражает В.А. Волконскому за его ценные советы по улучшению рукописи статьи.

Введение: новая политика в новых условиях

Приход в большую политику американского президента Дональда Трампа ознаменовался началом совершенно нового этапа экспансионизма, предполагающего пересмотр устоявшихся границ за счет расширения территории США. Достаточно напомнить, что Трамп еще во время своего первого президентского срока озвучил план присоединения Гренландии, над которым работала его администрация, а в 2019 году глава Белого Дома откровенно выражал заинтересованность в покупке острова¹. Считается, что интерес Америки возник в связи с попыткой Китая в 2018 году купить местный аэропорт (Gricius, 2025). В 2020 году помощники Трампа в Белом Доме и специалисты Министерства финансов США более предметно рассматривали предполагаемую покупку и определяли необходимые для этого финансовые ресурсы. В этом же году, по

сообщению сотрудника Министерства внутренней безопасности США Майлза Тейлора, Президент США интересовался возможностью обменять Пуэрто-Рико на Гренландию, а в 2024 году, в свой второй срок, он указал на «абсолютную необходимость» для США получить Гренландию в собственность². В 2026 году на Всемирном экономическом форуме в Давосе Дональд Трамп выразил готовность заплатить за остров, а по сведениям «Daily Mail», рассматривал возможность предложить жителям Гренландии по 1 млн долл., если они проголосуют за ее присоединение к Штатам³. Еще через некоторое время по гренландской проблеме начали высказываться и члены команды Трампа. Например, Илон Маск обратился к будущему послу США в Дании Кену Хауэри со словами: «Помогите Америке заполучить Гренландию!»⁴. Все это свидетельствует о серьезности претензий мирового гегемона на самый большой остров в мире.

¹ NYP: Трамп интересовался покупкой Гренландии в свой первый срок // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241225/grenlandiya-1991119838.html?ysclid=mlfcym9oie690978651>

² Трамп снова заявил о необходимости для США приобрести Гренландию // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241223/trump-1990764727.html>

³ Daily Mail: Трамп может предложить гренландцам по \$1 млн за вхождение в США // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8364270>

⁴ «Президент серьезен на все сто». Зачем Дональд Трамп решил присоединить к США Гренландию и Канаду и чем это может закончиться? // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2025/01/10/trump-the-new-coqueror/?ysclid=mlfd1i0v1v460994510>

Однако на северном острове аппетиты Трампа не остановились. Вскоре последовали анонсы о быстром возвращении Панамского канала в американскую собственность, а также предложения Канаде и Мексике войти в состав США. Еще во время своей второй инаугурации Трамп демонстративно называл премьер-министра Канады Джастина Трюдо «губернатором великого штата Канада», а саму страну он безоговорочно считал 51 штатом США. Более того, по словам Трампа, он это делает ради блага самих жителей Канады: «Многие канадцы хотят, чтобы Канада стала 51-м штатом США... Я считаю, что это отличная идея. 51-й штат!»⁵.

Не менее значимым является создание в 2021 году военного партнерства AUKUS между Австралией, США и Великобританией, которое обеспечивает первым доступ к технологиям американских атомных подводных лодок и «намертво привязывает» Канберру к стратегическому курсу Вашингтона на десятилетия вперед (Laurenceson, 2025).

Но и эти действия не исчерпывают инновационные императивы администрации Трампа. Нынешний 2026 год ознаменовался новыми формами активности США во внешней сфере. Так, в январе 2026 года президент Венесуэлы Николас Мадуро был похищен спецслужбами США и предстанет перед американским судом по обвинению в наркотерроризме, а его персона заменена на марионеточную фигуру Дельси Родригес. В следующем месяце США и Израиль начали совместную операцию по бомбардировке Ирана и ликвидировали значительную часть высшего политического руководства страны. Также в январе 2026 года американский президент объявил нефтяную блокаду

Кубы, а в феврале уточнил, что планирует «взорвать» островное государство, так как его власти уже «висят на волоске»⁶.

Указанные события активно комментируются как в СМИ, так и в академических изданиях. Мнения аналитиков находятся в широком диапазоне: некоторые полагают, что риторика Трампа и ее внешняя хаотичность свидетельствуют об отсутствии продуманной политики⁷, тогда как другие считают эту риторику естественным элементом стратегии (Корецкая, 2017; Алексеев, 2017). Однако некоторые весьма серьезно относятся к его обещаниям⁸.

Видимо, определенная противоречивость политики Трампа имеет под собой объективную основу, но обозначенный им новый вектор в международных отношениях требует самого пристального внимания. Сегодня довольно четко обозначились две линии экспансионистской политики Трампа – конструктивная и деструктивная. Первая связана с расширением границ США путем официального присоединения новых территорий (Канада, Гренландия и др.), тогда как вторая предполагает усиление позиций Америки в разных регионах путем взятия под контроль правительств соответствующих стран и низвержения нежелательных режимов (Куба, Иран, Венесуэла и др.). Примечательно, что позиция властей США по указанным вопросам обнародуется и не скрывается, что можно считать новым трендом в государственном регулировании страны. Все эти изменения отнюдь не являются случайными, а внешнеполитические императивы, артикулируемые Трампом, нельзя воспринимать в качестве риторической бравады. В связи с этим цель статьи состоит в рассмотрении предпосылок и возможно-

⁵ «Президент серьезен на все сто». Зачем Дональд Трамп решил присоединить к США Гренландию и Канаду и чем это может закончиться? // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2025/01/10/trump-the-new-coqueror/?ysclid=mlfd1i0v1v460994510>

⁶ Станет ли Куба «следующим Ираном»: планы и перспективы Трампа // Mail: новости. URL: <https://news.mail.ru/politics/70430869/>

⁷ Успеть за 24 часа: западная пресса начала подсчет хаотичных «подвигов» Трампа // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/politics/2026/04/23/uspets-za-24-chasa-zapadnaya-pressa-nachala-podschyot-khaotichnykh-podvigov-trampa.html>

⁸ Я сказал! Самые скандальные заявления президента США Дональда Трампа // РенТВ. URL: <https://ren.tv/longread/1338500-ia-skazal-samye-skandalnye-zaiavleniia-prezidenta-ssha-donalda-trampa>

стей для осуществления Вашингтоном нового этапа внешнеполитической экспансии, а также той геополитической конфигурации, которая может сложиться в результате подобной политики.

Для конкретизации поставленной цели рассмотрим три территории, которые могут быть объединены с США: Гренландия, Канада и Австралия. Для конструктивного рассмотрения подобной новой геополитической конфигурации имеет смысл оценить три проблемных аспекта: целесообразность и обоснованность намеченной экспансии для самих США; реализуемость поставленных задач; вероятность и условия реализации столь масштабной трансформации.

Проект Великого Объединения

Здесь и далее будем рассматривать проект Трампа под условным названием «Великое Объединение» (ВО), который предполагает присоединение к США трех территорий – Канады, Австралии и Гренландии. Как уже было отмечено, Канада и Гренландия неоднократно озвучивались в риторике Трампа в качестве целей геополитического объединения, а Австралия, в силу своей тесной военной интеграции с США, находится в русле подобной интеграционной политики.

Может показаться, что столь масштабные геополитические амбиции Вашингтона ничем не обоснованы и даже во многом иррациональны. Однако выше будет показано, что это не совсем так. Идея проекта ВО появилась неслучайно и лежит в русле политики удержания глобальной гегемонии Соединенных Штатов. Вместе с тем нельзя не увидеть в этом проекте переход к принципиально новой политической позиции. Если раньше США, будучи глобальной империей, довольствовались теневым контролем над разными территориями мира, то сегодня администрация страны хочет узаконить свои претензии на стратегически важных участках суши и мирового океана. Речь идет отнюдь не об отказе от теневого контроля в пользу официальной объединенной юрисдикции, скорее теперь

эти две стратегические линии начинают проводиться одновременно.

Ниже рассмотрим глубинную логику проекта ВО. В этих целях выделим его геополитические, геоэкономические и исторические предпосылки.

Геополитические предпосылки Великого Объединения

Понимание нынешнего положения США отсылает нас к концепции циклов накопления, развитой Джованни Арриги. В соответствии с его классификацией США являются гегемоном четвертого глобального цикла накопления капитала, который постепенно сменяется пятым с центром в Китае (Арриги, 2006). Логика чередования мировых центров капитала (Генуя + Венеция, Нидерланды, Великобритания и США) почти не дает шансов на удержание старым гегемоном в лице США своих позиций. Постепенное вытеснение китайцами американских игроков с мирового рынка служит тому ярким подтверждением. Вместе с тем прежний гегемон никогда не отдает свои позиции без борьбы. В связи с этим первый срок президентства Трампа был связан с открытой попыткой *перезапустить* цикл накопления капитала в рамках прежней географической юрисдикции и тем самым сохранить привилегированное положение США (Балацкий, 2018). Эту же цель преследует Трамп в свой второй президентский срок, однако в его новой стратегии имеются отличия от первоначальной установки.

Заранее отметим чрезвычайно важный факт, констатируемый Арриги: «Каждый центр капитала интернализирует (берет на себя) издержки по обеспечению определенных функций – защиты своих рынков, производства продукции, обеспечения обменных операций и собственного воспроизводства» (Арриги, 2009). По его мнению, последняя (воспроизводственная) функция пока не была освоена ни одним центром. Более того, остается открытым вопрос о самой возможности «консервирования» мирового гегемона. Тем самым Трамп фактически взял на себя миссию по обеспечению

воспроизводства центра мирового капитала в лице США на неопределенно долгий срок. Не исключено, что это была утопичная идея с самого начала, однако это не отменяет тех усилий, которые американская администрация осуществляла в этих целях.

Не менее интересно, что Арриги различает *внешний* и *внутренний территориализм* мирового центра капитала. Первый направлен на освоение мира за пределами мирового центра, второй – на рынок внутри границ государства-лидера (Арриги, 2006). В этом контексте несложно увидеть, что первый президентский срок Трампа был направлен на реализацию внутреннего территориализма путем возвращения высокотехнологичных производств в США и оживления национальной экономики. В силу разных обстоятельств эта политика провалилась. На втором президентском сроке Трамп провозгласил переход к внешнему территориализму путем присоединения к США дополнительных территорий. Пока эта политика также не получает адекватного воплощения, однако сам факт поиска новых путей и попыток проведения двух масштабных институциональных экспериментов администрации Трампа является симптоматичным.

Сказанное выше демонстрирует, что Вашингтон не хочет и не может отдать свое привилегированное положение, а потому вынужден пробовать все способы для удержания своего господства. Проект ВО полностью вписывается в эту логику и в случае его успешной реализации может, по крайней мере, надолго продлить гегемонию США.

Геоэкономические предпосылки Великого Объединения

В настоящий момент разворачивается очередная война за природные ресурсы планеты. В этом смысле США, несмотря на их природное богатство, нуждаются в дополнительной ресурсной подпитке. Эту проблему можно решить путем присоединения новых территорий. На данный момент США по площади территории проигрывают не только России, но и Китаю, а по численности населения КНР в 4,1 раза опережает нынешнего гегемона. «Исправить» это положение дел может проект ВО. Расчеты показывают, что его реализация приведет к тому, что по площади территории «обновленные» США станут абсолютным лидером, превосходя по этому показателю Россию в 1,7 раза, а объединенную территорию России и Китая на 7% (табл. 1). Такое преимущество, вне всяких сомнений, является стратегическим, которое значительно повышает шансы Соединенных Штатов сохранить за собой гегемонию.

Прирост населения США от проекта ВО будет не слишком заметным, но и им нельзя пренебрегать. Например, преимущество КНР в новой конфигурации уменьшается с 4,1 до 3,4 раза. Хотя названное увеличение населения не является стратегическим, оно дает дополнительные преимущества США в отстаивании своих передовых позиций.

Важно отметить, что проект ВО дает США не чисто арифметическое преимущество в территории, а непосредственное лидерство с точки зрения располагаемых природных ресурсов. Так, по данным портала *24/7 Wall St.*, рейтинг десяти государств мира с самыми

Таблица 1. Площадь территории и численность населения крупнейших стран мира
(по состоянию на 2026 год)

Страна	Площадь территории, млн км ²	Население, млн чел.
Россия	17,260	146,2
США	9,147	341,2
Китай	9,597	1404,9
Проект ВО (США + Канада + Австралия + Гренландия)	28,757	409,3

Составлено по: Страны мира по размеру // Fandom. URL: https://geography.fandom.com/ru/wiki/Страны_мира_по_размеру; Список государств и зависимых территорий по населению // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_государств_и_зависимых_территорий_по_населению?ysclid=mpicvy1r4w873109473

богатыми сырьевыми запасами с большим отрывом возглавляет Россия (табл. 2). Однако Великое Объединение даст США абсолютный перевес перед своими главными конкурентами. В таком случае союз ВО по запасам природных ресурсов будет превосходить Россию почти на 30% и станет практически равен запасам России и Китая вместе взятым (с Гренландией, которая не учитывалась в расчетах, это преимущество еще больше увеличится).

Однако помимо общего баланса сил, указанного в таблицах 1 и 2, имеются и другие стратегические геоэкономические выгоды от проекта ВО. Это касается, прежде всего, предстоящего в обозримом будущем передела Арктики и шельфа Северного Ледовитого океана.

Арктика тает, становясь более открытой для судоходства и колонизации, а потенциал ее недр оценивают в сотни триллионов долларов. В борьбе за арктические ресурсы участвуют северные страны и, в связи с этим, проект ВО несет в себе солидный потенциал. Например, сейчас Россия претендует примерно на половину Арктики, а США за счет Аляски – только на 10%; одно

лишь присоединение Гренландии увеличит присутствие США в арктическом регионе до трети, а в союзе с Канадой они могут претендовать почти на половину арктических богатств⁹. Кроме того, по данным правительства США, на территории Гренландии добывается 43 из 50 полезных ископаемых, относящихся к стратегическим и критически важным для американской экономики. Габриэлла Грициус указывает, что в настоящее время США на 100% зависят от импорта 12 важнейших полезных ископаемых и на 50% от импорта еще 29 других полезных элементов; в Гренландии есть многие из них, в связи с чем присоединение острова можно рассматривать как способ снижения зависимости гегемона от импорта из Китая¹⁰. Происходящее таяние ледников дает дополнительные возможности для бурения нефтяных и газовых скважин, а также добычи рудных ископаемых. Глобальное потепление открывает и новые перспективы для мирового судоходства и торговли, в которых США готовы активно участвовать¹¹.

Не следует сбрасывать со счетов и военное значение Гренландии. Так, еще во времена холодной войны остров был важен для

Таблица 2. Объем запасов природных ресурсов по странам мира, 2021 год

Страна	Объем запасов, трлн долл.	Отношение к России, %
Россия	75,7	100,0
США	45,0	59,4
Саудовская Аравия	34,4	45,3
Канада	33,2	43,9
Иран	27,3	36,0
Китай	23,0	30,4
Бразилия	21,8	28,9
Австралия	19,9	26,3
Ирак	15,9	21,0
Венесуэла	14,3	18,9
Проект ВО (США + Канада + Австралия)	98,1	129,6

Составлено по: The world's most resource rich countries // 24/7 Wall St. URL: <https://247wallst.com/special-report/2012/04/18/the-worlds-most-resource-rich-countries/>

⁹ Что на самом деле задумал Трамп: готовы ли США воевать с соседями? // Ferra.ru. URL: <https://www.ferra.ru/review/techlife/trump-wants-greenland-and-canada.htm>

¹⁰ By stoking the Greenland debate, os the United States actually harming itself? // Eurekaalert! URL: <https://www.eurekaalert.org/news-releases/1113269>

¹¹ «Если он присоединяет Канаду, почему мы не можем Прибалтику»: Трамп начал зарубежную экспансию? // БизнесOnline. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/659409?ysclid=mlfe9r8uvh875465872>

США – он являлся ключевым местом для отслеживания баллистических ракет, которые потенциально могли достичь Соединенных Штатов со стороны СССР. В заявлении 14 января 2026 года Трамп подчеркнул, что приобретение Гренландии будет иметь решающее значение для «Золотого купола» – предлагаемой системы противоракетной обороны, которую США хотят использовать для перехвата ракет, запускаемых из космоса; пролив Гренландия – Исландия – Великобритания также имеет центральное значение для наблюдений на море, поскольку именно он преграждает подводным лодкам и военно-морскому флоту России доступ в Северную Атлантику¹².

Что касается Австралии, то ее присоединение является важным в контексте глобального противостояния с Китаем. Дело в том, что в последние десятилетия происходит активная китаизация Австралии, а именно китайская община является одной из крупнейших в мире по численности на душу населения и самой большой за пределами Азии. Путунхуа (китайский «мандаринский» язык) – второй по распространенности в Австралии¹³. Если этот процесс продолжится, то в обозримом будущем континент превратится в своеобразную провинцию Китая со всеми вытекающими из этого последствиями. Некоторые эксперты уже открыто говорят о том, что «китайцы будут создавать в Австралии второй Китай», в том числе перенося туда часть своего военного потенциала¹⁴. Очевидно, что такое расширение влияния КНР и возникновение связи Китай + Австралия сделает дальнейшую борьбу США за удержание гегемонии невозможной. Из-за этого в настоящий момент разворачивается молчаливая борьба за кон-

тинент между двумя сверхдержавами – США и КНР. Учитывая сказанное, Вашингтон должен создать официальный заслон для дальнейшей китаизации Австралии.

Рассмотренные геоэкономические аспекты проекта ВО не просто вписываются в логику доминирования США, но и делают его почти безальтернативным. В противном случае Америке не хватит ресурсов на сохранение своих глобальных привилегий.

Исторические предпосылки Великого Объединения

США как государство формировалось чрезвычайно своеобразно. Фактически оно постоянно укрупнялось за счет приобретения дополнительных земель. Хотя история таких покупок хорошо известна, кратко перечислим ее основные вехи¹⁵.

1. 1803 год (президент Томас Джефферсон) – приобретение у Франции территории Луизианы площадью более 2,1 млн км² за 15 млн долл.

2. 1819 год (президент Джеймс Монро) – приобретение у Испании Флориды за 5,5 млн долл.

3. 1848 год (президент Джеймс Нокс Полк) – присоединение по итогам американо-мексиканской войны более половины мексиканских территорий площадью 1,4 млн км² за компенсацию в 15 млн долл.

4. 1854 год (президент Франклин Пирс) – приобретение у Мексики территории площадью в 120 тыс. км² за 10 млн долл.

5. 1867 год (президент Эндрю Джонсон) – приобретение у России территории Аляски площадью 1,7 млн км² за 7,2 млн долл.

6. 1898 год (президент Уильям Мак-Кинли) – приобретение территории Филиппин, островов Пуэрто-Рико и Гуам по итогам

¹² By stoking the Greenland debate, os the United States actually harming itself? // Eurekalert! URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/1113269>

¹³ Китайские диаспоры США и Канады и «новая» китайская миграция // Западная Русь. URL: <https://zapadrus.su/rusmir/istf/132-konferentsii/2019.html>

¹⁴ Андрей Школьников: «Китайцы будут создавать в Австралии второй Китай» // Новые известия. URL: https://newizv.ru/news/2023-03-04/andrey-shkolnikov-kitaytsy-budut-sozdavat-v-avstralii-vtoroy-kitay-399653?utm_source=sozero.livejournal.com&utm_medium=referral&utm_campaign=sozero.livejournal.com&utm_referrer=sozero.livejournal.com

¹⁵ «Президент серьезен на все сто» Зачем Дональд Трамп решил присоединить к США Гренландию и Канаду и чем это может закончиться? // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2025/01/10/trump-the-new-coqueror/?ysclid=mlfd1i0v1v460994510>

испано-американской войны за 20 млн долл. (в 1946 году провозглашена независимость Филиппин; Пуэрто-Рико и Гуам остаются в статусе неинкорпорированных организованных территорий США).

7. 1898 год (президент Уильям Мак-Кинли) – присоединение к США путем аннексии Гавайских островов (в 1893 году американцами был организован правительственный переворот на Гавайях, в 1894 году провозглашена марионеточная Республика Гавайи и через четыре года аннексирована; в 1900 году Гавайи получили статус самоуправляемой территории, а в 1959 году были объявлены пятидесятым штатом США).

8. 1903 год (президент Теодор Рузвельт) – приобретение территории Панамского канала за 10 млн долл. и базы Гуантанамо на Кубе за 3,4 тыс. долл. (Панамский канал возвращен под юрисдикцию Панамы в 1999 году; Гуантанамо остается под контролем США).

9. 1917 год (президент Вудро Вильсон) – приобретение у Дании Виргинских островов за 25 млн долл. (Виргинские острова имеют статус неинкорпорированной организованной территории США).

Что касается Гренландии, то эксперты напоминают, что США заявляли о намерении приобрести остров в 1867, 1910, 1946 и 1955 гг., а теперь, в 2019 и 2025 гг., эту идею снова озвучил президент Трамп¹⁶. Так, в 1860-х гг. купить остров у Дании хотел президент Эндрю Джонсон, при котором была приобретена Аляска, а в 1946 году президент Гарри Трумэн даже предложил Копенгагену 100 млн долл. за передачу Гренландии Вашингтону¹⁷.

В отношении Канады у США также были свои виды. Так, в 1775 году, в ходе Войны за независимость США американские революционеры предприняли вторжение в Квебек, но потерпели поражение. Во время англо-американской войны 1812–1815 гг. также

было осуществлено несколько неудачных попыток захватить территорию современной Канады. Призывы к аннексии североамериканских британских колоний продолжали звучать и в период Гражданской войны 1861–1865 гг., а в 1867 году угроза американского вторжения стала одной из причин создания доминиона Канады и возникновения нового государства. К идее вторжения на территорию северных соседей американское военное командование вернулось в 1920–1930-х гг., когда был составлен план «Красный» на случай вооруженного конфликта с Британской империей; хотя документ носил гипотетический характер и не был одобрен конгрессом, сам факт возникновения такой инициативы симптоматичен¹⁸.

Все рассмотренные факты недвусмысленно говорят о том, что в США давно сложилась устойчивая традиция совершения территориальных сделок по расширению границ своей страны. При этом активно используются деньги, подкуп должностных лиц и военная сила. Несложно заметить, что американские власти виртуозно использовали возникающие исторические ситуации ослабления тех или иных государств для отъема у них территорий. При этом во многих случаях использовались деньги в качестве дипломатического прикрытия агрессии. Например, присоединение земель Мексики к США основывалось на ее военном поражении, однако денежная компенсация за них служила цивилизованной легитимации сделки. При этом власти Штатов обладали стратегическим видением выгод и готовы были на длительное сопровождение изначальной кампании. Похожим образом велась политика с Гавайскими островами, которые почти 60 лет находились в статусе самоуправляемой территории, а статус штата получили тогда, когда этому ничто не препятствовало.

¹⁶ By stoking the Greenland debate, os the United States actually harming itself? // Eurekalert! URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/1113269>

¹⁷ У Дональда Трампа активизировалось Западное полушарие // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7422780?ysclid=mlfdppz6a2864986830>

¹⁸ Насколько реально вхождение Канады в состав США. Трамп предлагает сделать соседнюю страну 51-м штатом, и часть канадцев не против // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/02/2025/679d15419a7947932cb1bfd?ysclid=mlfdw19r6z878538247>

Комбинируя имеющиеся инструменты, власти США вполне могут осуществить очередной виток расширения своей юрисдикции. В этом отношении политика Трампа отнюдь не противоречит американской традиции, а скорее, наоборот, полностью лежит в ее русле. Как отмечают аналитики, инициативы Д. Трампа не являются его «авторским изобретением», а представляют собой «новое издание» давних американских интересов (Мягков, 2025). Сегодня США все еще могут предложить поглощаемым странам определенные бонусы, которые будут способствовать мирному вхождению больших территорий в их состав. Выигрыш от проекта ВО, скорее всего, перекроет затраты на него.

Насколько же реализуем проект ВО? Рассмотрим этот вопрос отдельно по каждой территории.

Поглощение Гренландии: *pro et contra*

Соединенные Штаты выбрали Гренландию в качестве цели для присоединения отнюдь не случайно. Имеется множество обстоятельств, которые так или иначе облегчают реализацию этого замысла. Перечислим их.

Во-первых, с географической точки зрения Гренландия находится в Северной Америке, но в силу исторической традиции относится к Западной Европе, входя в состав Королевства Дании (Мягков, 2025). Этот факт может показаться малозначимым, однако в определенный момент он способен «выстрелить» и оказать заметное влияние на политические решения. Речь идет о том, что логика природы и планетарной конфигурации способствует интеграции Гренландии с Северной Америкой, а не Европой. США могут играть на этом, используя географию в своих целях. Давление со стороны американского истеблишмента будет только нарастать из-за ее стратегического измерения: контроль над островом позволяет в перспективе ставить вопрос о владении и доступе к эксплуатации запасов углеводородов на шельфе полярной зоны Арктики (Мягков, 2025).

Во-вторых, Гренландия в своей внешней политике заняла двусмысленную позицию. С одной стороны, она стремится к самостоятельности и отделению от континентальной Дании и усиливает сотрудничество с Канадой и США, с другой – она не форсирует этот процесс из-за финансовой зависимости от центрального руководства (Белухин, 2024). Это создает основу для ступенчатого поглощения Соединенными Штатами Гренландии: например, первым шагом остров обретет полную политическую самостоятельность за счет экономической помощи от гегемона, на втором – получит статус самоуправляемой территории под патронажем США, на третьем – статус неинкорпорированной организованной территории США, а на четвертом – статус их полноценного штата. У Вашингтона есть большие возможности играть на экономической несамостоятельности Гренландии.

В-третьих, географическое положение острова имеет военное значение, которое позволяет контролировать как всю полярную арктическую зону, так и транспортные пути доступа и транзита через нее (Мягков, 2025). В настоящее время в Гренландии размещено 17 военных баз США, что создает беспрецедентные возможности силового давления на руководство острова. Переход Гренландии под юрисдикцию США позволит им усилить свои военные позиции против России за счет контроля воздушного пространства Арктики и арктического побережья России. Для РФ это будет дополнительным вызовом, что уже само по себе будет инициировать власти США к реализации данного проекта.

В-четвертых, как уже отмечалось, ресурсное богатство острова имеет самостоятельное значение и служит источником притяжения для многих стран. На острове открыты месторождения драгоценных металлов (золота, серебра, платины), а также редких камней (алмазов, рубинов и уникального камня тугтупита). По оценкам экспертов, запасы нефти Гренландии оцениваются в 13% от мировых неразведанных запасов, а объемы запасов природного газа – в 30%, при

этом более 80% ресурсов углеводородов залегают на шельфе острова. Стратегический интерес США к Гренландии связан еще и с ее богатыми запасами пресной воды: общий объем ледников Гренландии составляет около 2,85 млн км³ льда, что эквивалентно 10% мировых запасов пресной воды. Значимость воды в качестве жизненного ресурса будет возрастать, следовательно, упускать контроль над подобным рынком США просто не могут. На указанные обстоятельства накладывается глобальное изменение климата в сторону его потепления в полярных широтах, за счет чего ледяной панцирь острова из-за таяния льдов ежегодно уменьшается почти на 245 млрд тонн, что, в свою очередь, открывает новые перспективы для организации коммерческой эксплуатации недр острова (Мягков, 2025).

В-пятых, природные ресурсы Гренландии имеют принципиальное значение для глобальной конкуренции. Считается, что глубинная причина интересов США к природным ресурсам острова состоит в его богатейших запасах редкоземельных металлов: лития, ниобия, тория, циркония, тантала, бериллия, иттрия и др. Их совокупный объем оценивается в 38,5 млн тонн, то есть около 30% от общемирового уровня, что выдвигает Гренландию на второе место в мире по запасам после КНР (Мягков, 2025). Значимость редкоземельных металлов определяется возрастающей необходимостью их использования в различных сферах высокотехнологичного инновационного производства – от передовых отраслей машиностроения и металлургии до атомной и аэрокосмической промышленности, военно-промышленного комплекса, производства электронного оборудования и средств оптической связи, химического производства и бытовых приборов. Ведущим поставщиком редкоземельных металлов на мировой и американский рынок является КНР, на долю которого приходится до 70%. Данное обстоятельство делает Соединенные Штаты зависимыми от Китая и грозит в будущем

технологическим отставанием. Овладение ресурсами Гренландии позволит гегемону переформатировать рынок высокотехнологичной продукции в свою пользу, что исключает его пассивное созерцание потенциальных возможностей интеграции. Более того, США уже осуществляли действия по вытеснению Китая из Гренландии, однако с учетом ориентации острова на внешнюю самостоятельность, это положение может в любой момент измениться.

В-шестых, в настоящее время Дания является слабым звеном северных стран Европы и не способна противостоять давлению США. Американская администрация уже не воспринимает Данию как достойного союзника в зоне Арктики в отличие, например, от Норвегии. Аналитики отмечают, что именно этим обстоятельством вызваны появившиеся претензии США на Гренландию, тогда как претензий на норвежский Шпицберген Трамп ни разу не озвучивал¹⁹ (Белухин, 2025). По сравнению с Норвегией Дания отличается избыточной бюрократичностью всех принимаемых решений, необязательностью их выполнения и отсутствием достаточных финансов для реализации своих обязательств. В таких условиях Дания не имеет политических козырей для отстаивания своего приоритета в отношении Гренландии.

В-седьмых, между континентальной Данией и Гренландией накопилось большое число противоречий и конфликтов. Перечислять все столкновения между территориями не имеет смысла, укажем лишь на некоторые из них:

- вопрос адекватного политического представительства Гренландии для отстаивания ее интересов в Арктике и, в частности, в Арктическом совете;
- требования гренландцев об их более активном участии в обеспечении безопасности острова;
- требование обеспечения равенства датского и гренландского языков, а также хроническая неспособность центрального

¹⁹ Белухин Н.Е. (2025). Гренландское зеркало американских интересов // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nikita-belukhin-grenlandskoe-zerkalo-amerikanskikh-interesov/>

правительства создать инфраструктуру синхронных переводов (Белухин, 2025);

- конфликты на почве действий ювенальной юстиции: в 2022 году по результатам тестирования родителей 5,6% детей гренландского происхождения были изъяты и переданы под опеку против 1% среди датчан²⁰.

Все это повышает шансы США на отсоединение Гренландии от Дании. При этом ответные меры центрального руководства Европейского государства носят преимущественно гуманитарный характер через устойчивое развитие Гренландии, зеленую энергетику и поддержку коренных народов при балансе внешнего давления и союзнических обязательств (Гриняев, Журавель, 2025). Очевидно, что такая пассивная политика не сможет остановить США.

К сказанному можно добавить несколько штрихов.

Во-первых, среди скандинавского населения английский язык является вторым (рабочим) языком и почти все его довольно хорошо знают. В этом смысле для гренландцев переход в англоязычную юрисдикцию будет отнюдь не таким болезненным, как это можно было бы предполагать. Скорее всего, с английским языком у островитян будет проблем даже меньше, чем с датским.

Во-вторых, предполагаемые американские дотации жителям Гренландии в размере 1 млн долл. на человека являются очень сильным аргументом. Дело в том, что для населения в 55,6 тыс. чел. это будет колоссальным рывком в уровне благосостояния, а для США необходимая сумма составит всего лишь 1% от доходов федерального бюджета 2025 года (5,24 трлн долларов)²¹. Такой «подкуп» населения может склонить чашу весов в пользу добровольного присоединения острова к США.

В-третьих, Штаты обладают возможностями решить многие застарелые и раздражающие проблемы жителей Гренландии.

Например, обеспечение полноценного интернет-покрытия на территории острова. Благодаря оборудованию компании SpaceX качество мобильной связи у островитян может улучшиться.

Рассмотренные выше факты говорят о том, что у США имеются все возможности для присоединения Гренландии. Вопрос состоит лишь в том, за какой срок, с какими издержками и в какой форме это будет сделано.

Поглощение Канады: *pro et contra*

Второй страной для присоединения к Соединенным Штатам в риторике Трампа фигурирует Канада. Несмотря на кажущуюся невозможность этого проекта, имеются обстоятельства, которые способствуют его реализации. Совсем кратко рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, США и Канада уже достигли рекордной политической и экономической интеграции. Например, Джон Макдугалл справедливо утверждает, что Канада участвует в процессе политической повестки «по умолчанию» (McDougall, 2020). Речь идет о вынужденной гармонизации политик Канады и США, что ставит под вопрос о канадской независимости во многих сферах. Более того, существующая зависимость канадской экономики от экономики Соединенных Штатов продуцирует дальнейшее укрепление сотрудничества двух стран (Филина, 2022).

Во-вторых, у США и Канады синхронизированы институты коллективной безопасности и их регулирование, а также налажено максимально тесное сотрудничество по данному направлению – обмен разведывательными данными, обеспечение безопасности границ и правоохранительной деятельности, борьба с терроризмом. Эксперты подчеркивают, что в основе такой синхронизации лежит общность институтов, идентичности и интересов двух стран (Хлопов, 2022).

²⁰ Власти Дании отобрали младенца у матери-гренландки сразу после родов // Российская газета. URL: https://rg.ru/2025/08/25/vlasti-danii-otobrali-mladenca-u-materi-grenlandki-srazu-posle-rodov.html?ysclid=mppu4hdtprv891236949&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F

²¹ О бюджете США за 2025-й финансовый год: дефицит составил более 25% // EurAsia Daily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2025/10/27/o-byudzhetze-ssha-za-2025-y-finansovyy-god-deficit-sostavil-bolee-25>

Такая конфигурация системы коллективной безопасности предполагает ее модификацию только в одном направлении – укреплении дальнейшей интеграции.

В-третьих, между США и Канадой установилось чрезвычайно тесное научное сотрудничество, которое в настоящий момент вряд ли удастся разорвать, но, наоборот, можно углубить. Так, в редакционной статье авторитетнейшего журнала «Science» утверждается, что главным партнером канадской науки являются Соединенные Штаты. По данным канадской библиометрической базы данных Web of Science, за последние 5 лет 27% всех канадских научных публикаций были написаны в соавторстве с американскими коллегами; также реализуются масштабные программы сотрудничества и совместных исследовательских проектов по важнейшим научным направлениям – изучению Великих озер, Арктики, космоса, здравоохранения, мониторинга климата, искусственного интеллекта, субатомной физики и обмена данными (Quirion, 2025).

В-четвертых, настроения населения Канады нельзя назвать однозначным в отношении возможной интеграции их страны в США. Так, согласно опросу 2025 года компании Ipsos, 30% канадцев проголосовали бы за вступление своей страны в США, если бы Вашингтон гарантировал им американское гражданство и перевод сбережений в американские доллары; в возрастной группе от 18 до 34 лет этот показатель достигает 43%. Примечательно, что 21% опрошенных считают, что объединение Канады и Соединенных Штатов в единое государство – это лишь вопрос времени²².

В-пятых, объединение двух стран не сопряжено с языковыми проблемами, ибо английский используется в обеих странах. Наличие франкоязычной части населения в Канаде периодически дает о себе знать, но не ведет к устойчивым сепаратистским настроениям.

Сказанное недвусмысленно говорит о том, что предпосылки объединения США и Канады имеются и вопрос состоит лишь в том, насколько комфортной будет конкретная модель интеграции.

Поглощение Австралии: *pro et contra*

Хотя в отношении Австралии президент Трамп ни разу не высказывался, именно эта страна остро нуждается в трансформации, а, быть может, и в интеграции с США. Напомним, что еще С. Хантингтон относил Австралию к разряду разорванных стран (Хантингтон, 2024). «Разрыв» наиболее отчетливо обозначился еще в начале 1990-х годов, когда политические лидеры Австралии решили, что их стране следует «переопределиться» – оставить Запад и стать азиатским обществом. Эта позиция приняла форму так называемого выбора *Китинга-Эванса*, введенного в научный оборот Хантингтоном в честь его авторов – премьер-министра Австралии Пола Китинга и министра иностранных дел того времени Питера Эванса. Выбор предполагал политический курс на слияние Австралии с Азией.

Данный исторический курьез показывает, что уже к концу XX века австралийское население потеряло свою самоидентификацию. Неудивительно, что австралийцы с явно выраженным западным менталитетом не могут в одночасье влиться в азиатскую культуру. В связи с этим страна оказалась между Сциллой и Харибдой: с одной стороны, она сохранилась, по словам Пола Китинга, в качестве «филиала империи», а с другой – стала, по выражению Ли Кван Ю, «Новым белым отречьем Азии» (Хантингтон, 2024). За прошедшие 30 лет разорванность Австралии еще больше увеличилась. Азиатская направленность страны и успехи Китая привели к частичной потере лояльности континента своему стратегическому партнеру – США. Канберра считает, что эпоха главенства США подошла к концу и

²² Насколько реально вхождение Канады в состав США. Трамп предлагает сделать соседнюю страну 51-м штатом, и часть канадцев не против // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/02/2025/679d15419a7947932cb1bfd?ysclid=mlfdw19r6z878538247>

регион стал многополярным, когда более глубокая экономическая интеграция с КНР способствует не только внутреннему и региональному процветанию, но и стабильности и безопасности (Laurenceson, 2025).

Сейчас нет точной статистики, сколько в Австралии этнических китайцев. По имеющимся данным, к 2016 году их насчитывалось 1,2 млн чел, что соответствовало 5% населения страны (Каткова, 2018). По более свежим оценкам, к 2026 году эта цифра поднялась до 7%, а доля всех жителей из азиатских стран составляет 30%²³. Учитывая, что это некие минимальные оценки на фоне отказа правительства от политики «Белой Австралии», то истинный масштаб китайизации континента может быть кратно больше, что делает в обозримой перспективе переход Австралии под патронаж Китая абсолютно реальным. Уже сегодня самыми крупными этническими группами, вовлеченными в иммиграционный конфликт, являются итальянцы, китайцы и индийцы с быстрым ростом населения в последние годы²⁴. Эти факты несут в себе стратегические риски для США, в связи с чем они вынуждены будут реагировать на возникшую ситуацию.

Чтобы лучше понять стратегические выгоды от конкурирующих объединений США и Китая с Австралией, обратимся к *таблице 3*.

Очевидно, что если США упустят Австралию, а Китай перехватит интеграционную инициативу, то положение гегемона станет по-настоящему угрожающим. По площади территории объединение Китай

+ Австралия станет почти в 2 раза больше США, по населению – в 4,2 раза, а по обеспеченности природных ресурсов будет достигнут примерный паритет. Если же США смогут включить Австралию в свой состав, то Китай по численности населения будет превышать новое объединение в 3,8 раза, однако по площади территории и запасам природных ресурсов – уступать в 1,8 и 2,8 раза соответственно. Вывод прост: кто включит в свой состав (зону влияния) Австралию, тот и будет глобальным лидером в предстоящие десятилетия.

Что касается реалистичности присоединения страны-континента к Штатам, то рассмотренные выше факты говорят, что этот проект отнюдь не утопия. Здесь можно выделить несколько пунктов.

Первый – психологический и культурный. Обладая западным менталитетом, австралийское население три десятилетия не может определиться с культурным аспектом. Находясь в отдалении от основных центров ослабевающего Запада, она все больше вовлекается в орбиту влияния усиливающейся Азии и, прежде всего, Китая. Интеграция с США поставила бы крест на этой неопределенности. В случае, если она будет сопровождаться интенсификацией взаимных инвестиционных потоков, то победа Австралии будет очевидной, при этом контакты с Азией прерывать совершенно необязательно.

Второй – языковой. США и Австралия – англоязычные государства и их объединение не вызовет культурного шока у населения ни той, ни другой страны.

Таблица 3. Параметры предполагаемых территориальных объединений

Страна	Площадь территории, млн км ²	Население, млн чел.	Запасы природных ресурсов, трлн долл.
США	9,1	341,2	45,0
Китай	9,6	1404,9	23,0
США + Австралия	16,8	368,4	64,0
Китай + Австралия	17,3	1432,1	42,9
Составлено по: данные таблиц 1 и 2.			

²³ Behind the Poetic Words: The End of the Earth (Part II) // Wen Wei Po. URL: <https://www.wenweipo.com/a/202602/03/AP6981046ee4b04d7d56d187f3.html>

²⁴ Там же.

Третий – военный. Благодаря вхождению в блок AUKUS Австралия незаметно превратилась в ядерную державу. Это обстоятельство превращает континент в американский форпост в южном полушарии, который ни при каких условиях нельзя отдать геополитическому конкуренту в лице Китая.

Четвертый – экономический. Австралия представляет собой крайне специфичное географическое образование с довольно хрупкой экологией (Даймонд, 2023). Данный факт приводит к необходимости реализации на континенте массы мегапроектов. Например, Австралия устанавливает своеобразные рекорды по строительству грандиозных опреснительных заводов²⁵, реализует крупные проекты по строительству аэропортов, автомобильных и железнодорожных линий, включая железнодорожные и автомобильные туннели под гаванью с беспилотными скоростными поездами²⁶. Государство стало лидером в сланцевой добыче газа и рынка СПГ (Погосян, 2020). Оно развивает морской сектор в качестве одного из драйверов роста путем использования энергии волн и приливов океана и формирования на этой основе «голубой экономики» (Шарыгина, 2021). Все это создает грандиозный рынок для технологий и инвестиций из США.

Сказанное выше говорит о том, что у Вашингтона имеются реальные возможности для присоединения Австралии. Вопрос состоит лишь в том, насколько эффективно и деликатно это будет сделано.

Обсуждение результатов

Еще 10 лет назад проект ВО был бы воспринят как абсолютно фантастический, однако в условиях переформатирования старого мирового порядка он представляется чуть ли не единственным достойным отве-

том США на усиление Китая. Так, по данным МВФ, ВВП Китая впервые превысил ВВП США на 2,2% в 2016 году, а в 2025 году преимущество «Поднебесной» уже составило 34,0%²⁷. Это означает, что время работает на пользу азиатской страны, и при сохранении сформировавшегося производственного тренда, в 2035 году ВВП Китая будет превосходить соответствующий показатель США примерно на 70%, а это уже недопустимое отставание для Вашингтона.

Изложенное выше показывает, что проект ВО весьма желателен для США, выгоден поглощаемым территориям и вполне реализуем. В связи с этим напомним, что Джордж Оруэлл, в своем знаменитом романе, вывел три тоталитарных государства: Евразия, Остзия и Океания. Состав последней близок к рассматриваемому проекту ВО²⁸. Так, в Океанию входят, прежде всего, США, Канада и Австралия, а Гренландия относится к спорным территориям, за которые воюют три державы. Данный факт говорит о том, что уже к середине XX века глобальный расклад сил на планете был хорошо виден и предсказуем. Похоже, что сейчас футурологическое предсказание Оруэлла обретает зримые контуры.

Вместе с тем можно смело констатировать, что сегодня США совершенно не готовы к реализации проекта ВО. Для этого требуется выполнение нескольких условий.

Во-первых, необходимо достижение окончательного консенсуса между официальным и глубинным государством США, равно как и между демократами и республиканцами в отношении необходимости проекта ВО. Сегодня частичное обнародование данного проекта Трампом говорит о том, что в политическом истеблишменте Соединенных Штатов имеется серьезный запрос на подобную инициативу, однако

²⁵ Грандиозная стройка опреснительных заводов в Австралии // Fishki.net. URL: <https://fishki.net/3706461-grandioznaja-strojka-opresnitelnyh-zavodov-v-avstralii.html?ysclid=mpsblem4sv146446853>

²⁶ Инфраструктурный бум Австралии, может ли страна позволить себе столь дорогостоящее строительство транспортных и дорожных объектов? // За рубежом. URL: <https://zarubejom.ru/articles/infrastrukturnyy-bum-avstralii/?ysclid=mpsbrityfc147504599>

²⁷ List of countries by past and projected GDP (PPP) // Wikipedia. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_past_and_projected_GDP_\(PPP\)#cite_note-IMF_Data-1](https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_past_and_projected_GDP_(PPP)#cite_note-IMF_Data-1)

²⁸ Оруэлл Дж. (2024). 1984. Москва: Азбука. 352 с.

непоследовательность позиции американского президента по этому вопросу вскрывает отсутствие единства позиций разных групп влияния. Не исключено, что правление Трампа станет временем консолидации политических элит страны вокруг проекта ВО и ознакомления мира с этой идеей, тогда как реализация замысла ляжет на плечи последующих администраций.

Во-вторых, власти США должны *окончательно перейти от деструктивной к конструктивной форме* экспансионистской политики. Похищения президентов других стран (Венесуэла), угрозы их правительствам (Куба и Панама), бомбардировки территории (Иран) должны смениться стремлением к объединению своих «генетических» союзников и построением модели их эффективной интеграции в действующую институциональную конфигурацию страны. Уже сегодня США воспринимаются во всем мире как агрессивное государство, неограничивающее себя какими-либо обязательствами, что делает небезопасным заключение с ним стратегических союзов. Практикуемые Вашингтоном политический шантаж и вмешательство в дела других государств уже максимально приблизили мир к ядерной катастрофе. В этих условиях масштабные мирные интеграционные инициативы осуществить практически невозможно.

В-третьих, политические элиты США должны восстановить феномен дипломатии, который был ими уничтожен в предыдущие десятилетия. За это время Вашингтон отвык учитывать чужие интересы и вести конструктивные переговоры, предпочитая вместо этого оказывать силовое давление на своих политических контрагентов. При интеграции дополнительных территорий в свой состав США будут вынуждены согласовывать свои и чужие претензии, предлагать бонусы присоединяемым странам, демонстрировать к ним уважение, идти на компромиссы и т. п. Это потребует серьезной перестройки работы внешнеполитического блока страны. Пока грубые и провокационные заявления Трампа действуют в

обратном направлении, а именно вызывают категорическое отторжение политики присоединения к США как у правительств, так и у населения территорий, намеченных к присоединению.

В-четвертых, реализация проекта ВО требует наличия у Вашингтона соответствующего концептуального документа (плана), в котором были бы детально проработаны стратегия и тактика интеграции новых территорий. Уже сейчас очевидно, что данный проект будет поэтапным и многоступенчатым. Например, сначала следует интегрировать Гренландию, потом Канаду и в конце Австралию. Успех интеграции одной территории будет служить основанием для интеграции следующей. При этом присоединение, например, Гренландии, как уже говорилось выше, будет осуществляться за несколько шагов: сначала получение независимости острова от Дании, затем приобретение статуса самоуправляемой территории под патронажем США, а через некоторое время статуса неинкорпорированной организованной территории США с предоставлением статуса штата. При этом, скорее всего, Канада и Австралия будут интегрированы как совокупность штатов в соответствии с имеющимися у них историческими территориальными делениями. Параллельно следует рассмотреть валютные вопросы, синхронизацию налоговых систем и т. п. Сегодня такой программы в США нет, хотя ее разработка не представляет принципиальной проблемы и не потребует много времени.

Выполнение перечисленных условий не представляет собой ничего экстраординарного, необходимо лишь согласие политических элит Америки по поводу необходимости проекта ВО. Если оно не будет достигнуто в ближайшее время, то мы станем свидетелями циклических вспышек активности будущих хозяев Белого Дома в отношении присоединения новых территорий с последующим их угасанием без каких-либо реальных достижений. Однако такие инициативы будут заметно дестабилизировать геополитическую обстановку.

Отметим еще один аспект проблемы. Рассмотренные выше сценарии переформатирования геополитического пространства преследуют очевидную цель – овладение всеми ресурсами, непосредственно связанными с территориями. Однако за этой целью стоит более глубинная проблема – борьба за технологическое лидерство КНР и США. Победитель в этой гонке захватит и удержит первенство в качестве страны-гегемона на долгие годы вперед со всеми вытекающими из этого последствиями. Уже сегодня многие технологические проекты двух стран-гигантов упираются в дефицит природных запасов. В связи с этим конкуренция за ресурсы и передовые технологии превращается в единый процесс, чем и обусловлена актуальность экспансионистских стратегий США. В этом смысле для КНР и США отказ от борьбы за новые территории равносителен отказу от борьбы за технологическое лидерство. Указанное противостояние усугубляется борьбой за глобальный эффект масштаба, овладение которым позволяет значительно поднять экономическую эффективность национальной экономики, что и является залогом высокой конкурентоспособности страны на глобальных геоэкономическом и геополитическом рынках.

В заключение нельзя не затронуть вопрос о ценности проведенного исследования, которая может быть рассмотрена в двух измерениях. С одной стороны, польза представленного анализа состоит в осмыслении основных параметров конкретного интеграционного проекта США, с другой – сама методология подобного препарирования сценариев глобального передела мира имеет универсальное звучание и может быть распространена и на другие подобные проекты. Предложенный подход является точкой отсчета для задачи сценарного прогнозирования геополитического и геоэкономического развития в условиях высокой неопределенности и постоянных гибридных войн. Он основан на представлении будущего как набора возможных сценариев (вариантов) развития с их последующим содержательным анализом. Например, рассмотренный в

статье сюжет интеграции геополитического пространства под эгидой США в будущем может не реализоваться и не превратиться в определяющий вариант развития в глобальном масштабе, однако разработка нескольких подобных сценариев с определением их вероятностей может стать новым регулярно используемым методом глобального прогнозирования. В этом смысле представленный подход может стать началом полезной практики изучения вариантов и перспектив глобального экономического развития.

Заключение

В статье рассмотрена возможность сохранения США своей геополитической гегемонии за счет реализации проекта Великого Объединения, предполагающего присоединение к стране трех новых территорий – Гренландии, Канады и Австралии. Показано, что этот проект является фактически единственным шансом для США перезапустить цикл накопления капитала в рамках своей юрисдикции. Отмечено, что подобное объединение привело бы к переформатированию глобального рынка природных ресурсов в пользу США с сохранением их неоспоримого первенства. Обосновано, что понятие сделки, постоянно артикулируемое Трампом в его политической риторике, полностью укладывается в исторические традиции США по расширению территории.

Отдельное рассмотрение ситуации с Гренландией, Канадой и Австралией показывает, что эти территории имеют свои уязвимые места, следовательно, могут быть заинтересованы во вхождении в состав США, делая проект Великого Объединения вполне реализуемым. Вместе с тем подчеркивается, что реализация названного проекта требует выполнения четырех условий, которые пока отсутствуют. Первое – достижение окончательного консенсуса в среде политических элит США в отношении необходимости проекта ВО. Второе – власти США должны осуществить переход от деструктивной к конструктивной форме экспансионистской политики (от силовых методов

к созидательной интеграции). Третье – политические элиты США должны вернуться к цивилизованной дипломатии, предусматривающей учет чужих интересов, ведение конструктивных переговоров, демонстрацию уважения к партнерам, готовность идти на компромиссы. Четвертое – наличие у Вашингтона соответствующего концептуального документа (плана) с детально про-

работанными стратегией и тактикой интеграции новых территорий.

В случае невыполнения перечисленных условий мир станет свидетелем периодически вспыхивающего и затухающего интереса будущих администраций Белого Дома в отношении присоединения новых территорий. Это будет вносить весомый вклад в обострение геополитической обстановки.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Б. (2017). Конструирование моральной паники в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. Т. 62. № 2. С. 55–64.
- Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. Москва: Издательский дом «Территория будущего». 472 с.
- Арриги Дж. (2009). Послесловие ко второму изданию «Долгого двадцатого века» // Прогнозис. № 1 (17). С. 34–50.
- Балацкий Е.В. (2018). Концепция циклов накопления капитала Дж. Арриги и ее приложения // Terra Economicus. Т. 16. № 1. С. 37–55.
- Белухин Н.Е. (2024). Ближе к Вашингтону, чем Брюсселю? Сравнительный анализ парадипломатии Гренландии и Фарерских островов // Анализ и прогноз. ИМЭМО РАН. № 4. С. 57–72.
- Гриняев С.Н., Журавель В.П. (2025) Геополитическая трансформация Арктики и стратегия Дании в условиях глобальной конкуренции // Общественные науки и современность. № 5. С. 7–16.
- Даймонд Дж. (2023). Коллапс. Почему одни общества приходят к процветанию, а другие – к гибели. Москва: АСТ. 864 с.
- Каткова Е.Ю. (2018). Роль китайской диаспоры в формировании новой иммиграционной политики Австралии // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения, Т. 18. № 3. С. 642–655.
- Корецкая О.В. (2017). Лингвостилистические особенности политической риторики Дональда Трампа // Преподаватель ХХ век. № 2. С. 349–355.
- Мягков В.Ю. (2025). «Гренландский вектор» геоэкономической стратегии США // Российский внешне-экономический вестник. № 2. С. 61–68.
- Погосян А. (2020). Сжиженные надежды: австралийский рынок СПГ в условиях энергоперехода // Энергетическая политика. Т. 154. № 12. С. 74–83.
- Филина А.Д. (2022). Противоречия в американо-канадских экономических отношениях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. № 4. С. 117–121.
- Хантингтон С.Ф. (2024). Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ. 640 с.
- Хлопов О.А. (2022). Сотрудничество США и Канады в области безопасности: роль институтов и идентичности // International Journal of Humanities and Natural Sciences. Т. 3-2. № 66. С. 81–88.
- Шарыгина А.Т. (2021). Перспективы развития в Австралии возобновляемой энергии океана // Ученые записки Международного банковского института. Т. 38. № 4. С. 124–143.
- Gricius G. (2025). Constructing low tension: The role of experts and narratives in the case of Greenland. *The Nordic International Studies Association*, 60, 4, 647–674. DOI: <https://doi.org/10.1177/00108367251364175>
- Laurenceson J. (2025). Ambiguous alignment: Australia navigating US–China rivalry in the post-AUKUS era. *China International Strategy Review*, 7, 16–30.
- McDougall J. (2020). *Drifting Together: The Political Economy of Canada-US Integration*. Toronto: University of Toronto Press.
- Quirion R. (2025). Uphold US-Canada science. *Science*, 387, 6739, 1127.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Российская Федерация, 117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; e-mail: EVBalatsky@imemo.ru)

Balatsky E.V.

THE EXPANSIONIST POLICY OF D. TRUMP AND THE RESHAPING OF THE GLOBAL GEOPOLITICAL LANDSCAPE

At present, the geopolitical landscape is being reshaped and state borders are being redrawn, which is giving rise to fundamentally new decisions by the political leadership of many countries. In the context of this problem, the article examines the possibility of the United States of America maintaining its geopolitical hegemony through the implementation of the Great Unification project, which envisages the accession of three new territories – Greenland, Canada, and Australia. The research shows that this project is virtually the only chance for the United States to restart the capital accumulation cycle within its existing jurisdiction. The paper demonstrates that such an unification would lead to a reconfiguration of the global natural resource market in favor of the United States, securing its undisputed leadership. The notion of a deal, constantly articulated by Trump in his political rhetoric, fits entirely within the historical traditions of the U.S. territorial expansion. A separate examination of the situation with Greenland, Canada, and Australia indicates that these territories have their own vulnerabilities and may therefore be interested in joining the United States, which makes the Great Unification project quite feasible. At the same time, the article emphasizes that the implementation of the said project would require the fulfillment of four conditions that are currently absent: reaching a final consensus among the U.S. political elites regarding the necessity of the Great Unification project; the shift of the U.S. authorities from a destructive to a constructive form of expansionist policy (from coercive methods to constructive integration); the return of the country's political elites to civilized diplomacy, which entails taking into account the interests of others, conducting constructive negotiations, demonstrating respect for partners, and being ready to compromise; and Washington's possession of an appropriate conceptual document (plan) with a detailed strategy and tactics for the integration of new territories. The work notes that if these conditions are not met, periodic outbursts of interest among future White House occupants regarding the annexation of new territories will be observed, which will significantly contribute to the overall destabilization of the geopolitical situation. The merging of large territories into unified states may become the main factor of human development over the next 2–3 decades.

Great Unification project, United States of America, geopolitical hegemony, deal.

REFERENCES

- Alekseev A.B. (2017). Constructing moral panic in political discourse. *Politicheskaya lingvistika*, 62(2), 55–64 (in Russian).
- Arrighi G. (2006). *Dolgi dvadtsatyi vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni* [The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Time]. Moscow: Izdatel'skii dom "Territoriya budushchego".
- Arrighi G. (2009). Afterword to the second edition of The Long Twentieth Century. *Prognosis*, 1(17), 34–50 (in Russian).
- Balatsky E.V. (2018). The concept of capital accumulation cycles by J. Arrighi and its applications. *Terra Economicus*, 16(1), 37–55 (in Russian).

- Belukhin N.E. (2024). Is it closer to Washington than Brussels? Comparative analysis of the paradiplomacy of Greenland and the Faroe Islands. *Analiz i prognoz. IMEMO RAN*, 4, 57–72 (in Russian).
- Diamond J. (2023). *Kollaps. Pochemu odni obshchestva prikhodyat k protsvetaniyu, a drugie – k gibeli* [Collapse. How Societies Choose to Fail or Survive]. Moscow: AST.
- Filina A.D. (2022). Contradictions in the US-Canadian economic relations. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo*, 4, 117–121 (in Russian).
- Gricius G. (2025). Constructing low tension: The role of experts and narratives in the case of Greenland. *The Nordic International Studies Association*, 60, 4, 647–674. DOI: <https://doi.org/10.1177/00108367251364175>
- Grinyaev S.N., Zhuravel' V.P. (2025) The geopolitical transformation of the Arctic and Denmark's strategy in the context of global competition. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5, 7–16 (in Russian).
- Huntington S.P. (2024). *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of Civilizations]. Moscow: AST.
- Katkova E.Yu. (2018). The role of the Chinese Diaspora in shaping Australia's New immigration policy. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 18(3), 642–655 (in Russian).
- Khlopov O.A. (2022). U.S.-Canadian security cooperation: The role of institutions and identity. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 3-2(66), 81–88 (in Russian).
- Koretskaya O.V. (2017). Linguistic and stylistic features of Donald Trump's political rhetoric. *Prepodavatel' XX vek*, 2, 349–355 (in Russian).
- Laurenceson J. (2025). Ambiguous alignment: Australia navigating US–China rivalry in the postAUKUS era. *China International Strategy Review*, 7, 16–30.
- McDougall J. (2020). *Drifting Together: The Political Economy of Canada-US Integration*. Toronto: University of Toronto Press.
- Myagkov V.Yu. (2025). The “Greenland vector” of the U.S. geo-economic strategy. *Rossiiskii vneshne-ekonomicheskii vestnik*, 2, 61–68 (in Russian).
- Pogosyan A. (2020). Liquefied hopes: The Australian LNG market in terms of energy transition. *Energeticheskaya politika*, 154(12), 74–83 (in Russian).
- Quirion R. (2025). Uphold US-Canada science. *Science*, 387, 6739, 1127.
- Sharygina A.T. (2021). Prospects for the development of renewable ocean energy in Australia. *Uchenye zapiski Mezhdunarodnogo bankovskogo instituta*, 38(4), 124–143 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO) (23, Profsoyuznaya Street, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: EVBalatsky@imemo.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.3

УДК 332.1 | ББК 65.049

© Белоусова Е.А.

ОЦЕНКА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА БЕЛОУСОВА

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: Belousova-unir@usue.ru

ORCID: 0000-0001-5355-5243; ResearcherID: W-2254-2019

Одной из важных характеристик экономического благополучия муниципального образования является пространственная сбалансированность, поскольку она отражает пропорциональность развития муниципальной экономики в пространстве. Цель статьи – оценка данного показателя. Методологически исследование базируется на положениях пространственно-временного и системного подходов, а также теории региональной экономики. Пространственная сбалансированность муниципального экономического развития определена как пропорциональность распределения регионального воспроизводственного процесса между муниципальными образованиями, которая позволяет обеспечить соразмерные экономические результаты для населения, проживающего на их территории. Оценку предложено производить на основе расчета среднего отклонения от единицы индексов присутствия по социально-экономическим показателям, отражающим стадию воспроизводства. Предложенные определение и методика оценивания составляют научную новизну исследования. Методика апробирована на данных 69 муниципальных образований Свердловской области за 2010, 2015, 2020–2024 гг., что позволило провести сравнение текущей пространственной сбалансированности с периодом активного экономического роста. Результаты анализа показали, что в целом пространственная несбалансированность снижалась, но с 2024 года начала расти. Среди антилидеров по пространственной сбалансированности находятся городской округ Верхняя Пышма, городской округ Рефтинский, муниципальный округ Заречный и Верхнесалдинский муниципальный округ. Они концентрируют большой объем инвестиций и продукта реального сектора, что, с одной

Для цитирования: Белоусова Е.А. (2026). Оценка пространственной сбалансированности в контексте экономического благополучия муниципальных образований // Проблемы развития территории. Т. 30. № 4. С. 29–43. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.3

For citation: Belousova E.A. (2026). Assessment of spatial balance in the context of the economic well-being of municipalities. *Problems of Territory's Development*, 30(4), 29–43. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.3

стороны, обеспечивает экономический рост, а с другой – существенно увеличивает антропогенную нагрузку и в долгосрочной перспективе может оказать негативное влияние на их устойчивость. Определено, что потребление традиционно концентрируется в административном центре региона, а в целом по региону в значительной степени формируется нерезидентами. Также выявлена тенденция к относительно стабильному и равномерному распределению доходов местного бюджета у практически 90% муниципальных образований.

Муниципальное образование, регион, пространственное развитие, экономическое пространство.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01430, <https://rscf.ru/project/25-28-01430/>.

Введение

Экономическое благополучие муниципального образования является конструктом, разрабатываемым для оценки экономического прогресса на микроуровне в теоретических рамках концепции устойчивого развития (Belousova, 2022). Одним из средств достижения экономического благополучия выступает сбалансированное пространственное развитие, поскольку оно направлено на формирование и совершенствование системы расселения, системы размещения производственной и непроизводственной деятельности, инфраструктурного каркаса. Связь между пространственным и устойчивым развитием проявляется в том, что устойчивое развитие задает цели, осуществление которых происходит на физическом базисе и зависит от его возможностей. Сбалансированное пространственное развитие, в свою очередь, позволяет решать задачи в социальной (обеспечение доступности услуг при размещении объектов социальной инфраструктуры, комфорт проживания при строительстве жилья и др.), экологической (обеспечение равномерной антропогенной нагрузки на окружающую среду и оптимизация использования ограниченных природных ресурсов) и экономической (поддержание пространственной гибкости экономической деятельности, снижение затрат на преодоление пространства) сферах.

С точки зрения материального благополучия, наибольшее значение имеет сбалан-

сированное пространственное развитие экономической сферы. При этом нарастают процессы регионализации (Шабунова и др., 2026), что на муниципальном уровне означает необходимость повышения самодостаточности локальных социально-экономических систем. Пространственная несбалансированность экономического развития может стать препятствием для удовлетворения материальных и нематериальных потребностей местного сообщества, сохранения населения и субъектов экономической деятельности на территории.

Цель исследования – оценка пространственной сбалансированности муниципальных образований Свердловской области. В связи с ней поставлены следующие задачи: 1) обзор литературы для характеристики понятия «пространственная сбалансированность»; 2) определение методики оценки пространственной сбалансированности; 3) осуществление расчетов оценки пространственной сбалансированности муниципальных образований Свердловской области.

Теоретические основы исследования

В словарях слово «баланс» толкуется как «соотношение взаимосвязанных показателей какой-нибудь деятельности, процесса»¹, а также как «полное соответствие, равное соотношение между чем-либо; равновесие»². Однако, по мнению Г.Б. Клейнера, в эконо-

¹ Баланс. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=972> (дата обращения: 20.05.2026).

² Баланс. URL: <https://gramota.ru/meta/balans> (дата обращения: 20.05.2026).

мике не совсем правильно отождествлять сбалансированность и равновесие, поскольку первое относится к элементам системы, а второе – к характеристикам состояния системы (Клейнер, 2015). Сбалансированность Клейнер трактует как соразмерность (пропорциональность) ее структурных компонент (подсистем), которая является необходимым условием для успешного функционирования экономической системы в стратегической перспективе (Клейнер, Рыбачук, 2019, с. 311).

С точки зрения С.В. Белоусовой: «Сбалансированность можно определить как пространственную характеристику, устанавливающую соотношение частей в целом или соотношение взаимно обусловленных элементов, обеспечивающих нормальное существование, функционирование, оптимальную работу чего-либо» (Белоусова, 2014, с. 36), т. е. акцент в интерпретации сбалансированности сделан на соотношении элементов, которое обеспечивает оптимальное функционирование системы.

В общеэкономическом смысле С.М. Баскаков рассматривает сбалансированность как «соответствие установленных параметров системы между собой, изменения которых согласованы и пропорциональны» (Баскаков, 2019, с. 95). Как отмечает исследователь, основу данной дефиниции составляют три структурные и последовательно взаимосвязанные между собой сущностные характеристики: «Во-первых, сбалансированность представляет собой явление, возникновение которого обусловлено объективной экономической реальностью и связано с оптимальной формой функционирования экономики в целом. Во-вторых, сбалансированность – это процесс, направленный на устранение существенных неравенств и диспропорций в развитии экономики. В-третьих, сбалансированность характеризует состояние экономики и ее способность стабильно и гармонично функционировать» (Баскаков, 2019).

Советский классик региональной экономики А.Е. Пробст отмечал, что гармоничность (оптимальная пропорциональность)

всех элементов народного хозяйства заключается в оптимальности соотношения темпов развития (пропорциональности во времени), гармоничной структуры общественного производства (оптимальное соотношение его отдельных отраслей и элементов воспроизводства) и пропорциональности общественного производства в пространстве (гармоничного распределения всего общественного производства по территории всей страны и внутри экономических районов) (Пробст, 1982, с. 8). Следовательно, пространственная сбалансированность означает гармоничное распределение общественного производства по территории. Сбалансированность пространственного развития можно также рассматривать как состояние, обратное пространственной диспропорциональности.

В исследовании А.И. Антипина и Е.А. Шишкиной под диспропорциями пространственного развития регионов понимается несоразмерность социально-экономического положения и инфраструктурной обеспеченности регионов (Антипин, Шишкина, 2024). Ученые используют анализ динамики разрыва максимальных и минимальных значений показателей экономического и инфраструктурного развития регионов для определения величины диспропорций, в т. ч. по таким показателям, как уровень промышленного развития (ВДС), инвестиции, потребление электроэнергии, доля соответствующих нормативам автодорог и показатели уровня жизни (Антипин, Шишкина, 2024).

В значении диспропорции пространственная несбалансированность предстает в исследованиях китайских ученых. Так, Чжо Ин Чень и соавторы рассматривают пространственную дифференциацию эффективности развития и перехода к зеленой и низкоуглеродной экономике муниципалитетов (Chen et al., 2026). Согласно их результатам, пространственную конфигурацию муниципалитетов по эффективности в основном определяют НДС, городское развитие (урбанизация) и потребление (оборот розничной торговли на душу населения).

Особенностью их исследования является характер объекта: в отличие от других подобных работ они проводят анализ не на уровне городских агломераций или точек административно-территориального деления, а городов, расположенных в экономической зоне бассейна реки Янцзы.

Связь между пространственной несбалансированностью концентрации ресурсов (воды и земли) и наличия продовольствия рассмотрена в исследовании На Лян Го и коллег (Guo et al., 2026). Для оценки авторы используют коэффициенты пространственного несоответствия между производством продуктов питания и доступными водными и земельными ресурсами для сельского хозяйства. Отдельную сложность такого исследования составляют расчеты доступных средств. В состав первых входит измерение объема доступной воды из ирригационных систем и количество осадков. Для количественной оценки сельскохозяйственных земельных ресурсов используется общая площадь обрабатываемых земель, уточненная с региональным показателем урожая зерновых культур.

Отметим, что в исследованиях пространственных дисбалансов часто используется термин «пространственное несоответствие» (spatial mismatch) в контексте значительного геопространственного несоответствия (geo-spatial mismatch) между площадью обрабатываемых земель, численностью населения и экономикой, влияющей на устойчивое развитие регионов, что также позволяет интерпретировать пространственную сбалансированность как отсутствие диспропорций концентрации ресурсов (Liu, Yang, 2025; Lei et al., 2026).

Коллектив исследователей Института экономики УрО РАН и Челябинского государственного университета выделяют три причины возникновения пространственных диспропорций: «Развитие по инерции («эффект колеи»); деиндустриализация негативного типа (переход к экспортно-ориентированной сырьевой и полупродуктовой экономике неполного цикла, замещение собственного производства импортом);

перераспределение мобильных факторов производства (труд, капитал и знания) в пользу крупнейших городских центров» (Татаркин и др., 2016, с. 64). В результате на территории региона складываются один (редко два) сверхкрупных компактных ареала (полюса) относительного благополучия с постиндустриальной экономикой, при одновременной стагнации (и даже деградации) обширных сопредельных аграрно-индустриальных территорий, свидетельствующих о наличии серьезных пространственных дисбалансов. Таким образом, происходит изменение не просто морфологии пространства, а сопряженное изменение содержательного экономического, социального и пространственного (изменение конфигурации и пространственной структуры самой территории, ее систем и комплексов) развития (Суворова, 2019, с. 56).

При этом пространственная несбалансированность формируется как наличие пространственных диспропорций одновременно в социально-экономических процессах и конфигурации, структуре пространства, ее системах и комплексах. В работе А.И. Татаркина и соавторов для сводной оценки уровня сбалансированности хозяйственной деятельности двух регионов (Свердловской и Челябинской областей) использованы три системы показателей: социальная, экономическая и экологическая деятельности. Балльная оценка в совокупности с приведенными критериями используется следующим образом: показатели, характеризующие негативные виды экологической деятельности (ухудшение экологической ситуации), при их росте оцениваются на один балл, при сокращении – на три.

В работе Т.В. Усковой и С.С. Патраковой предложено комплексное понимание пространственной сбалансированности как состояния экономического пространства в дуализме статики и динамики, характеризующегося устойчивым и сонаправленным развитием системообразующих элементов, нацеленных на достижение положительных экономических и социальных эффектов (Ускова, Патракова, 2024). При этом требует-

ся соблюдение условий пропорциональности (отсутствие роста диспропорций между сельскими и городскими элементами региональной системы), согласованности целей развития и связности (наличие устойчивых, интенсивных, паритетных связей между элементами). Авторский подход к оценке сбалансированности развития городских и сельских территорий направлен на формализацию данных условий и базируется на использовании двух методов: балльной оценки (исходя из заданных исследователем условий) и расчета интегрального показателя путем агрегирования разнородных показателей.

Дихотомия «сельские – городские территории» часто оказывается в центре исследования пространственной несбалансированности. Так, индонезийские ученые рассматривают пространственный дисбаланс как пространственно-обусловленное неравенство (или пространственную эксклюзию) по доступу к общественным объектам, инфраструктуре и экономическим ресурсам (Sjaf et al., 2025). Авторы разделяют мнение о том, что причины неравенства коренятся в историческом пренебрежении сельскими регионами, концентрации инвестиций в городских центрах и неравномерном распределении ресурсов, что в дальнейшем может усугубить структурную бедность и препятствовать региональному экономическому росту и «пространственной справедливости» (spatial justice). В их исследовании оценка уровня региональной иерархии пространственного неравенства, с учетом доступности объектов инфраструктуры или государственных услуг, рассчитывается на основе шкалограммного анализа. При этом особое внимание уделено сбору данных, для которых была разработана оригинальная методика Data Desa Presisi (DDP). В ее состав входят перепись населения, пространственный подход и участие местного сообщества. Пространственные данные получают с помощью картографирования с использованием дронов – это позволяет создать рабочую карту, которая содержит информацию о номерах строений и

жилых помещений, а также в дальнейшем используется для проведения переписи населения и опросов. Модель пространственного неравенства формируется из расчетов по доступности объектов общественной инфраструктуры и государственных услуг с использованием принципа максимума энтропии; группировок по индексу человеческого развития и оценок социально-экономических условий местного сообщества с использованием индекса экономического равенства Уильямсона (Williamson Index).

Другая ось пространственной несбалансированности – «центр – периферия», в пределах которой проявляется неравенство в социально-экономическом развитии между центральными и периферийными территориями (Bieleman et al., 2026). Пространственная несбалансированность в этой работе оценивается с помощью нарративного анализа, т. к. применен смешанный подход, сочетающий систематический обзор литературы с экспертными интервью по отдельным кейсам в Европейском союзе.

Другой пример пространственной несбалансированности между территориями, отличающимися по характеру расположения, представлен в исследовании по обеспечению услугами здравоохранения в Южной Корее (Kim et al., 2026). Выявлено неравномерное распределение медицинских услуг как между столичными и провинциальными регионами, так и между крупными городскими центрами и сельскими районами. Для этого применен индексный метод и рассчитаны два индекса – несоответствия (DISC), отражающий степень пространственного дисбаланса между предложением и спросом, и несоответствия нагрузки на услуги (DISTRES), показывающий разницу в мощностях между предоставлением услуг и спросом.

В обоих случаях («сельские – городские территории» и «центр – периферия») пространственная несбалансированность в значительной степени обусловлена проблемами с транспортно-коммуникационной связностью. Как отмечается в исследовании на примере Индии, многие сельские и полуго-

родские районы остаются оторванными (не включенными) от основных транспортных магистралей, что ограничивает их социально-экономический потенциал и усугубляет региональное неравенство (Haldar, Mistri, 2026). В анализе перспектив проекта автомагистрали Марракеш – Фес в Марокко показано, что повышение пространственной связности за счет новой транспортной артерии, наряду с улучшением экономической ситуации в прилегающих к ней территориях, может привести к долгосрочным проблемам с большой углеродоемкостью в регионах с высоким темпом роста. Несмотря на сокращение экономического неравенства проект может привести к росту экологического (Arbouch, 2026).

Результаты анализа позволяют говорить о разных типах пространственной диспропорции в зависимости от причины ее возникновения, соответствующей параметрам экономического пространства: расположение (базовый потенциал), изменение связности (внешней и внутренней) или концентрации (ресурсов, населения, экономической деятельности). Кроме того, можно сделать вывод, что используемый в методиках приведенных исследований инструментарий оценки пространственной несбалансированности варьирует в зависимости от понимания сущности пространственной несбалансированности. Применяется как нормативный подход, где используются критерии сбалансированности, так и основанный на измерении размера дисбалансов.

Обзор интерпретаций позволил выделить несколько факторов пространственной сбалансированности: соразмерность компонентов территориальной системы, инклюзивность в региональное пространство (результат в виде ее оптимального функционирования), пропорциональность распределения между территориальными системами (например, между муниципальными образованиями внутри региона). На наш взгляд, пространственную сбалансированность муниципального экономического развития можно трактовать как *пропорциональность распределения регионального вос-*

производственного процесса между муниципальными образованиями, которая позволяет обеспечить соразмерные экономические результаты для населения, проживающего на их территории. Исходя из этого, измерить пространственную сбалансированность можно с помощью оценки пропорциональности участия муниципального образования в региональном воспроизводственном процессе (производстве, распределении, обмене, потреблении).

Предлагаемый теоретический подход и методика отличаются относительной простотой применения и опираются на доступные статистические данные, одновременно с этим позволяя учесть состояние и динамику воспроизводственного процесса как пространственнообразующего.

Материалы и методы

Для оценки пространственной сбалансированности муниципальных рассчитаем индекс пространственной сбалансированности (IP_m), основу которого составляют индексы присутствия, рассчитываемые как отношение доли муниципального образования в региональном показателе к его доле в численности населения региона по следующей формуле:

$$IP_m = \frac{x_{im}/x_m}{y_i/y}, \quad (1)$$

где IP_m – индекс присутствия по показателю m ;

x_{im} – значение показателя m i -ого муниципального образования;

x_m – значение показателя m региона;

y_i – численность населения i -ого муниципального образования;

y – численность населения региона.

Сбалансированным считается значение IP_m , равное 1, при котором население муниципального образования пропорционально участвует в результатах воспроизводственного процесса (например, в потреблении товаров/услуг или получении инвестиций). Значения меньше 1 означают, что население конкретной территории получает меньше инвестиций или меньше потребляет.

Значение выше единицы интерпретируется как непропорционально большая концентрация того или иного процесса на анализируемой территории по сравнению с другими в регионе.

Используемые в индексе пространственной сбалансированности социально-экономические показатели представлены в *таблице 1*, которая отражает стадии воспроизводства.

Таким образом, индекс пространственной сбалансированности должен позволить проанализировать, насколько пропорционально включены муниципальные образования в экономическое пространство региона по основным стадиям воспроизвод-

ственного процесса. Полный алгоритм расчета представлен на *рисунке*.

Уточним формулу расчета индекса пространственной сбалансированности для муниципального образования:

$$ISI = \sum_1^4 \frac{|1-IP_m|}{4}. \tag{2}$$

Информационную базу исследования составили данные муниципальной статистики Свердловскстата за 2010, 2015, 2020–2024 гг. Расчет проводился не для всех муниципальных образований – из вычислений исключены сельские и городские поселения (21 муниципалитет), а также четыре городские округа, являющиеся закрытыми адми-

Таблица 1. Показатели индекса пространственной сбалансированности

Показатель	Стадия воспроизводства
1. Инвестиции в основной капитал, тыс. руб.	Распределение
2. Оборот розничной торговли, тыс. руб.	Обмен, потребление
3. Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства), тыс. руб.*	Производство
4. Продукция сельского хозяйства (в фактически действовавших ценах), тыс. руб.*	Производство
5. Доходы местного бюджета, тыс. руб.	Распределение
* Показатели 3 и 4 суммируются, после чего рассчитывается их доля в аналогичной сумме показателей региона. Такой способ расчета призван компенсировать наличие разных пространственных типов в совокупности муниципальных образований. Источник: составлено автором.	

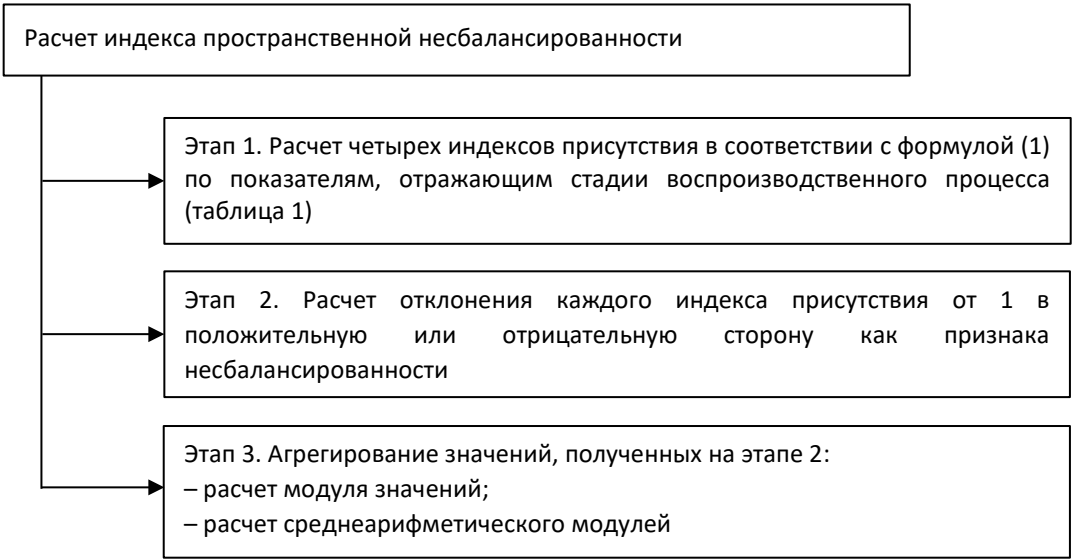

Рис. Алгоритм расчета индекса пространственной сбалансированности
Источник: составлено автором.

нистративно-территориальными образованиями. Итоговая совокупность составила 69 муниципалитетов. Выбранный период позволяет сравнивать тенденции изменения пространственной сбалансированности в последнем пятилетии с периодом экономического роста.

Результаты исследования

На первом этапе были рассчитаны индексы присутствия по стадиям воспроизводственного процесса. Согласно результатам, наибольший вклад в пространственную несбалансированность экономического развития муниципальных образований Свердловской области вносит неравномерность инвестиционного процесса. Отклонение соответствующих индексов присутствия от единицы как значения сбалансированности (в меньшую или большую сторону) в среднем за период составляло от 0,63 до 1,03; в то время как функционирование реального сектора (показатели «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства)» и «Продукция сельского хозяйства (в фактически действовавших ценах)») характеризовалось чуть меньшей неравномерностью – от 0,67 до 0,90; для процесса потребления (оборот розничной торговли) этот интервал был от 0,37 до 0,63; а наименьшую неравномерность имело распределение бюджетных средств – от 0,37 до 0,48. Можно также выделить общую тенденцию к снижению неравномерности на отрезке 2020–2023 гг. по сравнению с 2010–2015 гг. (кроме распределения бюджетных средств, несбалансированность которых демонстрирует тенденцию к стабильности при небольшом размахе интервалов *ISI*).

Лидерами непропорционально высокой концентрации инвестиционных ресурсов выступают промышленные центры: муниципальный округ Заречный, муниципальный округ Среднеуральск, муниципальный округ Верхнесалдинский, городской округ Верхняя Тура, муниципальный

округ Качканарский, муниципальный округ Кушвинский и муниципальное образование «город Екатеринбург». В то же время непропорциональный дефицит особенно заметен в небольших, удаленных или депрессивных территориях: Тавдинский и Тугулымский муниципальные округа, муниципальное образование «Город Алапаевск», муниципальные округа Дегтярск и Пелым, городской округ Верхнее Дуброво, муниципальное образование Махневское, Малышевский муниципальный округ и муниципальный округ Староуткинский.

Анализ показывает, что потребление традиционно концентрируется в административном центре региона – он единственный имеет индекс присутствия выше 1 (в отдельные годы также и близлежащие Арамилский городской округ и муниципальный округ Заречный), наиболее диспропорционально низкий уровень потребления (индекс присутствия менее 0,2) фиксируется в Махневском муниципальном образовании, Красноуфимском муниципальном округе, Ирбитском муниципальном образовании, Таборинском и Камышловском муниципальных районах. Однако диспропорциональная концентрация в муниципальном образовании «Город Екатеринбург» (с индексом 2,1 в 2010–2015 гг.) снизилась до 1,5 в 2020–2023 гг., а в 2024 году опустилась ниже единицы – 0,83. С учетом того что индексы присутствия всех остальных муниципальных образований ниже единицы, выдвинем предположение, что потребление (показатель «Оборот розничной торговли») формируется нерезидентами области.

К числу муниципальных образований, сбалансированных по населению и концентрирующих продукт реального сектора экономики (индекс присутствия в пределах 0,9–1,2), относятся муниципальное образование «Город Екатеринбург», муниципальный округ Богданович, Березовский муниципальный округ, муниципальный округ Ревда; непропорционально высокая концентрация отмечена в городском округе Рефтинский (средний индекс присутствия – 3,8), городском округе Верхняя Пышма (5,3),

Верхнесалдинском муниципальном округе (2,4), Качканарском муниципальном округе (2,3). На протяжении всего рассматриваемого периода низкая концентрация (индекс присутствия меньше или равен 0,2) фиксируется в Таборинском и Слободо-Туринском муниципальных районах, Артинском и Артемовском муниципальных округах, муниципальном округе Верхотурский, Новолялинском, Сосьвинском, Тавдинском, Тугулымском, Шалинском, Бисертском муниципальных округах, муниципальных округах Дегтярск и Карпинск.

Распределение доходов рассчитано через сумму консолидированного бюджета региона (поэтому большинство индексов меньше единицы), однако это позволяет идентифицировать однозначную тенденцию к от-

носительно стабильному распределению – почти 90% муниципальных образований за весь период имеют индекс присутствия по показателю от 0,4 до 0,8. Исключение составляют концентрирующие (и нуждающиеся в нем) большее бюджетное финансирование – Таборинский муниципальный район (средний – 1,39), Волчанский муниципальный округ (1,31), Гаринский муниципальный округ (1,12), а также Асбестовский муниципальный округ и муниципальный округ Первоуральск с непропорционально низкой концентрацией на фоне остальных муниципалитетов (0,39 и 0,38).

Результаты расчета индекса пространственной сбалансированности (*ISI*) на основе индексов присутствия представлены в *таблице 2*.

Таблица 2. Индекс пространственной сбалансированности муниципальных образований Свердловской области

Муниципальное образование	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Байкаловский муниципальный район	0,67	0,49	0,43	0,44	0,39	0,47	0,63
Камышловский муниципальный район	0,79	0,59	0,67	0,56	0,69	0,58	0,70
Нижнесергинский муниципальный район	0,82	0,44	0,46	0,62	0,61	0,58	0,52
Слободо-Туринский муниципальный район	0,72	0,64	0,57	0,53	0,58	0,66	0,68
Таборинский муниципальный район	0,68	0,73	0,59	0,64	0,79	0,73	0,78
Муниципальное образование «Город Екатеринбург»	0,54	0,45	0,41	0,44	0,43	0,38	0,27
Артемовский муниципальный округ	0,71	0,70	0,60	0,66	0,67	0,66	0,66
Артинский муниципальный округ	0,71	0,65	0,61	0,68	0,53	0,64	0,69
Ачитский муниципальный округ	0,69	0,64	0,60	0,61	0,61	0,38	0,55
Белоярский муниципальный округ	0,69	0,59	0,50	0,49	0,37	0,50	0,56
Муниципальный округ Богданович	0,53	0,31	0,31	0,31	0,35	0,36	0,45
Верхнесалдинский муниципальный округ	0,65	1,18	0,87	0,72	1,05	0,67	0,69
Муниципальный округ Верхотурский	0,80	0,53	0,59	0,60	0,63	0,51	0,60
Гаринский муниципальный округ	0,76	0,56	0,43	0,89	0,48	0,49	0,75
Ирбитское муниципальное образование	0,58	0,43	0,36	0,38	0,32	0,45	0,58
Каменский муниципальный округ	0,74	0,58	0,56	0,59	0,62	0,61	0,70
Красноуфимский муниципальный округ	0,74	0,65	0,68	0,82	0,70	0,56	0,70
Невьянский муниципальный округ	0,63	0,58	0,41	0,50	0,46	0,39	0,49
Нижнетуринский муниципальный округ	0,51	0,91	0,43	0,38	0,38	0,36	0,47
Новолялинский муниципальный округ	0,79	0,69	0,64	0,45	0,63	0,64	0,73
Муниципальный округ Горноуральский	0,75	0,64	0,64	0,65	0,65	0,60	0,65
Пышминский муниципальный округ	0,69	0,63	0,54	0,62	0,59	0,57	0,61
Муниципальный округ Ревда	0,61	0,46	0,40	0,38	0,24	0,39	0,68
Режевской муниципальный округ	0,65	0,55	0,54	0,55	0,57	0,53	0,64
Сосьвинский муниципальный округ	0,74	0,65	0,67	0,56	0,65	0,67	0,52
Сысертский муниципальный округ	0,66	0,43	0,39	0,48	0,45	0,44	0,54

Окончание таблицы 2

Муниципальное образование	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Тавдинский муниципальный округ	0,81	0,79	0,72	0,72	0,70	0,74	0,78
Талицкий муниципальный округ	0,74	0,68	0,56	0,57	0,58	0,53	0,63
Тугулымский муниципальный округ	0,77	0,66	0,68	0,71	0,66	0,70	0,72
Туринский муниципальный округ	0,71	0,64	0,58	0,58	0,62	0,64	0,71
Шалинский муниципальный округ	0,75	0,66	0,66	0,68	0,71	0,65	0,68
Муниципальное образование «Город Алапаевск»	0,75	0,74	0,65	0,67	0,64	0,65	0,72
Арамилский городской округ	0,66	0,42	0,22	0,38	0,34	0,31	0,42
Асбестовский муниципальный округ	0,49	0,57	0,55	0,53	0,57	0,53	0,60
Березовский муниципальный округ	0,54	0,45	0,34	0,27	0,30	0,36	0,44
Городской округ Верхняя Пышма	1,86	1,54	1,35	1,30	1,12	0,97	0,98
Муниципальный округ Верхний Тагил	0,77	3,08	0,57	0,48	0,43	0,42	0,36
Городской округ Верхняя Тура	0,74	0,71	0,59	0,42	0,46	0,48	0,40
Волчанский муниципальный округ	0,68	0,69	0,51	0,53	0,60	0,77	0,87
Муниципальный округ Дегтярск	0,83	0,78	0,70	0,72	0,63	0,62	0,70
Муниципальный округ Заречный	2,27	1,83	0,53	0,39	0,40	0,40	0,29
Ивдельский муниципальный округ	0,79	0,50	0,39	0,34	0,33	0,32	0,40
Городской округ «город Ирбит»	0,66	0,57	0,42	0,51	0,44	0,52	0,55
Каменск-Уральский городской округ	0,53	0,50	0,32	0,38	0,36	0,32	0,43
Камышловский городской округ	0,65	0,47	0,50	0,51	0,50	0,44	0,43
Муниципальный округ Карпинск	0,65	0,66	0,56	0,58	0,51	0,58	0,67
Качканарский муниципальный округ	0,90	0,42	0,72	1,04	0,53	0,45	0,54
Кировградский муниципальный округ	0,65	0,58	0,43	0,52	0,52	0,46	0,50
Муниципальный округ Краснотурьинск	0,81	0,37	0,31	0,32	0,36	0,31	0,39
Муниципальный округ Красноуральск	0,43	0,42	0,26	0,30	0,24	0,36	0,45
Городской округ Красноуфимск	0,69	0,71	0,54	0,51	0,57	0,58	0,62
Кушвинский муниципальный округ	0,70	0,53	0,45	0,41	0,40	1,15	0,49
Муниципальный округ Нижняя Салда	1,58	0,71	0,60	0,58	0,67	0,68	0,70
Муниципальное образование «Город Нижний Тагил»	0,58	0,32	0,36	0,36	0,35	0,35	0,52
Муниципальный округ Первоуральск	0,53	0,53	0,40	0,35	0,40	0,35	0,30
Полевской муниципальный округ	0,60	0,48	0,42	0,52	0,43	0,44	0,58
Североуральский муниципальный округ	0,50	1,07	0,35	0,30	0,37	0,36	0,48
Серовский муниципальный округ	0,52	0,38	0,53	0,47	0,44	0,42	0,57
Муниципальный округ Среднеуральск	1,46	1,62	0,29	0,34	0,27	0,61	0,64
Муниципальный округ Сухой Лог	0,39	0,34	0,32	0,34	0,38	0,37	0,39
Бисертский муниципальный округ	0,74	0,55	0,57	0,67	0,62	0,67	0,72
Городской округ Верхнее Дуброво	0,75	0,74	0,62	0,64	0,63	0,62	0,62
Городской округ Верх-Нейвинский	0,68	1,54	1,17	0,45	0,27	0,23	0,28
Малышевский муниципальный округ	0,75	0,72	0,66	0,64	0,65	0,63	0,68
Городской округ Рефтинский	1,48	2,46	1,14	0,95	0,85	0,73	0,69
Муниципальный округ Пелым	0,75	0,69	0,62	0,62	0,62	0,61	0,67
Муниципальный округ Староуткинск	0,81	0,68	0,67	0,67	0,65	0,67	0,67
Махневское муниципальное образование	0,77	0,75	0,75	0,73	0,58	0,64	0,76
Муниципальное образование Алапаевское	0,53	0,38	0,43	0,37	0,45	0,47	0,55
Источник: составлено автором.							

В целом *ISI* имел тенденцию к снижению – с 0,76 в 2010 году до 0,54 в 2023 году и немного вырос в 2024 году – до 0,59. Следовательно, снижается общий уровень несбалансированности экономико-пространственного развития, что повышает уровень экономического благополучия. Из общей совокупности 42% муниципалитетов имеют уровень пространственного неравенства меньше 0,6 (отклонение от 1) в большинстве проанализированных лет. В то же время можно выделить аутсайдеров по пространственной несбалансированности: городской округ Верхняя Пышма (*ISI* постепенно снижается, но все еще высок: от 1,86 в 2010 году до 0,98 в 2024 году), городской округ Рефтинский (средний *ISI* – 1,19), муниципальный округ Заречный (средний *ISI* – 0,87), Верхнесалдинский муниципальный округ (средний *ISI* – 0,83). Концентрируя значительный объем инвестиций и продукта реального сектора, эти территории, с одной стороны, обеспечивают экономический рост, однако при этом значительно увеличивается антропогенная нагрузка, что в долгосрочной перспективе может оказать негативное влияние на их устойчивость. В 2024 году в большинстве муниципальных образований наблюдался рост пространственной несбалансированности и слом тенденции на ее снижение, за исключением Заречного, Рефтинского, Верхней Туры, Верхнего Тагила и Екатеринбурга, что позволяет предположить способность у экономически развитых муниципалитетов сохранять устойчивость траекторий.

Заключение

Теоретическое исследование показало, что пространственные эффекты экономического развития все чаще исследуются в трехкомпонентном разрезе концепции устойчивого развития и подчеркивают

связь пространственной сбалансированности и устойчивого развития. В результате обзора публикаций сформулировано авторское определение пространственной сбалансированности как пропорциональности распределения регионального воспроизводственного процесса между муниципальными образованиями, которая позволяет обеспечить соразмерные экономические результаты для населения, проживающего на их территории. В определении отражены такие сущностные характеристики пространственной сбалансированности как соразмерность компонентов территориальной системы; инклюзивность в региональное пространство, результат в виде ее оптимального функционирования; пропорциональность распределения между территориальными системами (например, между муниципальными образованиями внутри региона).

В соответствии со сформулированным определением предложено оценивать пространственную сбалансированность муниципальных образований с использованием сводного индекса на основе четырех индексов присутствия, каждый из которых соответствует стадии воспроизводственного процесса. В совокупности данный показатель позволяет оценить, насколько пропорционально включены муниципальные образования в экономическое пространство региона.

Анализ, проведенный на данных 69 муниципальных образований Свердловской области за 2010, 2015, 2020–2024 гг., выявил, что пространственный дисбаланс имел тенденцию к снижению, однако в 2024 году начался его рост. При этом наиболее весомый вклад в пространственную несбалансированность вносит распределение инвестиций в региональном экономическом пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

Антипин И.А., Шишкина Е.А. (2024). Стратегическое управление диспропорциями социально-экономического и пространственного развития регионов России // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 247. № 3. С. 179–201. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-247-3-179-201

- Баскаков С.М. (2019). Генезис теории сбалансированности в контексте развития мировой экономической науки // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 5. С. 83–101. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10114
- Белоусова С.В. (2014). Сбалансированность социально-экономического пространства // Вестник Челябинского государственного университета. № 18 (347). С. 33–40.
- Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А. (2019). Системная сбалансированность экономики России. Региональный разрез // Экономика региона. Т. 15. № 2. С. 309–323. DOI: 10.17059/2019-2-1
- Клейнер Г.Б. (2015). Системная сбалансированность экономики: основные принципы // Системный анализ в экономике – 2014: материалы 3-й Международной научно-практической конференции: в 2-х томах, Москва, 13–14 ноября 2014 г. Том I / под ред. Г.Б. Клейнера. Москва: Центральный экономико-математический институт РАН. С. 9–18.
- Пробст А.Е. (1982). Проблемы размещения социалистической промышленности. Москва: Экономика. 216 с.
- Суворова А.В. (2019). Пространственное развитие: содержание и особенности // Journal of New Economy. Т. 20. № 3. С. 51–64. DOI: 10.29141/2658-5081-2019-20-3-4
- Татаркин А.И., Даванков А.Ю., Пряхин Г.Н., Седов В.В., Шумаков А.Ю. (2016). Управление сбалансированным развитием территориальных систем: вопросы теории и практики. Челябинск: ЧелГУ. 295 с.
- Ускова Т.В., Патракова С.С. (2024). Сбалансированность регионального экономического пространства по линии «город – село» // Проблемы прогнозирования. № 1 (202). С. 196–207. DOI: 10.47711/0868-6351-202-196-207
- Шабунова А.А., Ускова Т.В., Кожевников С.А. (2026). О концепции развития журнала: в поиске ответа на современные вызовы // Проблемы развития территории. Т. 30. № 1. С. 7–14. DOI: 10.15838/ptd.2026.1.141.1
- Arbouch M. (2026). Assessing the economic and environmental impacts of improved accessibility: A spatial CGE approach to the Marrakech-Fès highway project in Morocco. *Regional Science Policy & Practice*, 18(3), 100277. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rspp.2025.100277>
- Belousova E.A. (2022). Economic well-being: Semantic environment and research contexts at a municipal level. *Journal of New Economy*, 23(4), 46–68. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-3
- Chen Z., Shi R., Wang Q., Yin S. (2026). Attribution analysis of spatial differentiation in green and low-carbon transition and development efficiency based on geographical detector and random forest models: A case study of the Yangtze River Economic Belt. *Journal of Cleaner Production*, 554, 148103. DOI: 10.1016/j.jclepro.2026.148103
- Guo N., Shi C., Wu F. (2026). Addressing spatial imbalance and alleviation strategies in the water–land–food nexus across China. *Applied Geography*, 189, 103940. DOI: 10.1016/j.apgeog.2026.103940
- Sjaf S., Malik A., Sampean, Harits A., Maulana S.A.B., et al. (2025). Analysis of spatial inequality and rural development in the supporting region for Nusantara Capital City, Indonesia. *Wellbeing, Space and Society*, 9, 100286. DOI: 10.1016/j.wss.2025.100286
- Bieleman M., Pot F., Tillema T. (2026). High-speed rail as a tool for regional development? Motivations, decision-making and spatial effects in Europe. *European Transport Studies*, 3, 100050. DOI: 10.1016/j.ets.2026.100050
- Haldar N., Mistri T. (2026). Spatial dimensions of transport infrastructure and socio-economic development in India: A composite index and spatial modelling approach. *Transportation in Developing Economies*, 12, 11. DOI: 10.1007/s40890-026-00264-6
- Kim H., Oh C., Song Y. (2026). Examining spatial disparities in essential primary care services across multiple geographic scales in South Korea. *Health & Place*, 98, 103630. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2026.103630>

- Lei K., Zhang J., Li Y., Feng X., Yang J., Hou L., Liu J. (2026). Spatial mismatch and inequality between ecological pressure and economic benefits embodied in agricultural trade. *Environmental Impact Assessment Review*, 119, 108379. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2026.108379>
- Liu Z., Yang J. (2025). Revealing geo-spatial disparity responses of cropland area dynamics to regional population size and economic development in China. *Ecological Indicators*, 181, 114394. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2025.114394>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елизавета Александровна Белоусова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, доцент, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62; e-mail: Belousova-unir@usue.ru)

Belousova E.A.

ASSESSMENT OF SPATIAL BALANCE IN THE CONTEXT OF THE ECONOMIC WELL-BEING OF MUNICIPALITIES

One of the important characteristics of the economic wellbeing of a municipality is spatial balance, as it reflects the proportionality of the development of the regional economy in space. The aim of this article is to assess this indicator. Methodologically, the study is based on the principles of the spatiotemporal and systems approaches, as well as the theory of regional economics. Spatial balance of municipal economic development is defined as the proportionality of the distribution of the regional reproduction process among municipalities, which ensures commensurate economic outcomes for the population residing in their territories. The assessment is proposed to be carried out by calculating the average deviation from unity of the presence indices for socioeconomic indicators reflecting the reproduction stage. The proposed definition and assessment methodology constitute the scientific novelty of research in this area. The methodology was tested on data from 69 municipalities of the Sverdlovsk Region for the years 2010, 2015, and 2020–2024, which made it possible to compare the current spatial balance with the period of active economic growth. The analysis results showed that spatial disproportionality generally tend to decrease, but in 2024 it started to grow. Among the antileaders in spatial balance are: Verkhnyaya Pyshma Urban Okrug, Reftinsky Urban Okrug, Zarechny Municipal Okrug, and Verkhnesaldinsky Municipal Okrug. They concentrate a large volume of investment and real sector output, which, on the one hand, ensures economic growth, but on the other hand, significantly increases anthropogenic pressure and may adversely affect their longterm sustainability. The paper also revealed that consumption is traditionally concentrated in the administrative center of the region and is largely shaped by nonresidents. With regard to the stage of distribution of local budget revenues, a trend has been identified towards their relatively stable and uniform dispersal across almost 90% of municipalities.

Municipality, region, spatial development, economic space.

REFERENCES

- Antipin I.A., Shishkina E.A. (2024). Strategic management of the imbalances of socio-economic and spatial development of Russian regions. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 247(3), 179–201. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-247-3-179-201 (in Russian).
- Arbouch M. (2026). Assessing the economic and environmental impacts of improved accessibility: A spatial CGE approach to the Marrakech-Fès highway project in Morocco. *Regional Science Policy & Practice*, 18(3), 100277. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rspp.2025.100277>
- Baskakov S.M. (2019). The genesis of the theory of balance in the context of the development of world

- economics. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*, 5, 83–101. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10114 (in Russian).
- Belousova E.A. (2022). Economic well-being: Semantic environment and research contexts at a municipal level. *Journal of New Economy*, 23(4), 46–68. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-3
- Belousova S.V. (2014). Balancing the socio-economic space. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 18(347), 33–40 (in Russian).
- Bieleman M., Pot F., Tillema T. (2026). High-speed rail as a tool for regional development? Motivations, decision-making and spatial effects in Europe. *European Transport Studies*, 3, 100050. DOI: 10.1016/j.ets.2026.100050
- Chen Z., Shi R., Wang Q., Yin S. (2026). Attribution analysis of spatial differentiation in green and low-carbon transition and development efficiency based on geographical detector and random forest models: A case study of the Yangtze River Economic Belt. *Journal of Cleaner Production*, 554, 148103. DOI: 10.1016/j.jclepro.2026.148103
- Guo N., Shi C., Wu F. (2026). Addressing spatial imbalance and alleviation strategies in the water–land–food nexus across China. *Applied Geography*, 189, 103940. DOI: 10.1016/j.apgeog.2026.103940
- Haldar N., Mistri T. (2026). Spatial dimensions of transport infrastructure and socio-economic development in India: A composite index and spatial modelling approach. *Transportation in Developing Economies*, 12, 11. DOI: 10.1007/s40890-026-00264-6
- Kim H., Oh C., Song Y. (2026). Examining spatial disparities in essential primary care services across multiple geographic scales in South Korea. *Health & Place*, 98, 103630. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2026.103630>
- Kleiner G.B. (2015). Systemic balance of the economy: Basic principles. In: *Sistemnyi analiz v ekonomike – 2014: materialy 3-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2-kh tomakh, Moskva, 13–14 noyabrya 2014 g. Tom I* [System Analysis in Economics – 2014: Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference: In 2 Volumes. Moscow, November 13–14, 2014 Volume I]. Moscow: Tsentral'nyi ekonomiko-matematicheskii institut RAN (in Russian).
- Kleiner G.B., Rybachuk M.A. (2019). Systemic balance of the Russian economy. Regional section. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*, 15(2), 309–323. DOI: 10.17059/2019-2-1 (in Russian).
- Lei K., Zhang J., Li Y., Feng X., Yang J., Hou L., Liu J. (2026). Spatial mismatch and inequality between ecological pressure and economic benefits embodied in agricultural trade. *Environmental Impact Assessment Review*, 119, 108379. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2026.108379>
- Liu Z., Yang J. (2025). Revealing geo-spatial disparity responses of cropland area dynamics to regional population size and economic development in China. *Ecological Indicators*, 181, 114394. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2025.114394>
- Probst A.E. (1982). *Problemy razmeshcheniya sotsialisticheskoi promyshlennosti* [Problems of the Location of Socialist Industry]. Moscow: Ekonomika.
- Shabunova A.A., Uskova T.V., Kozhevnikov S.A. (2026). About the magazine's development concept: in search of an answer to modern challenges. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 30(1), 7–14. DOI: 10.15838/ptd.2026.1.141.1 (in Russian).
- Sjaf S., Malik A., Sampean Harits A., Maulana S.A.B. et al. (2025). Analysis of spatial inequality and rural development in the supporting region for Nusantara Capital City, Indonesia. *Wellbeing, Space and Society*, 9, 100286. DOI: 10.1016/j.wss.2025.100286
- Suvorova A.V. (2019). Spatial development: Content and features. *Journal of New Economy*, 20(3), 51–64. DOI: 10.29141/2658-5081-2019-20-3-4 (in Russian).
- Tatarkin A.I., Davankov A.Yu., Pryakhin G.N., Sedov V.V., Shumakov A.Yu. (2016). *Upravlenie sbalansirovannym*

razvitiem territorial'nykh sistem: voprosy teorii i praktiki [Management of Balanced Development of Territorial Systems: Issues of Theory and Practice]. Chelyabinsk: ChelGU.

Uskova T.V., Patrakova S.S. (2024). Balancing the regional economic space along the city–village line. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 1(202), 196–207. DOI: 10.47711/0868-6351-202-196-207 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta A. Belousova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Associate Professor, Ural State University of Economics (62, 8 Marta Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: Belousova-unir@usue.ru)

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.4

УДК 330.15 | ББК 65.28.

© Третьякова Е.А.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ДИНАМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРИРОВАННАЯ ОЦЕНКА ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ

ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА ТРЕТЬЯКОВА

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: tretiakova.ea@uiiec.ru

ORCID: 0000-0002-9345-1040; ResearcherID: M-7494-2017

Нарастающие в различных странах и регионах проблемы дефицита водных ресурсов, необходимых для жизнеобеспечения людей и ведения хозяйственной деятельности, а также высокая степень их загрязнения требуют разработки адекватного оценочного инструментария, позволяющего характеризовать сложившуюся ситуацию как в пространственном, так и во временном аспектах, выявлять тренды и заблаговременно принимать соответствующие управленческие решения. В связи с этим целью исследования стало формирование интегрированной модели комплексного пространственно-динамического эколого-экономического оценивания использования природных ресурсов и ее апробация на примере водопользования в регионах Северо-Западного федерального округа России, которые отличаются развитой и дифференцированной промышленностью с высокой экологической интенсивностью воздействия на природные водные объекты. Задачи исследования включали: обзор научной литературы по оценке водопользования, формирование аналитического эколого-экономического инструментария, отвечающего поставленной цели, и его апробация. Научная новизна проведенного исследования заключается в формировании интегрированной модели комплексного пространственно-динамического эколого-экономического оценивания использования природных ресурсов и ее апробации на примере использования водных ресурсов в регионах Северо-Западного федерального округа. В процессе исследования были использованы методы анализа, синтеза, аналитических группировок, абсолютных и относительных величин, цепных подстановок, статистического анализа данных и графического отображения. Информационной базой исследования послужили открытые данные, размещенные на

Для цитирования: Третьякова Е.А. (2026). Пространственно-динамическая интегрированная оценка водопользования в регионах Северо-Западного федерального округа России // Проблемы развития территории. Т. 30. № 4. С. 44–66. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.4

For citation: Tretiakova E.A. (2026). Spatial-dynamic integrated assessment of water use in the Northwestern Federal District regions of Russia. *Problems of Territory's Development*, 30(4), 44–66. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.4

сайте Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Результаты апробации позволили охарактеризовать тип эколого-экономической динамики в комплексе с видом деаплинга, факторными эффектами и корреляционными взаимосвязями; выявить наиболее приоритетные (с точки зрения остроты сложившейся ситуации) и негативные тенденции. Полученные результаты могут быть полезны органам власти при разработке (актуализации) проектов и программ, нацеленных на обеспечение устойчивого сбалансированного развития регионов Северо-Запада России.

Водные ресурсы, экономика природопользования, сбалансированное природопользование, региональная экономика, устойчивое развитие, пространственный анализ, динамический анализ, деаплинг.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена на основе исследований, выполняемых Институтом экономики УрО РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ № 0327-2024-0020 на 2024–2026 гг.

Введение

Вода является жизненно важным возобновляемым природным ресурсом, от качества и количества которого зависят качество жизни и возможности развития экономики отдельных стран и регионов в их составе. Большое внимание этому уделено как в глобальных¹, так и национальных направлениях устойчивого (в том числе «зеленого») развития Российской Федерации². На всех уровнях управления важно обеспечить бережное отношение к водным ресурсам субъектами хозяйственной деятельности, повысить эффективность их использования, снизить масштабы загрязнения водных объектов и сохранить биоразнообразие в их экосистемах.

Многими авторами проводятся исследования по этим и другим направлениям. Изучению удельной водообеспеченности территорий посвящены труды И.А. Шикломанова и О.Л. Марковой (Шикломанов, Маркова, 1987), В.И. Данилова-Данильяна и К.С. Лосева (Данилов-Данильян, Лосев, 2006), Х. Ритчи и М. Розера (Ritchie, Roser, 2017) и других авторов. Изучению антропогенной

нагрузки на водные объекты большое внимание уделено в работах И.Д. Рыбкиной (Рыбкина, 2023), В.Ф. Фоминой (Фомина, 2023) и пр. Авторы обращают внимание на неудовлетворительное качество воды, имеющийся дисбаланс между удельной водообеспеченностью территории и плотностью проживающего на ней населения (Данилов-Данильян, Лосев, 2006), указывают на расточительность водопользования (Третьякова, 2019; Huang et al., 2021; Li et al., 2022), а также на то, что невозможно добиться улучшения качества воды в водных экосистемах без снижения объема сброса загрязненных сточных вод³ (Турсуналиева, Токтосунова, 2022). Вклад авторов заключается в разработке методологии эколого-экономических исследований в сфере водопользования, построении систем аналитических показателей и научном обосновании необходимых управленческих решений.

Обращает на себя внимание то, что острота рассматриваемых проблем не снижается с течением времени – она как была высокой в 1990-е гг., так и остается акту-

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 г. № 70/1. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

² Цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.07.2021 № 1912-р. URL: <http://government.ru/docs/all/135692/> (дата обращения: 30.03.2026).

³ Рюмина Е.В. (1990). Моделирование взаимосвязей развития народного хозяйства и природоохранной деятельности: автореф. дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05. Москва. 36 с.

альной для современной России, несмотря на вновь разработанные технологии и имеющиеся возможности по их широкому использованию. Недостаткам эффективности внедрения наилучших доступных технологий (НДТ) уделено внимание во многих исследованиях. Полученные результаты указывают, что практическое использование НДТ приводит к существенному уменьшению массы сброса загрязняющих веществ и снижению концентрации в водных объектах основных поллютантов, что способствует расширению неистощительного водопользования в регионах (Адам и др., 2023). В то же время важно отметить, что точечное внедрение НДТ в сферы водоподготовки, водоснабжения, водоочистки и водоотведения является необходимым, но недостаточным условием. Только масштабное их использование может кардинально изменить сложившуюся ситуацию к лучшему. Одним из препятствий к повсеместному внедрению НДТ является низкая экономическая эффективность и длительность сроков окупаемости связанных с ними проектов. Исследователи указывают, что методология оценки эффективности в сфере водопользования требует актуализации. Ими рекомендуется разработать систему корректных расчетов стоимости единицы негативного воздействия на водные объекты и забора воды, для того чтобы сделать внедрение технологий экономически выгодным (Касимова и др., 2015).

В своих исследованиях авторы используют как абсолютные показатели экологической нагрузки (объем изъятия воды из поверхностных и подземных источников и объем сброса загрязненных сточных вод), так и удельные, характеризующие интенсивность антропогенного воздействия (соотношение величин экологической нагрузки и экономического результата хозяйственной деятельности) (Семячков, 2022; Горбатенко, 2023; Рыбкина и др., 2023). Ученые их подразделяют на показатели ресурсоемкости – водоемкость экономики в целом или отдельных видов экономической

деятельности, а также интенсивности загрязнения – сброс загрязняющих веществ в поверхностные водные объекты в расчете на 1000 руб. валового продукта (Горбатенко, 2023; Рыбкина, 2023; Фомина, 2023; Попова, 2023).

Распределение изучаемых показателей по уровню их значения в пространстве отображаются, как правило, с использованием картографического метода либо в форме таблиц и разного рода диаграмм. При этом степень пространственной неоднородности в большинстве случаев оценивается с помощью коэффициента вариации. R. Chen с коллегами используют в своем труде коэффициент Джини (Chen et al., 2023). Изменение изучаемых показателей во времени исследуется путем расчета темповых характеристик (коэффициентов и темпов изменений, прироста/убыли значений). Во многих исследованиях эти инструменты используются в комплексе (Джамалов и др., 2022; Попова, 2023; Zhang, 2025; Насыров и др., 2026).

При использовании эконометрических методов строятся модели временных рядов или модели по панельным данным. Однако стоит отметить, что временные ряды далеко не всегда являются стационарными и это выступает ограничением для их применения. Из-за сильного разброса значений модели могут не отвечать качественным требованиям, предъявляемым со стороны различного рода тестов, что также является важным условием в их применении. Ограничение в возможностях использования стимулирует исследователей к поиску новых методов и моделей, а также построению новых систем индикаторов.

Количество публикаций по проблемам рационального использования ресурсов, включая водные, не уменьшается. На текущий момент существует множество научных работ, предлагающих разного рода методы и инструменты для оценки рациональности, сбалансированности и эффективности использования тех или иных природных запасов. Эти труды вносят зна-

чимый вклад в исследование существующих проблем. Количество работ и их направленность указывают на высокую актуальность совершенствования оценочного инструментария в направлении комплексной многоаспектной диагностики, позволяющей характеризовать сложившуюся ситуацию как в пространственных, так и во временных аспектах; выявлять тренды и заблаговременно принимать соответствующие управленческие решения. В связи с этим целью исследования стало формирование интегрированной модели комплексного пространственно-динамического эколого-экономического оценивания использования природных ресурсов и ее апробация на примере водопользования в регионах Северо-Западного федерального округа России, которые отличаются развитой и дифференцированной промышленностью с высокой экологической интенсивностью воздействия на природные водные объекты. Задачи исследования: обзор научной литературы по оценке водопользования, формирование аналитического эколого-экономического инструментария, отвечающего поставленной цели, и апробация.

Расчеты проводились в период 2015–2024 гг. В выборку вошли все 11 регионов, образующих Северо-Западный федеральный округ. Число наблюдений по каждому анализируемому индикатору равнялось 110, а их общее количество – 630. Коэффициенты корреляции рассчитывались при уровне значимости 0,05 (в работе приведены только статистически значимые результаты). Научная новизна заключается в интеграции разных востребованных на текущий момент методических инструментов в единый исследовательский контур, существенно повышающий их объединенный аналитический потенциал. Практическая значимость состоит в получении необходимой информации для лиц, принимающих решение по ряду важнейших аспектов в интегрированном виде.

Материалы и методы

Информационной базой исследования послужили открытые данные, размещенные на сайте Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации.

В процессе исследования были использованы методы анализа, синтеза, аналитических группировок, абсолютных и относительных величин, цепных подстановок, статистического анализа данных, графического отображения.

Построение интегрированной модели комплексного пространственно-динамического эколого-экономического оценивания использования природных ресурсов (*рис. 1*) осуществлялось на основе принципа содержательного дополнения имеющихся методов и инструментов анализа в этой области. Учитывая, что большинство авторов в своих эколого-экономических исследованиях опираются на значения достигаемого экономического результата (ЭР), уровни экологической нагрузки (ЭН) и экологической интенсивности (ЭИ)⁴, то, безусловно, первым шагом в аналитических процедурах должно быть формирование соответствующей базы данных.

Представление этих данных в виде диаграмм, графиков, карт и картосхем позволит визуализировать их пространственное распределение среди регионов России или стран мира.

При этом степень пространственной дифференциации показателя можно определить с помощью коэффициента вариации:

$$K_v = \frac{\sigma}{\bar{x}} \cdot 100, \quad (1)$$

где K_v – коэффициент вариации;

σ – среднеквадратическое отклонение показателя;

$\bar{x}$ – среднее значение показателя.

Значение коэффициента вариации до 10% свидетельствует об относительной однород-

⁴ ЭИ определяется путем деления показателя ЭН на показатель ЭР и характеризует либо ресурсоемкость (количество ресурса, приходящееся на единицу экономического результата), либо интенсивность антропогенного загрязнения (объем загрязнения, приходящийся на единицу экономического результата).

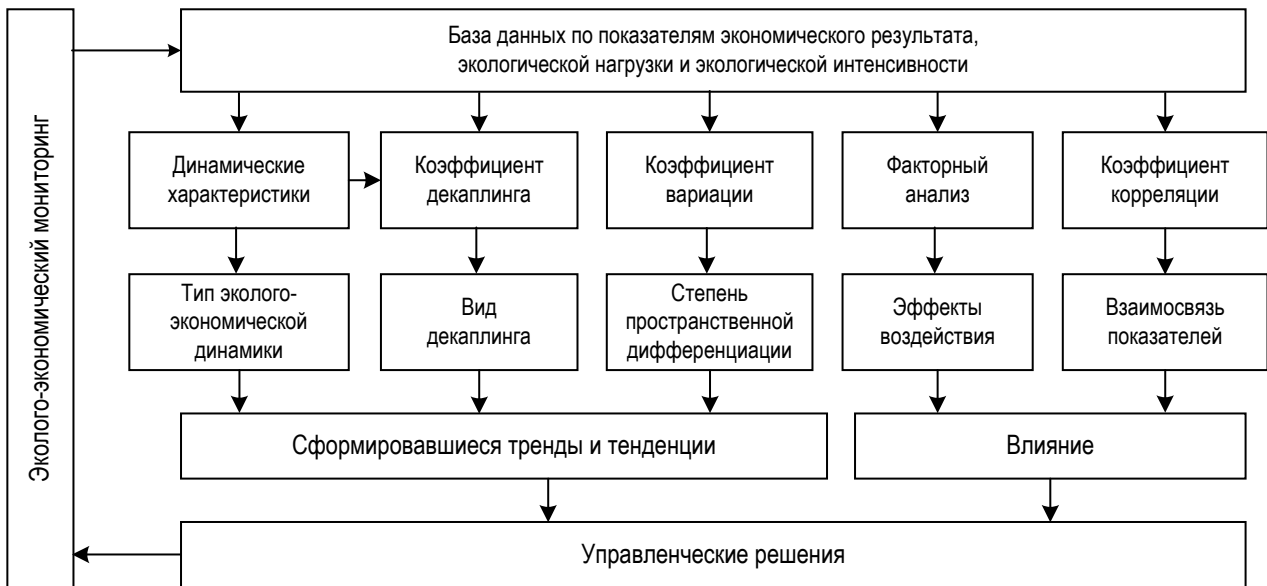

Рис. 1. Интегрированная модель комплексного пространственно-динамического эколого-экономического оценивания использования природных ресурсов

Источник: составлено автором.

ности исследуемой совокупности объектов; в пределах 10–33% – относительная дифференциация; больше 33% – выраженная дифференциация⁵.

Масштабы изменений значений показателей, происходящие с течением времени, исследователи оценивают с помощью таких динамических характеристик, как темп прироста (убыли) показателя:

$$T_{n(y)} = \frac{x_i}{x_b} \cdot 100 - 100, \quad (2)$$

где $T_{n(y)}$ – темп прироста (убыли) показателя;

x_i – значение показателя в текущем периоде;

x_b – значение показателя в базисном периоде.

При $T_{n(y)} < 0$ отмечается снижение значения показателя за анализируемый период; $T_{n(y)} > 0$ – рост.

Использование данных динамических характеристик позволяет оценить тип эколого-экономической динамики, суть которой подробно изложена в работах (Victor, 2015; Shang et al., 2015; Глазырина и др., 2015), а кратко отображена в *таблице 1*.

Таблица 1. Определение типа эколого-экономической динамики

Тип динамики	ЭР	ЭН	ЭИ
Черный рост	$T_{n(y)} \geq 0$	$T_{n(y)} \geq 0$	$T_{n(y)} \geq 0$
Коричневый рост	$T_{n(y)} \geq 0$	$T_{n(y)} \geq 0$	$T_{n(y)} \leq 0$
Зеленый рост	$T_{n(y)} \geq 0$	$T_{n(y)} \leq 0$	$T_{n(y)} \leq 0$
Черный спад	$T_{n(y)} \leq 0$	$T_{n(y)} \geq 0$	$T_{n(y)} \geq 0$
Зеленый спад	$T_{n(y)} \leq 0$	$T_{n(y)} \leq 0$	$T_{n(y)} \geq 0$
Абсолютно зеленый спад	$T_{n(y)} \leq 0$	$T_{n(y)} \leq 0$	$T_{n(y)} \leq 0$

Составлено по (Victor, 2015; Shang et al., 2015; Глазырина и др., 2015).

⁵ Полякова В.В., Шаброва Н.В. (2015). Основы теории статистики: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. С. 58.

Динамические характеристики также могут быть использованы для расчета коэффициента эластичности декаплинга (Kong et al., 2021; Кутышкин, Шульгин, 2024; Tapio, 2005):

$$K_3 = \frac{T_{n(y)ЭН}}{T_{n(y)ЭР}}, \quad (3)$$

где K_3 – коэффициент эластичности декаплинга;

$T_{n(y)ЭН}$ – темп прироста (убыли) экологической нагрузки;

$T_{n(y)ЭР}$ – темп прироста (убыли) экономического результата.

Значение коэффициента эластичности декаплинга в совокупности с динамическими характеристиками экономического результата и экологической нагрузки позволяет определить его вид (табл. 2).

Пространственная неоднородность экономического результата, экологической нагрузки и интенсивности хозяйственной деятельности, в совокупности с типом эколого-экономической динамики и видом декаплинга, дают большой объем информации, которую можно использовать для выявления приоритетных территорий (регионов, муниципальных образований) с точки зрения остроты сложившейся ситуации и характера ее динамики. Это важно учитывать при принятии управленческих решений. Однако важным является определение факторов, обусловивших данную динамику и выявленные тенденции. Поэтому для уси-

ления информативности аналитического инструментария целесообразно включить в модель факторный и корреляционный анализы.

Среди множества факторных моделей, используемых в эколого-экономических исследованиях, широкое распространение получила IPAT, в которой масштаб антропогенного воздействия (I , *impact*) или экологическая нагрузка (ЭН), зависят от трех факторов: численности населения (P , *population*), благосостояния людей (A , *affluence*) и используемых технологий (T , *technology*): $I = P \cdot A \cdot T$ (Шкиперова и др., 2015; Третьякова, 2019; Kong et al., 2021).

Применительно к данному исследованию модель можно представить следующим образом:

$$ЭН = ЧН \cdot БН \cdot ЭИ, \quad (4)$$

где ЭН – экологическая нагрузка;

ЧН – численность населения;

БН – благосостояние населения (валовой продукт на душу населения);

ЭИ – экологическая интенсивность, характеризующая применяемые технологии.

Оценить изменение экологической нагрузки под влиянием указанных факторов можно с использованием метода цепных подстановок, что позволит количественно измерить вклад каждого компонента в виде трех эффектов: популяционного (изменение численности населения), доходного (генерируемый внутри экономической систе-

Таблица 2. Определение вида декаплинга

Вид декаплинга	ЭР	ЭН	K_3
Сильный декаплинг	$T_{n(y)} > 0$	$T_{n(y)} < 0$	$K_3 < 0$
Слабый декаплинг	$T_{n(y)} > 0$	$T_{n(y)} > 0$	$K_3 < 0,8$
Экспансивный негативный декаплинг	$T_{n(y)} > 0$	$T_{n(y)} > 0$	$K_3 > 1,2$
Сильный негативный декаплинг	$T_{n(y)} < 0$	$T_{n(y)} > 0$	$K_3 < 0$
Слабый негативный декаплинг	$T_{n(y)} < 0$	$T_{n(y)} < 0$	$K_3 < 0,8$
Рецессивный декаплинг	$T_{n(y)} < 0$	$T_{n(y)} < 0$	$K_3 > 1,2$
Экспансивный декаплинг	$T_{n(y)} > 0$	$T_{n(y)} > 0$	$0,8 < K_3 < 1,2$
Рецессивный декаплинг	$T_{n(y)} < 0$	$T_{n(y)} < 0$	$0,8 < K_3 < 1,2$
Составлено по (Забелина, 2019; Глазырина, 2020; Забелина, 2023; Кутышкин, Шульгин, 2024; Allocca et al., 2025).			

мы) и технологического (изменение экоинтенсивности в результате технологической модернизации).

При проведении корреляционного анализа в эколого-экономических исследованиях наиболее часто исследователями рассчитываются коэффициенты корреляции Пирсона (при нормальном распределении показателей) и Спирмена (при распределении, отличном от нормального), по значениям которых судят о тесноте связи между исследуемыми показателями.

Обобщение полученной информации позволяет сделать вывод относительно типа эколого-экономической динамики и вида декаплинга, сформировавшихся тенденциях ее изменения, а также обусловивших ее факторах. Благодаря этому осуществляется обоснованный выбор инструментов для оказания целенаправленного управленческого воздействия с последующим мониторингом его результатов. Предлагаемую модель можно использовать для пространственного ранжирования регионов и обоснования дифференцированных управленческих решений.

Результаты и обсуждение

В 2024 году в Северо-Западном федеральном округе объем ресурсов речного стока составил 580,9 км³/год, что на 2,0% выше среднего многолетнего значения (569,6 км³/год) и на 3,0% выше предшествующего года⁶. Наибольший объем наблюдался в Архангельской области (353,7 км³/год), наименьший – в Псковской области (13,2 км³/год).

Регионы Северо-Западного федерального округа в достаточной степени обеспечены водными ресурсами (рис. 2а), при этом по удельным показателям (рис. 2б) Калининградская область относится к категории территорий с высокой водообеспеченностью населения, а остальные регионы – с очень высокой (Шикломанов, Маркова, 1987). Больше всего снабжены водными ресурсами северные регионы: Архангельская

область, Ненецкий автономный округ, Республика Коми (рис. 2). У них вместе с Мурманской областью отмечается небольшое снижение как общих, так и удельных значений.

Модель оценки типа эколого-экономической динамики отталкивается от экономического результата и экологической нагрузки. В качестве первого рассматривался валовой региональный продукт. Для исключения, искажающего влияние инфляции, производился перевод из текущих цен в постоянные (2015 года).

На рис. 3а показано, что за анализируемый период в большинстве регионов округа наблюдался экономический рост. Наиболее заметным он был в Ленинградской области (+44,7%), г. Санкт-Петербург (+32,2%) и в Калининградской области (+23,9%). Спад отмечался в Республике Коми (-7,6%) и Ненецком автономном округе (-2,0%), где преобладает добывающая промышленность, испытывающая колоссальное внешнеэкономическое давление.

Исследование показало, что производимый валовой продукт положительно связан с обеспеченностью водными ресурсами – коэффициент корреляции составил 0,35. При исключении из выборки г. Санкт-Петербурга, Ленинградской и Мурманской областей (значительно отличающихся по своим показателям от других регионов) величина коэффициента корреляции возрастает до 0,66, что указывает на значимую роль водных ресурсов в экономике регионов округа.

Наибольший вклад в формирование валового продукта округа вносят г. Санкт-Петербург, Ленинградская и Вологодская области. Однако в расчете на душу населения лидером является Ненецкий автономный округ (рис. 3б) и единственный имеет негативную динамику. В Республике Коми, в связи с опережающими темпами убыли населения на фоне снижения общей суммы валового продукта, отмечается его рост в расчете на душу населения.

⁶ О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году. Государственный доклад. Москва: Минприроды России; ВНИИ Экология. 721 с.

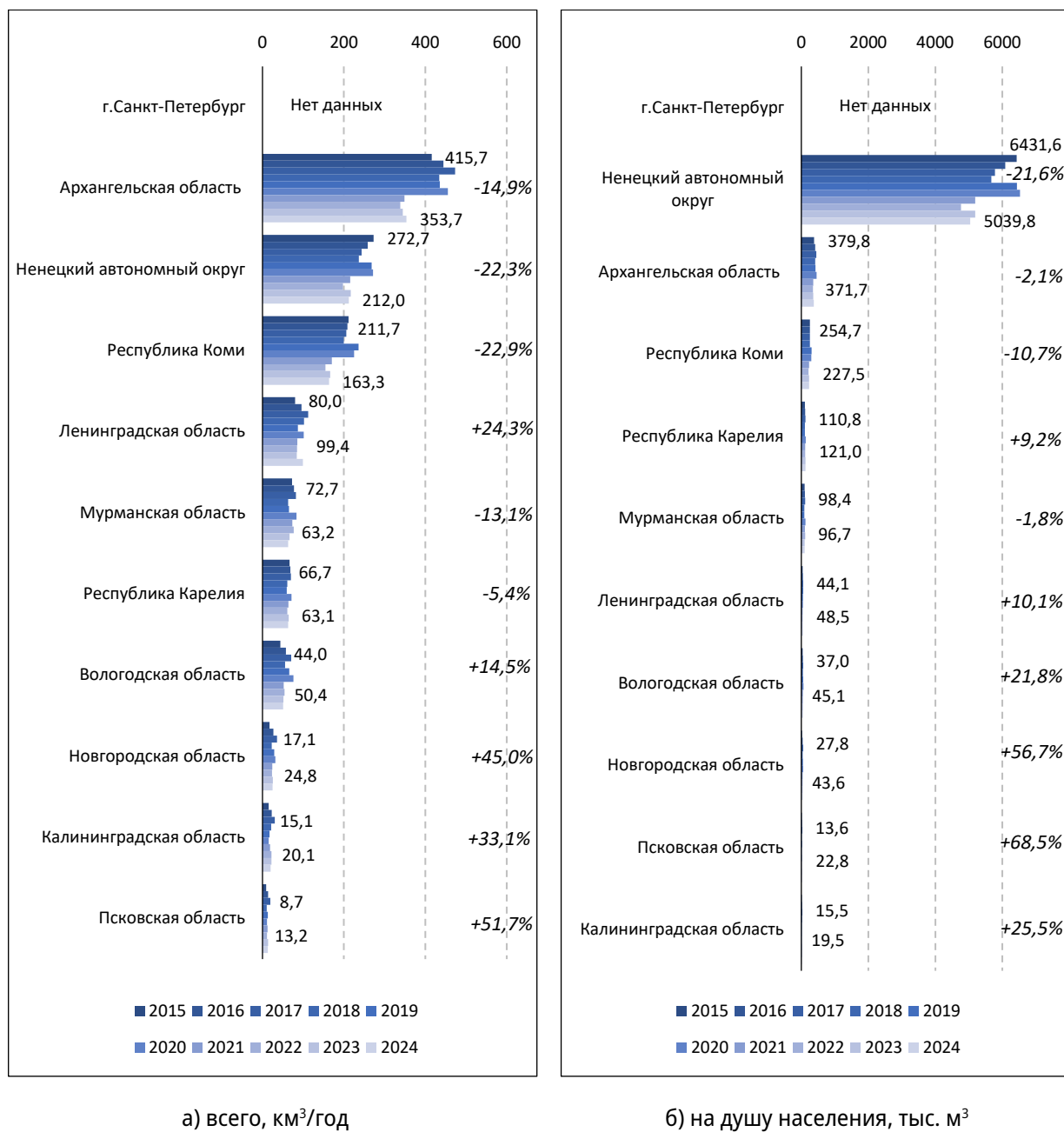

Рис. 2. Ресурсы речного стока

Примечание: темп убыли обозначен курсивом.

Источник: О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году. Государственный доклад. Москва: Минприроды России; ВНИИ Экология. 721 с.

Источник: рассчитано автором.

а) всего, млн руб.

б) на душу населения, тыс. руб.

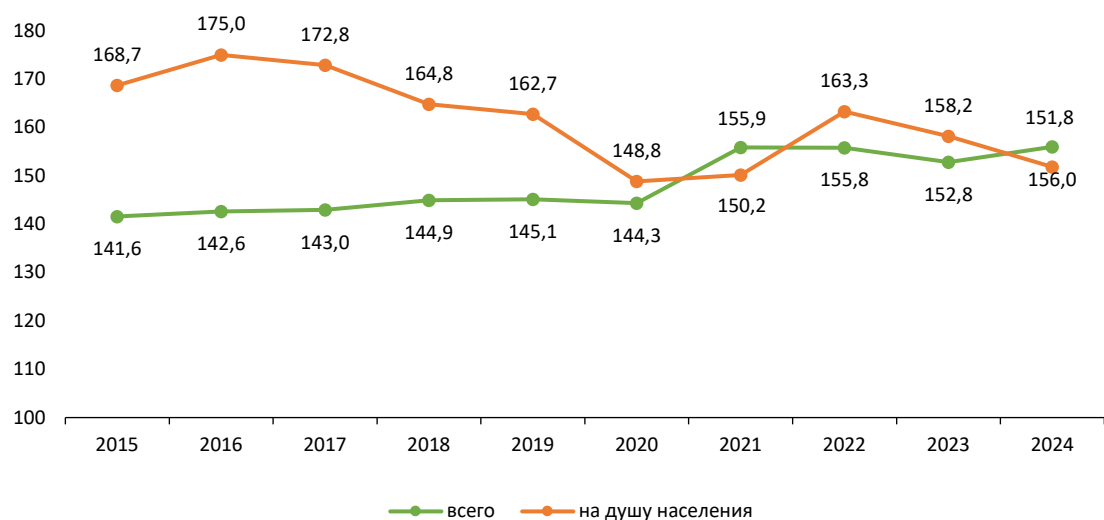
Рис. 3. Валовой региональный продукт в ценах 2015 года

Рассчитано автором по: данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

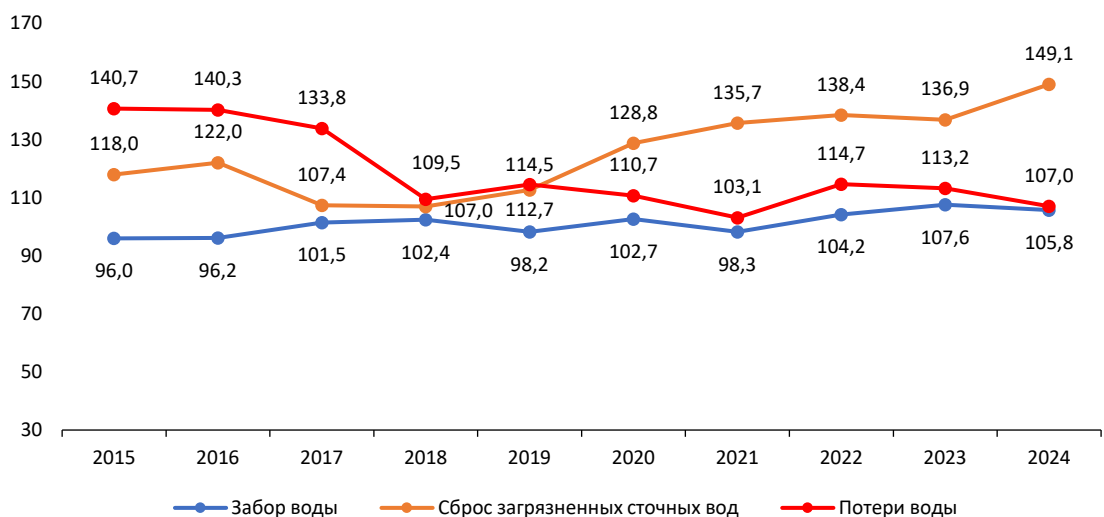
По объему произведенного валового регионального продукта регионы Северо-Западного федерального округа очень дифференцированы (рис. 4а), причем в постпандемийный период отмечается рост этого уровня. Разница валового продукта в расчете на душу населения, напротив, в допандемийный период была выше.

Объемы забора воды и создаваемого валового продукта положительно связаны –

коэффициент корреляции составил 0,38 (после исключения из выборки г. Санкт-Петербург, Мурманской области и Ненецкого автономного округа). Низкое значение может указывать на наличие эффекта декаплинга в отдельных регионах. Объемы забора воды также отличает высокая степень дифференциации (рис. 4б), хотя она ниже, чем у сбросов загрязненных сточных вод и потерь воды.

а) валовой региональный продукт

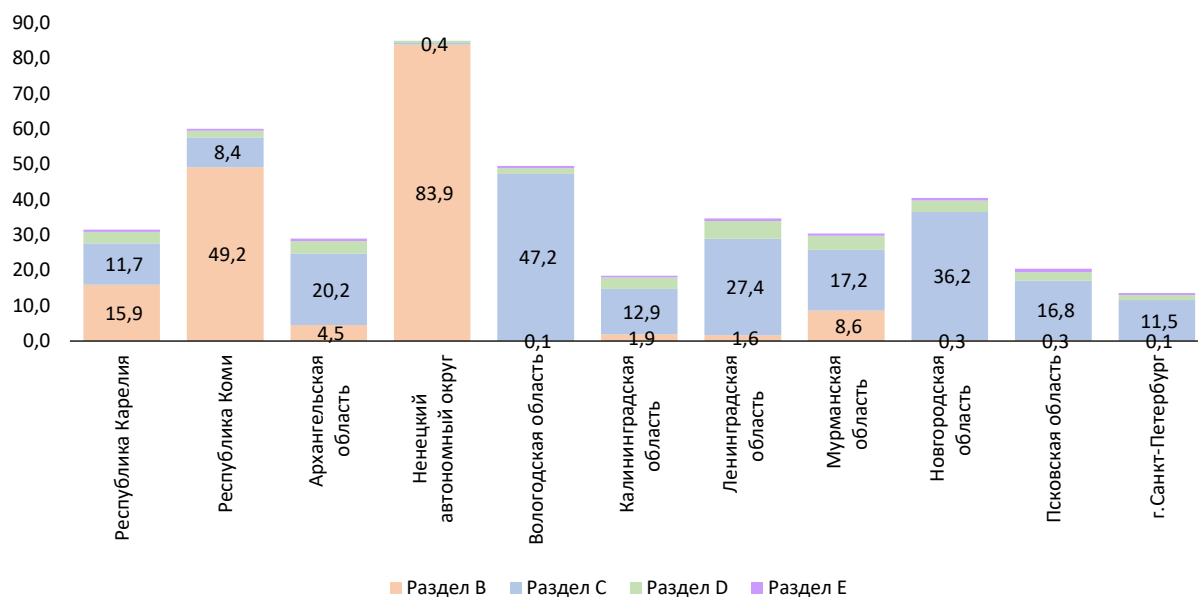
б) экологическая нагрузка

в) экологическая интенсивность

Рис. 4. Коэффициент вариации, %

Источник: рассчитано автором.

Раздел В – добыча полезных ископаемых; Раздел С – обрабатывающие производства;
 Раздел D – обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха;
 Раздел E – водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений.

Рис. 5. Доля промышленных видов экономической деятельности в структуре валового регионального продукта регионов Северо-Западного федерального округа в 2024 году, %

Рассчитано автором по: данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

На *рисунке 5* показаны существенные различия по вкладу промышленных производств в валовой региональный продукт в регионах Северо-Западного федерального округа.

Экономический спад в Республике Коми сопровождался снижением объемов забора воды из природных водных объектов (-3,4%), а в Ненецком автономном округе, напротив, их ростом (+76,3%). На *рисунке 6а* продемонстрировано, что в целом за анализируемый период рост забора воды наблюдался в шести, а снижение – в пяти регионах округа. Лидерами по данному показателю являются Мурманская область и г. Санкт-Петербург.

Объем забора воды характеризует экологическую нагрузку на водные объекты, а его соотношение с объемом валового регионального продукта показывает экологическую интенсивность воздействия. Она является

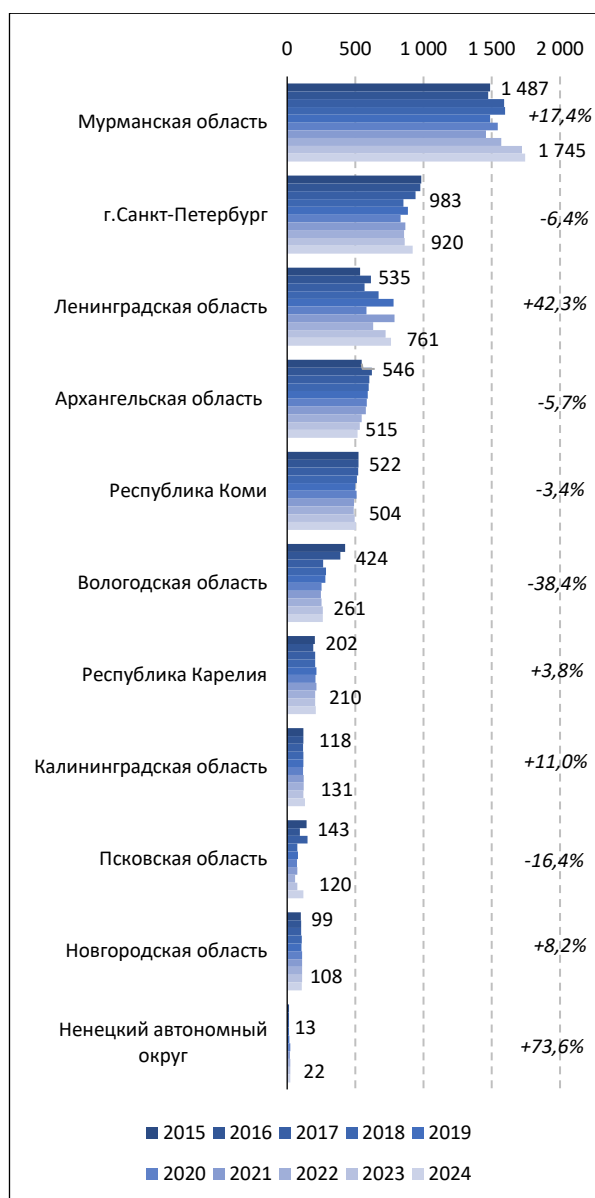
наивысшей у Мурманской и Архангельской областей и наименьшей – у Ненецкого автономного округа и г. Санкт-Петербург (*рис. 6б*).

В Северо-Западном федеральном округе преобладает забор воды из поверхностных водных объектов. В 2024 году объем добычи составил 4675,8 млн м³. Каптаж из подземных источников – 621,2 млн м³. Мощность оборотных систем водоснабжения в целом по федеральному округу была 14396,6 м³, наибольшие из них были сконцентрированы в Вологодской области.

Объем использования воды составил 4849,64 млн м³, наибольшая часть которой была направлена на производственные (3704,35 млн м³), питьевые и хозяйственно-бытовые нужды (726,15 млн м³)⁷.

В то же время нельзя не отметить, что степень дифференциации показателя является самой высокой среди всех анализируемых

⁷ О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году. Государственный доклад. Москва: Минприроды России; ВНИИ Экология. 721 с.

а) всего, млн м³

б) м³ на 1000 тыс. руб. валового регионального продукта

Рис. 6. Забор воды из природных водных объектов

Источник: О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году. Государственный доклад. Москва: Минприроды России; ВНИИ Экология. 721 с.

Источник: рассчитано автором.

значений экологической интенсивности. В динамике отмечается рост антропогенной нагрузки водозабора в трех регионах округа – Ненецком автономном округе, Мурманской области и Республике Коми, а ее снижение – в оставшихся восьми субъектах.

К сожалению, существует прямая связь между водозабором и потерями при транспортировке (коэффициент корреляции –

0,43). Наименьшая разница в Ненецком автономном округе – 1,3%, наибольшая – в Новгородской области (12,6%). Потери во многом обусловлены высокой степенью износа основных производственных фондов в коммунальной сфере (коэффициент корреляции – 0,44). Изношенность оборудования составляет от 38,0% в Республике Карелия до 60,5% в Республике Коми.

Утрата водных ресурсов при транспортировке за анализируемый период отмечалась в пяти регионах Северо-Западного федерального округа как в абсолютном (рис. 7а), так и в относительном выражении (рис. 7б). Наибольший темп роста характерен для Архангельской области (246,5%). Лидирует по объему потерь

г. Санкт-Петербург, а по интенсивности – Новгородская область. Степень разброса абсолютных значений показателя высока, но имеет тенденцию к снижению. Масштабы дифференциации относительного показателя наименьшие среди значений экологической интенсивности, однако все равно являются высокими.

а) всего, млн м³

б) м³ на 1000 тыс. руб. валового регионального продукта

Рис. 7. Потери воды при транспортировке

Источник: О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году. Государственный доклад. Москва: Минприроды России; ВНИИ Экология. 721 с.

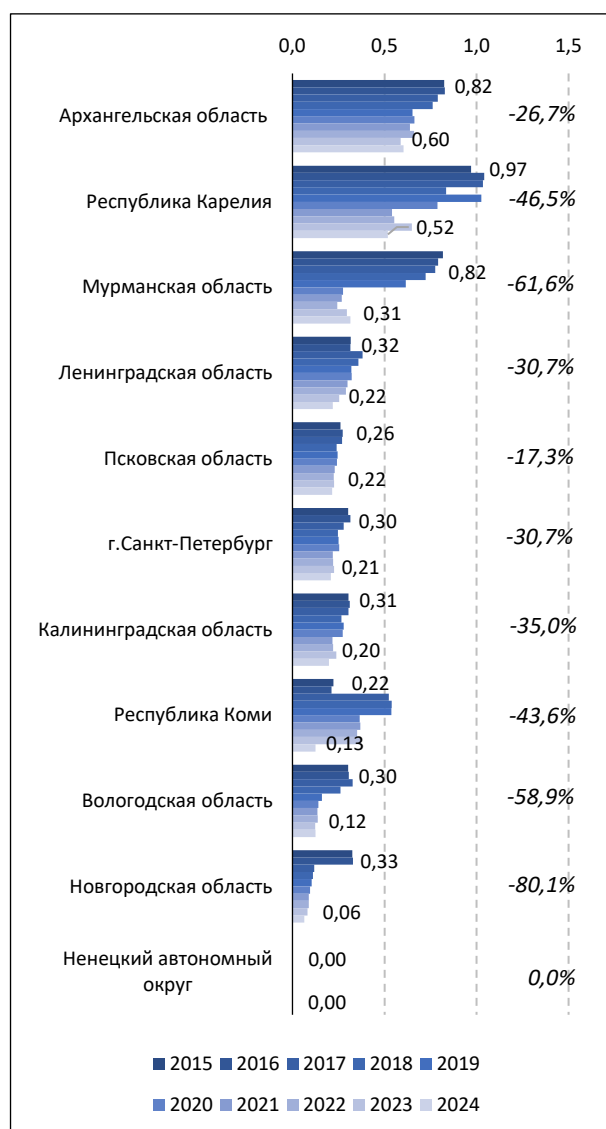
Источник: рассчитано автором.

Большинство регионов округа сократили объем сброса загрязненных сточных вод (рис. 8а). Он не изменился только в Ненецком автономном округе и немного вырос в Ленинградской области (на 0,2%). Однако степень разброса значений (будучи и так очень высокой) выросла за анализируемый период. По объему водоотведения лидирует г. Санкт-Петербург, по интенсивности – Архангельская область и Республика Карелия. Степень дифференциации оставалась высо-

кой на протяжении всего исследуемого периода и имела тенденцию к росту. Эмиссия напрямую связана с величиной производимого валового регионального продукта – коэффициент корреляции составил 0,37 без г. Санкт-Петербурга, Ленинградской и Архангельской областей, существенно отличающихся от других регионов по объемам загрязнения. Невысокое значение коэффициента может указывать на наличие эффекта декаплинга в отдельных регионах округа.

а) всего, млн м³

б) м³ на 1 000 тыс. руб. валового регионального продукта

Рис. 8. Сброс загрязненных сточных вод

Источник: О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году. Государственный доклад. Москва: Минприроды России; ВНИИ Экология. 721 с.

Источник: рассчитано автором.

На рисунке 9 отражены результаты определения по рассмотренным выше динамическим характеристикам типа эколого-экономической динамики (рис. 9а), вида декаплинга (рис. 9б) и факторного анализа по модели IPAT (рис. 9в), позволяющего оценить силу воздействия популяционного, доходного и технологического эффектов на объемы забора воды из природных водных объектов.

«Зеленый» экономический рост отмечался в четырех регионах Северо-Западного федерального округа: г. Санкт-Петербург, Архангельская, Вологодская и Псковская области. Благодаря достижению сильного декаплинга, обеспеченному преимущественно за счет технологического эффекта, снизилась экологическая интенсивность хозяйственной деятельности.

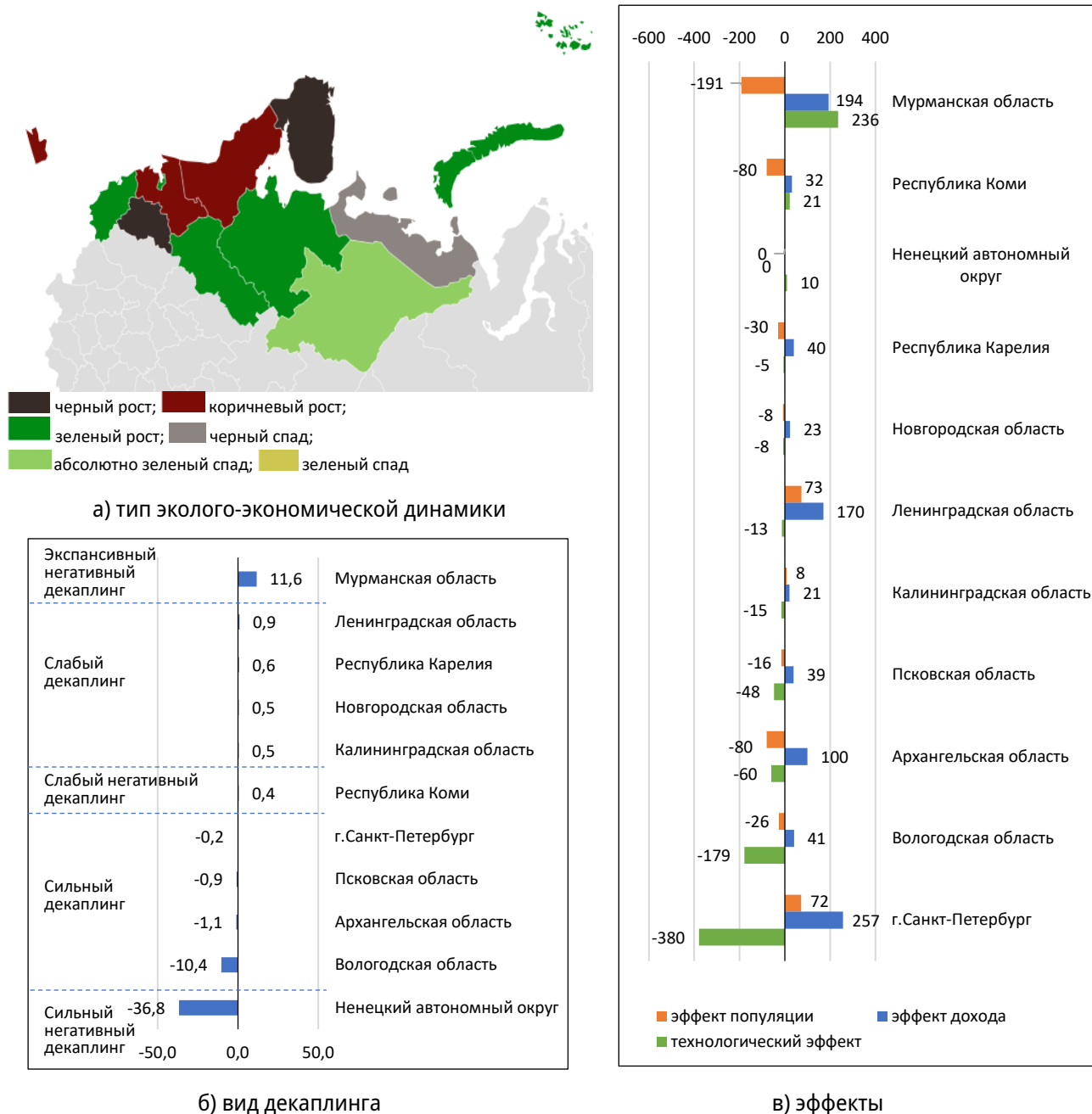

Рис. 9. Результаты пространственно-динамического анализа забора воды из природных водных объектов

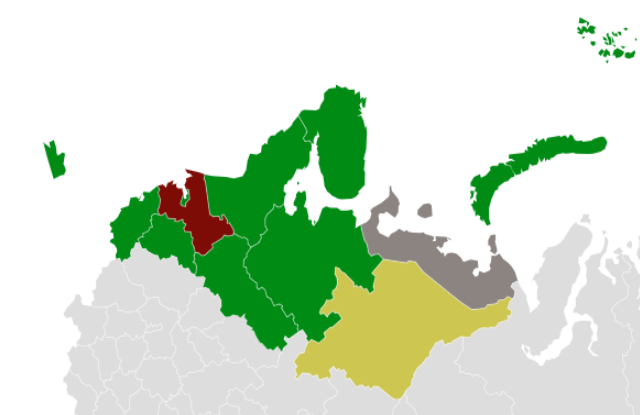
Источник: рассчитано автором.

Мурманская и Новгородская области характеризуются «черным» ростом. Это вызвано экспансивным негативным декаплингом, когда рост экономики вызывает увеличение водозабора (действие эффекта дохода). Также, находящиеся в использовании водоемкие технологии обусловили рост экологической интенсивности и объемы выкачивания водных ресурсов, что является негативным влиянием технологического эффекта.

В Республике Коми наблюдался «зеленый» экономический спад из-за слабого не-

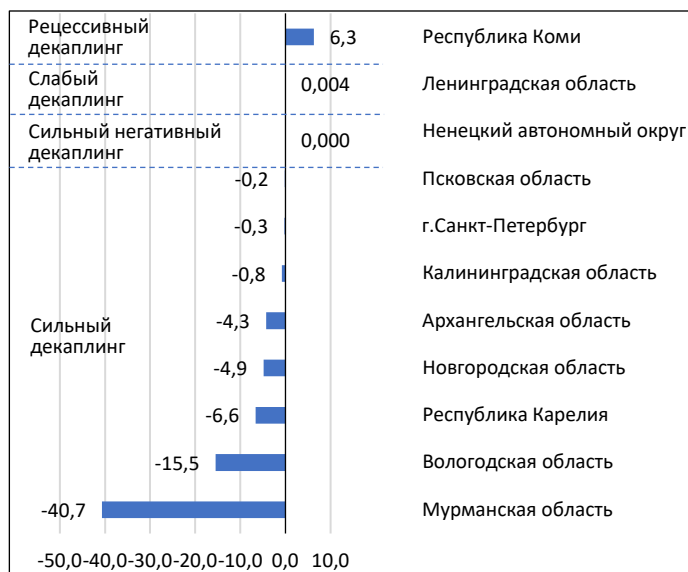
гативного декаплинга, когда экологическая нагрузка снижается более медленными темпами, чем наблюдаемый спад в экономике, в результате чего возрастает экологическая интенсивность деятельности. При этом на фоне снижения общей суммы валового продукта в регионе (отрицательный темп которого выше численности населения республики) отмечается рост валового регионального продукта в расчете на душу населения.

На рисунке 10 отражены результаты определения типа эколого-экономической динамики (рис. 10а), вида декаплинга (рис. 10б)

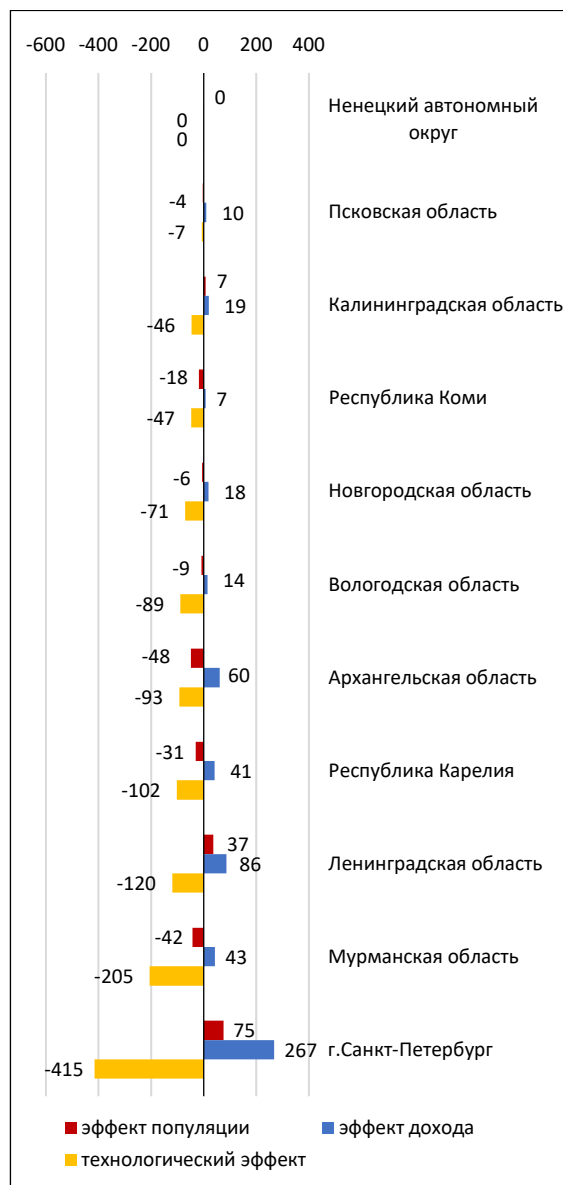

■ черный рост; ■ коричневый рост;
■ зеленый рост; ■ черный спад;
■ абсолютно зеленый спад; ■ зеленый спад

а) тип эколого-экономической динамики

б) вид декаплинга

в) эффекты

Рис. 10. Результаты пространственно-динамического анализа сброса загрязненных сточных вод

Источник: рассчитано автором.

и масштабы популяционного, доходного и технологического эффектов (рис. 10в) в отношении сброса загрязненных сточных вод. Из рисунка следует, что большинству регионов округа присущ «зеленый» рост, обусловленный сильным декаплингом и преобладанием технологического эффекта, снизившего экологическую интенсивность хозяйственной деятельности. «Зеленый» спад и рецессивный декаплинг отличают Республику Коми, а «черный» с сильным негативным декаплингом – Ненецкий автономный округ.

В целом по сбросам в Северо-Западном федеральном округе отмечается более позитивная динамика, чем по забору воды, поэтому фокус управленческого воздействия и его интенсивность может меняться в направлении водосбережения.

Исследование показало, что утилизация загрязненной воды напрямую связана с текущими затратами на сбор и очистку – коэффициент корреляции 0,57 (рис. 11). Она же обратно связана с их удельной величиной – коэффициент корреляции -0,37 (рис. 12),

то есть при росте затрат на сбор и очистку сточных вод в расчете на 1 м³ отмечается такой позитивный экологический эффект, как снижение экологической нагрузки в виде сокращения объемов их сброса.

Экономический механизм также работает и в отношении объема забора воды – коэффициент вариации равен -0,58, т. е. с ростом удельной величины водного налога снижается объем выкачки (рис. 13). Адекватно установленная цена воды стимулирует хозяйствующих субъектов к ресурсосбережению: рост цены стимулирует предприятия к сокращению потерь – коэффициент корреляции составил -0,40 (рис. 14).

Полученные результаты подтверждают мнение и других авторов относительно необходимости пересмотра ставок ресурсных налогов и платежей за загрязнение окружающей среды (Зима, 2024). Последние законодательные изменения в этой сфере⁸ направлены на усиление их регулирующей роли, возможность оценить их последствия появится после опубликования очередных статистических данных.

Рис. 11. Сброс загрязненных сточных вод и текущие затраты на сбор и очистку сточных вод в 2024 году

Источник: рассчитано автором.

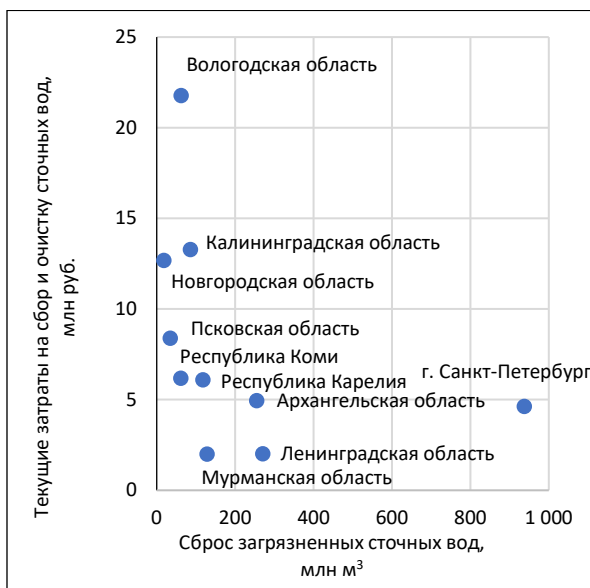

Рис. 12. Сброс загрязненных сточных вод и удельные затраты на очистку (без Ненецкого АО) в 2024 году

Источник: рассчитано автором.

⁸ О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду в 2025 году: распоряжение Правительства РФ от 10.07.2025 № 1852-п (ред. от 01.09.2025). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=513974&dst=101126#fPAHOVS8Zv5jsjg2>

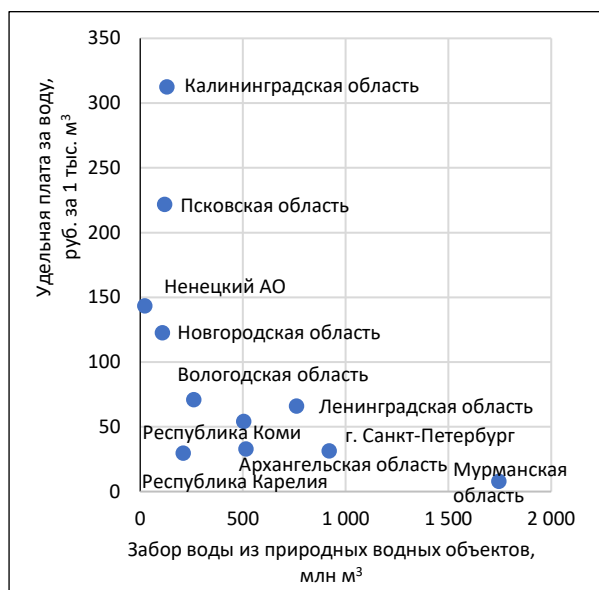

Рис. 13. Удельная плата за воду и забор воды в 2024 году

Источник: рассчитано автором.

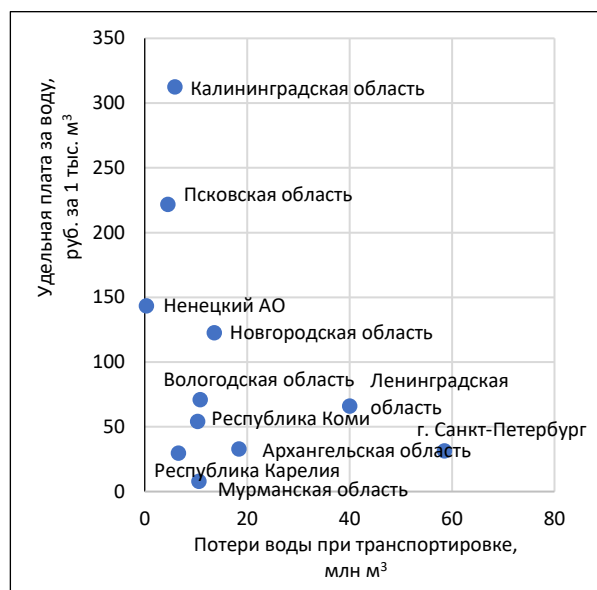

Рис. 14. Удельная плата за воду и потери воды в 2024 году

Источник: рассчитано автором.

Заключение

Апробация предложенной в данной работе интегрированной модели комплексного пространственно-динамического эколого-экономического оценивания использования природных ресурсов, на примере водопользования в Северо-Западном федеральном округе России, позволила выявить наиболее проблемные регионы с точки зрения водоемкости их экономики и интенсивности антропогенного загрязнения окружающей среды.

В частности, наиболее сложной является ситуация в Ненецком автономном округе с «черным» экономическим спадом, для которого характерны как рост объемов потребления воды (преимущественно затрачиваемой на поддержание пластового давления при добыче углеводородного сырья), так и антропогенное загрязнение поверхностных водных объектов (с нарастанием объемов сброса сточных вод в подземные водные объекты)⁹. Ситуацию усугубляет увеличение потерь воды при транспортировке.

Негативные тенденции могут нарастать из-за климатических изменений: нефтяная инфраструктура возведена на многолетнемерзлых грунтах, которые под воздействием теплового поля сооружений оттаивают и дают значительные просадки, приводящие к деформации фундаментов сооружений и свайных оснований; возникновению трещин в фундаментах и емкостях, приводящих к утечкам нефти; загрязнению почв, грунтов и подземных вод¹⁰. Учитывая сформировавшиеся негативные тренды, необходимы комплексные программы для решения сложных многоаспектных (технических, технологических, экономических и др.) задач. Реализуемые на текущий момент в рамках регионального проекта «Сохранение уникальных водных объектов» меры по очистке береговых полос, водоохранных зон от промышленных отходов и бытового мусора, а также мониторинг состояния дна и берегов водных объектов в границах водоохранных зон являются явно недостаточными, так как не воздействуют на причины,

⁹ Доклад о состоянии и об охране окружающей среды Ненецкого автономного округа в 2024 году. Департамент природных ресурсов, экологии и агропромышленного комплекса Ненецкого автономного округа. Нарьян-Мар. 132 с. URL: <https://dprea.adm-nao.ru/ekologiya/doklady-o-sostoyanii-okruzhayushej-sredy-v-neneckom-avtonomnom-okruge/> (дата обращения: 21.04.2026).

¹⁰ Там же.

вызывающие и усиливающие сложившиеся тенденции. Результаты исследования показывают, что этому региону должно уделяться первостепенное внимание со стороны органов власти, общественных и научных организаций.

«Коричневый» рост, характеризующийся увеличением объемов потребления воды и эмиссии загрязненных сточных вод, присущ Ленинградской области, где еще и высокий показатель потери воды при транспортировке (при этом имеется тенденция к снижению). Высокой водоемкостью экономики отличаются Мурманская и Новгородская области, где темпы роста объема забора воды опережают темпы экономики. Сложившуюся ситуацию во многом обусловили отрицательный (Мурманская область) и слабopоложительный (Новгородская область) технологические эффекты, выражающиеся в росте водоемкости. В этих субъектах для преодоления сложившихся тенденций особенно важны меры стимулирования технологического переоснащения в направлении производственного водоосбережения, сни-

жения потерь воды при транспортировке, а также обеспечения очистки сточных вод до нормативного уровня.

Высокая обеспеченность водными ресурсами регионов Северо-Запада России не может служить поводом для расточительного водопользования, а высокая дифференциация значений экономических и экологических показателей указывает на необходимость разработки программ с учетом региональной специфики. Важно в контуре государственного регулирования органично сочетать как административные меры нормирования и управления, так и экономические способы стимулирования и ограничения, которые также являются действенными, как показал проведенный корреляционный анализ.

Автор данной работы выражает надежду, что разработанный подход и полученные результаты окажут содействие лицам, принимающим решения, при обосновании выбора конкретного набора мер в каждом регионе для целенаправленного улучшения ситуации в сфере водопользования.

ЛИТЕРАТУРА

- Адам А.М., Лукашевич О.Д., Мершина Г.И. (2023). Оценка эффективности применения наилучших доступных технологий в системе водопользования на примере водохозяйственного участка реки Томи // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. Т. 25. № 5. С. 120–131. DOI: 10.31675/1607-1859-2023-25-4-120-131
- Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Яковлева К.А. (2015). Социально-экономическая эффективность и «зеленый» рост регионального лесопользования // География и природные ресурсы. № 4. С. 17–25.
- Глазырина И.П. (2020). Тернистый путь к «зеленой» экономике // ЭКО. № 9 (555). С. 8–23. DOI: 10.30680/ESCO131-7652-2020-9-8-23
- Горбатенко Л.В. (2023). Дифференциация водопользования на территории Тихоокеанской России: структура, тенденции и загрязняющий эффект // Тихоокеанская география. № 3 (15). С. 56–65. DOI: 10.35735/26870509_2023_15_5
- Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. (2006). Потребление воды: экологические, экономические, социальные и политические аспекты. Ин-т водных проблем РАН. Москва: Наука. 221 с.
- Джамалов Р.Г., Власов К.Г., Галагур К.Г. [и др.]. (2022). Анализ пространственно-временной изменчивости гидрохимических компонентов рек бассейна Лены // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. № 2. С. 102–110. DOI: 10.17308/geo.2022.2/9316
- Забелина И.А. (2023). Россия и Китай: экологический и ресурсный эффекты декарпинга // ЭКО. № 3. С. 68–92.
- Забелина И.А. (2019). Эффект декарпинга в эколого-экономическом развитии регионов – участников трансграничного взаимодействия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 1. С. 241–255. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.15

- Зима Ю.С. (2024). Экологическое налогообложение как инструмент рационального использования природных ресурсов // Учет и статистика. Т. 21. № 1. С. 83–93. DOI: 10.54220/1994-0874.2024.23.79.009
- Касимова Е.М., Оболдина Г.А., Попов А.Н. (2015). Совершенствование экономического механизма регулирования водопользования на основе комплексных показателей, используемых при внедрении наилучших доступных технологий // Водное хозяйство России. № 6. С. 54–66.
- Кутышкин А.В., Шульгин О.В. (2024). Оценка декаплинга влияния использования водных ресурсов на региональном уровне на примере Тюменской области // Вестник гражданских инженеров. № 6 (107). С. 136–145. DOI: 10.23968/1999-5571-2024-21-6-136-145
- Насыров А.Т., Литвинов В.П., Волков И.В., Фудашкин В.А. (2026). Управление водными ресурсами Центральной Азии: уроки истории и реальные перспективы // Власть. № 1 (34). С. 224–235.
- Попова К.Ю. (2023). Значение водных ресурсов и систем водопользования в сельском хозяйстве России // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 2 (96). С. 131–140. DOI: 10.33938/232-131.
- Семячков А.И. (2022). Пространственно-временное моделирование сбалансированного природопользования. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 383 с.
- Рыбкина И.Д. (2023). Оценка антропогенной нагрузки на водные ресурсы и эффективности их использования: обзор методологических подходов // Антропогенная трансформация природной среды. Т. 9. № 2. С. 55–67. DOI: 10.17072/2410-8553-2023-2-55-67
- Третьякова Е.А. (2019). Экологическая интенсивность экономического развития регионов Северо-Запада // Балтийский регион. Т. 11. № 1. С. 14–28. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-1-2.
- Турсуналиева Д.М., Токтосунова Ч.Т. (2022). Основные проблемы использования водных ресурсов и охраны водных объектов в Кыргызской Республике // Вестник Иссык-Кульского университета. № 51. С. 91–98.
- Фомина В.Ф. (2023). Оценка водопользования регионов России по критериям водообеспеченности, эффективности и устойчивого развития // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. Т. 18. № 2. С. 215–240.
- Шикломанов И.А., Маркова О.Л. (1987). Проблемы водных ресурсов и перебросок стока в мире. Ленинград: Гидрометеиздат. 196 с.
- Шкиперова Г.Т., Лукашова И.В., Дружинин В.П. (2015). Сравнительный анализ влияния экономики на окружающую среду в странах с разным уровнем развития // Экономический анализ: теория и практика. № 25. С. 20–31.
- Allocca V., Codal S., Simone M., Marzano E. (2025). Groundwater decoupling in residential water use: (Illusory) evidence from the Campania Region, Italy. *Italian Economic Journal*. DOI: 10.1007/s40797-025-00342-5
- Chen R., Ma X., Zhao Y., Wang S., Zhang S. (2023). Dynamic evolution characteristics and driving factors of carbon emissions in prefecture-level cities in the Yellow River Basin of China. *Environmental Science and Pollution Research*, 30(25), 67443–67457.
- Huang Z., Nya E.L., Rahman M.A., Mwamila T.B., Cao V. [et al.]. (2021). Integrated water resource management: Rethinking the contribution of rainwater harvesting. *Sustainability*, 13. DOI: 10.3390/su13158338
- Kong Y., He W., Yuan L., Zhang Z., Gao X. [et al.]. (2021). Decoupling economic growth from water consumption in the Yangtze River Economic Belt, China. *Ecological Indicators*, 123, 107344. DOI: 10.1016/j.ecolind.2021.107344
- Li D., Zuo Q., Zhang Z. (2022). A new assessment method of sustainable water resources utilization considering fairness-efficiency-security: A case study of 31 provinces and cities in China. *Sustainable Cities and Society*, 81, 103839. DOI: 10.1016/j.scs.2022.103839
- Ritchie H., Roser M. (2017). Water use and stress. *Our World in Data*. Available at: <https://ourworldindata.org/water-use-stress>

- Shang Y., Si Y., Zeng G. (2015). Black or green? Economic growth patterns in China under low carbon economy targets. *Journal of Resources and Ecology*, 6(5), 310–317. DOI: 10.5814/j.issn.1674-764x.2015.05.004
- Tapio P. (2005). Towards a theory of decoupling: degrees of decoupling in the EU and the case of road traffic in Finland between 1970 and 2001. *Transport Policy*, 35, 137–151. Available at: <https://oeclclass.aua.gr/oeclclass/modules/document/file.php/AOA139/ΑΣΚΗΣΕΙΣ/Ασκήση%20πρώτη/Towards%20a%20theory%20of%20decoupling.pdf>
- Victor P.A. (2015). The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: Ecological economics: A personal journey. *Ecological Economics*, 109, 93–100. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2014.11.009
- Zhang S. (2025). Analysis of the decoupling effect between water resource utilization and high-quality economic development in nine provinces (regions) of the Yellow River Basin. *GeoJournal*, 90, 215. DOI: 10.1007/s10708-025-11469-4

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Андреевна Третьякова – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, профессор, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: tretiaкова.ea@uiec.ru)

Tretiakova E.A.

SPATIAL-DYNAMIC INTEGRATED ASSESSMENT OF WATER USE IN THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT REGIONS OF RUSSIA

The growing problems of water resources scarcity in various countries and regions – resources essential for human livelihoods and economic activities – together with a high degree of their pollution, require the development of adequate assessment tools capable of characterizing the current situation both spatially and temporally, identifying trends, and enabling timely management decisions. In this regard, the aim of this study is to develop an integrated model for comprehensive spatialdynamic ecological-economic assessment of natural resource utilization and to test it with the help of the case of water use in the regions of the Northwestern Federal District of Russia. These regions are characterized by developed and diversified industrial sector with a high ecological intensity of impact on natural water bodies. The objectives of the study included the following: the scientific literature review on water use assessment, the development of analytical ecological-economic tools consistent with the stated aim, and their approbation. The scientific novelty of the research lies in the development of an integrated model for comprehensive spatialdynamic ecological-economic assessment of natural resource use and its testing on the case of water resources use in the regions of the Northwestern Federal District. The research employed methods of analysis, synthesis, analytical groupings, absolute and relative values, chain substitutions, statistical data analysis, and graphical representation. The information base of the study comprised open data published on the website of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation and the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation. The approbation results made it possible to characterize the type of ecological-economic dynamics in conjunction with the type of decoupling, factor effects, and correlation relationships, as well as to identify the most priority (from the perspective of the severity of the current situation) and negative trends. The obtained results may be useful for public authorities in the development (updating) of projects and programs aimed at ensuring sustainable balanced development of the regions of the Russian NorthWest.

Water resources, environmental economics, balanced natural resource use, regional economics, sustainable development, spatial analysis, dynamic analysis, decoupling.

REFERENCES

- Adam A.M., Lukashevich O.D., Merzhina G.I. (2023). Assessment of the effectiveness of the use of the best available technologies in the water management system using the example of the Tom River water management area. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 25(5), 120–131. DOI: 10.31675/1607-1859-2023-25-4-120-131 (in Russian).
- Allocca V., Coda S., Simone M., Marzano E. (2025). Groundwater decoupling in residential water use: (Illusory) evidence from the Campania Region, Italy. *Italian Economic Journal*. DOI: 10.1007/s40797-025-00342-5
- Chen R., Ma X., Zhao Y., Wang S., Zhang S. (2023). Dynamic evolution characteristics and driving factors of carbon emissions in prefecture-level cities in the Yellow River Basin of China. *Environmental Science and Pollution Research*, 30(25), 67443–67457.
- Danilov-Danilyan V.I., Losev K.S. (2006). *Potreblenie vody: ekologicheskie, ekonomicheskie, sotsial'nye i politicheskie aspekty* [Water Consumption: Environmental, Economic, Social and Political Aspects]. Moscow: Nauka.
- Dzhamalov R.G., Vlasov K.G., Galagur K.G. et al. (2022). Analysis of the spatial and temporal variability of the hydrochemical components of the Lena Basin rivers. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiya. Geoekologiya*, 2, 102–110. DOI: 10.17308/geo.2022.2/9316 (in Russian).
- Fomina V.F. (2023). Assessment of water use in Russian regions according to criteria of water availability, efficiency and sustainable development. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, 18(2), 215–240 (in Russian).
- Glazyrina I.P. (2020). The thorny path to the “green” economy. *EKO*, 9(555), 8–23. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-9-8-23 (in Russian).
- Glazyrina I.P., Faleichik L.M., Yakovleva K.A. (2015). Socio-economic efficiency and “green” growth of regional forest management. *Geografiya i prirodnye resursy*, 4, 17–25 (in Russian).
- Gorbatenko L.V. (2023). Differentiation of water use in the territory of Pacific Russia: Structure, trends and polluting effect. *Tikhookeanskaya geografiya*, 3(15), 56–65. DOI: 10.35735/26870509_2023_15_5 (in Russian).
- Huang Z., Nya E.L., Rahman M.A., Mwamila T.B., Cao V. et al. (2021). Integrated water resource management: Rethinking the contribution of rainwater harvesting. *Sustainability*, 13. DOI: 10.3390/su13158338
- Kasimova E.M., Oboldina G.A., Popov A.N. (2015). Improving the economic mechanism for regulating water use based on integrated indicators used in the implementation of the best available technologies. *Vodnoe khozyaistvo Rossii*, 6, 54–66 (in Russian).
- Kong Y., He W., Yuan L., Zhang Z., Gao X. et al. (2021). Decoupling economic growth from water consumption in the Yangtze River Economic Belt, China. *Ecological Indicators*, 123, 107344. DOI: 10.1016/j.ecolind.2021.107344
- Kutyshkin A.V., Shulgin O.V. (2024). Assessment of decoupling of the impact of water resources use at the regional level on the example of the Tyumen region. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov*, 6(107), 136–145. DOI: 10.23968/1999-5571-2024-21-6-136-145 (in Russian).
- Li D., Zuo Q., Zhang Z. (2022). A new assessment method of sustainable water resources utilization considering fairness-efficiency-security: A case study of 31 provinces and cities in China. *Sustainable Cities and Society*, 81, 103839. DOI: 10.1016/j.scs.2022.103839
- Nasyrov A.T., Litvinov V.P., Volkov I.V., Fudashkin V.A. (2026). Water resources management in Central Asia: Lessons from history and real prospects. *Vlast'*, 1(34), 224–235 (in Russian).
- Popova K.Yu. (2023). The importance of water resources and water use systems in agriculture in Russia. *Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom khozyaistve*, 2(96), 131–140. DOI: 10.33938/232-131 (in Russian).

- Ritchie H., Roser M. (2017). Water use and stress. *Our World in Data*. Available at: <https://ourworldindata.org/water-use-stress>
- Rybkina I.D. (2023). Assessment of anthropogenic pressure on water resources and the effectiveness of their use: A review of methodological approaches. *Antropogennaya transformatsiya prirodnoi sredy*, 9(2), 55–67. DOI: 10.17072/2410-8553-2023-2-55-67 (in Russian).
- Semyachkov A.I. (2022). *Prostranstvenno-vremennóe modelirovanie sbalansirovannogo prirodopol'zovaniya* [Spatial and Temporal Modeling of Balanced Environmental Management]. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN.
- Shang Y., Si Y., Zeng G. (2015). Black or green? Economic growth patterns in China under low carbon economy targets. *Journal of Resources and Ecology*, 6(5), 310–317. DOI: 10.5814/j.issn.1674-764x.2015.05.004
- Shiklomanov I.A., Markova O.L. (1987). *Problemy vodnykh resursov i perebrosok stoka v mire* [Problems of Water Resources and Flow Transfer in the World]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
- Shkiperova G.T., Lukashova I.V., Druzhinin V.P. (2015). Comparative analysis of the economic impact on the environment in countries with different levels of development. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 25, 20–31 (in Russian).
- Tapio P. (2005). Towards a theory of decoupling: Degrees of decoupling in the EU and the case of road traffic in Finland between 1970 and 2001. *Transport Policy*, 35, 137–151. Available at: <https://oeclase.aau.gr/oeclase/modules/document/file.php/AOA139/ΑΣΚΗΣΕΙΣ/Ασκήση%20πρώτη/Towards%20a%20theory%20of%20decoupling.pdf>
- Tretiakova E.A. (2019). Ecological intensity of economic development of the Northwest regions. *Baltiiskii region*, 11(1), 14–28. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-1-2 (in Russian).
- Tursunalieva D.M., Toktosunova CH.T. (2022). The main problems of water resources use and protection of water bodies in the Kyrgyz Republic. *Vestnik Issyk-Kul'skogo universiteta*, 51, 91–98 (in Russian).
- Victor P.A. (2015). The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: Ecological economics: A personal journey. *Ecological Economics*, 109, 93–100. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2014.11.009
- Zabelina I.A. (2019). The effect of decoupling in the ecological and economic development of regions participating in cross-border cooperation. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(1), 241–255. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.15 (in Russian).
- Zabelina I.A. (2023). Russia and China: Environmental and resource effects of decoupling. *EKO*, 3, 68–92 (in Russian).
- Zhang S. (2025). Analysis of the decoupling effect between water resource utilization and high-quality economic development in nine provinces (regions) of the Yellow River Basin. *GeoJournal*, 90, 215. DOI: 10.1007/s10708-025-11469-4
- Zima Yu.S. (2024). Environmental taxation as a tool for the rational use of natural resources. *Uchet i statistika*, 21(1), 83–93. DOI: 10.54220/1994-0874.2024.23.79.009 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Tretiakova – Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Professor, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: tretiakova.ea@uiec.ru)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.5

УДК 332.1, 338.2 | ББК 65.049(2)

© Патракова С.С.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ НА БАЗЕ НЕОЭНДОГЕННОЙ МОДЕЛИ

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА ПАТРАКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: sspatrakova@bk.ru

ORCID: 0000-0002-4834-3083; ResearcherID: B-5054-2019

Обеспечение устойчивого развития сельских территорий было и остается актуальной задачей для России, так как, несмотря на реализацию комплекса государственных программ и проектов на федеральном и региональном уровнях, в развитии села сохраняется большое число экономических, социально-демографических, инфраструктурных проблем, ставших уже хроническими. Это обуславливает необходимость не просто разработки новых и совершенствования уже существующих мер и инструментов, а пересмотра самой модели развития сельских территорий, сложившейся в стране к настоящему времени. Цель исследования состоит в обосновании концептуальных основ развития сельских территорий России на базе неоэндогенной модели для последующей их имплементации в практику государственного управления. В рамках ее достижения разработан механизм регулирования развития сельских территорий, который базируется на принципах неоэндогенного развития и предполагает использование как уже существующих, так и новых перспективных инструментов. В числе последних: индивидуальные планы / проекты развития сельских территорий с низким уровнем социально-экономического развития; стандарты качества жизни на сельских территориях; проекты развития сотрудничества по линиям «город – село» и «село – село» в экономической, социальной и иных сферах общественной жизни. Результаты работы вносят вклад в формирование представлений о перспективах развития российского села и могут быть использованы научными сотрудниками при проведении исследований схожей тематики, органами государственной власти при совершенствовании

Для цитирования: Патракова С.С. (2026). Концептуальные основы развития сельских территорий России на базе неоэндогенной модели // Проблемы развития территории. Т. 30. № 4. С. 67–83. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.5

For citation: Patrakova S.S. (2026). Conceptual foundations of rural development in Russia based on the neo-endogenous model. *Problems of Territory's Development*, 30(4), 67–83. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.5

нии документов стратегического планирования и разработке конкретных проектов развития сельских территорий.

Сельские территории, неозндогенная модель развития, механизм, сотрудничество, кооперация.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках государственного задания для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов» (FMGZ-2025-0013).

Введение

Согласно Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р), обеспечение сбалансированного пространственного развития является одной из стратегических целей России. Ее достижение зависит не столько от выявления и развития меж- и внутрирегиональных точек роста, которыми чаще всего выступают города¹, сколько от планомерного и комплексного развития сельских территорий. Однако исследователи отмечают, что развитие российского села сдерживается целым комплексом социально-демографических, экономических, инфраструктурных проблем (см., например, Нефедова, 2025; Ворошилов, 2025). При этом большинство из них имеют затяжной характер, несмотря на реализацию мер государственной поддержки в рамках программы «Комплексное развитие сельских территорий» (утв. Постановлением Правительства РФ от 31.05.2019 № 696) и программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия

(утв. Постановлением Правительства РФ от 14.07.2012 № 717), национальных проектов и т. д. Это обуславливает необходимость не просто разработки новых мер и инструментов, а пересмотра самой модели развития села, сложившейся в России к настоящему времени.

Наиболее перспективным, по мнению отечественных и зарубежных исследователей (Костяев, 2018а; Костяев, 2018b; Иванов, 2021; Козлова, Копылова, 2025; Georgios et al., 2021; Eversole, Campbell, 2023; Liu, Han, 2025), видится переход к неозндогенной модели, используемой сегодня в большом числе развитых стран Европы и Азии². Ее сущность заключается в ориентации на развитие сельских территорий посредством повышения эффективности использования как внутренних (эндогенных), так и внешних (экзогенных) ресурсов, а также потенциала кооперационных связей в социальной, экономической и иных сферах общественной жизни по линиям «город – село», «село – село» между государством, бизнесом, населением и другими акторами. При этом в условиях турбулентности мировой

¹ Так, в списке из 2160 опорных населенных пунктов РФ, утвержденном президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в РФ (протокол от 16.12.2024 № 143пр), 68% – это города (1041 ед.) и поселки городского типа (438 ед.) и лишь 32% – это сельские населенные пункты (681 ед., что почти в 2,2 раза меньше числа городских пунктов).

² Так, в значительной степени соответствуют неозндогенной модели развития программа развития сельских территорий LEADER, реализуемая в странах Европы, и программа возрождения сельских территорий КНР (Biczowski, 2020; Liu et al., 2025). При этом в мировом научном сообществе наряду с неозндогенной моделью развития сельских территорий также выделяется экзогенная модель, предполагающая опору в основном на внешние ресурсы развития, и эндогенная модель, ориентированная на использование в основном внутренних ресурсов для развития. Неозндогенная модель, как и эндогенная, основывается на использовании потенциала местных (локальных) сообществ и ресурсов, а также, в отличие от последней, разнообразных сетей, знаний, инноваций, социального капитала (Костяев, 2023). Современная модель сельского развития в РФ идентифицируется чаще всего как модель экзогенного типа с доминированием города над селом, которое, в свою очередь, рассматривается как поставщик продовольственных ресурсов и сырья для развития городской экономики (см., например, Костяев, 2021).

экономики и геополитики, обострения уже существующих и появления новых глобальных, национальных вызовов раскрытие потенциала кооперации, сотрудничества видится крайне актуальным, т. к. становится очевидной невозможность развиваться «в одиночку». Однако если теоретико-методологические основы неозндогенной модели являются хорошо изученными в мировом научном сообществе, то вопросы, касающиеся ее практической реализации, наоборот, были и остаются дискуссионными.

Целью работы является научное обоснование концептуальных основ развития сельских территорий России на базе неозндогенной модели для последующей их имплементации в практику государственного управления. Для ее достижения предполагается решение взаимосвязанных задач: дать краткую характеристику тенденций развития сельских территорий РФ, а также разработать механизм регулирования и предложить новые перспективные инструменты их развития в рамках неозндогенной модели.

Информационную базу исследования составляют данные Росстата, труды ученых, аналитические доклады и отчеты органов государственной власти РФ, зарубежных

стран и международных организаций, посвященные теоретико-методологическим и практическим аспектам сельского развития.

В работе использованы методы монографического, критического анализа, синтеза, обобщения, сравнения.

Тенденции развития сельских территорий России

Развитие сельских территорий современной России характеризуется наличием большого числа проблем и негативных тенденций, что отмечается представителями не только научного сообщества, но и органов государственной власти³. При этом большинство проблем, как подчеркивалось ранее, имеет хронический характер, т. е. наблюдается на протяжении более 20 лет. В их числе можно выделить следующие.

1. В демографической сфере: уменьшение численности сельского населения. Так, в целом по РФ за 1990–2025 гг. она сократилась на 6,7% (с 38,9 до 36,3 млн чел.; табл. 1), при этом численность населения трудоспособного и младше трудоспособного возраста в 1989–2023 гг. сократилась на 9,8% (с 30,4 до 27,4 тыс. чел.). Однако необходимо понимать, что это средние оценки по стране; в большинстве субъектов РФ проблема

Таблица 1. Динамика численности сельского населения РФ

Показатель	1990*	2000**	2010	2020	2025***	2025 к 1990 г.****, %, +/- п. п.
1. Численность сельского населения, млн чел.	38,9	39,5	37,6	37,4	36,3	93,3
2. Доля сельского населения в общей численности населения РФ, %	26	27	26	25	25	-1
3. Численность сельского населения трудоспособного и младше трудоспособного возраста, млн чел.	30,4	30,0	29,2	27,6	27,4	90,2
4. Доля населения трудоспособного и младше трудоспособного возраста в общей численности сельского населения, %	77,9	77,4	77,9	74,1	74,6	-3,3
Примечание. Только для показателей 3–4: * – 1989 г., ** – 2002 г., *** – 2023 г., **** – 2023 г. к 1989 г. Рассчитано по: данные Росстата.						

³ См., например: Путин прокомментировал проблему неблагоустроенности сел в России // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/economics/putin-prokommentiroval-problemu-neblagoustroennosti-syol-v-rossii.html> (дата обращения: 27.04.2026); Матвиенко призвала регионы внимательнее относиться к содержанию сельских школ и дорог // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20790823> (дата обращения: 27.04.2026).

депопуляции стоит значительно острее. Например, в Вологодской области численность сельского населения в 1990–2025 гг. сократилась на 35,2% (с 467,6 до 303,1 тыс. чел.), а его доля в общей численности населения региона – на 7,3 п. п. (с 34,5 до 27,2%). Все это ведет к ускоренной трансформации каркаса расселения региона за счет его упрощения – повышения роли городов как узлов расселения при увеличении числа и доли обезлюженных сельских населенных пунктов.

2. В социальной сфере: относительно низкие уровень и качество жизни сельского населения в сравнении с уровнем и качеством жизни горожан. Например, разрыв между городом и селом по ожидаемой продолжительности жизни при рождении в 2000–2023 гг. в РФ увеличился с 1,6 до 1,8 года в пользу первого (73,9 против 72,1 года в 2023 году).

Разрыв по уровню располагаемых ресурсов домохозяйств на 1 члена в 2014–2024 гг. увеличился с 9,5 до 14,2 тыс. руб. (46,5 в городской местности против 32,3 тыс. руб. в сельской местности в 2024 году; табл. 2). Для сравнения: в Вологодской области – с 9,2 до 9,8 тыс. руб.

3. В сфере экономики: разрушение экономической базы сельских территорий,

удаленных от ключевых центров экономического роста регионального и межрегионального уровня (крупных городов – административных центров, ядер городских агломераций и т. д.). Например, среднестатистические объемы отгрузки продукции, товаров, услуг полностью сельских муниципалитетов Вологодской области почти в 6 раз меньше среднеобластного значения: 203 против 1209 тыс. руб. в 2023 году⁴. Для сравнения: в 2016 году разрыв составлял 4,4 раза (189,0 против 824,7 тыс. руб.).

4. В инфраструктурной сфере: высокая степень изношенности коммунальной и бытовой инфраструктуры или ее полное отсутствие. Так, по данным Росстата, в 2024 году лишь 47% сельского жилищного фонда было оборудовано одновременно водопроводом и канализацией, отоплением и горячим водоснабжением, газом или напольными электроплитами.

Указанные аспекты, безусловно, не отражают всего спектра проблем и негативных тенденций развития сельских территорий, но показывают их разнообразие по сферам, масштабность и продолжительность действия. Это в свою очередь обуславливает необходимость пересмотра самой модели развития села, сложившейся в России к настоящему времени.

Таблица 2. Уровень располагаемых ресурсов домашних хозяйств в среднем на члена домохозяйства в месяц, руб.

Показатель	Домашние хозяйства в городской местности			Домашние хозяйства в сельской местности			Превышение ресурсов городских хозяйств над ресурсами сельских домохозяйств	
	2014	2024	2024 к 2014, %	2014	2024	2024 к 2014, %	2014	2024
РФ	25347,5	46484,4	1,8	15802,3	32325,2	2,0	9545,2	14159,2
Вологодская область	27566,1	47936,7	1,7	18353,5	38130,4	2,1	9212,6	9806,3

Примечание: данные представлены в текущих ценах.
Рассчитано по: данные Росстата.

⁴ Социально-экономическое развитие муниципальных образований Вологодской области. 2000–2023 гг. (2024): информационно-аналитический бюллетень. Вып. 11 / под общ. ред. Т.В. Усковой, Н.В. Ворошилова. Вологда: ВолНЦ РАН, 2024. 132 с.

Концептуальные основы развития сельских территорий России на базе неозндогенной модели

Среди всего многообразия концепций и теорий региональной и пространственной экономики теоретической основой для формирования и реализации неозндогенной модели развития сельских территорий РФ могут выступить концепции опорного каркаса⁵ и сельско-городского континуума⁶. Именно в их рамках село и город понимаются как взаимосвязанные и взаимодополняющие элементы регионального социально-экономического пространства, а источники их развития изыскиваются как изнутри, так и извне. Однако дополнительно механизм может интегрировать в себя положения:

– концепции пространственной (экономической, социальной, институциональной и иной) близости, обуславливающей характер взаимодействия различных

объектов (Замятина, Пилясов, 2017; Torre, Rallet, 2005);

– теории инклюзивного роста в части включенности всех групп населения, представителей власти, бизнеса в развитие территорий, равенства их доступа к достижениям и благам экономики (Родина, 2019).

Схематично ключевые идеи и положения каждой из них, используемые при построении неозндогенной модели, показаны на рисунке 1.

Однако концептуальные рамки механизма (цели, задачи, приоритеты) видится целесообразным очертить прежде всего ключевыми документами стратегического планирования России. В их числе: Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»; Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Рос-

Неозндогенная модель сельского развития			
↑	↑	↑	↑
Концепция опорного каркаса	Концепция сельско-городского континуума	Концепция пространственной близости	Теории инклюзивного роста
Идеи роли и значения сельских территорий не просто как «ткани» пространства (некий второстепенный, вспомогательный элемент в сравнении с городами), а его важного системообразующего элемента, выполняющего целый комплекс народнохозяйственных функций (демографическая, производственная и т.д.).	Идеи взаимосвязи и взаимозависимости развития города и села, отсутствия четкой границы между ними ввиду наличия зон, сочетающих признаки городского и сельского образа жизни (пригородные зоны, малые города и т.д.).	Идея многокомпонентной (экономической, социальной, институциональной, транспортной и иной) близости города и села, обуславливающей сложный характер их взаимодействия.	Идеи включенности всех групп населения, представителей власти, бизнеса, некоммерческих организаций и иных акторов в развитие сельских территорий, равенства их доступа к достижениям и благам экономики.

Рис. 1. Теоретическая основа для формирования и реализации неозндогенной модели развития сельских территорий

Источник: составлено автором.

⁵ Концепция опорного каркаса является одной из базовых в региональной и пространственной экономике. Ее основоположники (Н.Н. Баранский, Г.М. Лаппо, Б.С. Хорев и др.) рассматривали территории через призму узловых элементов, которыми чаще всего выступали города, и соединяющих их линейных элементов – дорог. При этом современные исследователи отмечают, что в настоящее время узловыми элементами могут выступать не только города, но и крупные сельские населенные пункты, выполняющие опорную роль / функции экономического, социального, инфраструктурного центра по отношению к окружающим территориям. Кроме этого, уделяют значительное внимание вопросам влияния городов на развитие окружающих сельских территорий.

⁶ Концепция сельско-городского континуума (основоположники – П.А. Сорокин, К. Циммерман, Р. Редфилд и др.) предполагает рассмотрение территории через призму мягкого и постепенного перехода от городских форм расселения к сельским, сораствления города и села.

сийской Федерации»; Стратегия пространственного развития РФ на период до 2030 года. Представляется, что только такое сквозное – ориентированное на достижение верхнеуровневых, единых для всех органов власти целей – стратегирование может оказать положительное влияние на развитие сельских территорий и страны в целом.

Непосредственно сам переход к неозндогенной модели сельского развития следует реализовывать постепенно, в отсутствие кардинального слома существующей модели, которая в определенной степени уже интегрирует в себе отдельные аспекты и экзогенной, и эндогенной моделей развития⁷. Стратегические шаги для такого перехода видятся в следующем:

I. Совершенствование системы государственного регулирования развития сельских территорий в части внедрения принципов, методов и инструментов, формирования институтов неозндогенного развития.

II. Организационная, финансовая, правовая и иная государственная поддержка проектов сетевого взаимодействия в проекциях «село – село», «город – село» в разных сферах общественной жизни (экономической, социокультурной, инфраструктурной и т. д.) с активным участием местного населения и бизнес-сообщества, органов государственной власти и местного самоуправления, иных заинтересованных лиц.

С учетом этих шагов и указанной выше теоретической основы разработан механизм регулирования развития сельских территорий в рамках неозндогенной модели (рис. 2). При этом его реализация видится целесообразной на основе актуализированной Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года (далее – Стратегия), утвержденной еще в 02.02.2015 распоряжением Правительства РФ № 151-р и редактируемой по состоянию

на март 2026 года всего один раз (в 2017 году). Связано это с тем, что разработка и утверждение новой стратегии потребует сравнительно более высоких затрат ресурсов, времени, что в целом представляется нецелесообразным.

Актуализации изначально, на наш взгляд, должна быть подвергнута трактовка устойчивого развития сельских территорий, изложенная в Стратегии: «стабильное социально-экономическое развитие сельских территорий, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель». Предлагаемая трактовка: «социально-экономическое развитие сельских территорий, при котором наблюдается устойчивое повышение уровня и качества жизни сельского населения, развитие экономики сельских территорий, рациональное использование природных ресурсов и которое способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности Российской Федерации». Фактически сохраняя социо-эколого-экономический фокус концепции устойчивого развития (англ. sustainable development), новая трактовка:

а) уходит от узкой аграрной специализации сельских территорий, что крайне важно для России с ее огромными территориями, имеющими разнообразные природно-климатические, демографические, культурные и иные характеристики;

б) конкретизирует довольно размытую трактовку «стабильное социально-экономическое развитие сельских территорий» и устраняет спорную с точки зрения выполнения задачу достижения полной занятости сельского населения;

⁷ Среди признаков экзогенной модели можно выделить сохранение производства продовольствия и сырьевых товаров для городской экономики как основной функции сельских территорий, нацеленность на модернизацию сельского и лесного хозяйства в рамках развития сельской экономики, отсутствие в большей части российских регионов стратегий развития сельских территорий и др. (Патракова, 2022). Среди признаков эндогенной модели – наличие отдельных инструментов диверсификации сельской экономики (грантов, субсидий на развития сельского туризма и т. д.), повышения активности и заинтересованности сельского сообщества в решении местных проблем (например, через инициативное бюджетирование и др.).

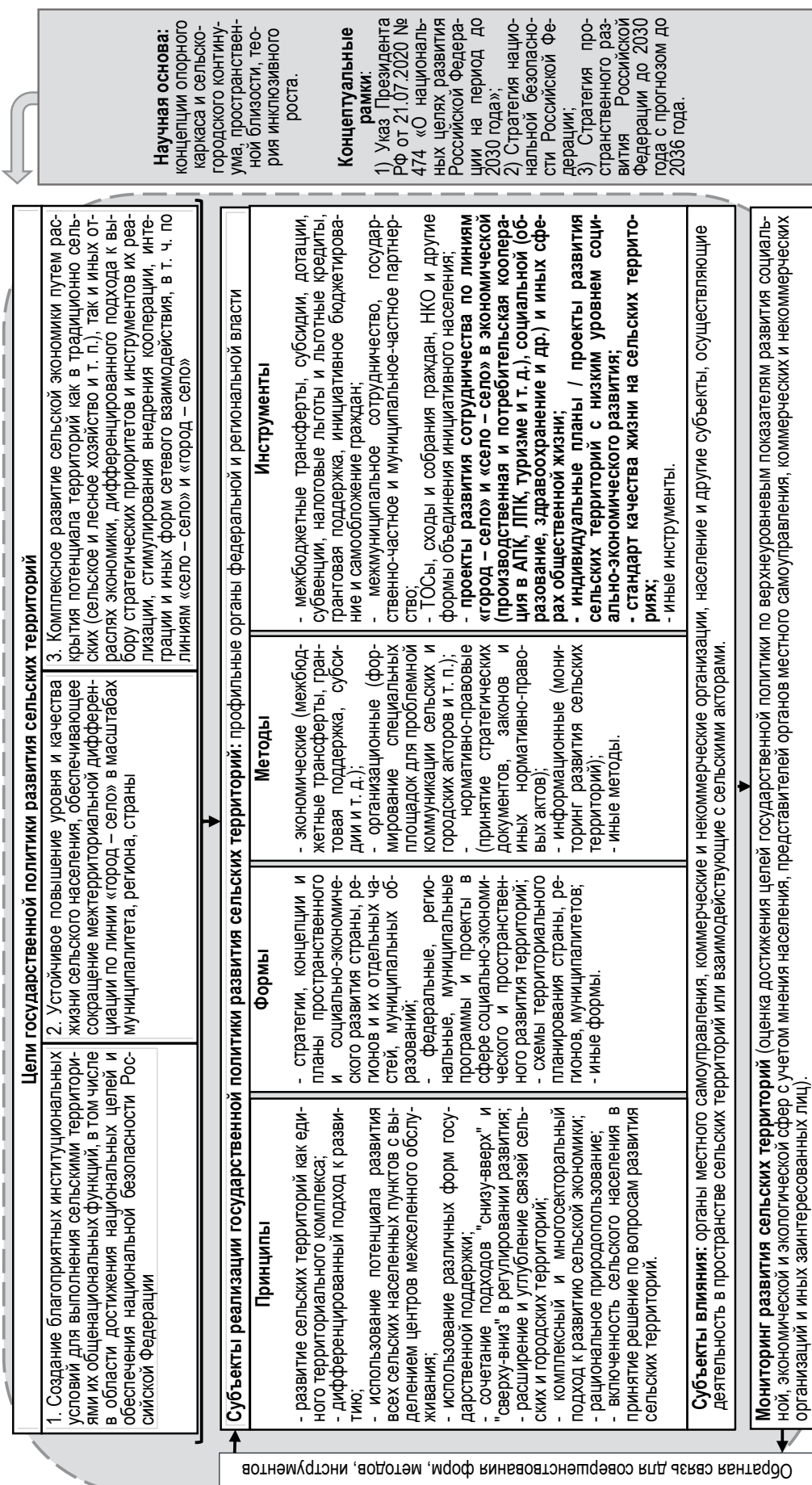

Рис. 2. Механизм регулирования развития сельских территорий в рамках неозндогенной модели

Примечание: полужирным шрифтом выделены инструменты, не получившие должного, на наш взгляд, распространения.
Источник: составлено автором.

в) обуславливает связь развития сельских территорий с достижением национальных целей и обеспечением национальной безопасности РФ, что крайне важно с точки зрения позиционирования роли и места российского села, его значения для российского общества.

Также видится необходимым скорректировать цели государственной политики в области обеспечения развития сельских территорий. Так, изложенная в Стратегии цель № 1 имеет расплывчатую формулировку («создание благоприятных социально-экономических условий...») и фактически раскрывается в целях № 2–4.

Цель № 2, связанная со стабилизацией численности сельского населения и созданием условий для ее роста, представляется труднореализуемой и даже недостижимой; в свете общемировой тенденции к урбанизации рост людности может наблюдаться только в ограниченном числе сельских населенных пунктов, например, расположенных в зоне крупных и крупнейших городских агломераций, пригородах. Более того, бороться с миграционным оттоком сельского

населения может быть и вовсе контрпродуктивно, например, это может препятствовать переходу к новому технологическому укладу. В свете этого цель № 3, связанная с повышением уровня и качества жизни, выглядит более целесообразной.

Цель № 4 характеризуется узким «аграрным» взглядом на специализацию сельской экономики.

С учетом зарубежного опыта и научных основ неозндогенного развития сельских территорий видится приемлемым целеполагание в трех направлениях: создание благоприятных институциональных условий (сфера управления; табл. 3), повышение уровня и качества жизни населения (социальная сфера), комплексное развитие сельской экономики (экономическая сфера).

При этом основными субъектами реализации государственной политики развития сельских территорий в указанных выше трех сферах выступают профильные органы федеральной и региональной власти: Министерство сельского хозяйства Российской Федерации и соответствующие министерства / департаменты субъектов РФ.

Таблица 3. Цели государственной политики в области развития сельских территорий

Цели, изложенные в Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года	Предложения по корректировке целей
1. Создание благоприятных социально-экономических условий для выполнения сельскими территориями их общенациональных функций и решения задач территориального развития	1. Создание благоприятных институциональных условий для выполнения сельскими территориями их общенациональных функций, в том числе в области достижения национальных целей и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации
2. Обеспечение стабилизации численности сельского населения и создание условий для его роста за счет снижения смертности, увеличения ожидаемой продолжительности жизни, уменьшения миграционного оттока населения	2. Устойчивое повышение уровня и качества жизни сельского населения, обеспечивающее сокращение межтерриториальной дифференциации по линии «город – село» в масштабах муниципалитета, региона, страны
3. Обеспечение занятости, повышение уровня и качества жизни сельского населения с учетом современных требований и стандартов	
4. Повышение эффективности сельского хозяйства и вклада сельских территорий в социально-экономическое развитие страны	3. Комплексное развитие сельской экономики путем раскрытия потенциала территорий как в традиционно сельских (сельское и лесное хозяйство), так и иных отраслях экономики, дифференцированного подхода к выбору стратегических приоритетов и инструментов их реализации, стимулирования кооперации, интеграции и иных форм взаимодействия, в т. ч. по линиям «село – село» и «город – село»
Источник: составлено автором с учетом положений Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р (ред. от 13.01.2017).	

Дополнительно к достижению целей сельского развития могут и должны быть привлечены иные органы государственной и региональной власти в пределах своих полномочий и компетенций, например: Министерство транспорта в части решения вопросов инфраструктурного характера; Министерство труда и социальной защиты в части содействия занятости, повышения производительности труда сельского населения.

Объектом влияния в рамках авторского механизма является многомерное социально-экономическое пространство сельских территорий. Субъектами влияния выступают органы местного самоуправления, коммерческие и некоммерческие организации, население и другие субъекты, осуществляющие деятельность в пространстве сельских территорий или взаимодействующие с сельскими акторами. При этом между субъектами реализации государственной политики и субъектами, на функционирование которых направлена эта политика, должна быть налажена система обратной связи. Целесообразно, чтобы она базировалась на результатах регулярно проводимого мониторинга развития сельских территорий, состоящего из оценки достижения целей государственной политики по верхнеуровневым показателям развития социальной, экономической и экологической сфер (объективная сторона, т. к. источником данных могут выступать данные официальной ста-

тистики) и мнений населения, представителей органов местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций и иных заинтересованных лиц (субъективная сторона; источником информации могут служить опросы, проводимые через портал государственных услуг или специализированные – научные / экспертные / аналитические – агентства).

Политика развития сельских территорий, как и любых других территорий, сфер и отраслей экономики, должна базироваться на определенных принципах. При этом в рамках неоздогенной модели сельского развития видится необходимым скорректировать принципы, изложенные в Стратегии устойчивого развития сельских территорий: с одной стороны, сократить их количество, оставив только ключевые, верхнеуровневые, с другой стороны, добавить принципы, на которых базируется политика стран Евросоюза и КНР (табл. 4). Важно, чтобы эти принципы нашли отражение и в иных документах пространственного и социально-экономического развития страны (например, в Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 года в случае ее корректировки; стратегиях развития сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности и т. д.) и ее регионов, национальных проектах, государственных программах и иных документах, затрагивающих вопросы сельского развития.

Таблица 4. Принципы государственной политики в области развития сельских территорий

Принципы, изложенные в Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года	Предложения по корректировке принципов
1. Развитие сельской местности как единого территориально-исторически сложившегося комплекса, выполняющего важные общественно значимые функции и вносящего значительный вклад в комплексное социально-экономическое развитие Российской Федерации	Скорректировать: развитие сельской местности как единого территориального исторически сложившегося комплекса, выполняющего общественно значимые функции и вносящего значительный вклад в комплексное социально-экономическое развитие Российской Федерации, достижение национальных целей и обеспечение национальной безопасности
2. Обеспечение конституционных прав граждан, проживающих в сельской местности, в том числе обеспечение доступности и качества государственных и муниципальных услуг	Исключить, т. к. этот принцип является задачей, исходящей из положений Конституции РФ
3. Создание условий для повышения доступности и качества иных социально значимых услуг, предоставляемых сельским жителям на возмездной основе	Исключить, т. к. этот принцип является скорее задачей

Принципы, изложенные в Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года	Предложения по корректировке принципов
4. Использование различных форм государственной поддержки для обеспечения благоприятных условий социально-экономического развития сельских территорий, всестороннего использования существующего экономического и социально-демографического потенциала	Оставить.
5. Партнерство между государством, органами местного самоуправления, бизнесом и сельским населением в целях обеспечения устойчивого развития сельских территорий	Скорректировать: сочетание подходов «снизу-вверх» и «сверху-вниз» при определении целей, перспектив, приоритетов и разработке стратегий развития территорий в партнерстве государства, бизнеса и сельского населения
6. Использование потенциала развития всех сельских населенных пунктов с выделением центров межселенного обслуживания	Оставить
7. Дифференцированный подход к развитию сельских территорий, учет существующих территориальных особенностей и их влияния на потенциал социально-экономического развития сельских территорий, направленный на сокращение межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации в уровне и качестве жизни сельского населения	Оставить
8. Использование преимуществ сельского образа жизни при реализации мероприятий молодежной и демографической политики в сельской местности	Исключить, т. к. не является верхнеуровневым
9. Расширение и углубление связей сельских территорий с городами, интегрирование сельских территорий в единую общеэкономическую систему на основе агропромышленной интеграции и кооперации, развития современных экономически эффективных форм организации хозяйственной деятельности организаций всех форм собственности	Скорректировать: расширение и углубление связей сельских территорий с городами на основе развития сетевых и несетевых форм взаимодействия в сферах экономики (АПК, ЛПК, циркулярная экономика и т. д.), инфраструктуры, культуры и иных сферах общественной жизни
10. Развитие в сельской местности местного самоуправления, институтов гражданского общества, всех форм кооперации, повышение участия сельского населения в принятии решений по вопросам развития сельских территорий	Оставить
11. Рациональное природопользование, сохранение и улучшение традиционных агроландшафтов, бережное отношение к невозможным природным ресурсам	
12. Обеспечение эпизоотического благополучия сельских территорий	Исключить, т. к. не является верхнеуровневым, является скорее задачей
13. Реализация в сельской местности инвестиционных проектов в агропромышленном комплексе, взаимоувязанных с обеспечением населенных пунктов, где они реализуются, объектами социальной и инженерной инфраструктуры	Скорректировать: комплексный и многосекторальный подход к развитию сельской экономики, ориентированный на поддержку и развитие не только «традиционно сельских» отраслей - сельского и лесного хозяйства, но и иных отраслей экономики, в т. ч. с учетом глобальных вызовов и трендов
14. Создание дополнительных высокотехнологичных рабочих мест в организациях агропромышленного комплекса в сельской местности	
15. Наличие мер по стимулированию привлечения внебюджетных источников в целях комплексного развития социально-инженерной инфраструктуры и улучшения жилищных условий в сельской местности	Исключить, т. к. не является верхнеуровневым
Источник: составлено автором с учетом положений Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р (ред. от 13.01.2017).	

Ключевая роль в рамках реализации неозндогенной модели, на наш взгляд, отводится использованию уже существующих и внедрению новых инструментов развития сельских территорий. При этом инструменты в большинстве своем являются комплексными, т. к. могут оказывать влияние на достижение не конкретной, а нескольких целей развития (рис. 3).

Среди всего массива инструментов особое внимание следует обратить на те, которые либо еще не внедрены, либо слабо используются в отечественной практике:

- 1) индивидуальные планы / проекты развития сельских территорий с низким уровнем социально-экономического развития;
- 2) стандарты качества жизни на сельских территориях;
- 3) проекты развития сотрудничества по линиям «город – село» и «село – село» в экономической, социальной и иных сферах общественной жизни.

Так, представляется возможной разработка и реализация на уровне субъектов РФ индивидуальных планов / проектов развития (ИПР) сельских территорий с низким уровнем социально-экономического развития по аналогии с индивидуальными планами развития, утвержденными в отношении Курганской и Псковской областей, Алтайского края, республик Алтай, Адыгея, Калмыкия, Карелия, Марий Эл, Тыва, Чувашия, распоряжениями Правительства РФ в соответствии с поручением Председателя Правительства РФ от 05.06.2019 № ДМ П16–4600р. При этом действующие в отношении регионов ИПР ученые называют единственной мерой федеральной региональной политики, предусматривающей «одновременно и конкурсный отбор регионов, и индивидуализированный характер подбора мероприятий в отношении каждого конкретного субъекта»; при этом «власти регионов напрямую вовлечены в формирование программ, их

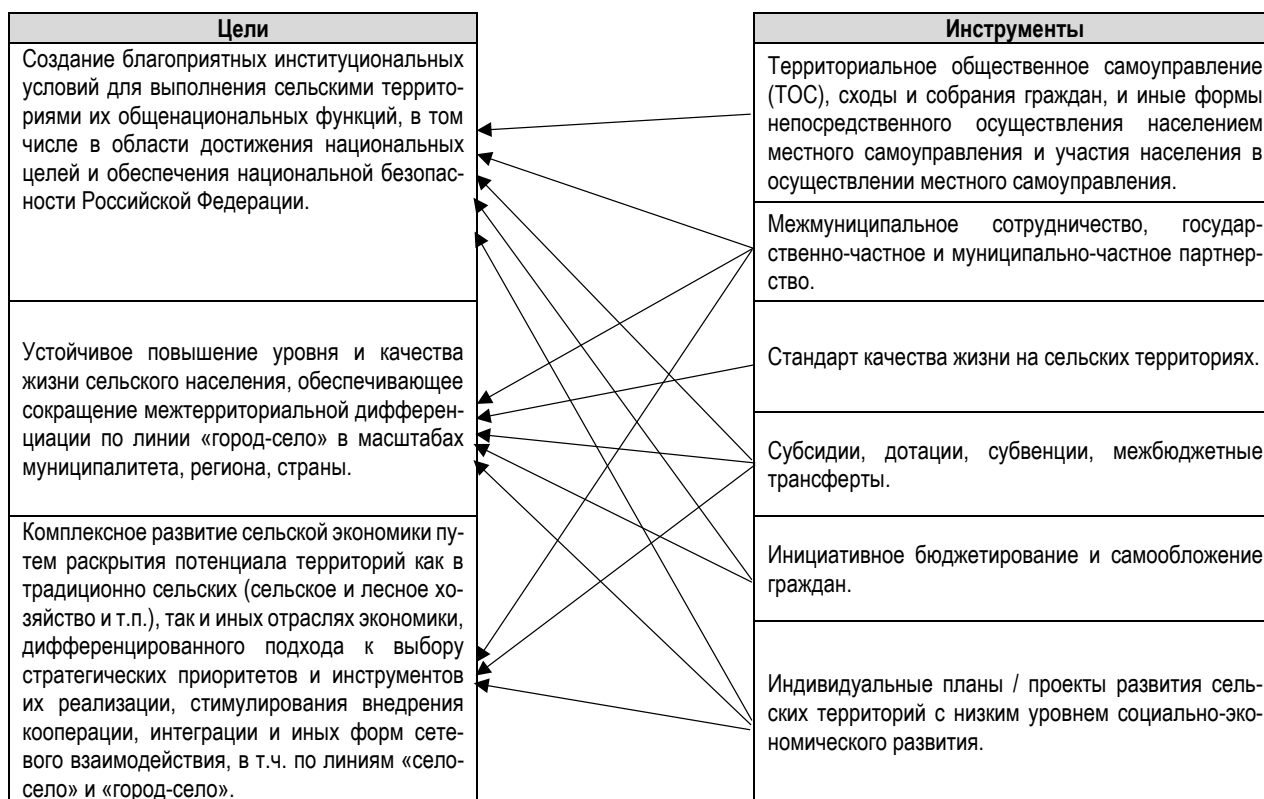

Рис. 3. Влияние некоторых инструментов на достижение целей государственной политики в области развития сельских территорий

Источник: составлено автором.

мнение учитывается, и таким образом регионы могут как минимум приоритизировать (хотя и в предзаданных федерацией условиях) проекты программ в соответствии с выбранным ими самими вектором внутренней региональной политики» (Землянский и др., 2024).

С учетом Методических рекомендаций по организации работы по разработке индивидуальных программ социально-экономического развития субъектов РФ с низким уровнем социально-экономического развития (утв. Приказом Минэкономразвития России от 25.10.2019 № 698) и доклада Счетной палаты РФ «Анализ эффективности реализации программ индивидуальных планов развития территорий с низким уровнем социально-экономического развития»⁸ можно выделить моменты, которые необходимо учесть при тиражировании на локальный уровень такого инструмента, как ИПР:

- перечень основных мероприятий ИПР рекомендуется формировать из сфер «экономика», «среда для жизни», «социальная сфера», а также включать в него мероприятия, направленные на формирование собственных источников доходов муниципальных образований;
- практику разработки ИПР следует распространять на отдельные, наиболее отстающие по уровню развития сельские территории⁹, что обеспечит целевой характер финансирования, при этом должны быть четко определены роль и полномочия муниципальных образований и регионов в процессе реализации ИПР;
- при завершении реализации ИПР с целью сохранения позитивной динамики развития территории следует вводить переходный период действия мер или иные механизмы поддержки территорий.

Представляется, что разработка и реализация ИПР может оказать позитивное влияние на достижение всех трех вышеобозначенных целей развития сельских территорий, т. к. предполагает возможность финансирования мер по социальному (строительство и модернизация медицинских и образовательных учреждений и т. п.) и экономическому развитию (содействие появлению новых рабочих мест за счет развития производств и т. п.) сельских территорий при их включенности в процессы планирования, разработки и реализации, т. к. мероприятия для реализации предлагаются «снизу», а не определяются вышестоящими органами власти.

Не менее интересным, но еще не используемым в отечественной практике инструментом является стандарт качества жизни на сельских территориях. Представляется, что к выработке таких стандартов – нормативов / требований / предписаний к обустройству сельских населенных пунктов, качеству социальных и иных услуг, оказываемых сельским жителям, и т. д. – должны быть привлечены представители федеральных органов власти (Министерства сельского хозяйства РФ, Министерства культуры РФ, Министерства цифрового развития и массовых коммуникаций РФ, Министерства здравоохранения РФ и т. д.), органов власти субъектов РФ и местного самоуправления. Также должно быть учтено мнение представителей научных организаций, бизнес-сообщества, сельского населения в целом.

Стандарты должны носить дифференцированный характер в зависимости от типов сельских территорий, т. е. учитывать природно-климатические особенности, экономико-географическое положение, социокультурные аспекты местного сообщества

⁸ Бюллетень Счетной палаты РФ. Развитие регионов. 2024. № 1. 135 с. URL: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-1-2024?highlight-search-result> (дата обращения: 26.05.2026).

⁹ Например, в Вологодской области потенциально такие программы / проекты могут быть реализованы в Бабушкинском, Вожегодском, Кичменгско-Городецком, Усть-Кубинском, Никольском и Белозерском муниципальных округах (первые четыре – полностью сельские), которые характеризуются низким уровнем социально-экономического развития по результатам мониторингового исследования ученых ВолНЦ РАН (Социально-экономическое развитие муниципальных образований Вологодской области. 2000–2024 гг. (2025): информационно-аналитический бюллетень. Вып. 12 / под общ. ред. Т.В. Усковой, Н.В. Ворошилова. Вологда: ВолНЦ РАН. 96 с.). Подход ВолНЦ РАН к ранжированию территорий по значениям интегрального показателя социально-экономического развития может быть тиражирован на другие регионы РФ.

и т. д. Вместе с тем, как отмечают российские исследователи, стандарты не должны представлять собой узкий перечень минимальных положений, которые могут спровоцировать возникновение конкуренции за финансовые ресурсы для развития территорий; их задача – стимулировать процесс социальной и экономической конвергенции территорий (Полушкина и др., 2022).

Еще одним инструментом могут выступить проекты развития сетевого и несетевого сотрудничества по линиям «город – село» и «село – село» в экономической (производственная и потребительская кооперация в АПК, ЛПК, туризме и т. д.), социальной (образование, здравоохранение и др.) и иных сферах общественной жизни. Такого рода взаимодействие может и должно развиваться как внутри одного конкретного муниципалитета, так и между разными муниципалитетами одного либо нескольких регионов РФ при наличии «точек соприкосновения»: общие проблемы или перспективы развития, наличие взаимодополняющих или схожих природных ресурсов, близость социокультурного характера, взаимодополняющие функции мест (например, место проживания – место работы – место отдыха¹⁰) и т. д. При этом изначально можно предположить, что наиболее активные, устойчивые, паритетные связи могут быть основаны внутри одного муниципального образования либо между муниципальными образованиями одного региона, чему будет способствовать их территориальная, социальная, институциональная близость.

Проекты могут быть инициированы местными бизнес-структурами и некоммерческими организациями, органами местного самоуправления, населением и даже внешними по отношению к ним акторами (научными, образовательными организациями и др.), касаться вопросов благоустройства территорий, реализации культурных мероприятий или развития совместной хозяйственной деятельности (обязательно с учетом отраслевой специфики территорий и

предприятий). Такие проекты могут и должны быть приняты во внимание органами региональной власти для изыскания возможностей оказания организационной, финансовой, правовой и иной поддержки «сверху», тиражирования в случае успешного опыта.

Заключение

В ходе исследования обоснована необходимость изменения сложившейся в России к настоящему времени модели развития сельских территорий, характеризующейся сочетанием принципов экзогенной и эндогенной моделей, в пользу неозэндогенной. В этом свете разработан механизм регулирования развития сельских территорий, который базируется на принципах неозэндогенного развития (использование не только внешних и внутренних ресурсов развития, но и потенциала сотрудничества территорий) и предполагает использование как уже существующих, так и новых перспективных инструментов. В числе последних предложены индивидуальные планы / проекты развития сельских территорий с низким уровнем социально-экономического развития; стандарты качества жизни на сельских территориях; проекты развития сотрудничества по линиям «город – село» и «село – село» в экономической, социальной и иных сферах общественной жизни. Научно обоснованная проработка принципов и механизмов использования этих инструментов с учетом специфики местных сообществ и сетей, местных ресурсов, местного контроля, принципиальная значимость которых подробно описана в работе (Костяев, 2023), определяет перспективы дальнейших исследований.

Результаты работы могут быть использованы представителями органов государственной власти при совершенствовании политики развития сельских территорий, научными сотрудниками – при обосновании стратегических перспектив и барьеров реализации неозэндогенной модели развития сельских территорий.

¹⁰ Значимость миграционных связей в укреплении связности пространства и решении задачи равномерного развития территории отражена в работе (Корешкова и др., 2025).

ЛИТЕРАТУРА

- Ворошилов Н.В. (2025). Развитие сельских территорий в пространстве городской агломерации: оценки глав муниципальных образований // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 4. С. 75–84. DOI: 10.31442/0235-2494-2025-0-4-75-84
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. (2017). Концепция близости: зарубежный опыт и перспективы применения в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 8–21.
- Землянский Д.Ю., Чуженькова В.А., Абдуллаев А.М. [и др.] (2024). Особенности и проблемы реализации индивидуальных программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. С. 44–78. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-4-44-78
- Иванов В.А. (2021). Научные основы разработки стратегии сельского развития в зоне Севера и Арктики // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. № 1. С. 22–30. DOI: 10.34130/2070-4992-2021-1-1-22
- Козлова О.А., Копылова Ю.В. (2025). Модели устойчивого развития сельских территорий // Продовольственная политика и безопасность. № 2. С. 393–406.
- Корешкова Ю.О., Тимошкин Д.О., Волошин А.А., Зборовицкая Н.Н. (2025). Деревня – городу, город – деревне: транслокальные сети внутренних мигрантов как фактор социально-экономической конвергенции регионального центра и периферии. На примере Иркутска и Красноярска // Экономическая социология. № 4. С. 152–175.
- Костяев А.И. (2018а). Идентификация российской модели развития сельских территорий // Экономика сельского хозяйства России. № 10. С. 88–103.
- Костяев А.И. (2018b). Концептуальные подходы к развитию сельских территорий с учетом европейского опыта // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. № 6. С. 141–148. DOI: 10.30766/2072-9081.2018.67.6.141-148
- Костяев А.И. (2021). Сельские территории: модели и механизмы развития // Аграрная наука – сельскому хозяйству: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции: в 2-х книгах. Барнаул, 09–10 февраля 2021 года. Книга 1. Барнаул: Алтайский государственный аграрный университет. С. 71–73.
- Костяев А.И. (2023). Цифровизация сельских территорий в контексте европейских подходов и практик: обзор предметного поля // Экономика региона. № 4. С. 964–984. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-3
- Нефедова Т.Г. (2025). Трансформация сельского хозяйства России и региональные проблемы трудовых ресурсов в сельской местности // Экономические и социальные проблемы России. № 2 (62). С. 137–155. DOI: 10.31249/espr/2025.02.07
- Патракова С.С. (2022). Проблемы интеграции сельских и городских территорий // Развитие территориальных социально-экономических систем. Вопросы теории и практики: сборник научных статей / под общей редакцией Ю.Г. Лавриковой. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН. С. 45–48.
- Полушкина Т.М., Акимова Ю.А., Коваленко Е.Г. (2022). Социальные стандарты и инклюзивная модель развития сельских территорий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 359–383. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1929
- Родина Г.А. (2019). Инклюзивный экономический рост и перспективы России // Теоретическая экономика. № 10. С. 108–112.

- Biczkowski M. (2020). LEADER as a mechanism of neo-endogenous development of rural areas: The case of Poland. *Miscellanea Geographica*, 24(4), 232–244. DOI: 10.2478/mgrsd-2020-0041
- Eversole R., Campbell P. (2023). Building the plane in the air: Articulating neo-endogenous rural development from the ground up. *Journal of Rural Studies*, 10, 103043. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2023.103043. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0743016723001092>
- Georgios C., Nikolaos N., Michalis P. (2021). Neo-endogenous rural development: A path toward reviving rural Europe. *Rural Sociology*, 86, 911–937. DOI: 10.1111/ruso.12380
- Liu M., Zhang C., Li Z., Abdulai A., Yang J. (2025). Building rural resilience through a neo-endogenous approach in China: Unraveling the metamorphosis of Jianta Village. *Agriculture*, 15(21), 2251. DOI: 10.3390/agriculture15212251
- Liu P., Han A. (2025). The neo-endogenous development perspective of stakeholders and their synergy in rural revitalization. *Environment, Development and Sustainability*. DOI: 10.1007/s10668-025-06001-0. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10668-025-06001-0#article-info>
- Torre A., Rallet A. (2005) Proximity and localization. *Regional Studies*, 39, 47–59. DOI: 10.1080/0034340052000320842

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Сергеевна Патракова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

Patrakova S.S.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF RURAL DEVELOPMENT IN RUSSIA BASED ON THE NEO-ENDOGENOUS MODEL

Ensuring the sustainable development of rural territories has always been, and remains, an urgent task for Russia. Despite the implementation of a complex of federal and regional state programs and projects, a large number of economic, socio-demographic, and infrastructural problems – which have already become chronic – persist in the development of the countryside. This necessitates not merely the design of new measures and instruments or the improvement of existing ones, but a fundamental rethinking of the very model of rural development that has taken shape in the country to date. The aim of this study is to substantiate the conceptual foundations for the development of Russia's rural territories on the basis of the neo-endogenous model, with a view to their subsequent implementation in the practice of state governance. In pursuit of this aim, a mechanism for regulating rural development has been elaborated, one that rests on the principles of neo-endogenous development and envisages the use of both existing and new, promising instruments. The latter include: individual plans/projects for the development of rural territories with a low level of socio-economic development; quality-of-life standards for rural areas; and cooperation development projects along “urban–rural” and “rural–rural” lines in the economic, social, and other spheres of public life. The findings contribute to shaping conceptions of the prospects for the development of the Russian countryside and can be used by researchers conducting studies on related topics, as well as by public authorities in refining strategic planning documents and designing specific rural development projects.

Rural territories, neo-endogenous development model, mechanism, collaboration, cooperation.

REFERENCES

- Biczkowski M. (2020). LEADER as a mechanism of neo-endogenous development of rural areas: The case of Poland. *Miscellanea Geographica*, 24(4), 232–244. DOI: 10.2478/mgrsd-2020-0041
- Eversole R., Campbell P. (2023). Building the plane in the air: Articulating neo-endogenous rural development from the ground up. *Journal of Rural Studies*, 10, 103043. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2023.103043. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0743016723001092>
- Georgios C., Nikolaos N., Michalis P. (2021). Neo-endogenous rural development: A path toward reviving rural Europe. *Rural Sociology*, 86, 911–937. DOI: 10.1111/ruso.12380
- Ivanov V.A. (2021). Scientific foundations for devising a rural development strategy in the Northern and Arctic Zone. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvskarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 22–30. DOI: 10.34130/2070-4992-2021-1-1-22 (in Russian).
- Koreshkova Yu.O., Timoshkin D.O., Voloshin A.A., Zborovitskaya N.N. (2025). Village to city, city to village: Translocal networks of internal migrants as a factor of socio-economic convergence of a regional center and the periphery. The case of Irkutsk and Krasnoyarsk. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 4, 152–175 (in Russian).
- Kostyaev A.I. (2018a). Identification of the Russian model of rural development. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii*, 10, 88–103 (in Russian).
- Kostyaev A.I. (2018b). Conceptual approaches to rural development taking into account European experience. *Agrarnaya nauka Evro-Severo-Vostoka*, 6, 141–148. DOI: 10.30766/2072-9081.2018.67.6.141-148 (in Russian).
- Kostyaev A.I. (2021). Rural territories: Models and mechanisms of development. In: *Agrarnaya nauka – sel'skomu khozyaistvu: sbornik materialov XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, v 2-kh knigakh, Barnaul, 09–10 fevralya 2021 goda, Kniga 1* [Agricultural Science to Agriculture: Proceedeings of the 16th International Scientific and Practical Conference: In 2 Books. Barnaul, February 09–10, 2021. Book 1]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet (in Russian).
- Kostyaev A.I. (2023). Digitalization of rural territories in the context of European approaches and practices: A scoping review. *Ekonomika regiona*, 4, 964–984. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-3 (in Russian).
- Kozlova O.A., Kopylova Yu.V. (2025). Models of sustainable rural development. *Prodoval'stvennaya politika i bezopasnost'*, 2, 393–406 (in Russian).
- Liu M., Zhang C., Li Z., Abdulai A., Yang J. (2025). Building rural resilience through a neo-endogenous approach in China: Unraveling the metamorphosis of Jianta Village. *Agriculture*, 15(21), 2251. DOI: 10.3390/agriculture15212251
- Liu P., Han A. (2025). The neo-endogenous development perspective of stakeholders and their synergy in rural revitalization. *Environment, Development and Sustainability*. DOI: 10.1007/s10668-025-06001-0. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10668-025-06001-0#article-info>
- Nefedova T.G. (2025). The transformation of Russian agriculture and regional problems of labor resources in rural areas. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii*, 2(62), 137–155. DOI: 10.31249/espr/2025.02.07 (in Russian).
- Patrakova S.S. (2022). Problems of integrating rural and urban territories. In: *Razvitie territorial'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem. Voprosy teorii i praktiki: sbornik nauchnykh statei* [Development of Territorial Socio-Economic Systems. Questions of Theory and Practice: Collection of Scientific Articles]. Yekaterinburg: Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN (in Russian).
- Polushkina T.M., Akimova Yu.A., Kovalenko E.G. (2022). Social standards and an inclusive model of rural development. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2, 359–383. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1929 (in Russian).

- Rodina G.A. (2019). Inclusive economic growth and Russia's prospects. *Teoreticheskaya ekonomika*, 10, 108–112 (in Russian).
- Torre A., Rallet A. (2005) Proximity and localization. *Regional Studies*, 39, 47–59. DOI: 10.1080/0034340052000320842
- Voroshilov N.V. (2025). The development of rural territories within urban agglomeration spaces: Assessments of heads of municipal formations. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii*, 4, 75–84. DOI: 10.31442/0235-2494-2025-0-4-75-84 (in Russian).
- Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. (2017). The proximity concept: International experience and prospects for application in Russia. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, 3, 8–21 (in Russian).
- Zemlyansky D.Yu., Chuzhenkova V.A., Abdullaev A.M., et al. (2024). Features and problems of implementing individual socio-economic development programs of the constituent entities of the Russian Federation. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, 4, 44–78. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-4-44-78 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana S. Patrakova – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.6

УДК 332.85

© Ромашкина Г.Ф., Осокин О.И.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ ЛОКАЛЬНЫХ РЫНКОВ ЖИЛЬЯ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

ГУЛЬНАРА ФАТЫХОВНА РОМАШКИНА

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: gr136@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7764-5566; ResearcherID: O-7221-2017

ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ ОСОКИН

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: stud0000215777@utmn.ru

ORCID: 0009-0001-1333-6422

В работе исследуется пространственная взаимосвязанность локальных рынков жилья в Тюменской области как полицентричном регионе с выраженной дифференциацией как между регионами, так и внутри региона. Эмпирическая база сформирована на основе данных официальной статистики, аналитических материалов за март 2011–2026 гг. Методы исследования включают анализ средней стоимости продажи жилья в Тюменской области и ее поквартальной динамики для выявления характера цикличности на региональном рынке, а также характеристику институциональной среды, специфичной для Тюменской области, корреляционный анализ по Пирсону между субрегионами Тюменской области (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ). Выполнен статистический анализ динамики индексов цен на первичном и вторичном муниципальных рынках жилья Тюменской области (без автономных округов), проведены тесты на коинтеграцию Йохансена для цен на первичное и вторичное жилье в Тюмени, Тобольске, Ялуторовске. Показано, что рынки жилья Тюменской

Для цитирования: Ромашкина Г.Ф., Осокин О.И. (2026). Пространственная взаимосвязанность локальных рынков жилья в Тюменской области // Проблемы развития территории. Т. 30. № 4. С. 84–106. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.6

For citation: Romashkina G.F., Osokin O.I. (2026). Spatial interconnectedness of local housing markets in the Tyumen Region. *Problems of Territory's Development*, 30(4), 84–106. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.6

области, ХМАО-Югры и ЯНАО не взаимосвязаны. Внутри Тюменской области без автономных округов пространственная организация рынка жилья имеет иерархический характер. Установлена якорная роль города Тюмени, а также асинхронность динамики периферийных рынков, обусловленная различиями в масштабах рынка, ликвидности и чувствительности. Средние города второго уровня Тобольск и Ишим обладают меньшей глубиной рынка, но сохраняют относительную самостоятельность за счет локальных рынков труда. Малые города региона Ялуторовск и Заводоуковск характеризуются ограниченной ликвидностью, более высокой ролью вторичного сегмента и индивидуального жилищного строительства. Муниципальные районы региона сохраняют характер периферийного расселения, вторичность которого сложилась еще в прошлые периоды. Полученные результаты свидетельствуют о высокой согласованности ценовой динамики первичных рынков жилья между региональным центром и вторичными городами при различающейся скорости и амплитуде реакции локальных рынков внутри Тюменской области без автономных округов. Для вторичных рынков коинтеграция не обнаружена. Сделан вывод о необходимости учета пространственной взаимосвязанности при разработке региональной жилищной политики и программ жилищного строительства.

Рынок жилья, регион, периферия, взаимосвязанность, ценовая дифференциация.

Введение

Вложения в недвижимость в России традиционно воспринимались населением как самые надежные. По мнению Р.М. Нуреева и О.А. Гуляевой, в первой четверти XXI века более 90% населения владели собственным жильем (Нуреев, Гуляева, 2021). Потребность в собственном жилье определяется историческими и институциональными особенностями, наследием советского времени. Проблема обеспеченности населения жильем находится в фокусе государственного внимания, но все еще остро стоит в современной России (Чашина, 2024). Уверенность в будущем для россиян существенно связана с фактом владения собственным жильем. Обладание недвижимостью в России настолько важно, что формирует новый тип сегрегации – жилищное неравенство, при котором выделяется узкий круг владельцев недвижимости, получающих доход от аренды, что приводит к жилищной прекарности (Литвинцев, 2024). В 2019 году 54% россиян проживали в собственной квартире, 31% – в собственном доме или таунхаусе и 13% – в съемном жилье, в 2025 году – 48, 30 и 16% соответственно¹.

Как отмечают М.А. Любарская и К.В. Глазков, рынок недвижимости включает себя рынки земли, жилья, коммерческой и промышленной недвижимости; постоянные изменения законодательной базы, условий финансирования, форм владения делают все его сегменты турбулентными, но сохраняющими взаимосвязанность (Любарская, Глазков, 2023). Однако авторы не проверили свои теоретические утверждения на конкретных, актуальных данных.

Объектом данной работы является локальный сегмент рынка жилья. Цель исследования – выявление и количественная оценка взаимосвязанности локальных рынков жилья Тюменской области как пространственно связанной системы, в которой изменения цен, а также параметров спроса и предложения в одних муниципалитетах статистически и экономически соотносятся с динамикой других. В настоящее время данные по локальным сегментам рынка жилья являются разрозненными по источникам, часто трудно сопоставимыми, их доступность постоянно снижается, а количественные оценки процессов на локальных рынках

¹ Данные линейных распределений – ВЦИОМ-Навигатор. URL: <https://bd.wciom.ru/datasets> (дата обращения: 21.02.2026).

проводить все сложнее. Информационная асимметрия и методические пробелы изучения локальных сегментов рынка жилья определяют научную новизну и актуальность исследования. В данной работе обосновывается и апробируется методический подход к выявлению взаимосвязей между изменением цен и параметрами спроса и предложения на локальном уровне.

Рынок жилья одновременно выполняет множество функций. С одной стороны, он направлен на обеспечение населения жильем, сбережение и размещение капитала, трансмиссию денежно-кредитных условий. С другой стороны, рынок жилья зависит от платежеспособного спроса, демографических условий, на которые влияют уровень жизни в регионе, различные федеральные и региональные программы институциональной поддержки. Несмотря на достаточно высокий уровень внимания к рынку жилья, субрынки остаются недостаточно изученными.

Для Тюменской области проблема взаимосвязанности локальных субрынков проявляется в особенно выраженной форме, что обусловлено полицентричной структурой расселения и экономики региона, оставшихся в наследство от периода развития нефтегазового сектора в середине XX века. Регион может выступать моделью для оценки внутрирегиональной дифференциации в силу истории его пространственного освоения с учетом нефтегазовой и транспортно-логистической специфики. Региональная столица и самый крупный город в регионе Тюмень принимает на себя основные запросы покупателей на рынке жилья, что сказывается и на ценовой конкуренции, и на качестве предлагаемой недвижимости. Средние города региона Тобольск и Ишим исторически сформированы как относительно самостоятельные локальные рынки, а динамически развивающийся региональный нефтегазовый кластер привлекает в эти города новые миграционные

потoki. Малые города региона Ялуторовск и Заводоуковск не столь сильно вовлечены в нефтегазовый кластер, что отражается на возможностях потребительского рынка. Высокая динамика и волатильность развития жилищного сектора подтверждается статистическими данными. Так, в 2024 году в регионе было введено 2 603 кв. м жилья, это был рекордный уровень². Начиная с 2025 года рынок строительства жилья находится в зоне риска. Аналитики отмечают признаки кризиса, вызванного замедлением темпов строительства, насыщением спроса на новое жилье, ценовыми разрывами между первичным и вторичным рынками³.

Актуальность и значимость данной статьи обусловлена также тем, что исследования рынков жилья, как правило, ограничиваются агрегированным уровнем, упуская аспекты взаимосвязанности локальных рынков. Такая фрагментарность снижает качество выводов для региональной политики. При наличии межмуниципальных «перетоков» спроса, миграции и ипотечного финансирования локальные решения (например, точечное стимулирование ввода или инфраструктуры) могут приводить к эффектам на соседних территориях, изменяя равновесие цен и объемов сделок за пределами целевой зоны.

Методическая проблема также связана со сложностью эмпирического анализа механизмов взаимного влияния локальных рынков жилья. В прикладном плане они проявляются через устойчивые трансмиссионные каналы, ипотечный (изменение доступности кредита и платежной нагрузки сдвигает спрос и ценовые ожидания), миграционно-трудовой (перераспределение населения вслед за занятостью и доходами меняет территориальную структуру спроса), инвестиционно-строительный (переток девелоперской активности и предложения между территориями влияет на баланс рынка и темпы ввода).

² Тюменская область сохранила лидерство по вводу многоквартирного жилья: аналитическая публикация // РБК Тюмень: URL: <https://t.rbc.ru/tyumen/13/03/2025/67d28ddf9a794718e8162d32> (дата обращения: 01.02.2026).

³ Рынок многоквартирных жилых домов // ГБУ ТО «ЦКО и ХУТД»: URL: <https://cko.72to.ru/public/uploads/documents/analytics/mkd3kv-2024tmn.pdf> (дата обращения: 02.02.2026).

Теоретико-методологические основы анализа

Традиционное сочетание социальных, инвестиционных и институциональных факторов рынка жилья в динамике меняет свою конфигурацию. Для рынков жилья характерна положительная пространственная зависимость, соседние территории демонстрируют статистически значимое взаимовлияние ключевых показателей, а игнорирование пространственных эффектов ведет к смещенным оценкам и снижает обоснованность мер регулирования (Zhu et al., 2013).

Сильные межрегиональные различия в уровне цен на жилье остаются признаками межрегиональной дифференциации уровня и качества жизни. Рынок жилья выступает важным индикатором экономической конъюнктуры, отражая состояние строительного комплекса, финансового сектора и потребительского спроса (Боченина, 2019), внешних факторов, например пандемии. В региональном разрезе эта роль усиливается за счет территориальной неоднородности доходов населения, структуры занятости и инвестиционной активности (Стерник, Гареев, 2021).

Рынок жилья занимает особое место в системе региональных рынков, поскольку сочетает в себе функции социального блага, инвестиционного актива и инфраструктурного фактора экономического развития (Волков, 2022). Динамика жилищного сектора находится под сильным влиянием параметров ипотечного кредитования, условий федеральной господдержки, региональных программ (Волков, 2022; Бедин, 2022; Демидова и др., 2024)⁴.

В целом по России на основе анализа модели VAR было показано, что рынок жилья чувствителен к макроэкономическим шокам, а рост процентной ставки приводит к снижению индекса цен на рынке жилья (Никитина, 2023). Кроме того, интересна методика учета в вариации цен на жилье индекса неопределенности политики, объяс-

няющая, согласно выводам Н.С. Никитиной, до 10% дисперсии. Мы можем предположить, что выявленное посредством традиционных регрессионных моделей влияние ковидных шоков на рост цен на жилье может быть нивелировано неопределенностью политики, традиционные макроэкономические показатели могут стать малозначимыми. Данный эффект может объяснить снижение влияния курса доллара и нефтяных цен на рынок жилья. Однако такое предположение требует дополнительной проверки, которую мы планируем провести в дальнейшем.

Цикличность рынка жилой недвижимости, по мнению В.Н. Бердниковой, демонстрирует трансформацию от нерыночных механизмов ценообразования в периоды рецессии к монополистической конкуренции на этапах роста, а «защита средств участников долевого строительства через введение эскроу-счетов и реализация программ льготного кредитования на новостройки привели к росту количества сделок с ними и двойному увеличению стоимости жилья» (Бердникова, 2024).

Исследования С.М. Глухой и А.Ю. Чернова подтвердили, что влияние курса доллара на российский рынок недвижимости стало уменьшаться, свидетельствуя о повышении значимости внутренних факторов (Глухова, Чернов, 2024) или влиянии нерыночных эффектов. Однако нерыночные эффекты могут быть обусловлены не только государственным вмешательством, но социально-демографическими и социокультурными факторами. М.Ю. Вирцев обращает внимание на то, что рост привлекательности объектов недвижимости в целом и жилья в частности зависит от качества городской инфраструктуры (Вирцев, 2025). Исследования подтвердили, что введение эскроу-счетов существенно повлияло на спрос и предложение на жилищном рынке (Щепина, 2025). Рост ставок по ипотечным кредитам, сокращение числа программ

⁴ Доступность жилья в городах, городских агломерациях и регионах России: аналитический доклад // Фонд «Институт экономики города». URL: https://www.urbanecomomics.ru/sites/default/files/dostupnost_zhilya_ieg_2025.pdf (дата обращения: 03.02.2026).

льготной ипотеки, снижение общего платежеспособного спроса привело к снижению привлекательности инвестиций в недвижимость (Старовойтова и др., 2025).

Методология количественной оценки территориальной неравномерности и построение территориально связанных регрессионных моделей была существенно развита для изучения процессов распространения жилищного кризиса 2009 года. Однако литература в основном посвящена изучению макрорегионов или связанных экономик (Zhu et al., 2013). Например, по данным США 1995–2009 гг. было проведено исследование 19 региональных рынков жилья, и показано, как происходит трансмиссия кризисных шоков, захватывая множество географически разных регионов (Hong, Wójcik, 2025). Доказательства того, что взаимодействие между географически взаимосвязанным субрынками определяет цены на жилье, можно найти, например, в авторитетном исследовании M. Helbich и соавторов (Helbich et al., 2025). S. Jeongseop показал, как банки влияют на местные рынки жилья на примере США за счет локализованной кредитной политики (Jeongseop, 2025).

Процессы, которые привели к глобальным кризисам на рынках жилья, многому научили регуляторов и банковские сети. Однако диспаритет между спросом и предложением на жилищных рынках не может быть ликвидирован полностью в силу особой социальной чувствительности данной проблемы⁵. С одной стороны, миграционные потоки расширяют спрос на жилье, регулируя территориальные разрывы. С другой стороны, платежеспособный спрос повышает допустимый уровень цен на жилье, но снижение реальных доходов усиливает

зависимость спроса от ипотечных условий (Jayawardena et al., 2025). Высокие процентные ставки и отсутствие роста доходов населения создают риск стагнации для отрасли жилищного строительства в российских регионах⁶.

Методика анализа взаимосвязанности рынков жилья

В данной статье мы применили сочетание пространственного и институционального подхода, опираясь на методы статистического анализа. Эмпирическая база исследования опирается на данные Федеральной службы статистики в период первого квартала 2014–2026 гг., аналитику и отчетность профильных ведомств на уровне региона, данные территориального органа государственной статистики (Тюменьстат) по социально-экономическим характеристикам муниципальных образований, материалы единой информационной системы жилищного строительства и аналитические обзоры АО «Дом.РФ» по рынку жилья⁷, статистику Банка России по объемам и условиям ипотечного жилищного кредитования⁸. В качестве ключевого показателя используется средняя цена 1 кв. м жилья (по сегментам). Для сравнения динамики пространственных эффектов мы рассмотрели региональные рынки Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО-Югра), Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) и Тюменской области (ТО без автономных округов) за период с 2011 по 2025 год.

Для оценки пространственной взаимосвязанности рынков жилья применялись коэффициенты корреляции Пирсона. Пространственный анализ используется для исследования территориальной дифференциации рынка жилья и выявления про-

⁵ Жители Тюменского региона больше сберегают и меньше берут кредиты: пресс-релиз. URL: <https://www.cbr.ru/press/regevent/?id=64943> (дата обращения: 13.05.2026).

⁶ Итоги мониторинга рынка многоквартирных жилых домов. URL: <https://cko.72to.ru/public/analytics> (дата обращения: 13.05.2026).

⁷ Распроданность и стройготовность объектов жилищного строительства: аналитические данные Единой информационной системы жилищного строительства // ДОМ.РФ. URL: <https://xn--80az8a.xn--d1aqf.xn--p1ai/аналитика/распроданность-стройготовность?repYear=2025&repMonth=12> (дата обращения: 13.05.2026).

⁸ Обзор рынка ипотечного жилищного кредитования. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/Indicator_mortgage/1224/ (дата обращения: 13.05.2026).

пространственных закономерностей распределения цен на недвижимость между субрегионами и муниципальными образованиями Тюменской области (без автономных округов).

Исследование включало четыре этапа. На первом этапе мы проанализировали среднюю стоимость продажи жилья в Тюменской области и квартальную динамику для выявления характера цикличности на региональном рынке, а также дали характеристику институциональной среды, специфичной для Тюменской области. Далее были рассмотрены динамика индексов цен на первичном и вторичном рынках жилья в трех субрегионах Тюменской области и пространственная взаимосвязанность рынков жилья в межрегиональном разрезе с применением корреляционного анализа.

Анализ взаимосвязанности включал оценку средних и мер разброса между субрегионами Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) корреляционных связей между субрегиональными рынками, муниципальными рынками (взаимосвязанность рынков), оценку факторов ценовой дифференциации, интерпретацию эффектов в логике пространственной экономики.

Далее был проведен анализ динамики индексов цен на первичном и вторичном рынках жилья Тюмени, Тобольска, Ишима, Ялуторовска, Заводоуковска, а также Тюменского района.

Для выявления факторов, определяющих различия в уровне цен между муниципальными рынками, выполнены тесты на коинтеграцию Йохансена (Johansen) с лагами 1–4 для цен на первичное и вторичное жилье в Тюмени (V02 и V03), Тобольске (V04 и V05), Ялуторовске (V06 и V07) в рублях за кв. м.

В модель включено 181 наблюдение (два раза в месяц) за период с 21.03.2019 по 10.03.2026. Данные наблюдений не регулярны (пропущены праздничные дни и имеются сдвиги), поэтому временные периоды пронумерованы от 1 до 181.

По рынкам Тюменского района, Ишима и Заводоуковска данные имеют много пропусков, поэтому указанные ряды не позволяют построить качественные коинтеграционные функции. Для тестирования динамические переменные были логарифмированы ($\ln V$), где V обозначает соответствующий локальный рынок.

Результаты

Общая характеристика рынка жилья в Тюменской области (в разрезе субрегионов)

Средняя стоимость жилищного строительства является одним из ключевых факторов формирования цен на первичном рынке жилья, определяя нижнюю границу ценовых ожиданий застройщиков и устойчивость девелоперских проектов. Анализ динамики средней стоимости позволяет оценить влияние инфляционных процессов, изменения цен на строительные материалы, оплату труда и финансовые условия на предложение жилья. На *рисунке 1* представлена динамика средней стоимости строительства 1 кв. м жилья в Тюменской области (без автономных округов) за период с 2014 по 2026 год.

Динамика средней стоимости имеет три четко выделяющихся этапа. Первый период – стабильность (2014–2018 гг.). Средняя стоимость росла темпами, близкими к инфляции (3–5% в год). В этот период рынок был насыщен, а цены на основные материалы (бетон, арматура) не подвергались резким колебаниям. Переломный момент наступил в 2020 году под давлением пандемии, вызвавшей разрыв традиционных логистических связей и повышением спроса на более дорогое загородное жилье. Начало перехода на проектное финансирование и эскроу-счета добавило к стоимости банковские проценты, что привело к взрывному росту в период между третьим кварталом 2019 года и первым кварталом 2020 года (21% за квартал) с последующей коррекцией темпов роста 2021–2023 гг. В 2021 году норматив стоимости квадратного метра официально закрепился выше 48000 рублей, а реальная рыночная цена продажи перешагнула по-

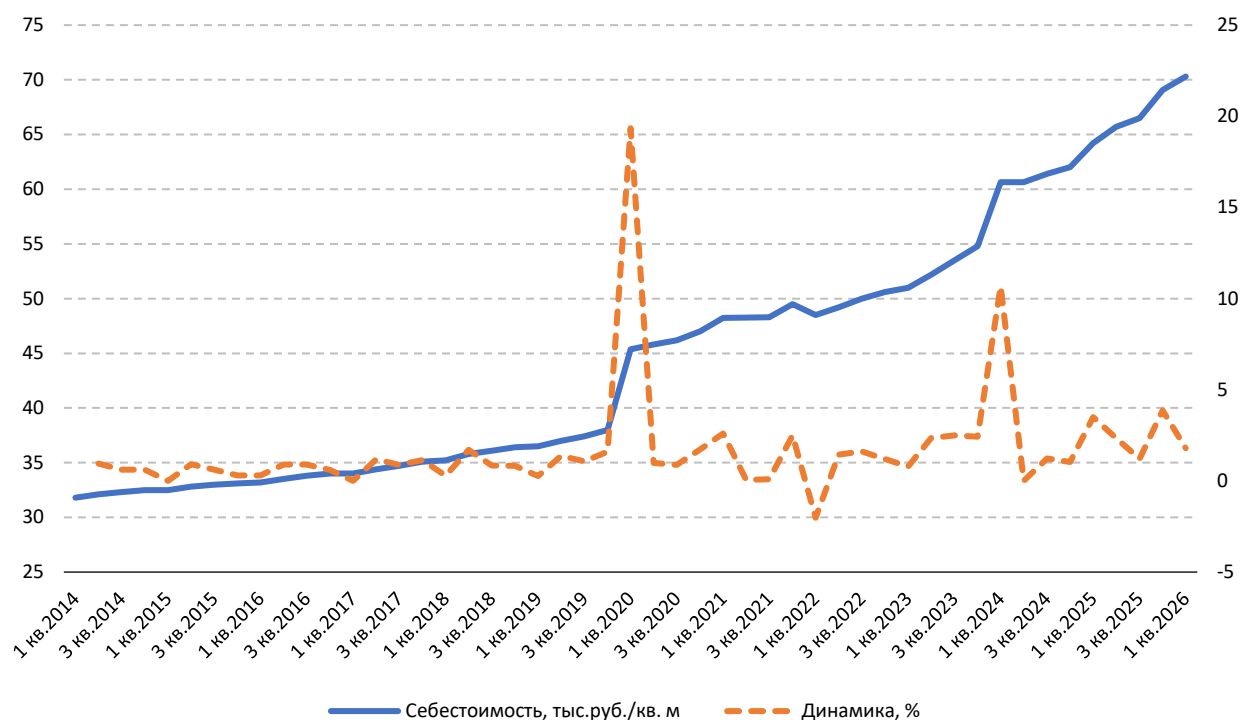

Рис. 1. Средняя стоимость (левая ось) продажи жилья в Тюменской области (без автономных округов) и поквартальная динамика, тыс. руб. / кв. м, % к предыдущему периоду

Рассчитано по: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediaban>; <https://tyumen.restate.ru/graph/ceny-prodazhi-kvartir>; <https://tobolsk.restate.ru/graph/ceny-prodazhi-kvartir>; <https://yalutorovsk.restate.ru/graph/ceny-prodazhi-kvartir>; <https://xn--d1aqf.xn--p1ai/price-index/?inflation=y>; Тюменская область сохранила лидерство по вводу многоквартирного жилья: аналитическая публикация // РБК Тюмень. URL: <https://t.rbc.ru/tyumen/13/03/2025/67d28ddf9a794718e8162d32> (дата обращения: 13.05.2026).

рог в 80000–90000 рублей из-за дефицита рабочей силы и удорожания логистики. Следующий шок стоимости произошел в течение 1 квартала 2024 года (10,4%). К марту 2026 года средняя стоимость в массовом сегменте выросла более чем на 120% по сравнению с уровнем 2014 года, что в среднем соответствует темпам инфляции, но динамика рыночной стоимости жилья существенно превышает темпы потребительской инфляции.

Как отмечает руководитель аналитического направления ЦИАН А. Попов, рынок жилья Тюменской области в 2025 году развивается в условиях сочетания сдерживающих и компенсирующих факторов⁹. С одной стороны, высокая стоимость ипотечного кредитования и сохраняющаяся инфляция оказывают давление на покупательскую активность, что проявляется в снижении числа

сделок на первичном рынке жилья. По оценкам эксперта, количество сделок по покупке новостроек в регионе сократилось примерно на 37%, при одновременном увеличении объема нереализованных площадей в многоквартирных домах на 25,6%. Кроме того, в первые месяцы 2025 года ввод жилья оказался почти в два раза ниже показателей аналогичного периода предыдущего года.

С другой стороны, эксперт подчеркивает отсутствие выраженных кризисных явлений на рынке в целом. Несмотря на снижение активности в сегменте новостроек, спрос частично перераспределился на вторичный рынок, где сохраняется сравнительно высокая интенсивность сделок, что свидетельствует о перераспределении спроса между сегментами, а не о его полном сжатии. В то же время наиболее уязвимым сегментом в текущих условиях является рынок загород-

⁹ Регион нестандартный: Алексей Попов о рынке жилья в Тюменской области: интервью // РБК Тюмень. URL: <https://t.rbc.ru/tyumen/24/07/2025/687f31d29a79472f84dc5758> (дата обращения: 13.05.2026).

ной недвижимости, где сочетание высоких ставок и инвестиционных рисков сильнее отражается на финансовой устойчивости застройщиков. В совокупности данные статистических наблюдений подтверждают специфику Тюменской области как региона с устойчивым, но структурно неоднородным рынком жилья, чувствительным к изменениям финансовых условий и сегментной структуре спроса (рис. 2).

Для обобщенной оценки пространственных различий в *Приложении* приведены сводные показатели дифференциации цен. Представленные данные свидетельствуют о сохранении устойчивого разрыва между региональным центром и периферийными территориями при одновременном слабом снижении вариации цен, демонстрируя признаки конвергенции на фоне общего замедления ипотечной активности и адаптации рынков к новым финансовым условиям.

Рассмотрим корреляцию по Пирсону (взаимосвязанность) индексов цен на первичном (ПР) и вторичном (ВР) рынках жи-

лья в среднем между Ханты-Мансийским автономным округом (ХМАО-Югра), Ямало-Ненецким автономным округом (ЯНАО) и Тюменской областью (ТО, без автономных округов) за период с 2011 по 2025 год (годовые данные) для оценки взаимосвязанности рынков (табл. 1). Индексы цен представлены в % к предшествующему периоду, $N = 15$. Описательная статистика приведена в *Приложении*.

Четко видна взаимосвязанность цен между первичным и вторичным рынками жилья в Тюменской области (без автономных округов), коэффициент $\rho = 0,803^{***}$, слабая связанность на рынке жилья ХМАО ($\rho = 0,559^*$) и асинхронность первичного и вторичного рынков жилья в ЯНАО (ρ не значимо). В ЯНАО большая доля ветхого и старого жилья, а также высокая стоимость первичного рынка в силу его узости приводят к рассогласованности первичного и вторичного рынков жилья. Вторичный рынок ЯНАО скорее привязан к первичному рынку ХМАО-Югры, возможно, здесь играет

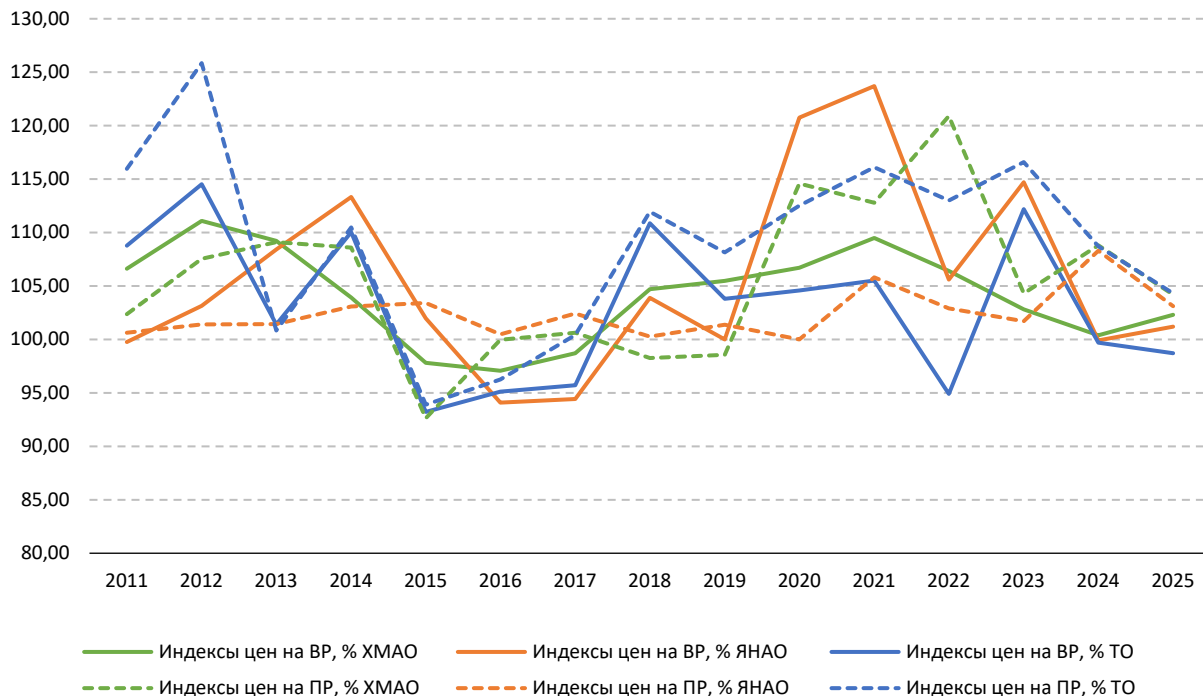

Рис. 2. Динамика индексов цен на первичном (ПР) и вторичном (ВР) рынках жилья в трех субрегионах Тюменской области (ХМАО-Югра, ЯНАО, ТО), % к предыдущему периоду

Составлено по: https://72.rosstat.gov.ru/ofs_cen_hmao; https://72.rosstat.gov.ru/ofs_cen_ynao; https://72.rosstat.gov.ru/ofs_cen_to; <https://www.fedstat.ru/indicator/30925>; https://tochno.st/datasets/regions_collection (дата обращения: 13.05.2026).

Таблица 1. Матрица корреляций Пирсона (po) индексов цен на вторичном (BP) и первичном (ПР) рынках жилья Тюменской области, ХМАО-Югры, ЯНАО и двусторонняя значимость корреляций (sign)

		ХМАО, BP	ЯНАО, BP	ТО, BP	ХМАО, ПР	ЯНАО, ПР	ТО, ПР
ХМАО, BP	po	1	,541*	,604*	,559*	-0,155	,734**
	sign		0,037	0,017	0,03	0,581	0,002
ЯНАО, BP	po	,541*	1	0,424	,561*	0,091	0,446
	sign	0,037		0,115	0,029	0,748	0,095
ТО, BP	po	,604*	0,424	1	0,077	-0,258	,803***
	sign	0,017	0,115		0,784	0,354	0,000
ХМАО, ПР	po	,559*	,561*	0,077	1	0,231	0,48
	sign	0,03	0,029	0,784		0,407	0,07
ЯНАО, ПР	po	-0,155	0,091	-0,258	0,231	1	-0,033
	sign	0,581	0,748	0,354	0,407		0,908
ТО, ПР	po	,734**	0,446	,803**	0,48	-0,033	1
	sign	0,002	0,095	0	0,07	0,908	

* sign <0,05; ** sign <0,01; *** sign <0,001.

Составлено по: https://72.rosstat.gov.ru/ofs_cen_hmao; https://72.rosstat.gov.ru/ofs_cen_ynao; https://72.rosstat.gov.ru/ofs_cen_to; <https://www.fedstat.ru/indicator/30925>; https://tochno.st/datasets/regions_collection (дата обращения: 13.05.2026).

роль спрос на менее дорогое жилье со стороны вахтовых работников, переселенцев и их семей. Но данный эффект требует более внимательного изучения, поскольку взаимосвязи с рынком юга Тюменской области здесь не наблюдается. Межрегиональная взаимосвязанность индексов цен в северных субъектах РФ, которые входят в Тюменскую область как субрегионы, весьма слаба. Отметим взаимосвязанность индексов цен между вторичными рынками жилья ХМАО-Югры и Тюменской области (po = 0,604*), но на первичном рынке такой взаимосвязанности нет.

Пространственная дифференциация локальных рынков жилья в Тюменской области (без автономных округов)

Под взаимосвязанностью локальных рынков жилья понимается наличие устойчивых и воспроизводимых связей между динамикой цен и параметрами спроса и предложения в различных муниципальных образованиях одного региона. В условиях такой взаимосвязанности изменения на одном рынке частично транслируются на дру-

гие территории, что исключает их изолированное функционирование.

Одной из форм проявления пространственной взаимосвязанности рынков жилья выступает конвергенция или дивергенция цен. Конвергенция отражает сближение уровней либо темпов роста цен между территориями, тогда как дивергенция связана с устойчивым расширением ценовых разрывов. На эмпирическом уровне данные процессы выявляются через анализ диапазона цен, коэффициента вариации и показателей пространственной автокорреляции.

Снижение доступности жилья в центральных локациях сопровождается перераспределением спроса и инвестиционных потоков. Рост цен и ужесточение условий приобретения смещают часть платежеспособного спроса в более доступные территории, что приводит к ускоренному росту цен и повышению строительной активности в городах с населением до 250 тысяч человек, где в 2024 и в 2025 годах отношение построенного к проданному жилью выше, чем в городах с населением более 250 тысяч человек¹⁰.

¹⁰ Распроданность и стройготовность объектов жилищного строительства: аналитические данные Единой информационной системы жилищного строительства // ДОМ.РФ. URL: <https://xn--80az8a.xn--d1aqf.xn--p1ai/аналитика/распроданность-стройготовность?repYear=2025&repMonth=12> (дата обращения: 01.02.2026).

При этом российские прикладные исследования рынка жилья в основном сосредоточены на институциональных изменениях, ипотечном кредитовании и межрегиональной неоднородности, тогда как игнорирование муниципального уровня анализа и пространственной организации рынка ограничивает применимость выводов для региональной жилищной политики (Щепина, 2025). Также мы подтверждаем выводы, что ограничения, вызванные жилищной политикой и мерами охлаждения ипотеки, вызывают адаптации домохозяйств и агрегируют их в стратификацию общества (Chen, Li, 2025).

Рынок жилья Тюменской области формируется под влиянием относительно высоких доходов населения, миграционной привлекательности и отраслевой структуры экономики. Согласно официальным данным органов федеральной статистики, в 2024 году среднедушевые денежные доходы населения увеличились на 15% относительно показателя за 2023 год, что формирует устойчивую базу платежеспособного спроса¹¹. Миграционные процессы оказывают дополнительное воздействие на спрос на жилье. По официальным данным, в течение 2023–2024 гг. в регионе зафиксирован положительный миграционный прирост, что способствует повышению спроса прежде всего в городских центрах¹².

Пространственная организация рынка жилья Тюменской области (без автономных округов) имеет иерархический характер. Город Тюмень выступает региональным центром, в котором концентрируются основные объемы строительства, ипотечного кредитования и инвестиционного спроса. Средние города второго уровня Тобольск и Ишим обладают меньшей глубиной рынка, но сохраняют относительную само-

стоятельность за счет локальных рынков труда. Малые города региона Ялуторовск и Заводоуковск характеризуются ограниченной ликвидностью, более высокой ролью вторичного сегмента и индивидуального жилищного строительства. Муниципальные районы региона сохраняют характер периферийного расселения, вторичность которого сложилась еще в прошлые периоды. Города и периферийные районы региона остаются территориями расселения пенсионеров и других льготных категорий граждан из нефтегазовых регионов ХМАО-Югры, ЯНАО согласно продолжающейся программе «Сотрудничество», которая была утверждена еще в 2005 году¹³ и продолжает поддерживаться региональными правительствами. Эти льготные программы осуществляют поддержку переселения, тем самым дополнительно разогревая цены на первичное и вторичное жилье на юге Тюменской области.

В силу ограниченной доступности муниципальной статистики рассмотрены среднемесячные данные по муниципалитетам Тюменской области в марте 2018–2026 гг. Как и в целом по всему региону, рынок жилья Тюменской области развивался в условиях изменения ипотечных режимов и циклических колебаний спроса. Для оценки внутрисубъектной дифференциации цен на *рисунке 3* представлен фрагмент динамики стоимости жилья по основным муниципальным центрам региона.

Эмпирический анализ направлен на выявление характера и степени взаимосвязанности локальных рынков жилья Тюменской области. В качестве информационной базы использованы ежемесячные данные мониторинга вторичного рынка многоквартирных жилых домов по муниципальным образованияам региона за 2018–2025 гг., публику-

¹¹ Уровень жизни // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 03.02.2026).

¹² Итоги социально-экономического развития города // Администрация города Тюмени. URL: <https://www.tyumen-city.ru/vlast/administration/struktura-administracii-goroda-tumeni/departaments/departament/napravleniya/socialno-ekonomiceskie-rezervi-gtumeni/itogirazviti2/> (дата обращения: 13.05.2026).

¹³ Программа «Сотрудничество» // Официальный портал органов власти Тюменской области. URL: https://admtumen.ru/ogv_ru/finance/house_policy/program.htm (дата обращения: 13.05.2026); Программа переселения «Сотрудничество» из ЯНАО в Тюмень // Тюменский центр по работе с участниками социальных программ. URL: <https://sotrudnichestvo72.ru> (дата обращения: 13.05.2026).

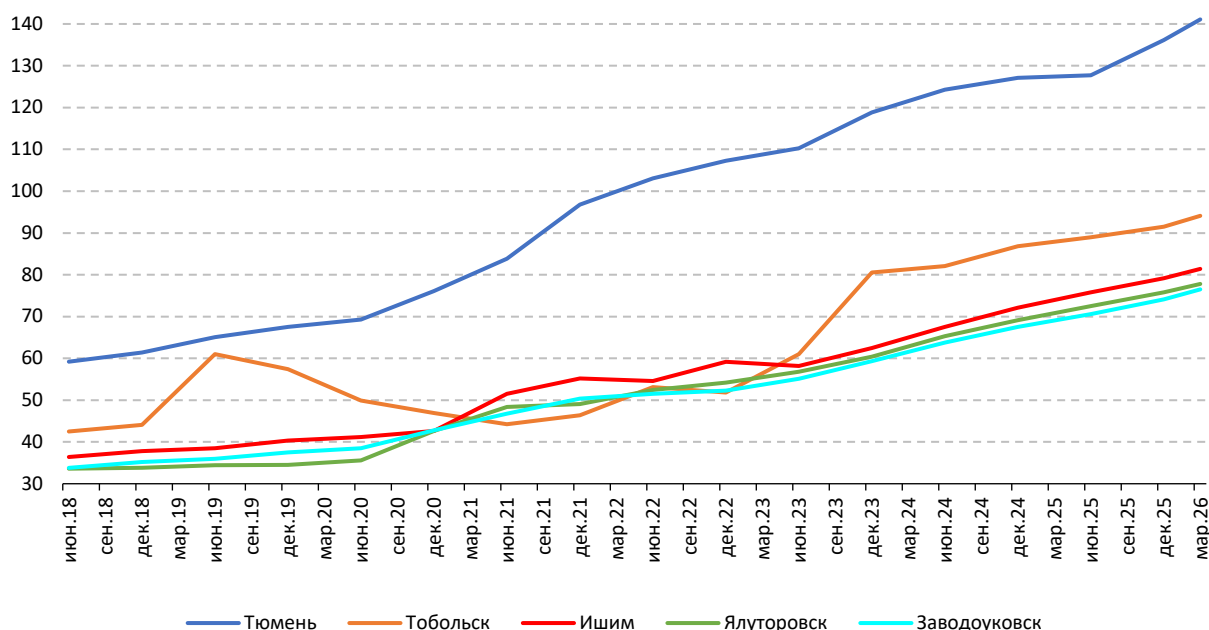

Рис. 3. Динамика цен на жилье по муниципальным центрам Тюменской области (вторичный рынок), март 2018–2026 гг., тыс. руб./кв. м

Рассчитано по: rosstat.gov.ru/storage/mediaban/; <https://tyumen.restate.ru/graph/ceny-prodazhi-kvartir/>; <https://tobolsk.restate.ru/graph/ceny-prodazhi-kvartir/>; <https://yalutorovsk.restate.ru/graph/ceny-prodazhi-kvartir/>; <https://xn--d1aqf.xn--p1ai/price-index/?inflation=y>; Тюменская область сохранила лидерство по вводу многоквартирного жилья: аналитическая публикация // РБК Тюмень. URL: <https://t.rbc.ru/tyumen/13/03/2025/67d28ddf9a794718e8162d32> (дата обращения: 01.02.2026).

емые ГБУ ТО «ЦКО и ХУТД» на сайте муниципальной статистики региональных органов власти¹⁴. В качестве основного ценового показателя применена средняя цена предложения жилья (руб./кв. м), агрегированная по муниципальным центрам. Расчеты проведены в программе SPSS Statistic (v32). Для анализа в базе данные усреднялись помесячно, погонные динамические ряды вычислялись поквартально.

Взаимосвязанность на муниципальном рынке Тюменской области (без автономных округов) была проверена по матрице парных коэффициентов корреляции Пирсона в г. Тюмени, Тюменском районе, г. Тобольске, г. Ишиме, г. Ялуторовске, Заводоуковском городском округе за период с 1 марта 2014 года по 10 марта 2026 года (понедельные данные). Корреляции цен на первичном и вторичном рынках Тюмени выше 0,9, внутри остальных муниципальных округов

выше 0,8, поэтому мы рассмотрим только корреляции цен на вторичном рынке жилья (табл. 2).

Высокие значения коэффициентов корреляции свидетельствуют о синхронной направленности ценовой динамики между региональным центром и вторичными городами, что указывает на существование единого регионального ценового контура. Малые города Ялуторовск и Заводоуковск юга Тюменской области демонстрируют высокую взаимную связанность, образуют агломерацию, которая выделяется на региональном рынке значительно меньшими ценами, сильной относительной волатильностью и связанностью со средними городами региона и региональной столицей.

Для оценки различий в скорости реакции локальных рынков рассчитаны темпы изменения средних цен за период с I полугодия 2023 года по 2025 год (табл. 3).

¹⁴ Рынок многоквартирных жилых домов. URL: <https://cko.72to.ru/public/uploads/documents/analytics/mkd3kv-2024tmn.pdf> (дата обращения: 03.02.2026).

Таблица 2. Матрица корреляций средних цен на вторичном рынке жилья Тюменской области (без автономных округов), коэффициент ро Пирсона*

Рынок	Тюмень	Тюменский район	Тобольск	Ишим	Ялуторовск
Тюмень	1				
Тюменский район	0,98	1			
Тобольск	0,85	0,98	1		
Ишим	0,91	0,99	0,98	1	
Ялуторовск	0,84	0,78	0,89	0,87	1
Заводоуковск	0,82	0,81	0,71	0,79	0,97

* Все корреляции значимы на уровне ниже $p < 0,001$.

Рассчитано по: <https://tyumen.restate.ru/graph/ceny-prodazhi-kvartir/>; <https://tobolsk.restate.ru/graph/ceny-prodazhi-kvartir/>; <https://yalutorovsk.restate.ru/graph/ceny-prodazhi-kvartir/>; <https://www.realtymag.ru/tyumenskaya-oblast/zavodokuvsk/kvartira/prodazha/prices/2024/>; <https://mirstat.ru/ishim/kvartiry.html>; <https://cko.72to.ru/public/analytics> (дата обращения: 13.05.2026).

Таблица 3. Темпы изменения средней цены на вторичном рынке жилья за период 2023–2025 гг.

Муниципальный рынок	2023 г., тыс. руб. / кв. м	2024 г., тыс. руб. / кв. м	2025 г., тыс. руб. / кв. м	Среднее изменение за 2024–2023, % от 2023 г.*	Среднее изменение за 2025–2024, % от 2024 г.*
Тюмень	112,0	124,1	129,5	10,8	4,3
Тюменский район	100,4	115,3	120,4	14,9	4,4
Тобольск	66,1	82,9	88,3	25,4	6,5
Ишим	60,4	69,8	77,5	15,7	11,0
Ялуторовск	62,0	72,9	78,3	17,7	7,4
Заводоуковск	57,2	65,7	72,4	14,8	10,2

*Среднее изменение средней цены за период, % от цены исходного года.

Рассчитано по: <https://tyumen.restate.ru/graph/ceny-prodazhi-kvartir/>; <https://tobolsk.restate.ru/graph/ceny-prodazhi-kvartir/>; <https://yalutorovsk.restate.ru/graph/ceny-prodazhi-kvartir/>; <https://www.realtymag.ru/tyumenskaya-oblast/zavodokuvsk/kvartira/prodazha/prices/2024/>; <https://mirstat.ru/ishim/kvartiry.html>; <https://cko.72to.ru/public/analytics> (дата обращения: 13.05.2026).

Несмотря на высокую корреляцию уровней цен, темпы роста существенно различаются, что указывает на асинхронность реакции локальных рынков. Вторичные города демонстрируют более высокую эластичность цен на жилье по сравнению с региональным центром, что может быть интерпретировано как результат перераспределения спроса в пользу более доступных рынков при изменении ипотечных условий и росте цен в «якорном» городе.

Рассмотрим результаты тестирования коинтеграции Йохансена (Johansen) с лагом 1–4 для цен на первичное и вторичное жилье в Тюмени (V02 и V03), Тобольске (V04 и V05), Ялуторовске (V06 и V07) в рублях за кв. м.

На первом этапе была проверена коинтеграция всех локальных рынков для шести переменных (первичное и вторичное жилье трех городов). Гипотеза о наличии коинтеграции была опровергнута. На втором этапе мы последовательно исключали проблемные переменные. В итоге надежная коинтеграция была подтверждена для рынков первичного жилья (V02), Тобольске (V04), Ялуторовске (V06) с лагами до четырех. Тест Йохансена выявил два коинтеграционных соотношения при ранге $r = 2$ (trace-тест, $p = 0,0116$).

Дадим экономическую интерпретацию полученных результатов для проверки коинтеграции цен на рынках первичного жилья Тюмени, Тобольска и Ялуторовска.

Первый коинтеграционный вектор определяет динамику цен на первичное жилье в Тобольске.

$$\ln_V04 \text{ (Тобольск)} = 0,91148 \times \ln_V02 \text{ (Тюмень)} + 0,060868 \times \ln_V06 \text{ (Ялуторовск)}.$$

Таким образом, при росте цены в Тюмени на 1% цена в Тобольске в долгосрочном периоде растет на 0,91%. При росте цены в Ялуторовске на 1% цена в Тобольске растет лишь на 0,06%. Цены в Тобольске почти полностью копируют динамику Тюмени с коэффициентом эластичности, близким к единице. Влияние Ялуторовска на Тобольск пренебрежимо мало. Тобольский рынок первичного жилья является сателлитом тюменского рынка.

Второй коинтеграционный вектор определяет динамику цен на первичное жилье в Ялуторовске.

$$\ln_V06 \text{ (Ялуторовск)} = 0,44107 \times \ln_V04 \text{ (Тобольск)} + 1,6518 \times \ln_V02 \text{ (Тюмень)}.$$

При росте цены в Тобольске на 1% цена в Ялуторовске растет на 0,44%. При росте цены в Тюмени на 1% цена в Ялуторовске растет на 1,65%. Ялуторовск демонстрирует сверхэластичную реакцию на изменения цен в Тюмени (коэффициент > 1). Это может объясняться, во-первых, эффектом догоняющего развития, так как более дешевый рынок растет быстрее при общем повышении цен (см. табл. 3; Приложение). Во-вторых, учитывая, что Ялуторовск находится в пределах агломерации Тюмени на сравнительно небольшом расстоянии от областного центра, реализуется эффект спрового импульса, когда покупатели, не находя доступного жилья в Тюмени, переключаются на Ялуторовск, создавая дополнительный спрос.

Тест Йохансена (Johansen) позволяет оценить, как быстро и какой город реагирует на отклонения уровня цен от долгосрочного равновесия на основе корректирующих коэффициентов (alpha) (табл. 4).

Корректирующие коэффициенты подтверждают иерархическую структуру рынков. Тюмень выступает ценовым лидером. Тюмень практически не корректируется при отклонениях от равновесия ($\alpha \approx -0,018$). Это означает, что именно Тюмень задает долгосрочный тренд цен на первичное жилье в регионе. Шоки на рынке Тюмени распространяются на другие города, но не наоборот. Тобольск выступает быстрым подстройщиком под динамику региональной столицы, активно реагируя на отклонения ($\alpha = -0,225$). Если цена в Тобольске оказывается выше равновесной (относительно Тюмени), она снижается. Если цена в Тобольске оказывается ниже, чем в Тюмени, она растет. Полная корректировка цен на первичное жилье в Тобольске происходит примерно за 4–5 периодов. Ялуторовск выступает умеренным подстройщиком. Его первичный жилищный рынок корректируется со средней скоростью ($\alpha \approx -0,055$ и $-0,080$), реагируя на оба равновесных соотношения. Полная корректировка происходит примерно за 12–18 периодов, что характерно для нестабильно функционирующих рынков.

Межрегиональная связанность статистически подтверждена для вторичных рынков ХМАО–Югры и Тюменской области, но опровергнута для ЯНАО и для первичных рынков. Изменение себестоимости жилья на первичном рынке слабо сказывается на изменении стоимости жилья на вторичном рынке. Имеется четкая дифференциация по

Таблица 4. Интерпретация корректирующих коэффициентов (alpha) для муниципальных рынков первичного жилья

Город	α_1 (по вектору 1)	α_2 (по вектору 2)	Скорость корректировки
Тюмень	-0,018	-0,009	Низкая (слабо экзогенна)
Тобольск	-0,225	0,027	Высокая (22,5% за период)
Ялуторовск	-0,055	-0,080	Средняя (5,5–8,0% за период)
Источник: расчеты авторов.			

типу рынка, которая статистически сильно различается по уровням измерения. Таким образом, выстраивается иерархия рынка первичного жилья между крупным, средним и малым городами региона (рис. 4).

Сравнительный анализ спецификаций моделей с лагом 1–4 показал, что 4-й – наилучший лаг. Рынки недвижимости инерционны, поэтому цены реагируют на шоки с запаздыванием. Лаг 4 лучше захватывает реальные экономические процессы.

На следующем этапе мы проверили коинтеграцию Йохансена на рынках вторичного жилья, а также коинтеграцию первичного и вторичного жилья для трех городов. Статистически значимой коинтеграции на рынках вторичного жилья Тюмени, Тобольска и Ялуторовска не обнаружено. Trace-тест для $r = 0$, $p\text{-value} = 0,0770 > 0,05 \rightarrow$ нулевая гипотеза не отвергается. Lmax-тест для $r = 0$, $p\text{-value} = 0,1205 > 0,05 \rightarrow$ нулевая гипотеза не отвергается. На 10% уровне значимости ($p = 0,077$) можно говорить о слабых свидетельствах связанности, но при строгом научном подходе ($\alpha = 0,05$) коинтеграция не подтверждается.

Для Тобольска Trace-тест для $r = 0$: $p\text{-value} = 0,0670 > 0,05 \rightarrow$ нулевая гипотеза не отвергается. Lmax-тест для $r = 0$: $p\text{-value} = 0,1580 > 0,05 \rightarrow$ нулевая гипотеза не отвергается. Для Ялуторовска Trace-тест для $r = 0$,

$p\text{-value} = 0,1265 > 0,05 \rightarrow$ нулевая гипотеза не отвергается. Lmax-тест для $r = 0$, $p\text{-value} = 0,2805 > 0,05 \rightarrow$ нулевая гипотеза не отвергается. На 10% уровне значимости для $r = 1$ наблюдается $p = 0,059$, но это относится к гипотезе о наличии второго коинтеграционного вектора, что при отсутствии первого не имеет смысла. При контроле влияния рынка Тюмени как экзогенной переменной ($\ln_V02$, $\ln_V03$) не позволяют отвергнуть нулевую гипотезу. Оба собственных значения малы, что указывает на слабую связь между рядами внутри каждого из локальных рынков для первичного и вторичного рынков.

Первичный рынок в отличие от вторичного коинтегрирован. Первичный рынок формируется сверху вниз (девелоперы $\rightarrow$ цены $\rightarrow$ покупатели), поэтому он интегрирован (табл. 5). На первичном рынке действуют крупные институциональные акторы (девелоперы), существуют публичные правила игры, а цены обладают высокой информационной прозрачностью. Вторичный рынок, это сеть атомизированных акторов, где каждый продавец и покупатель действуют на основе локального знания и ограниченной информации. Коинтеграция в такой системе маловероятна, так как нет механизма, который бы транслировал тюменские цены в Тобольск и Ялуторовск.

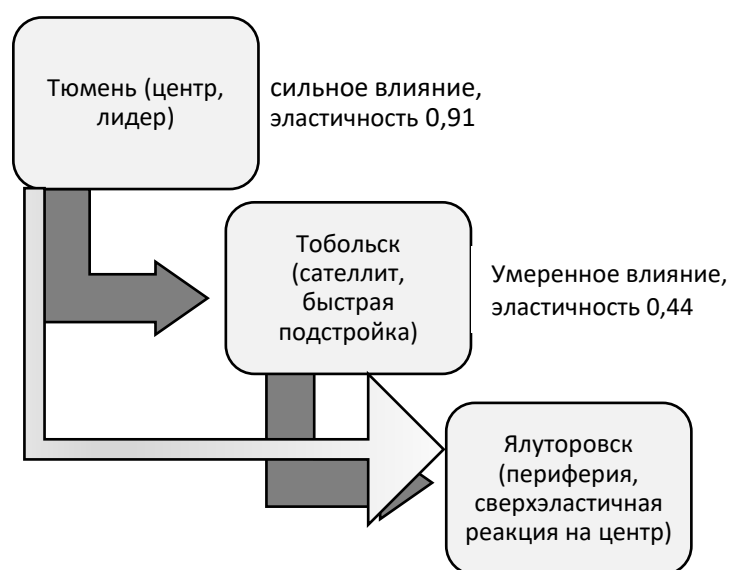

Рис. 4. Схема влияния цен на первичном рынке жилья

Источник: расчеты авторов.

Таблица 5. Сравнение связанности для муниципальных первичного и вторичного рынков жилья городов Тюмени, Тобольска, Ялуторовска

Характеристика	Первичный рынок	Вторичный рынок
Переменные	I_V02, I_V04, I_V06	In_V03, In_V05, I_V07
Наличие коинтеграции	Да ($r = 2$)	Нет
Ценовой лидер	Тюмень ($\alpha \approx 0$)	-
Скорость корректировки Тобольска	Высокая	-
Поведение Ялуторовска	Аномальное	-
Ценообразование	Застройщики	Индивидуальные продавцы
Транзакционные издержки	Относительно стандартизированы	Высоки (торг, оценка, состояние)
Влияние локальных факторов	Ниже (бренд застройщика)	Выше (район, этаж, ремонт, соседи)
Спросовая структура	Инвесторы, молодые семьи	Разные категории (включая немобильных)
Ликвидность	Высокая	Вариативная
Источник: расчеты авторов.		

Первичный и вторичный рынки Тюмени не коинтегрированы. В Ялуторовске, как и в Тюмени и Тобольске, первичный и вторичный рынки жилья не имеют долгосрочной равновесной связи. Это подтверждает системный характер данного феномена. В отличие от первичного рынка, где была обнаружена четкая коинтеграция с Тюменью в роли ценового лидера, вторичные рынки этих городов не образуют единой долгосрочной равновесной системы. Каждый город имеет собственную, независимую динамику цен на вторичном жилье.

Кроме того, отметим еще несколько эффектов. Развитость и поведение рынка зависят от размера и расположения города в иерархической системе расселения. Размер города не влияет на коинтеграцию между первичным и вторичным сегментами (табл. 6). Даже в крупном региональном центре (Тюмень) эти два рынка функционально ав-

тономны. Для прогнозирования цен на жилье необходимо раздельное моделирование первичного и вторичного сегментов.

Обсуждение результатов

Рынок жилья в Тюменской области, включая ХМАО-Югру и ЯНАО, стабильно развивался, но одновременно накапливались проблемы на рынке. Динамика стоимости жилья в регионе за период с 2014 по 2024 год примерно соответствовала темпам инфляции (1–5%), испытав два шоковых периода роста, в 1 квартале 2020 года (19%) и во втором квартале 2024 года (11%). Эти шоковые периоды были обусловлены внешними для рынка факторами, но в итоге рыночная стоимость жилья превысила темпы потребительской инфляции, создав признаки перегрева рынка. Этот перегрев частично компенсировался тесной взаимосвязанностью между первичным и вторич-

Таблица 6. Сравнительный анализ трех городов

Характеристика	Тюмень	Тобольск	Ялуторовск
Население	~850 тыс.	~100 тыс.	~40 тыс.
Первичный рынок	Развитый	Слабый	Очень слабый
Вторичный рынок	Активный	Умеренный	Слабый
Коинтеграция (первичка vs вторичка)	Нет	Нет	Нет
p-value (trace)	0,2924	0,0670	0,1265
Сила связи	Очень слабая	Слабая	Слабая
Источник: расчеты авторов.			

ным рынками жилья в Тюменской области. В ХМАО и ЯНАО такой сильной взаимосвязанности нет, что скорее всего обусловлено более высокими доходами, повышающими порог предельной полезности для покупателя. Отмечена слабая (или отсутствующая) территориальная взаимосвязанность между ценами на рынках жилья в трех субрегионах (Тюменская область, ХМАО-Югра, ЯНАО), которая требует более глубокого изучения.

Локальная взаимосвязанность была изучена для Тюменской области без автономных округов. Темпы ввода жилья в регионе снижались последние три года, приводя к росту себестоимости строительства, что сильнее расширило диспаритет между предложением и спросом. Территориальная неравномерность рынка жилья усиливалась весь изучаемый период, поскольку локальные субрынки сильно отстают от регионального центра в объеме возможностей покупательского спроса. Ухудшение доступности жилья в таких центрах, как правило, сопровождался перераспределением спроса в более доступные города второго уровня и пригородные зоны, что привело к ускоренному росту цен на соответствующих локальных рынках¹⁵.

В рамках субрегиона Тюмень является региональным центром притяжения, что обусловлено емким рынком труда и более высокими доходами. Тюмень формирует ожидания относительно стоимости жилья.

Пространственная конфигурация рынка жилья Тюменской области соответствует типичной для российских регионов модели, в которой центральный рынок выполняет функцию ценового ориентира, а периферийные рынки адаптируются к нему с временным лагом и различной интенсивностью. Наличие устойчивых межмуниципальных связей означает, что рынок жилья целесообразно рассматривать как единую региональную систему, а не как со-

вокупность автономных локальных рынков. С практической точки зрения это предполагает отказ от изолированного анализа муниципалитетов и переход к пространственно согласованному мониторингу.

Следовательно, при оценке состояния рынка жилья необходимо учитывать не только абсолютные уровни цен, но и показатели пространственной дифференциации и темпы изменения цен по типам территорий, что позволяет выявлять перераспределение спроса между рынками на ранних стадиях, особенно в периоды изменения ипотечных условий.

Управление предложением жилья (объемы и размещение нового строительства, инфраструктурное сопровождение проектов) должно осуществляться с учетом межтерриториальных эффектов. Несогласованное наращивание предложения способно приводить к локальным дисбалансам, не отражающим реальную структуру регионального спроса. В этом контексте оправдано использование индикаторов распроданности и стройготовности, публикуемых в системе ЕИСЖС ДОМ.РФ¹⁶.

Меры поддержки спроса и развития жилищного строительства требуют территориальной дифференциации с учетом роли соответствующего муниципалитета в региональной системе расселения. В свою очередь, игнорирование пространственной взаимосвязанности рынков жилья может приводить к формированию устойчивых дисбалансов.

В условиях охлаждения ипотечного спроса возрастает риск несоответствия между объемами вводимого жилья и реальной платёжеспособностью населения, что повышает вероятность накопления непроданных объектов на отдельных территориях.

Отметим, что до сих пор не существует единой системы сбора и представления данных по рынку жилья в разрезе муниципаль-

¹⁵ Доступность жилья в городах, городских агломерациях и регионах России: аналитический доклад // Фонд «Институт экономики города. URL: https://www.urbanecomomics.ru/sites/default/files/dostupnost_zhilya_ieg_2025.pdf (дата обращения: 13.05.2026).

¹⁶ Распроданность и стройготовность объектов жилищного строительства: аналитические данные Единой информационной системы жилищного строительства // ДОМ.РФ. URL: <https://xn--80az8a.xn--d1aqf.xn--p1ai/аналитика/распроданность-стройготовность?repYear=2025&repMonth=12> (дата обращения: 13.05.2026).

ных образований, тогда как ее актуальность не вызывает сомнений. Данные имеются, но они представлены фрагментарно, и их представление не всегда соответствует друг другу. В нашем исследовании мы исключали данные, которые слишком (более чем на 10%) отличались от средней динамики. Исключение составляют данные по муниципальному рынку г. Тобольска, динамика рынка жилья в котором находится в сильной зависимости от функционирования СибУР, который предоставляет своим строителям и работникам нетипично высокую для данного региона заработную плату, что в совокупности с нестабильным режимом работы прямо сказывается на быстром росте стоимости жилья и сильной волатильности. Рисунок ниже обобщает методологические положения и прикладные ориентиры исследования, характеризующие рынок жилья региона как пространственно взаимосвязанную систему локальных рынков и определяющие направления мониторинга, планирования жилищного строительства и дифференциации мер региональной жилищной политики (рис. 5).

Результаты исследования подтверждают целесообразность перехода от локального регулирования к пространственно ориентированной жилищной политике, основанной на учете межтерриториальных связей и различий в реакции рынков жилья, экономических и финансовых изменений. Нелинейные связи жилищного строительства с миграционными трендами (Котлярова и др., 2025) требуют гибких подходов к градостроительному планированию и инвестиционной политике в жилищной сфере. Для Тюменской области это означает учет ценовых параметров рынка жилья при разработке миграционной политики из ресурсных в нересурсные локальные рынки. Например, переориентация поддержки переселения пенсионеров по программе «Сотрудничество» с регионального центра на взаимосвязанные периферийные города – Заводоуковск, Ялуторовск – и Тюменский район. Усиление институциональных каналов может оживить рынки жилья, в том числе и рынок труда.

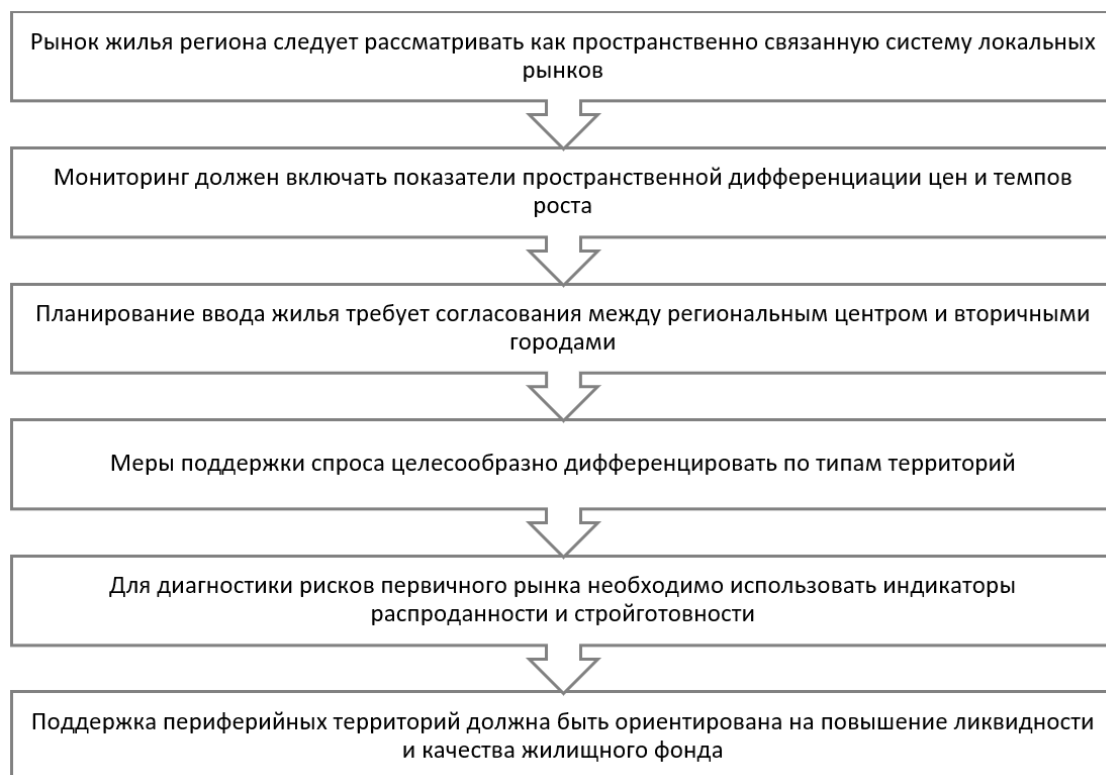

Рис. 5. Основные управленческие импликации с учетом пространственной взаимосвязанности рынков жилья

Источник: составлено авторами.

Заключение

В ходе исследования рынок жилья Тюменской области рассмотрен как пространственно связанная система локальных рынков, внутри которой ценовая динамика и параметры спроса и предложения формируются не изолированно, а во взаимосвязи между муниципальными образованиями. Эмпирические результаты показали высокую согласованность направлений изменения цен между региональным центром и вторичными городами при различающейся скорости и амплитуде реакции отдельных территорий. Первичный рынок жилья имеет региональную иерархическую структуру с ценовым лидерством Тюмени. Вторичный рынок фрагментирован как по городам, так и по сегментам внутри города. Первичный и вторичный сегменты функционально автономны и не образуют единой долгосрочной равновесной системы даже в пределах одного муниципального образования.

Установлена якорная роль города Тюмени, задающего общий ценовой контур для первичного рынка жилья, а также асинхронность динамики вторичных и периферийных рынков, отражающая различия в масштабах рынка, ликвидности и чувствительности к финансовым и миграционным факторам. Например, на рынках населен-

ных пунктов размером менее 250 тысяч человек активнее продают жилье вследствие меньшей чувствительности к финансовым факторам, влияющим сильнее на крупные города, такие как Тюмень, где доля продаж на рынке жилья меньше по отношению к периферийным рынкам. Полученные выводы подтверждают, что пространственная дифференциация цен сочетается с устойчивыми межтерриториальными связями, что требует учета этих эффектов при анализе и регулировании регионального рынка жилья.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублением пространственно-эконометрического анализа за счет расширения временного горизонта и перехода от агрегированных ценовых показателей к данным по фактическим сделкам, а также с отдельным моделированием первичного и вторичного сегментов рынка жилья. Кроме того, в дальнейшем планируется исследовать методы согласовывания планирования ввода жилья между региональным центром и вторичными городами; меры и инструменты поддержки спроса на рынке жилья и их дифференциацию по типам территорий; механизмы, инструменты, обеспечивающие поддержку периферийных территорий в целях повышения ликвидности и качества жилищного фонда.

ЛИТЕРАТУРА

- Бедин Б.М. (2022). Влияние ставки по ипотечным кредитам на стоимость жилой недвижимости // *Baikal Research Journal*. № 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(2).31
- Бердникова В.Н. (2024). Рынок жилой недвижимости в России: структура и цикличность развития // *BENEFICIUM*. № 1 (50). С. 31–39. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2024.1
- Боченина М.В. (2019). Изменения на российском рынке жилья // *Финансы и бизнес*. Т. 15. № 3. С. 72–84. DOI: 10.31085/1814-4802-2019-15-3-72-84
- Вирцев М.Ю. (2025). Влияние улучшения качества городской среды на цену объектов жилой недвижимости // *Региональные проблемы преобразования экономики*. № 3. С. 146–153. DOI: 10.26726/rpre2025v3tioit
- Волков А.А. (2022). Современное состояние рынка жилой недвижимости в России // *Экономика*. № 1. С. 29–41. DOI: 10.21686/2413-2829-2022-1-29-41
- Глухова С.М., Чернов А.Ю. (2024). Применение эконометрических методов анализа рынка недвижимости на примере г. Костромы // *Прогрессивная экономика*. № 5. С. 195–212. DOI: 10.54861/27131211_2024_5_195

- Демидова О.А., Мясников А.А., Серегина С.Ф., Шанкина А.А. (2024). Влияние монетарной политики на ставки по ипотечным кредитам в регионах России // *Экономическая политика*. Т. 19. № 6. С. 26–53. DOI: 10.18288/1994-5124-2024-6-26-53
- Котлярова С.Н., Мариев О.С., Матушкина Н.А. (2025). Влияние миграционной активности на развитие жилищного строительства в регионах России // *Экономика региона*. № 4. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-4-10
- Литвинцев Д.Б. (2024). Жилищная прекарность в развитых странах: обзор исследований и оценка их значимости для России // *Социальные новации и социальные науки*. № 3. С. 55–65. DOI: 10.31249/snsn/2024.03.04
- Любарская М.А., Глазков К.В. (2023). Значение региональных рынков недвижимости для современной экономики // *Экономический вектор*. № 2 (33). DOI: 10.36807/2411-7269-2023-2-33-46-50
- Никитина Н.С. (2023). Анализ факторов, влияющих на динамику цен на жилую недвижимость в России // *Финансы: теория и практика*. Т. 27. №. 1. С. 208–220. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-1-208-220
- Нуреев Р.М., Гуляева О.А. (2021). Недвижимость домашних хозяйств: институциональный анализ // *Пространство экономики*. № 2. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-2-39-57
- Старовойтова И.С., Перперики Д.И., Бурса И.А. (2025). Инвестиции в недвижимость: преимущества и недостатки // *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*. №. 2. С. 209–213. DOI: 10.47576/2949-1894.2025.2.2.028
- Стерник С.Г., Гареев И.Ф. (2021). Структурные изменения на рынке жилой недвижимости в 2020 году: экспансия государственной поддержки и системный рост индивидуального жилищного строительства // *Жилищные стратегии*. № 2. С. 85–130. DOI: 10.18334/zhs.8.2.112369
- Чащина Т.В. (2024). Государственная политика по улучшению жилищных условий семей с детьми в современной России (2002–2024 гг.) // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 20. № 4. С. 555–570. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_4_6_555_570
- Щепина С.В. (2025). Трансформация рынка индивидуального жилищного строительства: введение эскроу-счетов и изменение условий семейной ипотеки // *Экономика и управление: проблемы, решения*. № 1. С. 23–30. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.01.05.003
- Chen Y., Li Z. (2025). Spatial heterogeneity and the dynamics of housing affordability in Hong Kong: A 22-year retrospective analysis. *Habitat International*, 163, 103490. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2025.103490>
- Helbich M. et al. (2013). Data-driven regionalization of housing markets. *Annals of the Association of American Geographers*, 103(4), 871–889. DOI: <https://doi.org/10.1080/00045608.2012.707587>
- Hong D., Wójcik D. (2025). The geography of housing boom and bust cycles. *Finance and Space*, 2(1), 374–395. DOI: <https://doi.org/10.1080/2833115X.2025.2558846>
- Jayawardena N. et al. (2025). Understanding the interconnectedness of house prices between cities and regions during COVID-19: Evidence from Australia. *Regional Studies*, 59(1), 2425215. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2024.2425215>
- Jeongseop S. (2025). Geography of corporate networks and housing price spillovers: Evidence from US States. *The North American Journal of Economics and Finance*, 80, 102490. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.najef.2025.102490>
- Zhu B., Füss R., Rottke N.B. (2013). Spatial linkages in returns and volatilities among US regional housing markets. *Real Estate Economics*, 41(1), 29–64. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6229.2012.00337.x>

Таблица 1. Пространственная межрегиональная дифференциация индексов цен на рынке жилья в ХМАО-Югре, ЯНАО и Тюменской области (ТО), (годовые данные 2011–2025 гг.), % к предыдущему периоду

Описательные статистики	Минимум	Максимум	Среднее	Среднекв. откл.	Асимметрия	Экссесс
Индексы цен на втор. рынке, % ХМАО	97,07	111,09	104,18	4,32	-0,20	-0,89
Индексы цен на втор. рынке, % ЯНАО	94,09	123,70	105,66	8,88	0,80	-0,13
Индексы цен на втор. рынке, % ТО	93,22	114,52	103,27	6,96	0,09	-1,33
Индексы цен на перв. рынке, % ХМАО	92,63	120,90	105,55	7,29	0,35	0,12
Индексы цен на перв. рынке, % ЯНАО	100,00	108,30	102,42	2,22	1,52	2,58
Индексы цен на перв. рынке, % ТО	93,90	125,85	109,00	8,59	-0,10	-0,18

Составлено по: https://72.rosstat.gov.ru/ofs_cen_hmao; https://72.rosstat.gov.ru/ofs_cen_ynao; https://72.rosstat.gov.ru/ofs_cen_to; <https://www.fedstat.ru/indicator/30925>; URL: https://tochno.st/datasets/regions_collection (дата обращения: 13.05.2026).

Таблица 2. Пространственная дифференциация цен на вторичном рынке жилья Тюменской области (2019–2026 гг.)

Год		Тюмень	Тобольск	Ишим	Ялуторовск	Заводоуковск
2019	Среднее	65,8	54,3	39,2	34,5	36,8
	Дисперсия	611,6	43914,2	39522,8	35570,5	32013,4
	Минимум	64,6	48,2	32,5	21,8	22,3
	Максимум	67,1	66,3	48,4	33,8	23,7
2020	Среднее	69,8	50,8	41,9	48,8	48,6
	Дисперсия	6535,2	36282,5	32654,3	29388,8	26450,0
	Минимум	62,6	47,0	32,5	22,7	15,9
	Максимум	76,1	82,4	48,4	33,8	23,7
2021	Среднее	85,6	45,7	53,4	50,8	51,0
	Дисперсия	33258,7	1670,5	23281,1	16296,7	11407,7
	Минимум	77,1	43,7	48,4	33,8	23,7
	Максимум	96,8	71,6	68,3	66,1	61,5
2022	Среднее	102,7	52,3	56,9	33,6	51,9
	Дисперсия	9405,4	17458,8	12221,2	13967,1	9776,9
	Минимум	97,0	46,9	22,4	33,0	21,5
	Максимум	107,3	65,3	58,8	65,7	59,1
2023	Среднее	112,0	66,1	60,4	62,0	57,2
	Дисперсия	11216,6	65584,9	52468,0	128691,2	115822,1
	Минимум	107,9	55,1	32,4	34,4	28,9
	Максимум	118,8	80,5	69,1	72,4	71,8
2024	Среднее	124,1	82,9	69,8	72,9	65,7
	Дисперсия	5586,8	2994,4	3593,2	9084,0	898,3
	Минимум	119,2	80,9	42,1	65,1	39,5
	Максимум	127,4	86,8	79,2	77,3	71,2
2025	Среднее	129,5	88,3	77,5	78,3	72,4
	Дисперсия	5851,5	7468,2	10455,5	11169,4	9708,7
	Минимум	127,0	84,4	71,2	73,0	45,9
	Максимум	136,2	94,2	81,8	83,3	79,6

Окончание таблицы 2

Год		Тюмень	Тобольск	Ишим	Ялуторовск	Заводоуковск
Всего	Среднее	100,3	64,4	65,6	68,0	62,9
	Дисперсия	578634,0	300256,2	390333,0	217598,0	360307,4
	Минимум	62,6	43,7	22,4	33,0	22,3
	Максимум	141,1	94,2	77,5	83,3	72,3

Рассчитано по: rosstat.gov.ru/storage/mediaban/; <https://tyumen.restate.ru/graph/ceny-prodazhi-kvartir/>; <https://tobolsk.restate.ru/graph/ceny-prodazhi-kvartir/>; <https://yalutorovsk.restate.ru/graph/ceny-prodazhi-kvartir/>; <https://xn--d1aqf.xn--p1ai/price-index/?inflation=y>; Рынок многоквартирных жилых домов // ГБУ ТО «ЦКО и ХУТД». URL: <https://cko.72to.ru/public> (дата обращения: 13.05.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гульнара Фатыховна Ромашкина – доктор социологических наук, профессор, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: gr136@mail.ru)

Олег Игоревич Осокин – аспирант, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: gr136@mail.ru)

Romashkina G.F., Osokin O.I.

SPATIAL INTERCONNECTEDNESS OF LOCAL HOUSING MARKETS IN THE TYUMEN REGION

The work investigates the spatial interconnectedness of local housing markets in the Tyumen Region – a polycentric area marked by pronounced differentiation both between and within its constituent parts. The empirical base draws on official statistics and analytical materials covering the period from March 2011 to 2026. The research methods include an analysis of the average selling price of housing in the Tyumen Region and its quarterly dynamics, aimed at identifying cyclical patterns in the regional market; a characterization of the institutional environment specific to the Tyumen Region; a Pearson correlation analysis between the subregions of the Tyumen Region (the Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra and the Yamal-Nenets Autonomous Area); a statistical analysis of the dynamics of price indices on the primary and secondary municipal housing markets of the Tyumen Region (excluding the autonomous areas); and Johansen cointegration tests for primary and secondary housing prices in Tyumen, Tobolsk, and Yalutorovsk. The findings show that the housing markets of the Tyumen Region, KhMAA-Yugra, and YaNAA are not interconnected. Within the Tyumen Region excluding the autonomous areas, the spatial organization of the housing market exhibits a hierarchical character. The anchoring role of the city of Tyumen is established, as is the asynchronous dynamics of the peripheral markets, driven by differences in market scale, liquidity, and sensitivity. The second-tier medium-sized cities of Tobolsk and Ishim possess a shallower market depth but retain relative autonomy thanks to their local labor markets. The region's small towns, Yalutorovsk and Zavodoukovsk, are characterized by limited liquidity and a comparatively greater role of the secondary segment and individual housing construction. The region's municipal districts retain the character of peripheral settlement, the secondary nature of which had already taken shape in previous periods. The results obtained attest to a high degree of coherence in the price dynamics of the primary housing markets between the regional center and the secondary cities, albeit with differing speeds and amplitudes of reaction among the local markets within the Tyumen Region

excluding the autonomous areas. For the secondary markets, no cointegration was detected. The paper concludes that spatial interconnectedness must be taken into account when designing regional housing policy and housing construction programs.

Housing market, region, periphery, interconnectedness, price differentiation.

REFERENCES

- Bedin B.M. (2022). The impact of mortgage rates on residential real estate prices. *Baikal Research Journal*, 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(2).31 (in Russian).
- Berdnikova V.N. (2024). The residential real estate market in Russia: Structure and cyclicity of development. *BENEFICIUM*, 1(50), 31–39. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2024.1 (in Russian).
- Bochenina M.V. (2019). Changes in the Russian housing market. *Finansy i biznes*, 15(3), 72–84. DOI: 10.31085/1814-4802-2019-15-3-72-84 (in Russian).
- Chashchina T.V. (2024). State policy for improving the housing conditions of families with children in contemporary Russia (2002–2024). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 20(4), 555–570. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_4_6_555_570 (in Russian).
- Chen Y., Li Z. (2025). Spatial heterogeneity and the dynamics of housing affordability in Hong Kong: A 22-year retrospective analysis. *Habitat International*, 163, 103490. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2025.103490>
- Demidova O.A., Myasnikov A.A., Seregina S.F., Shchankina A.A. (2024). The impact of monetary policy on mortgage rates in Russian regions. *Ekonomicheskaya politika*, 19(6), 26–53. DOI: 10.18288/1994-5124-2024-6-26-53 (in Russian).
- Glukhova S.M., Chernov A.Yu. (2024). Application of econometric methods of real estate market analysis: The case of Kostroma. *Progressivnaya ekonomika*, 5, 195–212. DOI: 10.54861/27131211_2024_5_195 (in Russian).
- Helbich M. et al. (2013). Data-driven regionalization of housing markets. *Annals of the Association of American Geographers*, 103(4), 871–889. DOI: <https://doi.org/10.1080/00045608.2012.707587>
- Hong D., Wójcik D. (2025). The geography of housing boom and bust cycles. *Finance and Space*, 2(1), 374–395. DOI: <https://doi.org/10.1080/2833115X.2025.2558846>
- Jayawardena N. et al. (2025). Understanding the interconnectedness of house prices between cities and regions during COVID-19: Evidence from Australia. *Regional Studies*, 59(1), 2425215. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2024.2425215>
- Jeongseop S. (2025). Geography of corporate networks and housing price spillovers: Evidence from US States. *The North American Journal of Economics and Finance*, 80, 102490. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.najef.2025.102490>
- Kotlyarova S.N., Mariev O.S., Matushkina N.A. (2025). The impact of migration activity on the development of housing construction in Russian regions. *Ekonomika regiona*, 4. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-4-10 (in Russian).
- Litvintsev D.B. (2024). Housing precarity in developed countries: A review of studies and an assessment of their relevance for Russia. *Sotsial'nye novatsii i sotsial'nye nauki*, 3, 55–65. DOI: 10.31249/snsn/2024.03.04 (in Russian).
- Lyubarskaya M.A., Glazkov K.V. (2023). The importance of regional real estate markets for the modern economy. *Ekonomicheskii vektor*, 2(33). DOI: 10.36807/2411-7269-2023-2-33-46-50 (in Russian).
- Nikitina N.S. (2023). An analysis of factors influencing the dynamics of residential real estate prices in Russia. *Finansy: teoriya i praktika*, 27(1), 208–220. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-1-208-220 (in Russian).
- Nureev R.M., Gulyaeva O.A. (2021). Household real estate: An institutional analysis. *Prostranstvo ekonomiki*, 2. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-2-39-57 (in Russian).

- Shchepina S.V. (2025). Transformation of the individual housing construction market: the introduction of escrow accounts and changes to the terms of family mortgages. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 1, 23–30. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.01.05.003 (in Russian).
- Starovoitova I.S., Perperidi D.I., Bursa I.A. (2025). Investments in real estate: Advantages and disadvantages. *Innovatsionnaya ekonomika: informatsiya, analitika, prognozy*, 2, 209–213. DOI: 10.47576/2949-1894.2025.2.2.028 (in Russian).
- Sternik S.G., Gareev I.F. (2021). Structural changes in the residential real estate market in 2020: Expansion of state support and systemic growth of individual housing construction. *Zhilishchnye strategii*, 2, 85–130. DOI: 10.18334/zhs.8.2.112369 (in Russian).
- Virtsev M.Yu. (2025). The impact of urban environment quality improvements on residential real estate prices. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 3, 146–153. DOI: 10.26726/rppe2025v3tioit (in Russian).
- Volkov A.A. (2022). The current state of the residential real estate market in Russia. *Ekonomika*, 1, 29–41. DOI: 10.21686/2413-2829-2022-1-29-41 (in Russian).
- Zhu B., Füss R., Rottke N.B. (2013). Spatial linkages in returns and volatilities among US regional housing markets. *Real Estate Economics*, 41(1), 29–64. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6229.2012.00337.x>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gulnara F. Romashkina – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: gr136@mail.ru)

Oleg I. Osokin – postgraduate student, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: stud0000215777@utmn.ru)

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.7

УДК 332.8 | ББК 65.441

© Секушина И.А., Белкин А.Н.

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩНОЙ СФЕРЫ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА СЕКУШИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4216-4850; ResearcherID: Q-4989-2017

АРКАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ БЕЛКИН

Администрация Губернатора Вологодской области

Вологда, Российская Федерация

e-mail: belkinan@pvo.gov35.ru

ORCID: 0009-0006-5510-8352

Жилищная сфера является ключевым индикатором качества жизни населения и требует регулярного мониторинга на муниципальном уровне для эффективного управления региональным развитием. Цель работы – выявление особенностей и тенденций развития жилищной сферы в муниципальных образованиях Вологодской области, основные методы исследования – статистический анализ, метод группировок, сравнительный и пространственный анализ. Информационной базой послужили данные Вологдастата в разрезе муниципальных образований за период 2010–2024 гг. В результате выявлены устойчивые территориальные диспропорции по уровню обеспеченности населения жильем, степени благоустройства и износа жилого фонда, а также по объемам и структуре ввода нового жилья, включая долю индивидуального строительства. Исследование проводилось в разрезе типологии муниципалитетов по удельному весу сельского населения, что позволило выявить устойчивые системные тенденции: дифференциацию между городом и селом, характерные черты субурбанизации, а также особенности сельских муници-

Для цитирования: Секушина И.А., Белкин А.Н. (2026). Особенности и тенденции развития жилищной сферы в муниципальных образованиях Вологодской области // Проблемы развития территории. Т. 30. № 4. С. 107–129. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.7

For citation: Sekushina I.A., Belkin A.N. (2026). Features and trends in the development of housing sector in the Vologda Region municipalities. *Problems of Territory's Development*, 30(4), 107–129. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.7

пальных образований. Научная новизна заключается в системном анализе жилищной сферы на муниципальном уровне Вологодской области с учетом возрастной структуры фонда и его технического состояния. Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти региона и местного самоуправления при разработке жилищных программ и стратегий пространственного развития.

Жилищная сфера, муниципальные образования, Вологодская область, обеспеченность жильем, благоустройство жилого фонда, износ жилья, жилищное строительство.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для Вологодского научного центра Российской академии наук по теме FMGZ-2025-0013 «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов».

Введение

Жилищная сфера является одной из ключевых подсистем региональной и муниципальной экономики, оказывающей непосредственное влияние на качество жизни населения, демографическую динамику, миграционные процессы и социальную стабильность территорий (Секушина, 2020; Бузулуцкий, 2024). Обеспеченность жильем напрямую определяет репродуктивные решения домохозяйств (Домнич, 2026). В условиях растущей конкуренции между населенными пунктами доступность комфортного и безопасного жилья, уровень благоустройства жилищного фонда становятся важнейшими факторами привлекательности муниципальных образований, особенно малых и средних городов, которые теряют население в пользу крупных агломераций (Емельянова, Чапаргина, 2020).

Для россиян жилье обладает исключительно высокой субъективной ценностью, поэтому неравенство в этой сфере традиционно воспринимается болезненно. Парадоксально, но при этом большинство населения не считает жилищную проблему одной из самых острых. За два последних десятилетия доля не имеющих собственного жилья сократилась, а среди оставшихся выросла уверенность в его приобретении. Тем не менее сохраняется комплекс факторов, обостряющих жилищное неравенство для отдельных групп, о чем косвенно свидетель-

ствует высокий запрос граждан на улучшение жилищных условий (Коленникова, 2024).

В настоящее время в Российской Федерации реализуется целый комплекс государственных мер, направленных на развитие жилищной сферы в регионах страны, в том числе индивидуального жилищного строительства (ИЖС), на сокращение инвестиционно-строительного цикла, повышение доступности жилья для населения. С 2019 по 2024 год шла реализация национального проекта «Жилье и городская среда», включавшего государственные программы (федеральные проекты) «Ипотека», «Жилье», «Формирование комфортной городской среды», «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда». С 2025 года стартовала реализация нового национального проекта, направленного в том числе на развитие жилищной сферы – «Инфраструктура для жизни».

В структуру нового крупного нацпроекта среди многих социально ориентированных государственных программ включены такие, как «Новый ритм строительства», «Жилье», «Ипотека», «Развитие инфраструктуры в населенных пунктах», «Модернизация коммунальной инфраструктуры», «Формирование комфортной городской среды». Среди задач нацпроекта – обновление жилого фонда к 2030 году не менее чем на 20% по отношению к 2019 году¹.

¹ Минстрой потребовал от регионов абсолютной готовности к новому нацпроекту // Информационное агентство «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/russia/985935> (дата обращения: 18.11.2025).

На региональном уровне также реализуются меры поддержки развития жилищной сферы. В частности, в Вологодской области действует областная адресная программа № 9 «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда в муниципальных образованиях Вологодской области на 2025–2026 годы»². Ключевой критерий заключается в том, что дом должен был получить статус аварийного после 1 января 2017 года из-за физического износа. В программу включены 55 аварийных домов в 11 муниципалитетах региона общей площадью около 11,6 тыс. кв. м, где проживает примерно 670 человек. Доля ветхого и аварийного жилищного фонда в жилищном фонде региона составляет около 6,1%, тогда как в среднем по России примерно 1,1%.

При этом важно отметить существующую динамику: в последние годы в области активно шли программы переселения (в том числе в рамках нацпроекта «Жилье и городская среда»), и объем аварийного фонда постепенно сокращался. Например, в 2024 году регион показал рекордные результаты: расселили свыше трех тысяч семей. По состоянию на конец 2024 года по области в целом на учете состояло более 21 тыс. семей (включая одиноких).

В разрезе муниципалитетов картина неравномерная. На основе анализа данных Вологдастата за 2024 год можно заключить, что заметно больше очередников в крупных городах – Вологде и Череповце. В муниципальных округах и районах цифры существенно ниже, но на отдельных территориях, например в Бабаевском, Великоустюгском, Сокольском округах, уровень потребности тоже достаточно высок.

При этом прослеживается неожиданный контраст между убылью населения и темпами ввода жилья. Так, в последние годы в Вологодской области наблюдается устойчивая естественная убыль, и в целом темп снижения населения за ряд лет превышает

среднероссийский. За пять лет темп снижения численности населения Вологодской области превысил 3,4%, тогда как в среднем по России – 0,4%. В то же время объемы ввода жилья в регионе увеличивались. Например, в 2023 году ввели 746 тыс. кв. м (рост на 15,1% к 2022 году). В 2024 году плановый показатель (440 тыс. кв. м) был даже перевыполнен – по факту введено 682,7 тыс. кв. м жилья.

Таким образом, можно констатировать, что в условиях депопуляции в регионе фиксируется положительная динамика ввода жилых площадей. Данное расхождение трендов позволяет предположить, что органы региональной власти пытаются решить проблему демографической убыли населения путем улучшения жилищных условий, либо жилищное строительство детерминруется иными факторами, в частности выполнением обязательств перед социально незащищенными группами населения (дети-сироты, многодетные семьи) в рамках действующих федеральных и региональных программ.

Планомерное развитие жилищной сферы Российской Федерации невозможно без учета отраслевых особенностей ее субъектов: социально-экономического положения, инфраструктурных возможностей, климатических условий и прочих отличий. В этом смысле особый интерес для исследования представляет специфика Вологодской области. Регион, являясь типичным для Северо-Западного федерального округа с сочетанием промышленно развитых городов (Вологда, Череповец) и обширных сельских периферийных территорий, сталкивается с комплексом проблем в жилищной сфере: старением жилого фонда, высокой степенью износа многоквартирных домов, неравномерностью ввода нового жилья, низким уровнем благоустройства в ряде муниципальных образований. В то же время в области наблюдается активное индивидуальное

² Об областной адресной программе № 9 «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда в муниципальных образованиях Вологодской области на 2025–2026 годы»: Постановление Правительства Вологодской области от 29.08.2025 № 1231 // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: <https://clck.su/skMcx> (дата обращения: 09.07.2026).

жилищное строительство, что формирует новые тренды развития жилищной сферы. Однако комплексные исследования, охватывающие одновременно обеспеченность жильем, техническое состояние фонда и динамику строительства в разрезе всех муниципальных образований Вологодской области, до настоящего времени отсутствовали.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей и тенденций развития жилищной сферы муниципальных образований Вологодской области. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: 1) выполнить аналитический обзор современной научной литературы по вопросам развития жилищной сферы в регионах, в том числе с акцентом на нестоличные и депрессивные территории; 2) оценить уровень обеспеченности населения жильем и его динамику в разрезе муниципальных образований Вологодской области; 3) проанализировать техническое состояние жилищного фонда, включая уровень благоустройства, распределение по годам возведения и степени износа; 4) проанализировать динамику объемов жилищного строительства, включая показатель доли ИЖС; 5) выявить особенности развития жилищной сферы в разных типах муниципальных образований.

Объектом исследования выступает жилищная сфера Вологодской области, предметом – тенденции и территориальные особенности развития жилищного фонда в муниципальных образованиях региона.

Новизна работы состоит в системном анализе жилищной сферы в разрезе всех муниципальных образований Вологодской области, позволившем выявить не только общие тенденции, но и устойчивые территориальные диспропорции между городскими и периферийными сельскими территориями. Элементом научной новизны также выступает типология муниципальных образований региона по характеру жилищно-строительной динамики. Впервые для области на основе комплекса показателей (ввод жилья на душу населения, динамика численности населения, уровень износа жи-

лищного фонда) выделены три зоны – роста, стагнации и депрессии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы органами государственной власти Вологодской области и местного самоуправления при разработке и корректировке региональных и муниципальных жилищных программ, стратегий пространственного развития, а также при распределении бюджетных средств на модернизацию и строительство жилья.

Теоретические основы исследования

Жилищная сфера представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую жилищный фонд, рынок жилья, систему жилищно-коммунального хозяйства, институты управления и финансирования. В зарубежной литературе преобладают подходы к сравнению жилищных систем на национальном уровне (André, Chalaux, 2018; Arbaci, 2019), тогда как в российской науке в силу наследия плановой экономики сложилась традиция детального ранжирования и типологизации регионов по комплексу жилищных индикаторов (Ноздрина, 2009; Пилипенко, 2024). При этом, как отмечает И.В. Пилипенко, в западных странах жилищный сектор относится к наименее регулируемым государством сферам, где законы спроса и предложения воспринимаются как объективная реальность, что принципиально отличает их от российского подхода, сохранившего элементы государственного планирования (Пилипенко, 2024).

В мировой практике при обсуждении концепции доступности жилья ученые рассматривают ее в пяти составляющих: общая доступность, доступность покупки, доступность ипотеки (выплаты), доступность с точки зрения дохода и доступность с точки зрения коммерческого найма. Критерии доступности активно обсуждаются, однако наиболее признанным остается показатель соотношения стоимости жилья к доходам, основанный на неоклассической теории потребительского выбора. Пороговые значения варьируются в диапазоне от 25 до 50%

дохода, направляемого на жилье, что позволяет выделить три группы: «нормальная» ($\leq 30\%$), «приемлемая» (30–50%) и «стрессовая» доступность ($\geq 50\%$). В результате исследования, проведенного в государстве с развивающейся экономикой (Нигерия), было установлено, что 40% респондентов тратили до 30% своего семейного дохода на жилье; 44,7% – от 30,1 до 50%, а 12,9% – более 50% (Adegoke, Agbola, 2020).

Следует отметить, что в Вологодской области этот показатель традиционно высокий. Семье приходится достаточно долго копить на типовую двухкомнатную квартиру в новостройке. Это выводит ситуацию за рамки «нормальной» доступности ($\leq 30\%$ дохода) и приближает к «приемлемой» и «стрессовой». В регионе действуют федеральные и региональные льготные программы (например, для семей с детьми), что частично смягчает ситуацию. Но стандартная ипотека доступна только тем, у кого есть накопления и достаточно высокий текущий доход. При этом расслоение по доходам в регионе весьма заметно.

В Российской Федерации органы местного самоуправления наделены широкими полномочиями в области ЖКХ, включая учет муниципального жилищного фонда, предоставление жилья по договорам социального найма малоимущим гражданам, организацию благоустройства территорий и регулирование тарифов. Деятельность органов ЖКХ в муниципалитете представляет собой процессный механизм, ориентированный на исполнение вопросов местного значения, закрепленных законодательно (Кириллова, 2020). Приоритетной целью муниципальной политики является установление баланса между интересами производителей, потребителей и регуляторов коммунальных услуг.

В то же время исследователи отмечают, что государство фактически передало значительную часть обязанностей по обеспечению конституционного права на жилище на муниципальный уровень, что в условиях ограниченности финансовых ресурсов приводит к низкой эффективности: жилье получает лишь незначительная доля нужда-

ющихся граждан (Семяшкин, 2022). Это создает фундаментальное противоречие между закрепленными полномочиями и реальными возможностями местных бюджетов.

В научной литературе также представлен ряд исследований, посвященных проблематике развития жилищной сферы в разрезе муниципальных образований. В работе (Чурилова, Чурилов, 2025) на основе статистического анализа временных рядов 2010–2024 гг. представлена динамика цен на первичном и вторичном рынках жилья г. Санкт-Петербурга, выявлены периоды наименьшей доступности жилья (2010, 2022–2023 гг.), а также обосновано наличие корреляции между ростом цен и увеличением арендной платы с временным лагом. В практическом плане авторы формулируют несколько мер, способных смягчить остроту проблемы. Среди них – развитие лизинга жилья (наем квартиры с последующим его выкупом).

А.В. Федоровой и соавторами на примере Республики Карелии была разработана типология муниципальных районов по темпам ввода индивидуальных жилых домов, выделены четыре группы территорий от интенсивно развивающихся до демонстрирующих нисходящую динамику. Авторы связывают активное развитие ИЖС с реализацией государственных программ («Гектар в Арктике», льготная ипотека) и отмечают устойчивый рост строительства на сельских территориях с 2017 года (Федорова и др., 2023).

В фокусе исследований ученых Удмуртского государственного аграрного университета – проблемы управления жилищно-коммунальным хозяйством в сельской местности. На материалах Малопургинского района Республики Удмуртия выявлены такие из них, как изношенность сетей водоснабжения и водоотведения, наличие бесхозного имущества, несоответствие качества воды требованиям. Авторы отмечают, что в рамках программы «Комплексное развитие сельских территорий» большое внимание уделяется строительству жилья на селе, но объем бюджетных средств на

эти цели недостаточен. В качестве мер совершенствования управления предлагается усилить контроль органов местного самоуправления за деятельностью предприятий ЖКХ, осуществлять комплексную модернизацию объектов и привлекать частные инвестиции через концессионные соглашения и энергосервисные контракты (Гайнутдинова и др., 2022).

Интерес представляет работа М.В. Щукиной и соавторов по оценке эффективности муниципальных программ г. Перми. Учеными выявлено отсутствие прямой корреляции между объемом бюджетных расходов и качеством достижения целевых показателей. Особую проблему представляют резкие колебания эффективности в сфере жилищной политики. Установлено, что программы с привлечением внебюджетных источников финансирования показывают более стабильные результаты (Щукина и др., 2025).

Д.Д. Бахарев в своем исследовании, посвященном проблематике реализации муниципальной жилищной политики в г. Перми, также подчеркивает ее невысокую результативность. В частности, автор отмечает низкие темпы расселения из аварийного жилья и обеспечения жильем детей-сирот и малоимущих, которые отстают от плановых, а освоение бюджетных средств сдерживается ростом цен на жилье. Действующие механизмы (закупки на вторичном рынке, распределение по очереди) недостаточно эффективны и требуют замены на новые подходы. Автор предлагает в качестве перспективного решения развитие института социального арендного жилья и строительство специализированных домов (Бахарев, 2022).

В качестве основных барьеров на пути развития жилищного строительства в муниципалитетах различных регионов России Т.Р. Лукашенко и Е.Г. Ефимова выделяют рост цен на жилье, высокую стоимость стройматериалов, дефицит квалифицированных кадров и несбалансированность инфраструктурного развития. Авторы показывают, что, несмотря на положительную динамику вво-

да жилья и рост обеспеченности населения квадратными метрами, доступность жилья остается ограниченной. Решение, по их мнению, состоит в выстраивании жилищной политики на базе скоординированного взаимодействия федерального и регионального уровней управления. Для повышения эффективности отрасли предлагается такая модель организации жилищного строительства, которая обеспечивала бы циклический обмен данными, мониторинг и согласованность мер поддержки (Лукашенко, Ефимова, 2023).

Обеспеченность энергоресурсами также демонстрирует существенную пространственную дифференциацию. В исследовании (Cheshmehzangi, 2020) на примере Китая выделены три типа территорий: городские (многоэтажные закрытые комплексы с хорошей инфраструктурой и высоким энергопотреблением), пригородные (малоэтажная застройка с растущей нагрузкой на сети) и сельские (малоэтажное жилье с низким энергопотреблением, часто с использованием дров и угля, что указывает на крайне низкий уровень инфраструктуры) (Cheshmehzangi, 2020). Следует отметить, что в Вологодской области пространственная дифференциация в обеспеченности энергоресурсами во многом повторяет представленную китайскую. На городских территориях (особенно в Вологде и Череповце) наблюдается высокая концентрация многоэтажного жилья, плотная застройка, развитая инфраструктура. Энергопотребление в целом высокое. Помимо квартир есть коммерческие объекты, офисы, промышленные зоны, также потребляющие электричество. Но есть и отдельные локации с дисбалансом мощностей, например, местами в городах сети перегружены. Это создает риски по давлению электричества, даже если генерация в регионе в целом достаточна.

К пригородному типу в Вологодской области можно отнести населенные пункты, куда активно тянется индивидуальная застройка. Здесь исходя из существующих мощностей нагрузка на сети повышенная, поскольку частные дома, как правило, боль-

ше по площади, чем квартиры, при отсутствии газа обогреваются электроприборами, то есть инфраструктура не всегда успевает за динамикой застройки.

На сельских же территориях, особенно в негазифицированных северных и восточных муниципальных округах, преобладает малоэтажная застройка, а уровень централизованной инфраструктуры ниже, поэтому значительная часть домохозяйств пока использует традиционные средства для отопления жилья (дрова).

Обзор исследований отечественных авторов позволяет выделить несколько устойчивых тенденций и проблем, характерных для регионов и муниципальных образований России в жилищной сфере.

1. Несбалансированность количественных и качественных показателей. С одной стороны, наблюдается рост общей площади жилья на одного жителя – с 19,2 кв. м в 2000 году до 28,8 кв. м в 2023 году (Минченко и др., 2025). При этом важно понимать, что этот рост часто обусловлен не столько строительством, сколько сокращением численности населения (Секушина, 2020). Интегральный индекс качества жилищной сферы, рассчитанный М.Н. Минченко и соавторами по восьми показателям, выявил, что только 11 регионов имеют высокий уровень (более 0,6), 17 – выше среднего, 46 – ниже среднего и 11 – низкий (менее 0,4). При этом в регионах с качеством «ниже среднего» и «низким» проживает более половины населения страны (50,7%) (Минченко и др., 2025).

2. Региональная и межмуниципальная дифференциация. Межрегиональный анализ, проведенный О.В. Рабцевич и И.В. Юговой, выявил значительные диспропорции в развитии жилищной сферы (Рабцевич, Югова, 2020). Высокие объемы ввода жилья характерны для ограниченного круга регионов-лидеров (Московская область, Краснодарский край), в то время как в большинстве субъектов РФ, особенно на северных и арктических территориях, показатели существенно ниже среднероссийских (Емельянова, Чапаргина, 2020). В другом исследовании (Вавилина, Кома-

рова, 2024) авторы приходят к схожим выводам: установлено, что лишь 10 субъектов РФ могут быть отнесены к благополучным с точки зрения уровня жилищного строительства. Это, как правило, либо регионы с городами-миллионниками (Москва, Московская область, Краснодарский край), либо территории нефтедобычи и нефтепереработки (Тюменская область, Республика Татарстан, Республика Башкортостан). Остальные субъекты Российской Федерации демонстрируют низкие абсолютные и относительные показатели ввода жилья (Вавилина, Комарова, 2024).

3. Снижение доступности жилья. Коэффициент доступности жилья в 2023 году составил в среднем по России 3,33 года. Жилье доступно (менее 3 лет) только в 30 регионах, не совсем доступно – в 42, приобретение серьезно осложнено – в 10, существенно недоступно – в 3 регионах (Минченко и др., 2025).

4. Увеличение роли индивидуального жилищного строительства. Исследования показывают, что его доля в общем вводе жилья увеличилась в 61 регионе, а в городской местности – в 51 субъекте РФ. В 2023 году населением построено 431,5 тыс. жилых домов общей площадью 58,7 млн кв. м (53% от общего ввода). Средний размер объектов ИЖС (136 кв. м) почти вдвое превышает средний размер квартир в МКД (76 кв. м). При этом в сегменте МКД площадь вводимых квартир сократилась в 79 регионах из 85. Развитие ИЖС может рассматриваться как перспективное направление для улучшения жилищной обеспеченности, особенно в малых городах и сельской местности (Пилипенко, 2024).

В исследовании М.С. Оборина на материалах Пермского края раскрывается влияние ключевых групп факторов на региональный рынок жилищного строительства. Результаты анализа показали, что демографическая ситуация характеризуется сокращением численности населения при росте жилищной обеспеченности, что говорит об изменении состава домохозяйств, а не о преодолении жилищного дефицита. С эко-

номической точки зрения, несмотря на рост доходов, значительная доля граждан остается за чертой бедности, что ограничивает реальный спрос на жилье. Транспортно-инфраструктурные и социальные факторы обнаруживают себя в проблеме заселения объектов до завершения строительства социальной и инженерной инфраструктуры, что делает обязательным условием комплексную застройку территорий. Среди организационно-правовых факторов автор выделяет переход на проектное финансирование с использованием эскроу-счетов и острую проблему обманутых дольщиков (Оборин, 2021).

В современной научной парадигме жилищная сфера рассматривается не только как социальная, но и как ключевая экономическая подсистема, обеспечивающая устойчивость и резильентность территорий (Бузулуцкий, 2024). Выделяется пять основных аспектов влияния жилищного сектора на экономику муниципалитета: экономический (мультипликативный эффект, создание рабочих мест, привлечение инвестиций), социальный (закрепление населения, снижение напряженности, стимулирование рождаемости), экологический (внедрение «зеленых» стандартов), институциональный (формирование стабильного инвестиционного климата) и технологический (цифровизация и новые материалы, повышающие долговечность зданий).

Кроме того, жилищная сфера выступает одним из факторов пространственного развития. Ключевым механизмом трансформации территориальной структуры общества выступает урбанизация. Она формирует новые экономические и социальные центры. Классические теории урбанизации выделяют шесть ее стадий – от преурбанизации до деконцентрации, начиная с точечной концентрации населения и заканчивая сложными агломерациями и макрорегионами. В современной науке пространственное развитие рассматривается как взаимодействие крупных городских центров и периферий. В процессе этого взаимодействия агломе-

рации становятся самоорганизующимися системами, стимулирующими социально-экономический рост.

Разные модели урбанизации представлены в практике Японии, Китая и Индии. Япония – пример компактной урбанизации информационной эпохи, Китай – быстрой промышленной урбанизации с уникальным явлением «городских деревень», Индия – развивающейся урбанизации с сильным традиционно-аграрным уклоном (Салицкий, Чубаров, 2022).

Российскую урбанизацию отличает высокая концентрация населения в городах-миллионниках, что сближает ее с японской моделью. В частности, японская модель компактных агломераций с развитым общественным транспортом и интеграцией пригородов актуальна для Московской и Петербургской агломераций России. При этом от китайской модели российские города отличаются значительно более низкими темпами роста. В Китае урбанизация сопровождается массовым переселением крестьян в города, в России же преобладает внутренняя миграция между регионами и субурбанизация – рост пригородов крупных городов (Гарнага, 2021). Индийский сценарий с сохранением тесных связей между городом и деревней может отражать российскую специфику малых городов и моногородов.

Пространственное развитие Вологодской области тесно связано с общероссийскими моделями урбанизации, но обладает региональной спецификой. В области традиционно сложились две урбанизированные зоны: Вологодская и Череповецкая агломерации. Это не уникальный, но исключительно редкий для субъектов Российской Федерации случай, поскольку в большинстве регионов России присутствует один крупный социально-экономический, финансовый и промышленный центр, который, как правило, является административным центром соответствующего субъекта.

Анализ зарубежных исследований (Chatterjee, 2023; Miller et al., 2011; Abraham, 2025; Yao, 2015) позволяет заключить, что,

во-первых, цены на жилье и динамика строительства выступают не просто отраслевыми индикаторами, а активными факторами, влияющими на локальный экономический рост, занятость и потребительский спрос. Во-вторых, значительная часть вариации цен на жилье объясняется факторами локального предложения (зонирование, доступность земли, строительные регламенты), что делает муниципальную политику ключевым инструментом регулирования доступности жилья. В-третьих, поведенческие характеристики покупателей (толерантность к риску, информированность) и институциональные особенности (культурные нормы, миграционные потоки) создают существенные различия между даже близко расположенными территориями.

В целом проведенный теоретический обзор позволяет констатировать наличие существенного научного пробела. Подавляющее большинство исследований как российских, так и зарубежных выполнены на макроуровне (страны, регионы), оставляя муниципальный уровень – ключевую площадку реализации жилищной политики – слабо изученным.

Материалы и методы

В ходе исследования проанализирована литература отечественных и зарубежных ученых, работающих над проблемами развития региональных и макрорегиональных жилищных рынков, статистические документы Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области (Вологдастат) в разрезе муниципальных образований и сведения Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), а также информационно-аналитической системы «Цифровая среда проектной дирекции Минстроя России» (ЦСПДМ); использованы открытые данные Министерства строительства Вологодской области и Главного стратегического управления Администрации Губернатора Вологодской области, статьи из научных журналов, ресурсы сети Интернет.

Для анализа динамики развития жилищной сферы Вологодской области определен временной интервал с 2010 по 2024 год. Его выбор обусловлен тем фактом, что к 2010 году жилищный рынок в России относительно стабилизировался после мирового финансового кризиса 2008 года, характеризовавшегося резким спадом в строительстве и замораживанием крупных долгосрочных проектов. Таким образом, 2010 год можно рассматривать как отправную точку нового цикла развития жилищной сферы, когда возобновилась активность девелоперов, начали реализовываться отложенные проекты, при этом внутри указанного периода наблюдались важные экономические шоки, которые существенно корректировали состояние рынка: структурный кризис 2014–2015 гг., вызванный санкционным давлением и волатильностью валютного курса, пандемия COVID-19 в 2020 году, спровоцировавшая разрывы традиционных цепочек поставок и временную заморозкустроек. Под конец периода и вовсе произошла масштабная трансформация экономики в 2022 году на фоне беспрецедентных внешних ограничений. Все эти события прерывали восходящую динамику отрасли, одновременно выступая катализаторами дальнейшего развития за счет пересмотра стратегий региональных застройщиков, реформирования рынков стройматериалов, разработки государственных программ поддержки жилищной отрасли и т. д.

Таким образом, анализ периода с 2010 по 2024 год научно обоснован, поскольку он охватывает полный экономический цикл – от кризисного восстановления через череду внешних шоков к формированию новой экономической реальности. Это позволяет не только выявить линейный тренд развития жилищной сферы Вологодской области, но и оценить степень ее устойчивости (резильентности) к внешним шокам различной природы.

В качестве основных показателей рассмотрены статистические данные по обеспеченности населения жильем, проанализирован уровень благоустройства домов и

квартир в части наличия водопровода, канализации, центрального отопления. Изучены данные по степени износа жилых зданий, а также по общему ежегодному вводу жилья в регионе, в том числе построенного населением, и данные по ежегодному вводу жилья в расчете на 1000 человек.

Теоретические аспекты исследования базируются на методе научных обобщений, аналитическом обзоре отечественной и зарубежной научной литературы. Основные результаты исследования сформулированы

на принципах системного анализа, а также методе сбора информации о предмете исследования. Для обработки статистических данных использован хронологический метод, метод научных обобщений, статистический и сравнительный анализ.

Результаты исследования

На первом этапе исследования нами был проведен анализ численности населения муниципальных образований Вологодской области (табл. 1). В среднем по региону за

Таблица 1. Динамика численности населения и общей площади жилых помещений на одного жителя в муниципальных образованиях Вологодской области

Муниципальное образование (округ)	Население, чел.			Обеспеченность жильем, м ² /чел.		
	2010 г.	2024 г.	2024 г. / 2010 г.	2010 г.	2024 г.	2024 г. / 2010 г.
Кичм.-Городецкий	18355	14079	76,7	27,8	56,1	В 2 раза
Вологодский	50471	51950	102,9	22,9	35,5	155,0
Бабушкинский	13149	9307	70,8	32,1	47,8	148,9
Устюженский	18617	15048	80,8	35	49,8	142,3
г. Вологда*	310033	317822	102,5	22,5	32	142,2
Вашкинский	8010	5872	73,3	33,4	47,5	142,2
Харовский	16318	12618	77,3	35,7	50,3	140,9
Чагодощенский	13795	10732	77,8	30,6	42,8	139,9
Усть-Кубинский	8040	7154	89,0	38,1	53,1	139,4
Тарногский	12781	10250	80,2	35,1	48	136,8
Вытегорский**	27042	21686	80,2	26	34,6	133,1
Белозерский	17141	12978	75,7	34,7	45,7	131,7
Никольский**	22293	18390	82,5	27,9	36,4	130,5
Шекснинский**	33211	28791	86,7	24,4	31,7	129,9
Кирилловский	15759	13795	87,5	35,3	45,6	129,2
Верховажский	13823	12287	88,9	30,3	39	128,7
г. Череповец*	312903	298160	95,3	23,1	29,4	127,3
Череповецкий**	40745	39308	96,5	27,8	35,3	127,0
Кадуйский	17085	16316	95,5	36,5	45,3	124,1
Сокольский	51257	44172	86,2	28,8	35,5	123,3
Грязовецкий	35637	31398	88,1	28,8	35,4	122,9
Междуреченский	6057	4740	78,3	34,4	42	122,1
Тотемский	23855	21802	91,4	28,1	34,2	121,7
Вожегодский	16634	13416	80,7	30,8	37,1	120,5
Сямженский	8869	7880	88,8	34,7	41,4	119,3
Великоустюгский	57832	48563	84,0	27,7	32,4	117,0
Бабаевский	21791	18541	85,1	34,2	38,7	113,2
Нюксенский	9687	8316	85,8	33,4	30,4	91,0
В среднем по области	1201190	1115371	92,9	30,7	40,5	131,9
* – городской округ; ** – муниципальный район. Составлено по: данные Росстата.						

период с 2010 по 2024 год показатели снизились на 7,1%. Это свидетельствует о продолжительной депопуляции, характерной для многих регионов Северо-Запада России. При этом отмечаются тенденции поляризации пространства: рост численности наблюдается только в двух локациях: г. Вологда: (+2,5%) и Вологодском районе (+2,9%).

Наиболее существенная убыль населения зафиксирована в отдаленных сельских муниципальных образованиях: Бабушкинском, Кичменгско-Городецком, Вашкинском, Харовском, Усть-Кубинском муниципальных округах (снижение более чем на 20%). Для промышленного центра области г. Череповца характерно незначительное снижение (-4,7%), что в условиях общего спада может считаться относительной стабильностью, хотя миграционная привлекательность города снижается по сравнению с Вологдой.

В среднем по области обеспеченность жильем выросла с 30,7 кв. м на человека в 2010 году до 40,5 кв. м в 2024 году (+31,9%). Формально это положительная динамика, однако во многом она обусловлена не вводом нового жилья, а сокращением численности населения. В частности, наиболее значительный рост обеспеченности жильем зафиксирован в Кичменгско-Городецком округе (более чем в 2 раза, с 27,8 до 56,1 м²/чел.), который произошел на фоне сильного сокращения численности населения (на 23,3%).

В Вологде и Череповце уровень обеспеченности жильем (32 и 29,4 м²/чел. соответственно) остается ниже среднеобластного (40,5 м²/чел.), что характерно для городов с высокой плотностью застройки и притоком мигрантов, не обеспеченных новыми квадратными метрами. Следует также отметить, что Вологодский округ и г. Вологда единственные муниципалитеты, где рост обеспеченности жильем носит инвестиционно-строительный характер: темпы жилищного строительства опережают или сопоставимы с приростом населения. На фоне всех муниципальных образований выделяется Нюксенский муниципальный округ, где численность населения снизилась на 14,2%, а обеспеченность жильем упала на 9%, что

может свидетельствовать о списании ветхого жилого фонда в объемах, превышающих убыль населения.

Результаты анализа уровня благоустройства жилищного фонда в целом свидетельствуют о том, что уровень благоустройства выше в городских муниципальных образованиях, однако в некоторых сельских он также высок, главным образом в близких к крупным городам (Шекснинский район, Вологодский, Кадуйский муниципальные округа, *табл. 2*).

Рассматривая показатели в динамике, можно заключить, что регион демонстрирует устойчивый прогресс. Средние показатели по области выросли по всем видам благоустройства: водопровод (+14 п. п.), канализация (+15,9 п. п.), центральное отопление (+10,3 п. п.), что свидетельствует о системной работе по модернизации коммунальной инфраструктуры.

По Нюксенскому району зафиксирован скачкообразный рост уровня благоустройства за счет сетей водопровода и канализации с 25–17% в 2010 году до 100% в 2024 году, который связан с реализацией государственной политики по модернизации коммунальной инфраструктуры. Именно в эти годы происходила активная реализация федерального проекта «Чистая вода» нацпроекта «Жилье и городская среда». К концу периода осуществлено строительство магистральных сетей водопровода протяженностью более 8 км и модернизация еще 17 км распределительных сетей с монтажом 94 колодцев в селе Нюксеница. Кроме того, в 2020 году реконструкция системы водоотведения по улице Культуры в райцентре была проведена по госпрограмме «Комплексное развитие сельских территорий». С другой стороны, резкий статистический скачок также объясняется спецификой учета показателя «уровень благоустройства»: как только водопроводные, насосные и очистные сооружения запущены в эксплуатацию, формальный процент охвата населения (выведенный из расчетных способностей самих инфраструктурных сооружений) стремительно достигает максимума. Кроме того, изменилось административное положение территории – Нюксенский район

Таблица 2. Уровень благоустройства жилищного фонда – удельный вес площади, оборудованной водопроводом, водоотведением (канализацией), централизованным отоплением

Муниципальное образование (округ, район)	Водопровод			Водоотведение (канализация)			Отопление (централизованное)		
	2010 г.	2024 г.	2024 г. / 2010 г.	2010 г.	2024 г.	2024 г. / 2010 г.	2010 г.	2024 г.	2024 г. / 2010 г.
г. Вологда*	96,5	99,3	2,8	96,8	99,3	2,5	96	89,5	-6,5
г. Череповец*	99,2	97,9	-1,3	99,2	97,9	-1,3	97,6	95,3	-2,3
Бабаевский	32,6	40,3	7,7	27,4	28,2	0,8	24,8	23,1	-1,7
Белозерский	25,7	31	5,3	25,7	23,3	-2,4	14,7	13,1	-1,6
Великоустюгский	53,4	64,9	11,5	40	51,2	11,2	20,3	29,2	8,9
Грязовецкий	61,8	64,3	2,5	52	54,9	2,9	51,3	47,6	-3,7
Кадуйский	49,2	61,8	12,6	50,8	61,4	10,6	48,8	47,1	-1,7
Кирилловский	21,8	66,3	44,5	16,2	57,3	41,1	19,5	26	6,5
Сокольский	60,9	60	-0,9	57,3	56,2	-1,1	58,7	57,2	-1,5
Устюженский	29,7	40,9	11,2	23,8	31,1	7,3	23,2	22,4	-0,8
Харовский	38,6	33,8	-4,8	34,6	30,1	-4,5	34,9	28,3	-6,6
Чагодощенский	64,4	73,9	9,5	45,6	64,6	19	37,1	36,3	-0,8
Шекснинский**	64,1	64,6	0,5	63,6	49,6	-14	52	42,1	-9,9
Вожегодский	23	23,6	0,6	18,1	21,9	3,8	14,6	17,3	2,7
Вытегорский**	22,1	28	5,9	17,8	21,7	3,9	15,9	18	2,1
Никольский**	13,6	38,5	24,9	10	38	28	9,2	9,4	0,2
Тотемский	47,4	65,8	18,4	34,3	42,7	8,4	33,4	39,8	6,4
Бабушкинский	49,2	55,1	5,9	1,9	5,4	3,5	0,4	0	-0,4
Вашкинский	12,6	14	1,4	8,8	10,8	2	8,2	10	1,8
Верховажский	17,5	35,6	18,1	10,8	35,6	24,8	3,5	3	-0,5
Вологодский	56,8	62,1	5,3	52,8	60,1	7,3	51,3	50,2	-1,1
Кичм.-Городецкий	5,6	4,8	-0,8	0,5	1,2	0,7	0,6	0,3	-0,3
Междуреченский	72,6	80,6	8	23,2	27,5	4,3	15,8	17	1,2
Нюксенский	25,3	100	74,7	17,6	100	82,4	11,8	22,5	10,7
Сямженский	17,5	38,4	20,9	11,9	13,8	1,9	12,2	8,9	-3,3
Тарногский	70,4	75,1	4,7	11,7	50,3	38,6	16,3	5	-11,3
Усть-Кубинский	36,2	45,9	9,7	16,1	40,1	24	21,6	3,1	-18,5
Череповецкий**	49	44,9	-4,1	48,9	40,1	-8,8	47,1	33,7	-13,4
В среднем по области	60,9	74,9	14	54,3	70,2	15,9	50,4	60,7	10,3

* – городской округ; ** – муниципальный район.
Составлено по: данные Росстата.

одним из первых в Вологодской области был преобразован муниципальный округ, что централизовало учет.

Вместе с тем усиливается поляризация территорий: на фоне высоких средних показателей выделяется группа районов (Кичменгско-Городецкий, Вашкинский, Бабушкинский округа), где уровень благоустройства остается крайне низким, а в ряде случаев даже ухудшается. При этом для данных муниципалитетов характерно максимальное снижение численности населения.

Разрыв между лидерами и аутсайдерами увеличивается. Наиболее проблемной зоной является центральное отопление. Так, несмотря на рост среднеобластных значений показателя, в ряде округов (Усть-Кубинский, Тарногский, Шекснинский, Череповецкий) наблюдается резкое падение уровня централизованного теплоснабжения. Это может являться как следствием модернизации (переход на автономное отопление), так и деградации сетевой инфраструктуры.

Также следует отметить наличие дисбаланса между видами благоустройства. В ряде районов (Бабушкинский, Тарногский, Междуреченский) водопровод проведен на значительной части жилого фонда, но канализация и центральное отопление практически отсутствуют, что несет экологические и санитарно-эпидемиологические риски.

В целом можно сделать вывод, что качество жилищных условий (благоустройство) дифференцировано сильнее, чем количественные показатели обеспеченности жильем, и именно уровень благоустройства является более точным индикатором реальных условий проживания и качества жизни на муниципальном уровне.

Анализ структуры жилищного фонда по годам возведения зданий позволяет оценить характер исторической застройки и степень физического износа домов. Более 70% строительства жилых домов в Вологодской области приходится на период 1946–1995 гг. (хрущевки, брежневки). Доля современного жилья (после 1995 года) составляет лишь 26,1%, что указывает на относительно низкие темпы обновления жилищного фонда. При этом в ряде муниципальных образований значительная часть жилого фонда имеет возраст более 80 лет, что означает критический износ инженерных систем, низкую энергоэффективность и высокие затраты на содержание. Особенно остро ситуация выглядит в Кирилловском (21,2% фонда старше 80 лет) и Тотемском (19,5%) округах. Также периферийные сельские районы характеризуются низкой долей современного жилья (9–15%), а основной объем приходится на 1946–1970 гг. (во многих муниципалитетах доля составляет 27–44%) – фонд послевоенных десятилетий, который находится в настоящее время в критическом состоянии.

Городские округа Вологда и Череповец, а также пригородные районы Череповецкий, Шекснинский, округа Вологодский и Кадуйский демонстрируют наиболее высокую долю современного жилья. Кроме того,

Усть-Кубинский округ выделяется аномально высокой долей нового жилого фонда (35,8%). Это объясняется сложившейся привлекательностью территории с точки зрения возведения загородной элитной недвижимости. Вблизи основных рекреационных объектов муниципалитета (прежде всего обширного устья реки Кубены) ведется активное возведение коттеджей, в том числе и премиальных, отличающихся особо крупными параметрами жилых площадей. Вместе с тем нельзя не упомянуть участие муниципалитета в областной программе переселения граждан из ветхого и аварийного жилищного фонда. В частности, по программе в округе было построено пять многоквартирных домов на 67 жилых помещений³.

Стоит сказать, что низкий уровень благоустройства жилья отмечается наряду с высокой долей старого фонда. В районах, где более 15% жилья построено до 1945 года (Кирилловский, Тотемский, Харовский), уровень обеспеченности водопроводом и канализацией значительно ниже среднеобластных значений показателя.

Также в рамках исследования нами был проведен анализ распределения жилищного фонда по степени износа. В целом по области более половины (57%) жилищного фонда находится в удовлетворительном состоянии (износ до 30%). Вместе с тем почти 11% домов имеет высокий и критический износ, что соответствует масштабной проблеме ветхого и аварийного жилья.

Жилой фонд крупных городов характеризуется низким уровнем износа. При этом особенно выделяется Череповец, где 89,5% фонда имеет износ до 30%, а доля аварийного жилья равна нулю. В зоне критического риска находятся Междуреченский округ (почти половина жилого фонда имеет износ выше 66%, а 22% – сверхнормативный аварийный износ), Бабаевский (41,5 и 14,8% соответственно), Кичмегско-Городецкий (37,5 и 32,8%), Никольский и Вытегорский (более трети фонда имеют высокий и критический износ).

³ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Усть-Кубинского муниципального района на период до 2030 года: Решение Представительного собрания Усть-Кубинского муниципального района от 18.12.2018 № 77. URL: <https://clc.li/ybmtS>

Для большинства районов с высоким износом характерна высокая доля довоенного и послевоенного жилья. Однако Междуреченский район демонстрирует критический износ даже при относительно небольшой доле старого жилья, что указывает на системные проблемы эксплуатации и отсутствие капитальных ремонтов в фонде 1971–1995 гг.

В целях проведения оценки строительной активности нами также был проведен анализ ввода жилых домов, в т. ч. расчет показателей на 1 тыс. человек населения, и доли ИЖС. За 14 лет средние абсолютные показатели ввода жилья в области выросли в 1,67 раза, а в расчете на душу населения – в 1,79 раза. Однако увеличение строительной активности в регионе происходило крайне неравномерно. На Вологду, Череповец, Вологодский и Череповецкий округа приходится 71,4% всего ввода жилья в области. Это подтверждает ранее выявленную тенденцию к поляризации: строительная активность сконцентрирована в областном центре, крупном промышленном городе и пригородных зонах.

Вместе с тем Междуреченский, Бабушкинский, Кичменгско-Городецкий, Харовский, Сямженский, Вашкинский округа, входящие в группу с наибольшей депопуляцией и высоким износом фонда, демонстрируют минимальные объемы нового строительства, что констатирует их депрессивное состояние. В районах с высокой долей износа (> 66%) – Междуреченский (48,7%), Бабаевский (41,5%), Кичменгско-Городецкий (37,5%) – ввод на 1000 человек составляет 215–343 кв. м, что недостаточно для компенсации выбытия ветхого фонда. В Междуреченском районе при износе 48,7% ввод составляет всего 215 кв. м на 1 тыс. чел., что означает дальнейшее накопление аварийного фонда. Сокольский округ демонстрирует аномальный рост – ввод жилья вырос в 10 раз, однако это обусловлено эффектом низкой базы 2010 года (1,9 тыс. кв. м).

Вологда и Череповец закономерно имеют низкую долю ИЖС, так как основное строительство здесь сконцентрировано на многоквартирных жилых комплексах. В периферийных сельских районах многоквартирное строительство практически отсутствует. Любое новое жилье здесь возводится населением самостоятельно. Во многом это обусловлено преобладанием частного сектора и отсутствием инвестиционной привлекательности для застройщиков.

Белозерский, Грязовецкий, Кадуйский, Харовский, Устюженский, муниципальные округа и Вытегорский район демонстрируют высокую волатильность доли ИЖС, что объясняется реализацией единичных проектов строительства многоквартирного жилья (например, возведение дома для переселенцев) или отсутствием регулярного жилищного строительства: любой ввод, будь то один многоквартирный дом или несколько индивидуальных, резко меняет пропорции.

В целях выявления особенностей развития жилищной сферы в разных типах муниципальных образований был проведен аналитический обзор, объединяющий все ранее рассмотренные показатели (численность населения, обеспеченность жильем, благоустройство, возрастную структуру фонда, износ, ввод жилья и долю ИЖС) в рамках типологии муниципалитетов по доле сельского населения⁴. Данный показатель выступает интегральной характеристикой территории, отражающей степень урбанизации, которая, в свою очередь, связана с типом жилищного фонда, характером расселения и доступностью инфраструктуры. Выбор обусловлен также доступностью показателя для всех исследуемых муниципалитетов и его сопоставимостью с данными официальной статистики.

Результаты проведенного анализа позволили выявить ряд особенностей и различий между городскими и сельскими территориями в части развития жилищной сферы (табл. 3).

⁴ Социально-экономическое развитие муниципальных образований Вологодской области. 2000–2023 гг.: информационно-аналитический бюллетень. Вып. 11 / под общ. ред. Т.В. Усковой, Н.В. Ворошилова. Вологда: ВолНЦ РАН, 2024. 132 с.

Таблица 3. Типология муниципальных образований Вологодской области и ключевые показатели развития жилищной сферы

Тип муниципального образования	Муниципальные образования	Динамика численности населения, 2024 г. к 2010 г., %	Обеспеченность населения жильем (2024 г.)	Уровень благоустройства ЖФ, %			Доля жилья, построенного после 1995 г., %	Доля ЖФ с износом выше 66%, %	Ввод жилья на 1 тыс. чел. (2024 г.)	Доля ИЖС, %
				Водопровод	Канализация	Центр. отопление				
Городские территории	г. Вологда, г. Череповец	-1,1	30,7	98,6	98,6	92,4	32,3	1,1	449,5	19,7
Преимущественно городские	Бабаевский, Белозерский, Великоустюгский, Грязовецкий, Кадуйский, Кирилловский, Сокольский, Устюженский, Харовский, Чагодощенский, Шекснинский	-15,2	41,2	54,7	46,2	33,9	18,6	20,1	576,3	74,6
Преимущественно сельские	Вожегодский, Вытегорский, Никольский, Тотемский	-16,2	35,6	39	31,1	21,1	18,4	29,4	347,9	80,1
Сельские	Бабушкинский, Вашкинский, Верховажский, Вологодский, Кичменгско-Городецкий, Междуреченский, Нюксенский, Сямженский, Тарногский, Усть-Кубинский, Череповецкий	-9,9	43,3	50,6	35	14	19,2	20,4	823,3	90,7

Проблема убыли населения наиболее остро стоит в преимущественно сельских (-16,2% к 2010 году) и преимущественно городских (-15,2%) муниципальных образованиях. В группе сельских муниципальных образований ситуацию нивелируют показатели по Вологодскому округу, в котором численность населения за рассматриваемый период увеличилась на 3%.

Негативные демографические тенденции во многом и стали главной причиной роста уровня обеспеченности жильем. По данным на 2024 год в сельских районах области на одного человека приходилось 43,3 кв. м жилой площади. В городах обеспеченность заметно ниже (30,7 кв. м / чел.) из-за более высокой плотности населения и меньшей доли частного сектора.

Городские территории практически полностью благоустроены. Во всех остальных группах уровень благоустройства значительно ниже, причем наиболее низкие показатели в преимущественно сельских районах (Вытегорский, Вожегодский, Никольский, Тотемский), где водопроводом оборудовано лишь 39% жилья, канализацией – 31,1%, а центральным отоплением – 21,1%.

Наибольшая доля современного жилья в городах (32,3%), что связано с активным многоквартирным строительством. Соответственно, в городах и проблема ветхого и аварийного жилья практически отсутствует. В других группах доля нового жилья ниже, причем в преимущественно сельских муниципальных образованиях она ми-

нимальна (18,4%), что указывает на отсутствие обновления фонда. Как следствие для данной категории характерна и наибольшая доля жилья с высоким износом (29,4% жилья имеют износ свыше 66%).

Анализ состояния строительной отрасли позволяет заключить, что самые высокие показатели ввода жилья характерны для сельских муниципальных образований (823,3 кв. м на 1000 чел.). Однако это объясняется исключительно вхождением Вологодского и Череповецкого округов в эту группу. Если исключить эти два пригородных района, ввод в остальных сельских территориях (Бабушкинский, Вашкинский, Верховажский, Кичм.-Городецкий, Междуреченский, Нюксенский, Сямженский, Тарногский, Усть-Кубинский) составит лишь 500 кв. м на 1000 чел., что ниже среднеобластного уровня. В преимущественно сельских районах (Вожегодский, Вытегорский, Никольский, Тотемский) ввод минимален (347,9 кв. м на 1000 чел.), что несет в себе серьезные риски, принимая во внимание то, что в данных муниципалитетах показатели износа жилого фонда самые высокие.

Индивидуальное жилищное строительство доминирует во всех группах, кроме городских территорий. В сельских районах ИЖС составляет более 90% ввода, что подтверждает полную зависимость обновления фонда от возможностей населения.

Важный момент, на котором необходимо акцентировать внимание, это наличие дифференциации внутри группы сельских муниципальных образований. В ней можно выделить две подгруппы: 1) пригородные районы (Вологодский, Череповецкий), являющиеся зонами активной субурбанизации; 2) глубоко периферийные депрессивные сельские территории (Кичм.-Городецкий, Междуреченский, Бабушкинский, Вашкинский и др.). Для первой подгруппы характерен рост населения, максимальные объемы ввода жилья в расчете на душу населения (>2200 кв. м/1 тыс. чел.), современный жилой фонд (27% построено после 1995 г.), низкий уровень износа жилого фонда (доля >66% составляет лишь 15,1%). Во вто-

рой подгруппе наблюдается максимальная убыль населения (-19,1%), устаревший жилой фонд (82,5% жилья построено до 1995 г.), соответственно, высокий износ жилого фонда (Кичменгско-Городецкий – 37,5%, Междуреченский – 48,6%) и крайне низкий уровень благоустройства (Кичменгско-Городецкий – 4,8% водопровод, 1,2% – канализация).

Таким образом, в пространственной структуре сельских территорий наблюдается выраженная поляризация. Пригородные зоны демонстрируют динамичное развитие, трансформируясь в спальные районы крупных городов. Напротив, периферийные сельские муниципалитеты пребывают в состоянии глубокой депрессии: их жилищный фонд характеризуется физическим и моральным износом, а новое строительство практически полностью отсутствует.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

С точки зрения развития жилищной сферы муниципальные образования Вологодской области развиваются крайне неравномерно. Условно можно выделить три группы:

1) зона роста: городские округа Вологда, Череповец, Вологодский округ, Череповецкий район; здесь растет население, активно строится жилье, низкий износ жилого фонда, высокий уровень благоустройства жилья;

2) зона стагнации: преимущественно городские районы и часть сельских (Великоустюгский, Шекснинский, Кадуинский округа и др.); здесь население сокращается умеренно, строительство ведется, но износ жилого фонда и проблемы благоустройства требуют внимания;

3) зона депрессии: преимущественно сельские районы (Вожегодский, Тотемский округа, Никольский, Вытегорский районы) и периферийные сельские районы (Кичменгско-Городецкий, Междуреченский, Бабушкинский, Вашкинский округа и др.); здесь население сокращается быстрее всего,

износ жилья достигает 50% фонда, благоустройство минимально, новое строительство почти отсутствует.

Формальные показатели обеспеченности жильем маскируют реальное качество жизни. Наиболее высокая обеспеченность жильем наблюдается в сельских муниципальных образованиях, однако это является скорее следствием депопуляции, а не комфортных условий проживания. Реальное качество жилья (благоустройство и износ жилого фонда) на этих территориях наихудшее.

Индивидуальное жилищное строительство выступает основой жилищной политики за пределами крупных городов. В пригородных и сельских районах ИЖС составляет 80–90% ввода. Это означает, что обновление фонда зависит от финансовых возможностей населения, а не от инвесторов-застройщиков. В депрессивных районах даже ИЖС минимально из-за низкой платежеспособности и оттока населения.

Пригородные районы развиваются за счет субурбанизации, что несет в себе определенные риски. Высокие темпы ИЖС в Вологодском округе и Череповецком районе требуют опережающего развития инженерной инфраструктуры (водоснабжение, канализация), которая пока отстает от темпов застройки.

В настоящее время назрела необходимость реализации адресных мер региональной политики в жилищной сфере, поскольку единые подходы малоэффективны.

На наш взгляд, представляется целесообразным интегрировать предложенную типологию в существующую систему регионального программно-целевого управления жилищной сферой. Для зон депрессии

и глубоко периферийных территорий приоритетными являются механизмы, закрепленные в Федеральном законе № 185-ФЗ⁵ и областной адресной программе⁶ – переселение из аварийного жилья с использованием средств Фонда ЖКХ. Для зон роста и стагнации акцент необходимо сделать на механизмы государственной программы «Обеспечение населения Вологодской области доступным жильем...»⁷ и региональной программы модернизации коммунальной инфраструктуры⁸.

Результаты исследования позволяют скорректировать текущую логику реализации некоторых специализированных госпрограмм применительно к специфике Вологодской области. В частности, с целью придания дополнительной эффективности в достижении целевого показателя «обновление жилого фонда на 20% к 2030 году» национального проекта «Инфраструктура для жизни» необходимо в обязательном порядке учитывать масштаб проблемы с износом.

В области значительная доля старого жилищного фонда, поэтому в региональных документах стоит заложить более широкие программы не только по сносу, но и по глубокой модернизации старого, но не аварийного фонда, например, посредством утепления фасадов, замены окон, установки нового оборудования.

Одновременно важна синхронизация с другими существующими стратегиями, в частности, с планами по развитию опорных населенных пунктов (в регионе их 27). Например, обновление жилья должно идти в обязательной связке со строительством или качественной модернизацией коммунальной инфраструктуры и развитием со-

⁵ О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства: Федеральный закон от 21.07.2007 № 185-ФЗ (в ред. от 28.12.2025) // pravo.gov.ru. URL: <https://clck.su/Dkkfc> (дата обращения: 09.07.2026).

⁶ Об областной адресной программе №8 «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда в муниципальных образованиях Вологодской области на 2019–2025 годы»: Постановление Правительства Вологодской области от 01.04.2019 №322 // vologda-oblast.ru. URL: <https://clck.su/MJRBS> (дата обращения: 09.07.2026).

⁷ О государственной программе Вологодской области «Обеспечение населения Вологодской области доступным жильем и создание благоприятных условий проживания на 2021–2025 годы: Постановление Правительства Вологодской области от 15.04.2019 № 377 // vologda-oblast.ru. URL: <https://clck.su/Oqzvn> (дата обращения: 09.07.2026).

⁸ Об утверждении региональной программы по модернизации систем коммунальной инфраструктуры на территории Вологодской области на 2023–2027 годы: Постановление Правительства Вологодской области от 13.03.2023 № 321 // vologda-oblast.ru. URL: <https://clck.su/nBHgZ> (дата обращения: 09.07.2026).

циальной сферы. Особое внимание при этом необходимо уделять сельской местности (мы можем констатировать, что в настоящее время основной акцент в нацпроектах сфокусирован на городах).

Контроль реализации поставленных госпрограммами задач должен осуществляться на основе комплексной системы мониторинга, отслеживающей не только финальные показатели (ввод жилья, процент освоения бюджетных средств и т. п.), но и производственные этапы, например подбор земельных участков, проектирование и т. д. Это позволит оперативно корректировать программы, в том числе в части их количественных показателей.

Также необходимо стимулировать ИЖС в пригородных районах с параллельным развитием транспортной и социальной инфраструктуры, увязать выделение земельных участков с обязательствами по подключению к сетям или субсидированием автономных систем.

Кроме того, нельзя не отметить, что по понятным причинам практически все существующие в регионе государственные меры развития жилищной сферы в данный момент тесным образом взаимоувязаны с решением демографических задач. Поэтому помощь в решении жилищных проблем оказывается в первую очередь официально зарегистрированным молодым семьям с детьми и многодетным семьям.

В Вологодской области действуют следующие меры федерального уровня:

- льготная семейная ипотека со ставкой 6%;
- предоставление социальной выплаты (субсидии) на приобретение или строительство жилья по государственной программе «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации».

Меры регионального уровня:

- программа льготного ипотечного кредитования для многодетных семей, молодых семей с ребенком не ранее 2018 года рождения, молодых специалистов (до 35 лет) – субсидирование 4,5% ставки взятого кредита;

- региональный материнский (семейный) капитал на улучшение жилищных условий (на третьего или последующих детей);

- компенсация расходов многодетным семьям, состоящим на учете как нуждающиеся в жилье, на заготовку древесины для строительства дома;

- предоставление в собственность бесплатно земельного участка для ИЖС или ЛПХ, а также дачного строительства либо единовременная денежная выплата многодетным семьям и участникам СВО.

С 2025 года действует новая региональная мера поддержки – единовременная выплата в размере 500 тысяч рублей при рождении третьего ребенка или последующих детей (не ранее 1 января 2024 года).

В связи с этим предложения по совершенствованию мер поддержки жилищной сферы на данном этапе могут представлять из себя только корректировки либо дополнения условий существующих программ. В частности, представляется целесообразным рассмотреть возможность распространить действие семейной ипотеки на молодые семьи без детей, а также установить прогрессивную шкалу субсидирования кредита в зависимости от количества детей.

Кроме того, необходимо более дифференцированно отрегулировать применение семейной ипотеки применительно к вторичному жилью. Действие программы распространяется на вторичный рынок только в тех случаях, когда в населенном пункте за год вводится не более двух многоквартирных домов. В настоящее время в Вологодской области 13 таких населенных пунктов (реестр ведет ДОМ.РФ). При полном понимании всей обоснованности таких мер, направленных на стимулирование строительства нового качественного жилья в России, необходимо несколько смягчить условия семейной ипотеки в отношении вторичного жилья. Вполне очевидно, это будет иметь благоприятные последствия для малочисленных населенных пунктов, испытывающих отток населения, по крайней мере, с точки зрения улучшения социально-экономического положения граждан, по разным причинам не намеренных уезжать с обжитых мест.

Результаты исследования эмпирически подтверждают применимость центр-периферийной модели к анализу жилищной сферы на уровне субъекта РФ и дополняют ее конкретными количественными характеристиками дифференциации муниципальных Вологодской области. Кроме того, выделение подгруппы «периферийных сельских территорий» позволяет уточнить модель, показав, что даже внутри периферии существует своя градация – наиболее

удаленные, депопулирующие территории требуют особых механизмов регулирования, отличных от сельских районов в целом.

Дальнейшие исследования по изучаемой тематике предполагают формализацию типологии муниципальных образований с применением методов кластерного анализа и определением количественных порогов отнесения к каждой группе, а также проведение сравнительного анализа с другими субъектами РФ на основе единой методики.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахарев Д.Д. (2022). Оценка муниципальных программ и основные проблемы жилищной политики муниципального образования (на примере города Перми) // Вестник науки. Т. 3. № 12 (57). С. 134–143. DOI: 10.31249/iajpravo/2026.01.00
- Бузулуцкий М.И. (2024). Роль жилищной сферы в обеспечении устойчивости и резильентности региональных экономических систем // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 6–1 (150). С. 78–83.
- Вавилина А.В., Комарова Т.В. (2024). Статистический анализ дифференциации жилищного строительства в регионах России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. № 24 (3). С. 275–284. DOI: 10.18500/1994-2540-2024-24-3-275-284
- Гайнутдинова Е.А., Осипов А.К., Кондратьев Д.В. (2022). Совершенствование управления комплексным развитием сферы жилищно-коммунального хозяйства на муниципальном уровне // Фундаментальные исследования. № 12. С. 148–152. DOI: 10.17513/fr.43412
- Гарнага А.Ф. (2021). Субурбанизация как процесс развития городов (на примере России и Европы) // Вестник Тихоокеанского государственного университета. № 1 (60). С. 17–26.
- Домнич Е.Л. (2026). Влияние улучшения жилищных условий на конвергенцию рождаемости городского и сельского населения постсоветской России // Проблемы развития территории. Т. 30. № 1. С. 108–125. DOI: 10.15838/ptd.2026.1.141.7
- Емельянова Е.Е., Чапаргина А.Н. (2020). Оценка развития регионального рынка жилья в северных и арктических субъектах РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 5. С. 105–120. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.6
- Кириллова А.Н. (2020). Проектное управление устойчивым развитием жилищно-коммунальной инфраструктуры крупного города // Недвижимость: экономика, управление. № 1. С. 42–48.
- Коленникова Н.Д. (2024). Специфика восприятия россиянами жилищных условий и жилищного неравенства: динамика и факторы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 4. С. 247–263. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.14
- Лукашенко Т.Р., Ефимова Е.Г. (2023). Жилищное строительство в Российской Федерации: проблемы и перспективы в условиях новой реальности // Экономика, предпринимательство и право. Т. 13. № 12. С. 5899–5914. DOI: 10.18334/erpp.13.12.120076
- Минченко М.Н., Ноздрина Н.Н., Янков К.В. (2025). Интегральная характеристика состояния жилищной сферы регионов России // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 157–172.
- Ноздрина Н.Н. (2009). Оценка уровня развития жилищной сферы в регионах России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Т. 7. С. 659–687.
- Оборин М.С. (2021). Особенности развития рынка жилищного строительства // Экономика строительства и природопользования. № 1 (78). С. 12–20. DOI: 10.37279/2519-4453-2021-1-12-20

- Пилипенко И.В. (2024). Ранжирование и типология регионов Российской Федерации по жилищной обеспеченности и доступности жилья в 1990–2020-х годах // Экономика региона. Т. 20. Вып. 3. С. 763–786.
- Рабцевич О.В., Югова И.В. (2020). Межрегиональный анализ жилищных индикаторов в Российской Федерации // Россия и Азия. № 5 (14). С. 14–31.
- Салицкий А.И., Чубаров И.Г. (2022). Урбанистическая ситуация и национальная городская политика в Индии и КНР: сравнительный анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 5. С. 107–132. DOI: 10.31249/kgt/2022.05.06
- Секушина И.А. (2020). Состояние жилищной сферы и качество городской среды в малых и средних городах (на примере Вологодской области) // Вопросы территориального развития. Т. 8. № 2. С. 2. DOI: 10.15838/tdi.2020.2.52.2
- Семьяшкин М.Д. (2022). Управление в сфере реализации жилищной политики в Российской Федерации: состояние и проблемы развития // Вестник Ивановского государственного университета. Вып. 1.
- Федорова А.В., Емельянова Е.Г., Кузьменков А.А. (2023). Тенденции развития жилищного строительства в муниципальных образованиях Республики Карелии // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 23–39. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.3
- Чурилова Э.Ю., Чурилов А.Д. (2025). Динамика цен на жилую недвижимость в городе Санкт-Петербурге: анализ и прогнозы // Жилищные стратегии. № 12 (3). С. 391–414. DOI: 10.18334/zhs.12.3.123507
- Щукина М.В., Курбанова М.К., Лошкова К.С., Пономарева А.А., Собянина С.Н. (2025). Проблема низкого качества реализации муниципальных программ в рамках бюджета г. Перми // Векторы благополучия: экономика и социум. Т. 53. № 4. С. 261–273. DOI: 10.18799/26584956/2025/4/2062
- Abraham R. (2025). A mathematical formulation of residential housing prices in the United States. *Theoretical Economics Letters*, 15, 918–944.
- Adegoke S., Agbola T. (2020). Housing affordability and the organized private sector housing in Nigeria. *Open Journal of Social Sciences*, 8, 177–192.
- André C., Chalaux T. (2018). Building a typology of housing systems to inform policies in OECD and EU member States. *Economie et Statistique (Economics and Statistics)*, 500-501-5, 13–36.
- Arbaci S. (2019). *Paradoxes of Segregation: Housing Systems, Welfare Regimes and Ethnic Residential Change in Southern European Cities*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
- Chatterjee U. (2023). Forecasting economic growth: Evidence from housing, banking, and credit conditions. *Journal of Economics and Finance*, 47, 936–958.
- Cheshmehzangi A. (2020). Evaluating the nexus between housing and energy sectors: The comparison of urban, peri-urban and rural housing areas in Zhuhai, China. *Energy and Power Engineering*, 12(6), 314–338.
- Miller N., Peng L., Sklarz M. (2011). House prices and economic growth. *The Journal of Real Estate Finance and Economics*, 42(4), 522–541.
- Yao X.T. (2015). The analysis of the housing markets in Beijing and Washington, 2005–2014. *Modern Economy*, 6, 1129–1149. DOI: 10.4236/me.2015.610108

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ирина Анатольевна Секушина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заместитель заведующего Научно-образовательным центром, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru)

Аркадий Николаевич Белкин – заместитель начальника отдела, Администрация Губернатора Вологодской области (Российская Федерация, 160000, ул. Герцена, д. 27; e-mail: belkinan@pvo.gov35.ru)

Sekushina I.A., Belkin A.N.

FEATURES AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF HOUSING SECTOR IN THE VOLOGDA REGION MUNICIPALITIES

The housing sector is a key indicator of the quality of life and requires regular monitoring at the municipal level for effective management of regional development. The aim of this article is to identify the features and trends in the development of the housing sector in the municipalities of the Vologda Region. The main research methods included statistical analysis, grouping, comparative and spatial analysis. The information base comprised data from Vologdastat disaggregated by municipality for the period 2010–2024. The study revealed persistent territorial disparities in the level of housing provision, degree of housing improvement and deterioration, as well as in the volume and structure of new housing construction, including the share of individual housing construction. The research was conducted using a typology of municipalities based on the share of rural population, which made it possible to identify consistent systemic patterns: the urbanrural divide, characteristic features of suburbanization, and the specific features of rural municipalities. The scientific novelty lies in the systematic analysis of the housing sector at the municipal level of the Vologda Region, taking into account the age structure of the housing stock and its technical condition. The findings may be used by regional government authorities and local selfgovernment bodies in the development of housing programs and spatial development strategies.

Housing sector, municipalities, Vologda Region, housing provision, housing improvement, housing deterioration, housing construction.

REFERENCES

- Abraham R. (2025). A mathematical formulation of residential housing prices in the United States. *Theoretical Economics Letters*, 15, 918–944.
- Adegoke S., Agbola T. (2020). Housing affordability and the organized private sector housing in Nigeria. *Open Journal of Social Sciences*, 8, 177–192.
- André C., Chalaux T. (2018). Building a typology of housing systems to inform policies in OECD and EU member States. *Economie et Statistique (Economics and Statistics)*, 500-501-5, 13–36.
- Arbaci S. (2019). *Paradoxes of Segregation: Housing Systems, Welfare Regimes and Ethnic Residential Change in Southern European Cities*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
- Bakharev D.D. (2022). Evaluation of municipal programs and the main problems of municipal housing policy (using the example of the city of Perm). *Vestnik nauki*, 3, 12(57), 134–143. DOI: 10.31249/iajpravo/2026.01.00 (in Russian).
- Buzulutsky M.I. (2024). The role of the housing sector in ensuring the sustainability and resilience of regional economic systems *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 6-1(150), 78–83 (in Russian).
- Chatterjee U. (2023). Forecasting economic growth: Evidence from housing, banking, and credit conditions. *Journal of Economics and Finance*, 47, 936–958.
- Cheshmehzangi A. (2020). Evaluating the nexus between housing and energy sectors: The comparison of urban, peri-urban and rural housing areas in Zhuhai, China. *Energy and Power Engineering*, 12(6), 314–338.
- Churilova E.Yu., Churilov, A.D. (2025). The dynamics of residential real estate prices in St. Petersburg: Analysis and forecasts. *Zhilishchnye strategii*, 12(3), 391–414. DOI: 10.18334/zhs.12.3.123507 (in Russian).

- Domnich E.L. (2026). The impact of improved housing conditions on the convergence of urban and rural fertility in post-Soviet Russia. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 30(1), 108–125. DOI: 10.15838/ptd.2026.1.141.7 (in Russian).
- Emel'yanova E.E., Chapargina A.N. (2020). Assessment of the development of the regional housing market in the northern and Arctic regions of the Russian Federation. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(5), 105–120. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.6 (in Russian).
- Fedorova A.V., Emel'yanova E.G., Kuz'menkov A.A. (2023). Trends in the development of housing construction in the municipalities of the Republic of Karelia. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 27(2), 23–39. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.3 (in Russian).
- Gainutdinova E.A., Osipov A.K., Kondrat'ev D.V. (2022). Improving the management of the integrated development of housing and communal services at the municipal level. *Fundamentalnye issledovaniya*, 12, 148–152. DOI: 10.17513/fr.43412 (in Russian).
- Garnaga A.F. (2021). Suburbanization as a process of urban development (using the example of Russia and Europe). *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(60), 17–26 (in Russian).
- Kirillova A.N. (2020). Project management of sustainable development of housing and communal infrastructure of a large city. *Nedvizhimost': ekonomika, upravlenie*, 1, 42–48 (in Russian).
- Kolennikova N.D. (2024). The specifics of Russians' perception of housing conditions and housing inequality: Dynamics and factors. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(4), 247–263. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.14 (in Russian).
- Lukashenok T.R., Efimova E.G. (2023). Housing construction in the Russian Federation: Problems and prospects in the new reality. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*, 13(12), 5899–5914. DOI: 10.18334/epp.13.12.120076 (in Russian).
- Miller N., Peng L., Sklarz M. (2011). House prices and economic growth. *The Journal of Real Estate Finance and Economics*, 42(4), 522–541.
- Minchenko M.N., Nozdrina N.N., Yankov K.V. (2025). Integral characteristics of the housing sector in Russia's regions. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 6, 157–172 (in Russian).
- Nozdrina N.N. (2009). Assessment of the level of development of the housing sector in the regions of Russia. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN*, 7, 659–687 (in Russian).
- Oborin M.S. (2021). Features of the housing construction market development. *Ekonomika stroitel'stva i prirodopol'zovaniya*, 1(78), 12–20. DOI: 10.37279/2519-4453-2021-1-12-20 (in Russian).
- Pilipenko I.V. (2024). Ranking and typology of the regions of the Russian Federation by housing availability and housing affordability in the 1990s and 2020s. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*, 20(3), 763–786 (in Russian).
- Rabtsevich O.V., Yugova I.V. (2020). Interregional analysis of housing indicators in the Russian Federation. *Rossiia i Aziya*, 5(14), 14–31 (in Russian).
- Salitskii A.I., Chubarov I.G. (2022). Urban situation and national urban policy in India and China: Comparative analysis. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, 15(5), 107–132. DOI: 10.31249/kgt/2022.05.06 (in Russian).
- Sekushina I.A. (2020). The state of the housing sector and the quality of the urban environment in small and medium-sized cities (using the example of the Vologda Oblast). *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 8(2), 2. DOI: 10.15838/tdi.2020.2.52.2 (in Russian).
- Semyashkin M.D. (2022). Management in the sphere of housing policy implementation in the Russian Federation: The state and problems of development. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (in Russian).

- Shchukina M.V., Kurbanova M.K., Loshkova K.S., Ponomareva A.A., Sobyana S.N. (2025). The problem of poor quality of implementation of municipal programs within the budget of the city of Perm. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium*, 53(4), 261–273. DOI: 10.18799/26584956/2025/4/2062 (in Russian).
- Vavilina A.V., Komarova T.V. (2024). Statistical analysis of housing construction differentiation in Russian regions. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, 24(3), 275–284. DOI: 10.18500/1994-2540-2024-24-3-275-284 (in Russian).
- Yao X.T. (2015). The analysis of the housing markets in Beijing and Washington, 2005–2014. *Modern Economy*, 6, 1129–1149. DOI: 10.4236/me.2015.610108

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Sekushina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, deputy head of the Research and Educational Center, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru)

Arkadiy N. Belkin – deputy head of department, Administration of the Governor of the Vologda Region (27, Herzen Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: belkinan@pvo.gov35.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.8

УДК 338.331 | ББК 65.248

© Плахин А.Е., Огородникова Е.С., Ростовцев К.В.

ОЦЕНКА ЛЕГАЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ПЛАХИН

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: apla@usue.ru

ORCID: 0000-0003-1379-0497; ResearcherID: R-4862-2018

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА ОГОРОДНИКОВА

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: ogoroes@usue.ru

ORCID: 0000-0002-8299-6934; ResearcherID: D-3415-2017

КОНСТАНТИН ВИКТОРОВИЧ РОСТОВЦЕВ

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: rostovtsev@isnet.ru

ORCID: 0000-0001-7958-195X

Актуальность исследования обусловлена увеличением роли внешней трудовой миграции в кадровом обеспечении экономики Российской Федерации в период 2022–2024 гг. Научная проблема заключается в определении подходов к выявлению особенностей территориального распределения легальных трудовых мигрантов и соответствующей корректировке существующих представлений о миграционных потоках на основе официальных данных о занятости иностранных работников в регионах РФ. Цель исследования состоит в выявлении потока международной трудовой миграции, осуществляемой в рамках легальных трудовых отношений и проведение на

Для цитирования: Плахин А.Е., Огородникова Е.С., Ростовцев К.В. (2026). Оценка легальной трудовой миграции в регионах России // Проблемы развития территории. Т. 30. № 4. С. 130–147. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.8

For citation: Plakhin A.E., Ogorodnikova E.S., Rostovtsev K.V. (2026). Assessment of legal labor migration in Russian regions. *Problems of Territory's Development*, 30(4), 130–147. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.8

его основе количественных оценок занятости иностранных работников в регионах Российской Федерации. В качестве источника информации использованы данные официальной налоговой отчетности, которые в отличие от показателей миграционного учета, позволяют получить комплексное представление о результатах трудовой деятельности, осуществленной на легальных основаниях в регионах Российской Федерации. Основные сведения показывают, что наибольшая концентрация иностранных работников приходится на экономические центры федеральных округов, при этом наблюдается существенный прирост значений занятости иностранных работников в регионах Дальневосточного федерального округа, как по численности, так и по совокупным доходам мигрантов. Полученные данные позволяют расширить научные представления о распределении иностранных трудовых ресурсов в России и учитывать миграционные потоки при формировании демографической и социальной политики регионов.

Трудовая миграция, иностранные работники, Россия, регионы, демографическая политика, доходы мигрантов, территориальное распределение.

Введение

В условиях ужесточения внешнеэкономических санкций и увеличения миграционных рисков актуализируется задача формирования сбалансированной миграционной политики, реализующей задачи обеспечения отраслей экономики России трудовыми ресурсами (Рубинская, 2025). Важность данного вопроса обусловлена масштабной занятостью иностранных граждан в ключевых секторах экономики: строительстве, сельском хозяйстве и сфере услуг (Karabchuk, Salnikova, 2018; Sapryka et al., 2025). Сформированные в последние десятилетия благоприятные условия для миграции в Российскую Федерацию способствовали увеличению числа иностранцев на отечественном рынке труда. По данным МВД РФ в 2024 году в стране постоянно находилось более шести миллионов иностранных граждан (Бабкин и др., 2024). При этом, согласно экспертным оценкам, общее количество мигрантов, пребывающих на территории России (в том числе с нарушением законодательства в области трудоустройства), превышает 10 млн человек, из которых, по мнению ряда специалистов, нелегально трудятся до половины всех мигрантов (Kuprina, 2015; Altonji, Card, 2018; Alecu, Drange, 2019).

Научная проблема заключается в использовании нерелевантных источников информации о количестве и территориальном распределении легальных трудовых мигрантов в регионах РФ. В практическом

плане для региональной власти завышенная статистика, опирающаяся на данные о въезде мигрантов на территорию региона с целью «работы», приводит к ошибочному оцениванию потенциала рабочей силы, доступной для экономики региона, некорректному прогнозированию при формировании баланса гражданского труда и обоснованию инвестиционного потенциала территории. Формируется неопределенность, касающаяся возможностей и форм включения иностранцев в сферу гарантированного получения социальных благ на территории региона трудоустройства. Учет легальной трудовой миграции позволяет определить соотношение выгод от приложения труда иностранных работников и расходов на обеспечение их льготами в рамках региональной социальной системы (Кривенко, 2024).

Следует подчеркнуть, что опора исключительно на данные МВД и Росстата о количестве выданных разрешений на работу и патентов не позволяет объективно оценить масштаб легальной занятости иностранных граждан в регионах России. Получение разрешения или патента само по себе не гарантирует последующего официального трудоустройства, а также не учитывает случаи, когда мигранты, получив документы, фактически не приступают к работе, либо продолжают трудиться вне легального поля. В результате статистика, основанная на этих показателях, зачастую завышает числен-

ность иностранных работников, создавая иллюзию более высокого уровня легальной занятости по сравнению с реальным положением дел. Значительная доля нелегальной миграции оказывается вне поля зрения официальных оценок, что затрудняет выработку адекватных мер регулирования миграционных потоков и эффективного управления социально-экономическими процессами на региональном уровне.

В соответствии с вышесказанным, необходимо сформулировать исследовательскую гипотезу о том, что использование в качестве источника информации данных официальной налоговой отчетности позволит сформировать объективную картину легально трудоустроенных иностранных граждан с позиции их регионального распределения, в отличие от применения сведений о пересечении границы РФ и показателей миграционного учета. Эти значения закладывают основу для количественной оценки вклада трудовых мигрантов в экономику региона и формирования региональных демографических и социальных стратегий.

Цель исследования заключается в выявлении потока международной трудовой миграции, осуществляемой в рамках легальных трудовых отношений и проведение на его основе количественных оценок занятости иностранных работников в регионах Российской Федерации.

Теоретико-методологические основы исследования

Реализация принципа свободного перемещения иностранных работников из ряда государств и упрощенной процедуры трудоустройства должна была способствовать компенсации дефицита трудовых ресурсов в регионах Российской Федерации, что позволило бы осуществить цели экономического развития. Однако результаты ряда исследований показывают, что основной поток трудовых мигрантов концентрируется в центральных регионах страны – Москве, Московской области, Ленинградской обла-

сти и других регионах, где приезжие преимущественно работают в торговле и сфере услуг (Красинец, 2023; Дружинин, 2025). Миграционные процессы оказывают неоднозначное воздействие на экономическое положение регионов-реципиентов: усиливается конкуренция на рынке труда, увеличивается разрыв в доходах населения, возрастает нагрузка на социальную инфраструктуру (в результате чего снижается качество и доступность образования и здравоохранения), формируются проблемы социальной адаптации и межкультурного взаимодействия зарубежных гостей. Диспропорции в миграционной нагрузке на регионы России усиливают давление на социальные системы, способствуют росту неформальной занятости и социальной напряженности, включая появление этнических анклавов и распространение ксенофобии (Mentesoglu Tardivo, 2025).

В России функционирует несколько ключевых механизмов, позволяющих иностранным гражданам легально выйти на российский рынок труда (рис. 1).

Свободное трудоустройство для граждан Евразийского экономического союза (ЕАЭС), республик Армения, Беларусь, Казахстан и Кыргызской Республики предполагает освобождение трудящихся из перечисленных стран от получения разрешений на работу и фактически приравнивает граждан данных государств в вопросах трудоустройства с российскими (Галас, 2020). Иностранец получает основание для трудоустройства без получения дополнительных разрешений, если у него уже имеется документ на временное проживание или вид на жительство. В данной ситуации мигранты получают равные права с гражданами РФ в части трудовой деятельности. Возможность официального трудоустройства получают иностранные студенты, обучающиеся на очной и очно-заочной формах обучения в российских образовательных учреждениях высшего и среднеспециального образования (Ростовская, Васильева, 2023).

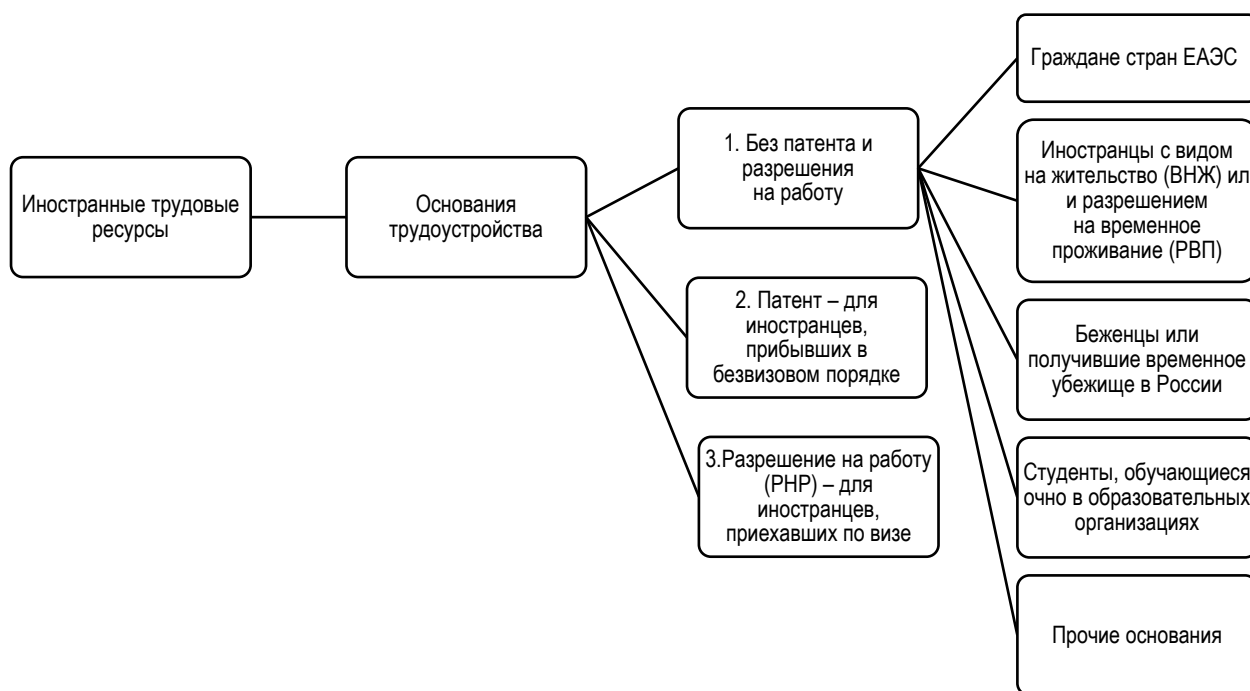

Рис. 1. Основания легального трудоустройства иностранных граждан

Источник: составлено авторами.

Помимо перечисленных категорий не требует особых разрешительных процедур осуществление трудовой деятельности отдельных категорий иностранцев, таких как сотрудники дипломатических и консульских учреждений, представители международных организаций, аккредитованные журналисты и другие профессии, подпадающие под специальные положения.

Упрощенный порядок получения основания для трудоустройства в виде патента существует у граждан республик Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Молдовы и Украины, для которых не требуется получение визы для въезда в Российскую Федерацию.

Для граждан стран, въезжающих в Россию по визе, существует система квот на привлечение иностранной рабочей силы, при которой работодатель должен заранее получить разрешение на устройство сотрудника в рамках утвержденного рабочего места. Заключение трудового договора вне квоты для граждан стран с визовым въездом происходит на основании перечня профессий, специальностей или должностей, признанных востребованными. Также вне

квоты трудоустраиваются высококвалифицированные специалисты. Если иностранный гражданин получил приглашение от российского работодателя и соответствует установленным требованиям по квалификации и уровню заработной платы, то он может работать без ограничений, связанных с квотированием.

Анализ методических подходов к получению данных о масштабах легальной миграции в регионах Российской Федерации осуществлялся на основе публикаций в российских высокорейтинговых журналах по направлениям «Демография» и «Экономика. Экономические науки».

В статье Н.В. Смирновой представлены количественные оценки миграционного потока, основывающиеся на данных МВД о постановке на миграционный учет (Смирнова, 2023). Автор отмечает методологические ограничения использования данного источника информации: «При анализе данных обращает на себя внимание различия в методологии сбора и учета статистических данных, осуществляемых МВД за различные периоды. Так, до 2020 года подсчет количества въезжающих мигрантов в разрезе

целей осуществлялся только по первичным случаям учета иностранных граждан и лиц без гражданства по месту пребывания, а после 2020 года статистика миграционного учета стала вестись по всему количеству фактов постановки иностранных граждан и лиц без гражданства на миграционный учет по месту пребывания за период» (Смирнова, 2023). То есть помимо неопределенности, касающейся трудовой деятельности иностранного работника, формируется и бесконтрольность, при которой возможно многократная постановка на миграционный учет одного человека. Следовательно, количество иностранных работников завышено и оценочные значения МВД превышают 10 млн человек в год, в то же время, по данным ФНС за аналогичный период, показатель в десять раз меньше.

В статье В.В. Фаузера и соавторов приведены результаты исследования иностранного миграционного потока в регионы Русского Севера (Fauzer et al., 2026). Основным источником данных за современный период является статистический бюллетень Росстата «Население и миграция в Российской Федерации» за 2018–2023 гг. Описание данного источника показывает, что данные о миграции населения получены в результате разработки документов статистического учета прибытий и выбытий, поступающих от территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, которые составляются при регистрации и снятии с регистрационного учета населения по месту жительства, а также при регистрации по месту пребывания на срок девяти и более месяцев. Соответственно, присутствуют ограничения использования данного источника при оценке иностранной рабочей силы в регионе, связанные как с подтверждением реальной трудовой деятельности, так и с возможностью множественного учета в течение года, что завышает количество мигрантов. Аналогичные источники информации использованы в работах С. Калюгиной с коллегами и Е.С. Красинца (Калюгина и др., 2018; Красинец, 2022; 2023).

В некоторых исследованиях использован подход, предполагающий использование данных МВД по полученным мигрантами патентам и разрешениям на работу (Лифшиц, 2016; Топилин, Максимова, 2020; Курьян, Мотрич, 2025). В этом случае можно получить представление о регионе трудоустройства иностранного гражданина, поскольку разрешительные документы действуют в рамках субъекта предоставления документа. Однако гарантий достоверности сведений об официальном трудоустройстве такой источник информации не дает, поскольку данные МВД по патентам и разрешениям на работу отражают только количество иностранных граждан, оформивших соответствующие документы, а не официальное трудоустройство. Помимо этого, существенная группа потенциальных работников, прибывших из стран ЕАЭС и имеющих разрешение на временное проживание или вид на жительство, а также иностранные студенты, не отражаются в данных МВД. Также, срок разрешительных документов на работу может быть меньше года, соответственно, присутствуют случаи множественного учета одного иностранного работника, получающего разрешительные документы несколько раз в год. Таким образом, использование данных МВД по патентам и разрешениям на работу позволяет лишь частично оценить масштабы легальной трудовой миграции и не отражает полную картину официальной занятости иностранных граждан в Российской Федерации.

Определенные авторы используют комплексный подход к подбору источников информации: сведения Федеральной службы государственной статистики, основанные на данных о въезде в Российскую Федерацию с основанием «Работа»; Пограничной службы ФСБ России; данные МВД о миграционном учете по патентам и разрешениям на работу с показателями выборочных обследований, проводимых на основе социологических опросов; значениями кадровых агентств и экспертными оценками (Флоринская, 2022; Седлов, 2024; Рязанцев, Письменная, 2025; Бедрина и др., 2025).

В статье Е.Л. Андреевской входящий поток иностранных работников в регионах Сибирского федерального округа оценивается на основе данных выборочного статистического наблюдения труда мигрантов. В описании процедуры проведения исследования отмечено, что в рамках наблюдения во всех субъектах Российской Федерации было опрошено свыше 130 тысяч домохозяйств с проживающими в возрасте 15 лет и старше (0,24% от общей численности домохозяйств), то есть используется информация, которая не описывает генеральную совокупность, что затрудняет использование данного источника как основного в количественных оценках миграционного потока.

В исследовании В.И. Мукомель использованы данные опросов с максимальным количеством опрошенных 8033 человека. Достоверность при общем объеме изучаемой совокупности, состоящей из 3,5 млн трудоустроенных мигрантов, крайне низкая (Мукомель, 2024). В статье Е.А. Единак и Д.М. Ксенофонтова использовали данные уже упомянутого выше отчета «Обследования рабочей силы», что тоже является результатом опросов (Единак, Ксенофонтов, 2023).

Использование данных Федеральной службы государственной статистики позволяет получить общую картину перемещений населения, не учитывая специфику официальной занятости или статус мигрантов. Ограничения использования этого источника информации для оценки легально трудоустроенных иностранных работников заключается в том, что сведения о въезде с целью «Работа» не отражают фактическое трудоустройство. Также статистика миграции не позволяет оценить распределение иностранных работников по регионам страны. Данный метод дает приблизительное количество зарубежных гостей, въехавших с целью трудоустройства и не отражает реальные показатели легальной занятости в регионах РФ.

Для получения объективной картины масштабов трудовой миграции целесообразно опираться на данные Федеральной налоговой службы, которые отражают фак-

тическое число иностранных работников, получивших доходы на территории Российской Федерации. В качестве источника информации используется «Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на доходы физических лиц, по сведениям, представленным налоговыми агентствами». Данный источник позволяет оценить реальное количество легально трудоустроенных иностранных граждан в конкретном регионе и сумму дохода, полученного ими, что, в свою очередь, дает возможность включения иностранных работников в систему гарантированных социальных благ. Достоверность сведений подтверждается комплексом административных процедур, включая миграционный учет, трудоустройство иностранного работника, бухгалтерский учет оплаты труда, налоговую отчетность и контроль. Наличие отсутствующих или неполных данных может быть компенсировано путем соответствующих запросов в специальные органы. К особенностям использования данных Федеральной налоговой службы можно отнести отсутствие детализации по категориям иностранных работников в зависимости от страны происхождения, однако традиционные источники также не предусматривают наличие данной информации. Решение проблемы возможно путем изменения форм налоговой отчетности в рамках детализации оснований трудоустройства и стран происхождения иностранных работников.

Результаты исследования

В *таблице 1* представлена информация о количестве иностранных граждан, получивших доходы на территории РФ, и общая сумма от источников на территории РФ.

Наибольшее число легально трудоустроенных иностранных граждан традиционно отмечается в регионах Центрального федерального округа: в 2024 году в нем трудились 1478993 человека, что составляет почти половину от общего числа по стране. С заметным отрывом следуют Сибирский, Северо-Западный и Дальневосточный федеральные округа. В этих регионах востребован труд иностранных работников в строительстве,

Таблица 1. Данные о количестве иностранных граждан, получивших доходы, и общая сумма от источников на территории РФ, 2022–2024 гг.

Регион	Количество иностранных граждан, получивших доходы, чел.			Общая сумма дохода иностранных граждан, млн руб.		
	2022	2023	2024	2022	2023	2024
Центральный федеральный округ	1228635	1293839	1478993	544398	647139	877863
Белгородская область	6529	5822	5413	2491	2852	2393
Брянская область	7099	5886	5585	2093	2165	2701
Владимирская область	12907	14129	16176	3210	4293	6481
Воронежская область	11024	11573	12364	2297	3091	3913
Ивановская область	7947	9348	11226	962	1384	2028
Калужская область	32773	31058	31432	10755	11766	14961
Костромская область	5005	5467	5351	839	1527	1371
Курская область	6871	8546	10432	2434	2997	4185
Липецкая область	4692	5726	9101	1479	1946	4338
Московская область	329678	359209	430154	107083	137666	195510
Орловская область	2905	3040	4512	684	992	1766
Рязанская область	15706	17198	18952	3197	4307	6151
Смоленская область	25961	24190	25576	10377	18481	26209
Тамбовская область	4246	4383	4851	742	930	1258
Тверская область	15864	16819	18047	3175	4287	5908
Тульская область	21137	22487	28264	5856	6696	10777
Ярославская область	8111	9615	10981	1980	2614	3829
г. Москва	710180	739343	830576	384744	439146	584084
Северо-Западный федеральный округ	362296	374689	422797	132266	156677	214883
Республика Карелия	3325	3541	3740	965	1092	1256
Республика Коми	4265	4157	4608	1682	1865	2489
Архангельская область (с Ненецким АО)	2684	2706	2858	1394	552	790
Вологодская область	9558	9374	12733	2381	2296	3870
Калининградская область	13929	13781	15129	4890	5913	10698
Ленинградская область	67582	74185	93894	21824	29144	46005
Мурманская область	30739	24436	25998	17534	15866	18593
Новгородская область	3650	4159	4248	755	1147	1413
Псковская область	5515	4159	5996	1174	1147	1924
г. Санкт-Петербург	221049	234191	253593	79666	97655	127845
Северо-Кавказский федеральный округ	12317	17011	22070	1812	2785	5352
Республика Дагестан	2060	2912	4637	212	356	718
Республика Ингушетия	375	530	994	30	57	159
Кабардино-Балкарская Республика	681	714	895	74	91	143
Карачаево-Черкесская Республика	1568	1675	1968	222	317	479
Республика Северная Осетия - Алания	1188	1103	1304	166	190	278
Чеченская Республика	2031	3824	4224	300	587	1298
Ставропольский край	4414	6253	8048	809	1187	2277
Южный федеральный округ	97588	101281	116199	27784	29489	46065
Республика Адыгея	2947	2381	1959	487	461	482
Республика Калмыкия	742	0	4833	101	0	587
Республика Крым	10911	8515	9205	2646	2803	4091
Краснодарский край	43125	51962	57908	12033	16065	25494
Астраханская область	5891	6499	6669	1326	1506	1942
Волгоградская область	11983	11783	12672	4811	2439	2906
Ростовская область	17085	15817	17802	4673	4611	7614
г. Севастополь	4904	4324	5151	1707	1604	2949

Окончание таблицы 1

Регион	Количество иностранных граждан, получивших доходы, чел.			Общая сумма дохода иностранных граждан, млн руб.		
	2022	2023	2024	2022	2023	2024
Приволжский федеральный округ	139558	163976	212261	43641	55687	84507
Республика Башкортостан	11359	13084	15663	3343	3931	4659
Республика Марий Эл	909	1139	1304	165	229	350
Республика Мордовия	2924	3759	5571	398	640	1479
Республика Татарстан	33644	46804	63020	14285	17734	29670
Удмуртская Республика	5319	5688	8674	762	960	1769
Чувашская Республика	1787	2347	2898	453	799	1310
Кировская область	3399	4351	5267	766	1220	2104
Нижегородская область	28520	31458	39995	10010	16013	21522
Оренбургская область	4130	4460	6819	1511	1832	2754
Пензенская область	4388	4955	6271	758	1082	1698
Пермский край	13037	12845	14978	3051	3092	4724
Самарская область	17600	19113	24685	5674	5329	8019
Саратовская область	7991	9067	11271	1810	2136	3337
Ульяновская область	4551	4906	5845	654	688	1112
Уральский федеральный округ	141376	160789	202996	46054	61478	90895
Курганская область	1647	2265	4147	268	363	798
Свердловская область	46356	53450	71540	10946	14663	23248
Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО)	19085	19820	25805	4214	5382	8908
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	31774	34301	38696	10963	14789	23022
Ямало-Ненецкий автономный округ	26221	30476	37424	15528	19768	26600
Челябинская область	16293	20477	25384	4134	6514	8320
Сибирский федеральный округ	151216	163178	174809	48059	58430	82918
Республика Алтай	2409	2623	1825	873	889	635
Республика Тыва	893	947	984	848	753	842
Республика Хакасия	1109	1350	1665	253	328	471
Алтайский край	5363	6377	6812	852	1550	2182
Красноярский край	28340	29220	35852	7536	9832	15019
Иркутская область	42953	48623	48411	17819	23970	30131
Кемеровская область - Кузбасс	9028	12556	16399	4200	3344	10201
Новосибирская область	31788	36290	42507	8305	11272	16668
Омская область	17194	14007	11014	5236	3966	3679
Томская область	12139	11185	9340	2138	2526	3089
Дальневосточный федеральный округ	191729	202476	240368	83186	104648	159117
Республика Бурятия	9784	10358	9866	3795	4564	5939
Республика Саха (Якутия)	15049	17242	20353	6152	8272	12822
Приморский край	25375	28600	36558	11986	14164	19030
Хабаровский край	21029	26039	32247	5925	9249	16523
Амурская область	56273	51329	68030	24248	26312	47918
Камчатский край	10918	11816	13234	4828	5636	6312
Магаданская область	10421	10696	11032	6199	7512	9360
Сахалинская область	21503	19834	18975	7070	10573	11757
Забайкальский край	16676	21947	24091	9651	14938	23737
Еврейская автономная область	1605	1971	2830	467	634	1277
Чукотский автономный округ	3096	2644	3152	2865	2795	4442

Источник: Составлено авторами по данным отчета о налоговой базе и структуре начислений по налогу на доходы физических лиц, удерживаемому налоговыми агентами в разрезе регионов РФ. URL: https://www.nalog.gov.ru/раздел_Статистика_и_аналитика/Данные_по_формам_статистической_налоговой_отчетности/Отчет_по_форме_№_5-НДФЛ.

промышленности, сельском хозяйстве и транспортной сфере. Южный федеральный округ характеризуется умеренным ростом числа легально трудоустроенных иностранных работников, который составил 19,1% за три года и существенно более высоким приростом общей суммы дохода – 65,7%. Аналогичные тенденции отмечаются в регионах Приволжского и Уральского федеральных округов. Наименьший показатель количества трудовых мигрантов из-за рубежа сохраняется за анализируемый период в Северо-Кавказском федеральном округе – в 2024 году он составлял 22070 человек, что обусловлено меньшей привлекательностью трудоустройства из-за невысокого уровня заработных плат.

Проведенные оценки позволили выявить неоднородный состав иностранных граждан, осуществляющих легальную трудовую деятельность в регионах России. Наиболее распространенным вариантом получения осно-

вания для трудоустройства среди мигрантов являются патенты. В целом по Российской Федерации доля трудоустроенных иностранцев с данным разрешением составляет 72,8% от общего количества и отражает общую динамику трудовой миграции из стран с безвизовым режимом пребывания иностранцев – Таджикистана, Узбекистана. В разных округах структура распределения отличается, что отражает специфику региональных рынков труда и миграционной политики. В целом по стране наблюдается стабильное значение доли легально работающих трудовых мигрантов, получивших основание для трудоустройства наравне с гражданами Российской Федерации в рамках специальных статусов: а) гражданина ЕАЭС; б) иностранные граждане, получившие разрешение на временное проживание или вид на жительство; в) беженцы и временные переселенцы в размере двадцати процентов от общего количества.

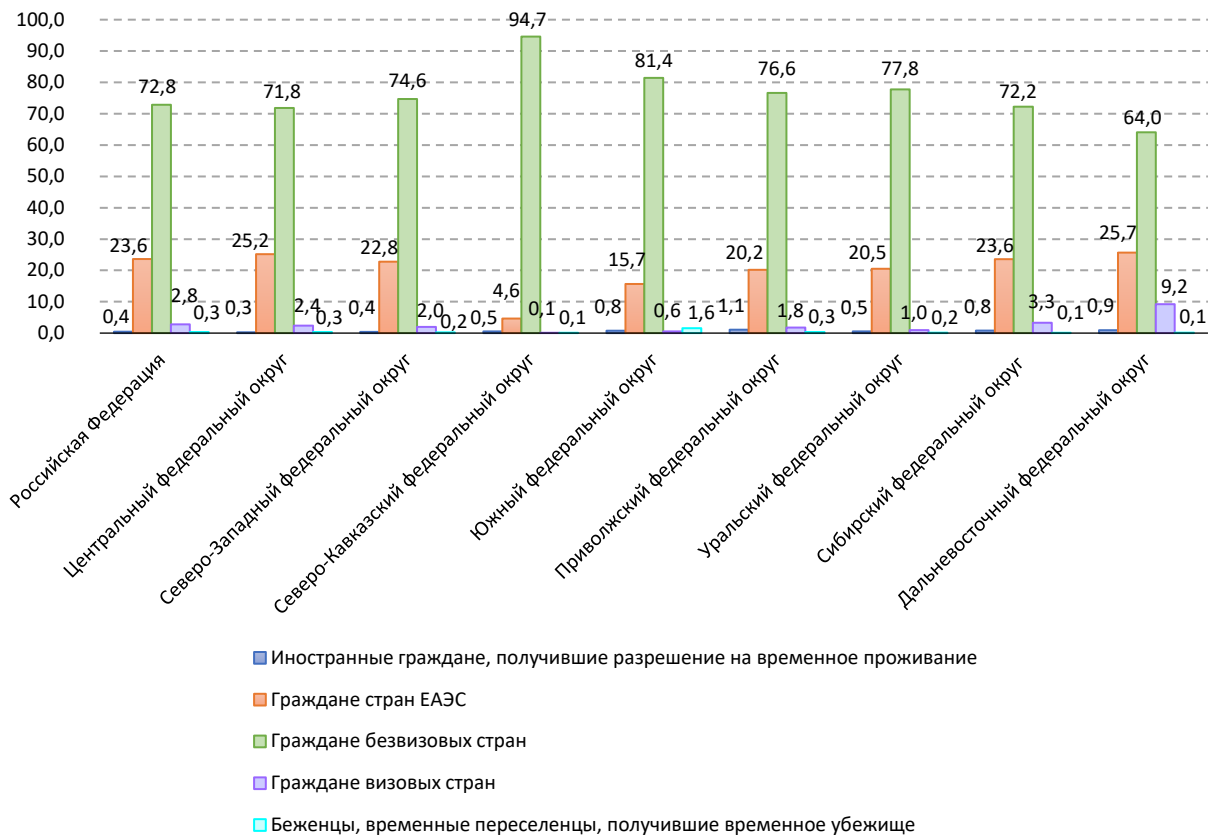

Рис. 2. Структура иностранных граждан по основаниям осуществления трудовой деятельности в федеральных округах РФ, 2024 год, %

Источник: составлено авторами по данным статистического отчета:
Численность иностранной рабочей силы (разрешения на работу).

В Центральном федеральном округе преобладает доля иностранных граждан, трудоустроенных по патенту, что связано с высокой концентрацией рабочих мест, требующих неквалифицированного труда, а также с упрощенной процедурой получения. В Северо-Западном федеральном округе наблюдается схожая картина, однако доля трудовых мигрантов, имеющих разрешения на работу, несколько выше. Это обусловлено присутствием крупных промышленных предприятий и строительных объектов. В Дальневосточном федеральном округе присутствует существенная доля трудовых мигрантов, работающих на основании разрешения на работу, что обусловлено спецификой миграционного притока из Китайской Народной Республики.

За анализируемый период показатель количества легально работающих иностранных граждан существенно вырос. Совокупно по стране увеличение составило 23,47%, что отражает как общий рост участия иностранной рабочей силы в экономике России, так и процесс легализации иностранных работников. При этом общая сумма дохода увеличилась на 68,9%, что значительно превышает динамику численности легальных иностранных работников и позволяет

говорить о повышении средней суммы дохода на одного иностранного гражданина. В.И. Мукомель на основе опросов трудовых мигрантов приходит к выводу о наметившейся тенденции, связанной с перестройкой отношений между иностранными работниками и работодателями (Мукомель, 2024). Вторые осознали зависимость от мигрантского труда, а мигранты – что у них есть определенная свобода в выборе мест приложения труда. Ушли в прошлое взаимоотношения работодателя и иностранного работника, распространенные в 1990-х и начале 2000-х гг. – невыплаты заработной платы, отъем документов, другие формы принудительного труда. Данному обстоятельству способствовали реформы правовой сферы и деятельность институтов гражданского общества, которые повлияли на изменения взаимоотношений между работодателями и мигрантами. Неоднозначной является и участие иностранных работников в общем количестве занятых на территории регионов РФ (рис. 3).

В 2024 году доля иностранных работников в занятом населении региона показывала значительную вариативность в экономических центрах страны, таких как Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край и ав-

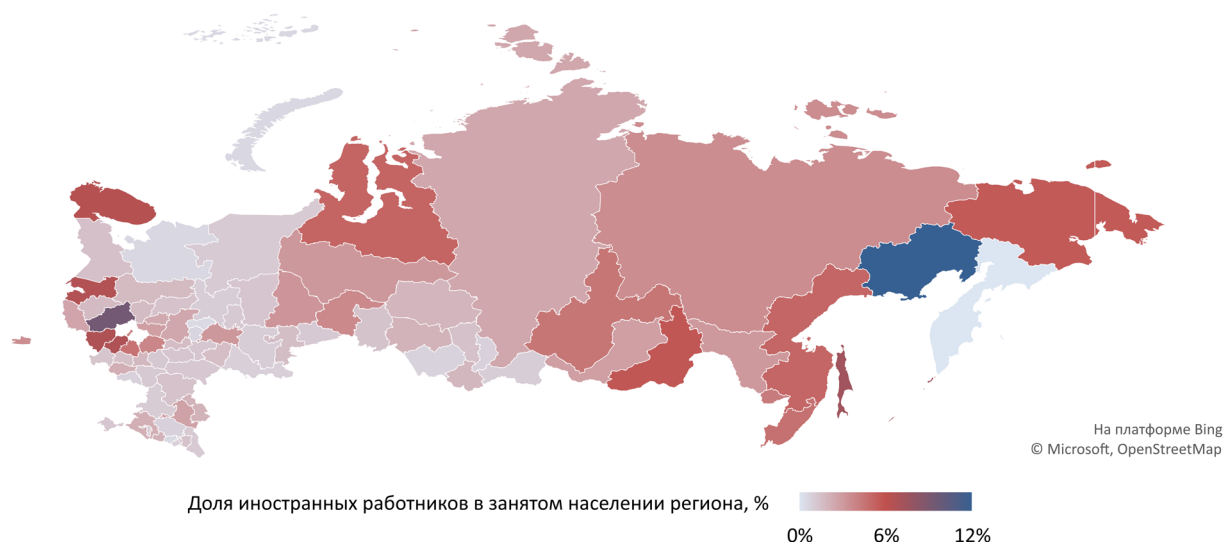

Рис. 3. Доля иностранных работников в занятом населении региона, 2024 год, %

Источник: Составлено авторами по данным отчета о налоговой базе и структуре начислений по налогу на доходы физических лиц, удерживаемому налоговыми агентами в разрезе регионов РФ. URL: https://www.nalog.gov.ru/раздел_Статистика_и_аналитика/Данные_по_формам_статистической_налоговой_отчетности/Отчет_по_форме_№_5-НДФЛ.

тономные округа Уральского федерального округа, где доля иностранных работников выше среднерегиональных показателей и составляет 3%. Данная особенность обусловлена высокой концентрацией предприятий, нуждающихся в трудовых ресурсах, а также привлекательными условиями проживания для приезжих. В регионах с преобладанием низкоквалифицированного труда, ограниченными возможностями для трудовой миграции и менее развитой экономической структурой, например, в Ивановской, Тамбовской, Костромской областях, а также в ряде республик Северного Кавказа и Сибири, доля иностранных работников в занятом населении остается минимальной. Это связано как с низким спросом на иностранную рабочую силу, так и с ограничениями в доступе мигрантов к рынку труда. Далее рассмотрим отношение дохода иностранных работников к среднерегиональной заработной плате граждан РФ в 2024 году (рис. 4).

Отношение дохода иностранных работников к среднерегиональной заработной

плате граждан РФ показывает значительную вариативность по регионам. В ряде субъектов, таких как Москва, Смоленская область, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, доход иностранных граждан приближается к среднему уровню заработной платы местных жителей, а в отдельных случаях даже превышает его. Наибольшее значение показателя дохода на одного иностранного работника отмечается в Смоленской области – 1025 тыс. руб. в год, в Москве – 703 тыс. руб. в год и в Брянской области – 484 тыс. руб. в год, что связано как с общим уровнем оплаты труда в обозначенных регионах, так и концентрацией высокооплачиваемых рабочих мест. Наименьшие показатели характерны для Ивановской области (181 тыс. руб. в год), Тамбовской области (259 тыс. руб. в год) и Костромской области (256 тыс. руб. в год), где преобладает неквалифицированный труд и, соответственно, уровень оплаты труда гораздо ниже. Такая тенденция связана с высокой востребованностью трудовых мигрантов в секторах экономики с повышенной оплатой труда.

Рис. 4. Отношение дохода иностранных работников к среднерегиональной заработной плате граждан РФ, 2024 год, %

Составлено авторами по данным отчета о налоговой базе и структуре начислений по налогу на доходы физических лиц, удерживаемому налоговыми агентами в разрезе регионов РФ. URL: https://www.nalog.gov.ru/раздел_Статистика_и_аналитика/Данные_по_формам_статистической_налоговой_отчетности/Отчет_по_форме_№_5-НДФЛ.

В то же время в регионах, где преобладает низкоквалифицированный труд и ограниченные возможности для миграции, например, в Ивановской, Тамбовской, Костромской областях, а также в Республике Калмыкия и Курганской области, доходы иностранных работников существенно ниже среднерегиональной заработной платы граждан РФ. В целом, анализ показывает, что темпы роста доходов трудовых мигрантов опережают их численность. Это свидетельствует о повышении среднего дохода на одного мигранта и постепенном сближении с уровнем заработной платы российских граждан в ряде регионов. Если рассматривать средний годовой доход иностранных работников по регионам в 2024 году, то наиболее высокие значения зафиксированы в Чукотском автономном округе – 1410 тыс. руб. и Забайкальском крае – 985 тыс. руб. Реализация стратегической цели в области демографической политики регионов Дальнего Востока предполагает (помимо сохранения коренного населения) активное стимулирование иностранных граждан к переезду на Дальний Восток (Шмидт, Ивашина, 2021). В этих целях, в рамках программы развития Территорий опережающего развития на Дальнем Востоке, компаниям-резидентам предоставляется, наряду с традиционными льготами, упрощенный порядок привлечения квалифицированного иностранного персонала, вне установленных в регионе квот (Борщевский, 2025).

Заключение

Подводя итоги и открывая научную дискуссию, касающуюся результатов оценки количества легально трудоустроенных иностранных работников в регионах России, необходимо обозначить основные выводы и результаты.

Полученные данные показывают, что наибольшее количество трудовых мигрантов сосредоточено в экономических центрах федеральных округов. К числу ведущих регионов по численности иностранных работников и их доходам относятся Москва и Московская область в Центральном фе-

деральном округе; Санкт-Петербург и Ленинградская область в Северо-Западном федеральном округе; Ставропольский край и Чеченская Республика в Северо-Кавказском федеральном округе; Краснодарский край и Ростовская область в Южном федеральном округе; Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа и Свердловская область в Уральском федеральном округе; Иркутская, Кемеровская области и Красноярский край в Сибирском федеральном округе; а также Амурская область, Приморский и Хабаровский края в Дальневосточном федеральном округе. Высокая концентрация мигрантов характерна именно для регионов с развитой промышленностью и инфраструктурой, что отражает специфику экономической активности и спроса на рабочую силу на этих территориях.

Оценка сопоставимости результатов исследования с показателями, представленными в ряде научных исследований, демонстрирует существенные отличия количественных оценок в зависимости от источника информации. Например, в исследовании Е.С. Красинца отмечено, что по данным Пограничной службы ФСБ РФ в 2023 году, в сравнении с 2020 годом, въезд в Россию иностранных граждан с целью «Работа» увеличился с 1,1 до 4,5 млн человек (Красинец, 2025). По данным ФНС показатель трудоустроенных иностранцев в 2020 году составил 1668 тыс. чел., а в 2023 году – 2356 тыс. чел., что в несколько раз ниже показателя въезда в РФ иностранных граждан с целью «Работа», а рост за период с 2020 по 2023 год составил 141%. Данный пример наглядно объясняет различия между потенциальными и фактическими иностранными трудовыми ресурсами и позволяет поставить задачи для работы соответствующих ведомств по легализации труда иностранных работников.

В статье А.А. Соколовой проведен подробный региональный анализ привлечения иностранных работников из визовых стран с целью определения роли квотирования иностранных трудовых ресурсов (Соколова,

2026). Основой получения информации являются данные МВД о выданных разрешениях на работу. Сравнение результатов исследований дает предсказуемые расхождения, обусловленные использованием разных источников информации и самого предмета анализа. В нашей работе это вся совокупность легально трудоустроенных иностранных работников, а в упомянутой статье – граждане визовых стран, получивших разрешение на работу. Между тем, выделенные группы регионов по интенсивности использования труда мигрантов, частично совпадают: в группе с наименьшей интенсивностью не относится по данным ФНС Республика Башкортостан, при этом подпадают республики Северного Кавказа. В группах с наибольшей интенсивностью представлены те же регионы, что и по данным ФНС: г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Свердловская область.

Полученные результаты несколько отличаются от сформированных в ряде научных исследований представлений, касающихся территориального размещения иностранных работников по территории страны. Если однозначными лидерами по привлечению иностранной рабочей силы, как в количественных оценках получения разрешительных документов на работу, представленных в статье Ю.Ф. Флоринской, так и значениях в рамках настоящего исследования, являются регионы Центрального и Северо-Западного федеральных округов, то

распределение иностранных работников не столь однозначно (Флоринская, 2024). В уже упомянутом исследовании третьим по количеству иностранных работников является Приволжский федеральный округ, при этом данные налоговой отчетности показывают, что за период с 2022 по 2024 гг. это место занимает Дальневосточный федеральный округ. В совокупности с информацией о распределении по регионам всех поставленных на миграционный учет иностранцев, дисбаланс с полученными в настоящем исследовании оценками усиливается (Мкртчян, Флоринская, 2018).

Таким образом, в результате исследования предложен и апробирован подход к количественной оценке легальной трудовой миграции на региональном уровне, основанный на данных налоговой отчетности, который позволит получить более точные показатели по сравнению с традиционными методами, использующими статистику миграционного учета. Благодаря анализу обширного массива данных за период 2022–2024 гг. были выявлены новые тенденции в территориальном распределении иностранных работников по регионам России, а также обнаружены значительные расхождения между различными источниками миграционной статистики. Полученные результаты расширяют научные представления о функционировании рынка труда иностранных работников в России и создают основу для более эффективной настройки региональной демографической и социальной политики.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреянова Е.Л. (2024). Специфика размещения и использования рабочей силы иностранных трудовых мигрантов в Сибирском федеральном округе // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 4. № 1. С. 55–64. DOI: 10.19181/demis.2024.4.1.4
- Бабкин Р.А., Махрова А.Г., Медведникова Д.М. (2024). Иностранные мигранты в Московской агломерации: пространственно-временной анализ на основе данных сотовых операторов // Известия Российской академии наук. Серия географическая. Т. 88. № 2. С. 105–118. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.80.4.13
- Бедрина Е.Б., Алаи Е., Козлова О.А. (2025). «Традиционная» и «новая» миграция из Китая на региональном рынке труда: количественный и качественный анализ // Экономика региона. Т. 21. № 3. С. 886–901. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-3-22

- Борщевский Г.А. (2025). Оценка влияния институтов развития на дальнем востоке // Управленец. Т. 16. № 3. С. 33–48. DOI: 10.29141/2218-5003-2025-16-3-3
- Галас М.Л. (2020). Правовое регулирование статуса трудящегося государств-членов ЕАЭС // Экономика. Налоги. Право. Т. 13. № 4. С. 148–156. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-4-148-156
- Дружинин П.В. (2025). Миграция населения в московскую агломерацию как ограничение развития регионов ЦФО // Экономика региона. Т. 21. № 2. С. 380–393. DOI : 10.17059/ekon.reg.2025-2-9
- Единак Е.А., Ксенофонтов Д.М. (2023). Межрегиональная трудовая миграция в России: моделирование и оценка последствий // Проблемы прогнозирования. №. 5. С. 166–183. DOI: 10.47711/0868-6351-200-166-183
- Калюгина С., Пьянов А., Тваронавичене М., Сорокин Г. (2018). Депопуляция и внешняя миграция как институциональные риски кадровой безопасности // Journal of Institutional Studies № 10 (4). С. 125–144. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.4.125-144
- Красинец Е.С. (2022). Международная трудовая миграция в развитии современной России // Народонаселение. № 25 (2). С. 104–115. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.9
- Красинец Е.С. (2025). Внешняя трудовая миграция в современном российском обществе: динамика и последствия // Народонаселение. Т. 28. №. 3. С. 61–73. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-61-73
- Красинец Е.С. (2023). Трудовая миграция в Россию: тренды развития и последствия для рынка труда // Региональные проблемы преобразования экономики. № 12 (158). С. 189–198. DOI: 10.26726/1812-7096-2023-12-189-198
- Кривенко Н.В. (2024). Уровень доступности медицинской помощи населению России: региональная дифференциация // Journal of New Economy. Т. 25. № 2. С. 89–107. DOI: 10.29141/2658-5081-2024-25-2-5
- Курьян С.П., Мотрич Е.Л. (2025). Миграция населения на Дальнем востоке России: тенденции 2024–2025 гг. // Регионалистика. Т. 12. № 5. С. 131–147.
- Лифшиц М.Л. (2016). Данные о внешней миграции в России по различным источникам: сходство и противоречия // Вопросы статистики. № 2. С. 47–56. DOI: 10.34023/2313-6383-2016-0-2-47-56
- Мкртчян В.Н., Флоринская Ю.Ф. (2018). Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1 (37). С. 186–193. DOI: 10.31737/2221-2264-2018-37-1-9
- Мукомель В.И. (2024). Трудовая миграция в России: адаптация к трансформациям рынка труда // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (63). С. 233–240. DOI: 10.31737/22212264_2024_2_233-240
- Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. (2023). Привлечение в вузы образовательных мигрантов: обзор институциональных ресурсов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 230–246. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.13
- Рубинская Э.Д. (2025). Российский рынок труда и иностранная рабочая сила: поиск путей решения проблемы кадрового дефицита // ДЕМИС. Демографические исследования Т. 5. № 1. С. 167–175. DOI: 10.19181/demis.2025.5.1.10
- Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. (2019). Международная трудовая миграция в Россию: тренды и регулирование // Международные процессы. Т. 17. № 4. С. 65–83. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.5
- Седлов А.П. (2024). Ресурсы и риски трудовой иммиграции: императивы формирования и методология оценок // Уровень жизни населения регионов России. Т. 20. № 2. С. 228–242. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_2_228_242
- Смирнова Н.В. (2023). Мониторинг миграции по данным МВД: проблемы, текущее состояние и перспективы // Проблемы экономики и юридической практики. Т. 19. № 6. С. 192–201.
- Соколова А.А. (2026). Региональные особенности квотирования иностранной рабочей силы в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 1. С. 199–220. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.14

- Топилин А.В., Максимова А.С. (2020). Роль миграции в формировании региональных рынков труда в условиях второй волны депопуляции в современной России // Вопросы статистики. Т. 27. № 6. С. 26–36. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-6-26-36
- Фаузер В.В., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. (2026). Международная миграция в северных регионах России: пространственные закономерности и роль в обеспечении трудовыми ресурсами // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 2. С. 139–160. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.7
- Флоринская Ю.Ф. (2022). Женская трудовая миграция в Россию: численность, страны доноры, ниши на рынке труда // Проблемы прогнозирования. № 1 (190). С. 78–90. DOI: 10.47711/0868-6351-190-78-90
- Флоринская Ю.Ф. (2024). Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (63). С. 223–232. DOI: 10.31737/22212264_2024_2_223-232.
- Шмидт Ю.Д., Ивашина Н.В. (2021). Оценка результативности новых инструментов миграционной политики в Дальневосточном регионе // Экономика региона. Т. 17. № 3. С. 902–916. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-13.
- Alecu A.I., Drange I. (2019). Barriers to access?: Immigrant origin and occupational regulation. *Nordic Journal of Migration Research*, 9(1), 37–59. Available at: <https://doi.org/10.2478/njmr-2019-0001>
- Altonji J.G., Card D. (2018). The effects of immigration on the labour market outcomes of less-skilled natives. *Interdisciplinary Perspectives on the New Immigration*. Routledge, 137–170 Available at: <https://doi.org/10.4324/9781315054193-6>
- Karabchuk T., Salnikova D. (2018). The economic impact of migration in the Russian federation: Taxation of migrant workers. *Asia-Pacific Population Journal*, 32(2), 137–174. Available at: <https://doi.org/10.18356/839a8861-en>
- Kuprina, T. V. (2015). Common and specific features of migration flows in Russia, CIS and Far Abroad. *Economy of Regions*, 2(42), 194–207. Available at: <https://doi.org/10.17059/2015-2-16>
- Mentesoglu Tardivo Z. (2025). Immigrant political participation across Western Europe: The role of political rights, public attitudes, and discrimination. *Acta Politica*, 1–25. Available at: <https://doi.org/10.1057/s41269-025-00402-9>
- Sapryka V., Kuzmina V., Kulakova N. (2025). Sustainable development in the face of migration and sociocultural risks: Threats to social stability, economic progress, and environmental sustainability. *International Journal of Ecosystems & Ecology Sciences*, 15(3). Available at: <https://doi.org/10.31407/ijeec15.3>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрей Евгеньевич Плахин – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и предпринимательства, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620142, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62; e-mail: apla@usue.ru)

Екатерина Сергеевна Огородникова – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательства, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620142, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62; e-mail: ogoroes@usue.ru)

Константин Викторович Ростовцев – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательства, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620142, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62; e-mail: rostovtsev@isnet.ru)

Plakhin A.E., Ogorodnikova E.S., Rostovtsev K.V.

ASSESSMENT OF LEGAL LABOR MIGRATION IN RUSSIAN REGIONS

The relevance of the study is due to the growing role of external labor migration in the staffing of the Russian economy during the period 2022–2024. The research problem lies in identifying approaches to detecting the features of the territorial distribution of legal labor migrants and accordingly adjusting existing perceptions of migration flows based on official data on the employment of foreign workers in Russia's regions. The aim of the study is to identify the flow of international labor migration carried out within the framework of legal labor relations and, on this basis, to provide quantitative estimates of the employment of foreign workers in the regions of the Russian Federation. The information source used was official tax reporting data, which, in contrast to migration registration indicators, allow for a comprehensive picture of the results of labor activities carried out on a legal basis in the regions of the Russian Federation. The main findings show that the highest concentration of foreign workers is in the economic centers of the federal districts, while there is a significant increase in the employment of foreign workers in the regions of the Far Eastern Federal District, both in terms of numbers and total migrant income. The data obtained expand the scientific understanding of the distribution of foreign labor resources in Russia and make it possible to take migration flows into account when shaping the demographic and social policies of the regions.

Labor migration, foreign workers, Russia, regions, demographic policy, migrant income, territorial distribution.

REFERENCES

- Alecu A.I., Drange I. (2019). Barriers to access?: Immigrant origin and occupational regulation. *Nordic Journal of Migration Research*, 9(1), 37–59. Available at: <https://doi.org/10.2478/njmr-2019-0001>
- Altonji J.G., Card D. (2018). The effects of immigration on the labour market outcomes of less-skilled natives. *Interdisciplinary Perspectives on the New Immigration*. Routledge, 137–170 Available at: <https://doi.org/10.4324/9781315054193-6>
- Andreyanova E.L. (2024). The specifics of the placement and use of the labor force of foreign labor migrants in the Siberian Federal District. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, 4(1), 55–64. DOI: 10.19181/demis.2024.4.1.4 (in Russian).
- Babkin R.A., Makhrova A.G., Medvednikova D.M. (2024). Foreign migrants in the Moscow agglomeration: spatial and temporal analysis based on data from mobile operators. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, 88(2), 105–118. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.80.4.13 (in Russian).
- Bedrina E.B., Alai E., Kozlova O.A. (2025). “Traditional” and “new” migration from China in the regional labor market: Quantitative and qualitative analysis. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*, 21(3), 886–901. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-3-22 (in Russian).
- Borshchevskii G.A. (2025). Assessment of the impact of development institutions in the Far East. *Upravlenets*, 16(3), 33–48. DOI: 10.29141/2218-5003-2025-16-3-3 (in Russian).
- Druzhinin P.V. (2025). Migration of the population to the Moscow agglomeration as a limitation of the development of the regions of the Central Federal District. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*, 21(2), 380–393. DOI : 10.17059/ekon.reg.2025-2-9 (in Russian).
- Edinak E.A., Ksenofontov D.M. (2023). Interregional labor migration in Russia: Modeling and assessment of consequences. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 5, 166–183. DOI: 10.47711/0868-6351-200-166-183 (in Russian).
- Fauzer V.V., Smirnov A.V., Fauzer G.N. (2026). International migration in the northern regions of Russia: Spatial patterns and their role in providing human resources. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty,*

- tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(2), 139–160. DOI: 10.15838/esc.2026.2.104.7 (in Russian).
- Florinskaya Yu.F. (2022). Female labor migration to Russia: Numbers, donor countries, niches in the labor market. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 1(190), 78–90. DOI: 10.47711/0868-6351-190-78-90 (in Russian).
- Florinskaya Yu.F. (2024). Labor migration to Russia: Reduction of flows against the background of little-changing geography. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, 2(63), 223–232. DOI: 10.31737/22212264_2024_2_223-232 (in Russian).
- Galas M.L. (2020). Legal regulation of the status of a worker in the EAEU Member States. *Ekonomika. Nalogi. Pravo=Economics, Taxes & Law*, 13(4), 148–156. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-4-148-156 (in Russian).
- Kalyugina S., P'yanov A., Tvaronavichene M., Sorokin G. (2018). Depopulation and external migration as institutional risks of personnel security. *Journal of Institutional Studies*, 10(4), 125–144. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.4.125-144 (in Russian).
- Karabchuk T., Salnikova D. (2018). The economic impact of migration in the Russian federation: Taxation of migrant workers. *Asia-Pacific Population Journal*, 32(2), 137–174. Available at: <https://doi.org/10.18356/839a8861-en>
- Krasinets E.S. (2022). International labor migration in the development of modern Russia. *Narodonaselenie=Population*, 25(2), 104–115. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.9 (in Russian).
- Krasinets E.S. (2023). Labor migration to Russia: Development trends and consequences for the labor market. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 12(158), 189–198. DOI: 10.26726/1812-7096-2023-12-189-198 (in Russian).
- Krasinets E.S. (2025). External labor migration in modern Russian society: Dynamics and consequences. *Narodonaselenie=Population*, 28(3), 61–73. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-61-73 (in Russian).
- Krivenko N.V. (2024). The level of accessibility of medical care to the Russian population: Regional differentiation. *Journal of New Economy*, 25(2), 89–107. DOI: 10.29141/2658-5081-2024-25-2-5 (in Russian).
- Kuprina T.V. (2015). Common and specific features of migration flows in Russia, CIS and Far Abroad. *Economy of Regions*, 2(42), 194–207. Available at: <https://doi.org/10.17059/2015-2-16>
- Kur'yan S.P., Motrich E.L. (2025). Population migration in the Russian Far East: Trends in 2024–2025. *Regionalistika*, 12(5), 131–147 (in Russian).
- Lifshits M.L. (2016). Data on external migration in Russia from various sources: Similarities and contradictions. *Voprosy statistiki*, 2, 47–56. DOI: 10.34023/2313-6383-2016-0-2-47-56 (in Russian).
- Mentesoglu Tardivo Z. (2025). Immigrant political participation across Western Europe: The role of political rights, public attitudes, and discrimination. *Acta Politica*, 1–25. Available at: <https://doi.org/10.1057/s41269-025-00402-9>
- Mkrtchyan V.N., Florinskaya Yu.F. (2018). Labor migration in Russia: International and domestic aspects. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, 1(37), 186–193. DOI: 10.31737/2221-2264-2018-37-1-9 (in Russian).
- Mukomel' V.I. (2024). Labor migration in Russia: Adaptation to labor market transformations. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, 2(63), 233–240. DOI: 10.31737/22212264_2024_2_233-240 (in Russian).
- Rostovskaya T.K., Vasil'eva E.N. (2023). Attracting educational migrants to universities: An overview of institutional resources. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(5), 230–246. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.13 (in Russian).
- Rubinskaya E.D. (2025). The Russian labor market and the foreign labor force: Finding ways to solve the problem of personnel shortage. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, 5(1), 167–175. DOI: 10.19181/demis.2025.5.1.10 (in Russian).

- Ryazantsev S.V., Pis'mennaya E.E. (2019). International labor migration to Russia: Trends and regulation. *Mezhdunarodnye protsessy*, 17(4), 65–83. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.5 (in Russian).
- Sapryka V., Kuzmina V., Kulakova N. (2025). Sustainable development in the face of migration and sociocultural risks: Threats to social stability, economic progress, and environmental sustainability. *International Journal of Ecosystems & Ecology Sciences*, 15(3). Available at: <https://doi.org/10.31407/ijees15.3>
- Sedlov A.P. (2024). Resources and risks of labor immigration: Imperatives of formation and methodology of assessments. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 20(2), 228–242. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_2_7_228_242 (in Russian).
- Shmidt Yu.D., Ivashina N.V. (2021). Assessment of the effectiveness of new migration policy instruments in the Far Eastern region. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*, 17(3), 902–916. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-13 (in Russian).
- Smirnova N.V. (2023). Migration monitoring according to the Ministry of Internal Affairs: Problems, current status and prospects. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki*, 19(6), 192–201 (in Russian).
- Sokolova A.A. (2026). Regional peculiarities of quotas of foreign labor in Russia. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(1), 199–220. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.14 (in Russian).
- Topilin A.V., Maksimova A.S. (2020). The role of migration in the formation of regional labor markets in the context of the second wave of depopulation in modern Russia. *Voprosy statistiki*, 27(6), 26–36. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-6-26-36 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey E. Plakhin – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, head of department of management and entrepreneurship, Ural State University of Economics (62, 8 Marta Street, 620142, Yekaterinburg, Russian Federation; e-mail: apla@usue.ru)

Ekaterina S. Ogorodnikova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of department of management and entrepreneurship, Ural State University of Economics (62, 8 Marta Street, 620142, Yekaterinburg, Russian Federation; e-mail: ogoroes@usue.ru)

Konstantin V. Rostovtsev – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of department of management and entrepreneurship, Ural State University of Economics (62, 8 Marta Street, 620142, Yekaterinburg, Russian Federation; e-mail: rostovtsev@isnet.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.9

УДК 314.174 | ББК 60.7

© Комарова Т.М., Аверина О.В., Стельмах Е.В., Соловченков С.А.

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК УГРОЗА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА КОМАРОВА

Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН
Биробиджан, Российская Федерация

e-mail: carpi-komarova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7876-4284; ResearcherID: B-2018-2014

ОЛЬГА ВАЛЕРЬЕВНА АВЕРИНА

Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН
Биробиджан, Российская Федерация

e-mail: oaverina@yandex.ru

ORCID: 0009-0006-1207-9387; ResearcherID: LNP-9996-2024

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА СТЕЛЬМАХ

Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН
Биробиджан, Российская Федерация

e-mail: stelmahlena69@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2060-8107; ResearcherID: LNQ-0722-2024

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОЛОВЧЕНКОВ

Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН
Биробиджан, Российская Федерация

e-mail: solovchenkov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2687-725X; ResearcherID: PBU-8261-2025

Для цитирования: Комарова Т.М., Аверина О.В., Стельмах Е.В., Соловченков С.А. (2026). Старение населения как угроза демографического развития региона (на примере Еврейской автономной области)// Проблемы развития территории. Т. 30. № 4. С. 148–163. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.9

For citation: Komarova T.M., Averina O.V., Stelmakh E.V., Solovchenkov S.A. (2026). Population ageing as a threat to the region's demographic development (case study of the Jewish Autonomous Region). *Problems of Territory's Development*, 30(4), 148–163. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.9

В статье рассматривается проблема старения населения. Это является одной из основных угроз демографического развития как в целом страны, так и ее отдельных регионов. На примере Еврейской автономной области рассмотрен процесс старения населения и его последствия для социально-экономического развития области. Отмечается высокая демографическая нагрузка на трудоспособных жителей в Еврейской автономной области. С 2008 года доля детей и пожилых людей сравнялась и в дальнейшем население старше трудоспособного возраста стало преобладать. Данная проблема также характерна для Приморского Края и Сахалинской области и является одной из самых актуальных в Дальневосточном федеральном округе, но при этом имеет процентное соотношение ниже, чем в среднем по России. Рассчитанные коэффициенты долголетия и индекс глубины старения показывают, что регион относится к демографически старым. Низкое значение длительности жизни косвенно характеризует низкий уровень развития здравоохранения в регионе и недостаточную приверженность населения к здоровому образу жизни. Высокая доля пожилого населения приводит к высокой смертности населения. Рост демографической нагрузки сказывается на трудоспособном населении; влияет на сокращение спроса и потребительской активности; увеличивает долю иждивенцев по отношению к доли работающих; уменьшает наиболее креативные, прогрессивные и открытые для инноваций и современных технологий слои общества; повышает расходы на социальную защиту, пенсионную систему и здравоохранение, при этом база начисления страховых взносов сокращается.

Старение населения, возрастная структура населения, демографическая нагрузка, Еврейская автономная область, заболеваемость, смертность, рождаемость.

Введение

Старение населения имеет глобальный характер в странах мира с высоким и средним уровнем экономического развития. Этот показатель является важным демографическим процессом ввиду его сопряжения с увеличением социальной нагрузки и давлением на экономическую систему. В связи с этим население старше трудоспособного возраста вносит меньший вклад в экономику из-за выхода на пенсию, постепенного снижения продуктивности, обусловленного состоянием здоровья. Взаимосвязь между демографическими факторами и общественным развитием рассматривается еще в теории народонаселения Мальтуса в конце XIX века. До развития неоклассических концепций роста исследования фокусировались на характере соотношения между численностью трудоспособного и нетрудоспособного населения, отражая баланс между производством и потреблением¹. Подчеркивая различия между производственными и непродуктивными силами, многие ученые, в частности Адам Смит и Карл Маркс, не уде-

ляли должного внимания изменению структуры населения, предполагая, что доля трудоспособных в общей численности выступает константой, а темпы роста пропорциональны с темпом роста населения в целом (Барсуков, Калачикова, 2020). Таким образом, связь между демографическими факторами и экономическим ростом сводилась к оценке влияния увеличения народонаселения на экономическое развитие в условиях ограниченности ресурсов и с учетом экзогенного характера технического прогресса.

Как показывают результаты зарубежных исследований, число стран, сталкивающихся со старением населения и снижением рождаемости, непрерывно увеличивается. Отмечается, что этот процесс характерен, главным образом, для развитых стран, чей ВВП соответствует достаточно высокому уровню. Несмотря на достаточно обширные и разнообразные меры по стимулированию роста рождаемости и поддержке пожилых людей, которые, несомненно, имели положительные экономические последствия,

¹ Коулмен Д. Третий демографический переход // Демоскоп Weekly. URL: https://www.perspektivy.info/book/tretij_demograficheskij_perehod_2007-09-28.htm (дата обращения: 05.07.2026).

проблема не утрачивает своей остроты. Так, несмотря на более высокие бюджетные расходы, Япония и Южная Корея по-прежнему сталкиваются с демографическими трудностями, в то время как Германии и Италии, благодаря комплексной семейной политике, удалось достичь большего баланса. В Исландии демографические изменения замедлились, но страна по-прежнему сталкивается с экономическими ограничениями (Rowland, 2012; Zhao, 2025).

Согласно данным ООН, доля граждан в возрасте 60 лет и старше в мире с 2018 по 2025 гг. возросла с 12,3 до 14,9%. К 2050 году прогнозируется увеличение численности в этой возрастной группе до 21,5%². Широкое обсуждение проблемы старения населения началось в 80-ые годы XX века. Вопрос активно обсуждался на протяжении долгого времени странами-членами ВОЗ. В итоге были приняты стратегии и планы действий, которые опирались на ряд соответствующих резолюций, а также результаты проведенных ранее работ в этом направлении как на глобальном, так и на европейском региональном уровнях³. Следует отметить, что подходы к рассмотрению проблемы увеличения среднего возраста жителей на сегодняшний день характеризуются смещением в сторону междисциплинарных аспектов, отражающих социально-экономические закономерности. Как отмечает ряд авторов, старение населения является одним из наиболее важных демографических процессов современного мира и представляет собой комплексную многофакторную медико-социальную проблему (Eklund, Wilhelmson, 2009; Nam, 2010; Low et al. 2011).

Зарубежные исследователи подчеркивают, что старение оказывает значительное влияние на структуру рабочей силы, способствуя сокращению численности трудоспособного населения молодого возраста

(Maresova et al., 2015). Отмечается рост среднего возраста лиц, вовлеченных в производство и оказание услуг (Cylus, Al Tayara, 2021). Среди возможных решений проблем, связанных со старением населения в развитых странах, определяется необходимость изменений в миграционной политике, что позволит увеличить приток трудоспособного населения из «молодых» развивающихся государств (Ma et al., 2023).

Процесс демографического старения характерен и для России. Особенно он выражен в городах европейской части страны. Современные исследования российских ученых направлены на рассмотрение увеличения среднего возраста с позиции взаимосвязи жизнеспособности и качества жизни; влияния процесса старения на национальные системы здравоохранения; интеграции международного опыта по увеличению продолжительности здоровой жизни и связи старения населения и экономических процессов (Канев и др., 2023; Турзин, Дербенев, 2024; Вихарева и др., 2025).

Современная демографическая ситуация регионов России характеризуется снижением рождаемости, высокой смертностью населения, сокращением продолжительности жизни и растущей долей населения старше трудоспособного возраста. По мнению ряда авторов, на фоне снижения общей численности населения будет наблюдаться уменьшение граждан трудоспособного возраста, что в итоге приведет к повышению демографической нагрузки⁴ (Цуканова, 2011; Гасников и др., 2012; Сеница, 2018; Храмова, Зорин, 2020; Рязанцев, Рыбаковский, 2021; Такмакова и др., 2023).

Помимо демографических последствий проблема старения населения оказывает влияние и на социально-экономическое положение территории. При высокой доле лиц пожилого возраста развитие неизбежно ста-

² Народонаселение // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/sections/issues-depth/population/> (дата обращения: 01.07.2026).

³ Стратегия и план действий в поддержку здорового старения в Европе, 2012–2020 гг. // Европейский региональный комитет. Шестидесят вторая сессия. Мальта, 10–13 сентября 2012 г. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0008/175544/RC62wd10Rev1-Eng.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

⁴ Население России 2015: Двадцать третий ежегодный демографический доклад. Москва: Высшая школа экономики, 2017. 360 с.

новится менее динамичным и более консервативным во всех отношениях (в том числе в научно-технической области), чем при более молодом населении. Ряд авторов отмечают, что игнорирование проблемы может привести к снижению стабильности государственного бюджета и негативно сказаться на экономическом благополучии страны. Остро стоит необходимость привлечения значительных финансовых, материальных и трудовых ресурсов для реализации целей государственной политики в отношении пожилых людей, обеспечения достойного уровня и качества их жизни путем материальной поддержки; медицинской помощи и лекарственного содержания; социально-го обслуживания; обеспечения доступности среды жизнедеятельности, в том числе образовательных, социально-культурных и досуговых услуг; содействия занятости. В соответствии с Национальным проектом «Демография» разработана программа «Старшее поколение», которая направлена на создание условий для активного долголетия, качественной жизни граждан пожилого возраста, мотивации к ведению здорового образа жизни (Kabrt, 2024; Lukyanets et al., 2021; Гайдаров и др., 2023).

В условиях сокращенного воспроизводства населения процесс демографического старения является необратимым. Убыль жителей от поколения к поколению происходит в геометрической прогрессии и даже с ростом рождаемости увеличивается нагрузка на работающих граждан (Варламов, 2011; Гонатаева, Кирова, 2023; Алешковский, 2012). Несмотря на широкий спектр научных исследований по данным вопросам, отдельные регионы России остаются малоизученными. Одним из таких является Еврейская автономная область – слаборазвитый в экономическом отношении субъект с низким качеством жизни. Вопросы старения рассматривались в рамках изучения половозрастной структуры, поэтому изучение проблемы в регионе является актуальным направлением для научных исследований.

Авторы при работе над темой опирались на концепцию междисциплинарного подхода в исследованиях влияния старения на

социально-экономические процессы общества, поскольку он является наиболее взвешенным для рассмотрения взаимосвязи между этими дефинициями.

Еврейская автономная область расположена в южной части Дальневосточного федерального округа. ЕАО, как один из субъектов Российской Федерации, имеет сходные демографические проблемы (как и другие регионы ДФО) с преобладанием в этническом составе русского населения – снижение доли детей и увеличение старших возрастных групп. Количество жителей области на начало 2025 года составило 144,4 тыс. чел., в том числе 70,9% городское население и 29,1% – сельское. Согласно административно-территориальному делению, в области насчитывается пять муниципальных районов и один городской округ.

Методы и цель исследования

Целью исследования является анализ динамики населения старше трудоспособного возраста в структуре населения Еврейской автономной области для выявления основных угроз социально-экономического развития региона за период 2000–2023 гг. Процессы воспроизводства населения достаточно инерционны, поэтому для оценки динамики их развития необходим достаточно большой временной промежуток, сопоставимый с длиной поколения (20–25 лет). Для достижения указанной выше цели поставлены следующие задачи: изучить динамику долей возрастных групп населения области, рассмотреть демографическую нагрузку на трудоспособное население, рассчитать удельный вес пожилых людей в структуре работающих граждан, проанализировать показатели благосостояния жителей пенсионного возраста.

Исходя из цели и задач исследования были использованы следующие методы. При рассмотрении динамики возрастной структуры использовался сравнительный анализ как непосредственно для территории Еврейской автономной области, так и других субъектов Дальневосточного федерального округа. Экономико-статистический метод применен для анализа

рядов динамики отдельных статистических показателей для изучения возрастной структуры населения, динамики занятых и показателей благосостояния населения старше трудоспособного возраста. Необходимо отметить, что одной из проблем при использовании этого метода является качество статистики. Современная структура формируемой базы демографических статистических данных не обеспечивает полноты используемых данных, особенно учитывая их ограничения с 2025 года. Также были использованы методы анализа и синтеза. Примененный метод оценки количественных показателей для территории отдельного субъекта позволяет увидеть временную динамику влияния старения на социально-экономические процессы в регионе. Сравнительный анализ предоставил возможность перейти к элементам кластеризации для выделения регионов со схожими тенденциями в процессах старения населения ДФО. Синтезируя статистические данные по возрастным группам, демографической нагрузке на трудоспособное население и уровню благосостояния отдельных возрастных групп, авторы описывают общую картину в изме-

нении демографической ситуации в субъекте и показывают динамику негативных эффектов от старения населения.

Основные результаты и обсуждение

В области, как и в целом по Дальневосточному федеральному округу, в демографической ситуации наблюдаются общие тенденции: уменьшение численности населения из-за естественной убыли и миграционного оттока, а также увеличение среднего возраста (Бобков и др., 2013; Храмова, Зорин, 2020; Строева, Телушкина, 2021). В 2023 году в структуре населения ЕАО доля детей составляла 19,9%, трудоспособного населения – 58,6%, а лиц старше трудоспособного возраста – 21,5%⁵. Среди регионов Дальнего Востока область выделяется относительно низким процентом населения трудоспособного возраста и имеет приближенный показатель с Республикой Бурятия.

Проанализируем изменение доли пожилых людей в населении. В эпоху перестройки в ЕАО доля детей достигала 30,8% в 1989 году (по России этот показатель составлял 24,5%), тогда как доля людей старше трудоспособного возраста была 15,9 и 18,5% соответственно. Устойчивое снижение

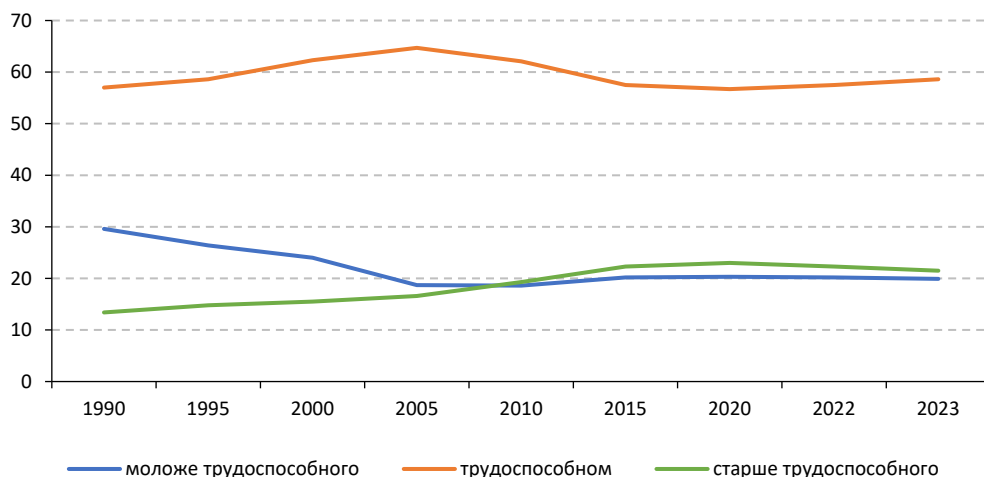

Рис. 1. Динамика доли возрастных групп населения ЕАО в 1990–2023 гг.

Источник: Демографический ежегодник Еврейской автономной области 2019 // Хабаровскстат. г. Биробиджан. 137 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. Электронные версии 2002–2024 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 29.05.2026).

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. Электронные версии 2002–2024 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 29.05.2026).

рождаемости является не только причиной естественной убыли населения, но и фактором старения. В последующие годы численность детей стремительно сокращалась, достигнув минимума в 2008 году (18,1%). Первоначально это привело к увеличению доли трудоспособного населения, но с 2008 года начал расти процент пожилых людей, что связано с достижением пенсионного возраста поколением 50-х годов XX века. Если в 2007 году соотношение детей и пожилых было почти равным (1,01), то с 2008 года оно стало обратным, составив 0,9–0,93. Минимальное обратное соотношение за последние годы наблюдалось в 2024 году – 0,84. При этом в России такое соотношение детей и лиц старше трудоспособного возраста отмечено с 2000 года, достигнув 0,73 к 2014 году.

Возрастная структура населения существенно влияет на экономические показатели, определяя уровень соотношения трудоспособного и нетрудоспособного населения. В начале 2000-х годов в России начался период быстрого увеличения демографической нагрузки, вызванной как старением жителей, так и ростом числа детей. Согласно прогнозам, к концу третьего десятилетия XXI века рост нагрузки со стороны детей прекратится, и, возможно, начнется ее снижение. (Андреев, Вишневский, 2014; Дмитриева, 2023).

Динамика демографической нагрузки на трудоспособное население ЕАО представлена на рис. 2. В 2005 году демографическая нагрузка в Еврейской автономной области составляла 545 человек нетрудоспособного возраста на 1000 лиц трудоспособного, что было ниже среднероссийского показателя в 589 человек. По данным за 2018 год демографическая нагрузка в ЕАО достигла максимума в 799 человек на 1000 трудоспособных, как и в других регионах Дальневосточного федерального округа (ДФО). В то же время в среднем по России максимальный показатель был зафиксирован в 2020 году и составил 778 человек. Нагрузка в ЕАО, наряду с Забайкальским краем и Республикой Бурятия, была одной из самых высоких в дальневосточных регионах. Наименьший показатель демографической нагрузки среди всех регионов ДФО наблюдался в Чукотском автономном округе. В большинстве регионов ДФО и в среднем по России основная часть демографической нагрузки приходится на население старше трудоспособного возраста. Исключением являются Республики Бурятия и Саха (Якутия), где доля детей в структуре нагрузки выше в 1,2–1,4 раза. В 2019 году в ЕАО при демографической нагрузке в 764 человека нетрудоспособного возраста на пожилых и детей приходилось 396 и 368 человек соответственно.

Рис. 2. Демографическая нагрузка на трудоспособное население ЕАО (2000–2023 гг.)

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. Электронные версии 2002–2024 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 29.05.2026).

С 2019 по 2021 гг. наблюдалось небольшое ее снижение на трудоспособное население – с 764 до 731 человека. В 2022 году показатели как в среднем по России, так и в ЕАО, выросли до 756 и 741 человека соответственно. В 2023 году демографическая нагрузка в России сократилась на 4,2%, а в ЕАО – на 4,5%. (Калинина и др., 2023)

В своем исследовании В.Г. Аюшеева с соавторами относят Еврейскую АО к азиатским регионам России, в которых происходит выравнивание соотношения между группами населения младше и старше трудоспособного возраста. Они отмечают, что наблюдается интенсивная демографическая нагрузка на трудоспособное население, что в связи с миграцией населения является дестабилизирующим фактором развития (Аюшеева и др., 2021).

Рассматривая демографическую нагрузку среди отдельных районов области, необходимо отметить их значительную дифференциацию. Максимальная приходится на Биробиджанский район – 857 чел. на 1000 трудоспособного населения, при этом 53,4% – это нагрузка детьми, что в целом дает хорошую перспективу для ее снижения. Наименьшая нагрузка приходится на Ленинский район – 675 чел., при этом на детей приходится 54,9%. Самая высокая нагрузка лицами старше трудоспособного возраста приходится на Смидовичский район – 55,9%. В этом районе одной из причин является активная миграция трудоспособного населения в г. Хабаровск.

В условиях устойчивого сокращения численности населения в Еврейской автономной области происходит постепенное снижение по всем возрастным группам.

Количество работающих граждан только за период с 2018 по 2023 гг. сократилось на 2,4%, население моложе трудоспособного возраста снизилось на 9,4%, а пенсионного уменьшилось на 15,6%. Если рассмотреть динамику распределения населения по возрастным группам, то можно отметить тенденцию снижения доли детей с 2015 года, после сокращения рождаемости в регионе. Устойчивый рост пенсионеров происходил до 2020 года, затем, в результате пандемии, его доля сократилась (табл. 1).

Доля населения старше трудоспособного возраста в области (13,4%), наряду с Забайкальским краем, еще в 1990 году была одна из самых высоких в ДФО, но значительно ниже среднероссийских показателей (19%). До 2018 года отмечается стабильный положительный рост (до 23,3%) с последующей неустойчивой динамикой. В 2023 году отмечался самый низкий показатель после 2014 года (21,5%).

Как отмечает Е.В. Чистова, доля пожилых людей в общей численности населения является наиболее распространенным показателем измерения демографического старения, но недостаточным для выявления его глубины, факторов и скорости (Чистова, 2017). Коэффициент старения рассчитывается как отношение численности населения старше 65 лет к общему значению жителей, помноженное на 100. Регион может быть отнесен к демографически старым, если коэффициент старения составляет более 15%. В Еврейской автономной области он составляет 15,77%, следовательно, область относится к демографически старым. Коэффициент долголетия – показатель, который количественно измеряет долголетие.

Таблица 1. Распределение населения Еврейской автономной области по возрастным группам за период с 2018 по 2023 гг., %

Возрастная группа населения	2000	2005	2008	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Моложе трудоспособного возраста	22,2	18,7	18,2	18,6	20,6	20,3	20,3	20,2	19,9
В трудоспособном возрасте	62,3	64,7	63,6	62,1	57,3	56,7	57,8	57,5	58,6
Старше трудоспособного возраста	15,5	16,6	18,2	19,3	22,1	23	21,9	22,3	21,5

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. Электронные версии 2002–2024 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 29.05.2026).

Он рассчитывается как отношение численности населения старше 80 лет к людям старше 60 лет. В области он составляет 0,11, что косвенно характеризует низкий уровень развития здравоохранения и социальной поддержки, а также слабую приверженность старшего населения к здоровому образу жизни. Индекс глубины старения населения (индекс старения по возрасту) – показатель, который отражает долю населения в старческом возрасте (75–89 лет) среди всего пожилого населения и в ЕАО он составляет 21%. Все указанные выше значения свидетельствуют о возрастном демографическом кризисе региона.

Прогноз данных по количеству местных жителей до 2045 года демонстрирует снижение общего числа как в целом на 25,5%, так и по отдельным возрастным группам, которые представлены в табл. 2.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что Еврейская автономная область уже сейчас сталкивается с рядом социально-экономических последствий старения населения.

Во-первых, дефицит предложения на региональном рынке труда, вызванный затруднением в воспроизводстве трудовых ресурсов и связанный с фактическим и прогнозируемым снижением удельного веса населения в младших возрастных группах. Кроме того, рост доли и численности населения пенсионного возраста способствует еще большему росту нагрузки на занятое население (табл. 3).

Данные таблицы 3 показывают отрицательную динамику соотношения числа наемных работников, приходящихся на одного получателя пенсий. За период с 2000 по 2023 гг. соотношение среднегодовой численности занятых в экономике с численностью пенсионеров снизилось с 1,7 до 1,4 человек (для сравнения, в Российской Федерации на конец исследуемого периода данный показатель составлял 2,1 человека) и продолжит дальнейшее снижение. Такая негативная тенденция скажется на экономике области, приведет к общему снижению работающего населения и объемов налоговых поступлений, а также изменит струк-

Таблица 2. Прогноз распределения населения Еврейской автономной области до 2024 года по возрастным группам, %

Возрастная группа населения	2024	2030	2040	2045
Моложе трудоспособного возраста	19,9	17,8	16,6	17,6
В трудоспособном возрасте	58,7	61,9	61,5	58,9
Старше трудоспособного возраста	21,3	20,2	21,9	23,4

Источник: составлено авторами по данным Росстата. URL: https://27.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Еврейская%20авт.%20обл._9900000000s.xlsx (дата обращения: 29.05.2026).

Таблица 3. Соотношение среднегодовой численности занятых в экономике с численностью пенсионеров в Еврейской автономной области за период с 2000 по 2023 гг.

Показатель	Год								
	2000	2005	2008	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. человек	71,2	79,8	82,6	81,3	70,3	63,9	62,2	62,4	60,2
Численность пенсионеров (получателей пенсий), тыс. человек	43,0	44,0	47,0	49,0	51,0	50,0	49,0	48,0	42,0
Соотношение среднегодовой численности занятых в экономике с численностью пенсионеров	1,7	1,8	1,8	1,7	1,4	1,3	1,3	1,3	1,4

Составлено по: Численность и состав рабочей силы в возрасте 15 лет и старше // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud-1_15-s.xlsx (дата обращения: 29.05.2026); Регионы России. Социально-экономические показатели. Электронные версии 2002–2024 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 29.05.2026).

туру потребительского спроса и усилит нагрузку на пенсионную систему.

Вторая проблема заключается в росте нагрузки на региональную пенсионную систему, исходя из чего замедляются темпы роста пенсионных начислений и возникает необходимость пересмотра верхних границ нетрудоспособного возраста, а также обеспечение материального благополучия пенсионеров со стороны государства. Ключевым показателем, дающим представление об уровне благосостояния населения старше трудоспособного возраста, является размер выплачиваемых пенсий и его соотношение с установленной в регионе величиной прожиточного минимума для пожилых людей. Это, в свою очередь, дает представление о покупательной способности пенсий (табл. 4).

Данные таблицы демонстрируют динамику роста как среднего размера назначенных пенсий, так и величины прожиточного минимума в течение всего анализируемого периода. Показатель пенсионного обеспечения вырос на 17712 рублей, прожиточного минимума – на 15914 рублей. Также следует отметить, что в Еврейской автономной области за исследуемый период наблюдается

неоднозначная тенденция по показателю соотношения среднего размера пенсий к величине прожиточного минимума, характеризующего потребительскую способность пенсионных выплат населения области. Положительную динамику можно увидеть в период с 2008 по 2015 гг., когда покупательная способность среднего размера назначенных пенсий выросла с 1,0 до 1,4 раза. В последующие 2015–2023 гг. значение снижается с 1,4 до 1,1 раза. Это, в первую очередь, объясняется ежегодным ростом цен на товары первой необходимости, лекарства и услуги ЖКХ, тогда как индексация пенсий неработающим пенсионерам ниже уровня растущей инфляции.

Полученные значения регионального коэффициента замещения в исследуемом регионе, исходя из показателей средней трудовой пенсии и уровня зарплаты, в течение всего анализируемого периода ниже рекомендуемого показателя МОТ (0,4) и имеют отрицательную динамику. В период с 2001 по 2023 гг. соотношение среднего размера назначенных пенсий к заработной плате работника в Еврейской автономной области сократилось с 39,7 до 28,6%, или

Таблица 4. Показатели уровня благосостояния населения старше трудоспособного возраста Еврейской автономной области за период с 2001 по 2023 гг.

Показатель	Год						
	2001	2008	2015	2020	2021	2022	2023
Средний размер назначенных пенсий, руб.	1108	4555	10561	14780	15600	17868	18820
Величина прожиточного минимума, руб.	750	4335	7414	11709	13526	16133	16664
Среднемесячная заработная плата работника, руб.	2790	15037	30896	46237	50075	56957	65815
Соотношение среднего размера назначенных пенсий, % к:							
величине прожиточного минимума	147,7	105,0	142,4	126,2	115,3	110,7	112,9
заработной плате работника	39,7	30,3	34,2	32,0	31,2	31,4	28,6
Составлено по: Средний размер пенсии в номинальном выражении, назначенной пенсионерам, состоящим на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Urov_p1_2025.xlsx (дата обращения: 29.05.2026); Величина прожиточного минимума по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации на 2000–2020 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vpm_RF_kv.xlsx (дата обращения: 29.05.2026); Величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, установленная на 2021–2026 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vpm_RF_kv.xlsx (дата обращения: 29.05.2026); Регионы России. Социально-экономические показатели. Электронные версии 2002–2024 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 29.05.2026).							

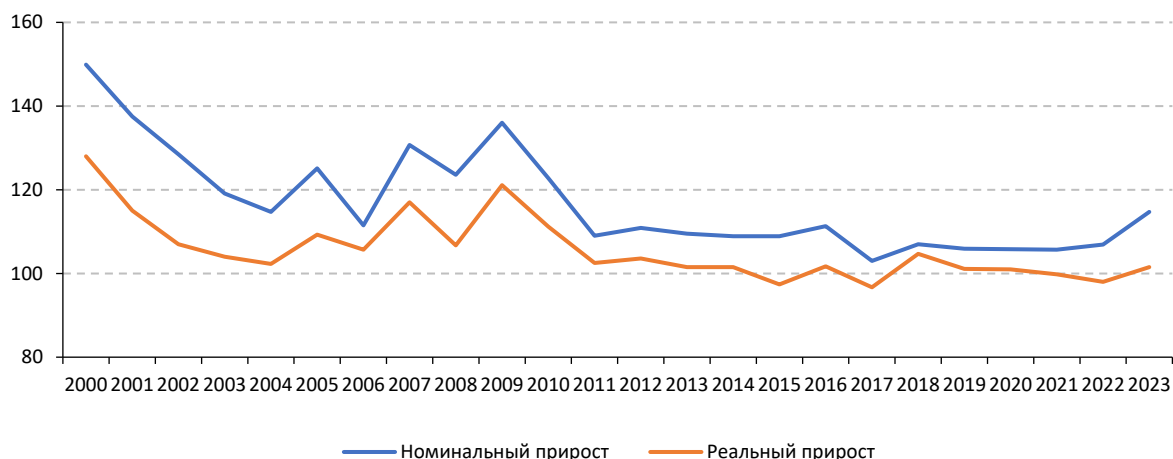

Рис. 3. Динамика прироста номинального и реального уровня назначенных пенсий в Еврейской автономной области за период с 2000 по 2023 гг., %

Источник: Средний размер пенсии в номинальном выражении, назначенной пенсионерам, состоящим на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Urov_p1_2025.xlsx (дата обращения: 29.05.2026).

в 1,4 раза. Низкий коэффициент замещения в Еврейской автономной области объясняется тем, что уровень среднемесячной заработной платы работников в регионе значительно выше уровня среднего размера назначенных пенсий и привязан к прожиточному минимуму пенсионера, а не к фактическим доходам граждан, что является общероссийской тенденцией. Исходя из этого, большинство граждан старше трудоспособного возраста, выходя на пенсию, сталкиваются со значительным снижением уровня жизни, что приводит к необходимости продолжать трудовую деятельность (табл. 5) (Черемисина и др., 2022).

Как видно, уровень трудовой занятости среди лиц старше трудоспособного возраста

та в исследуемом периоде имеет явно выраженную тенденцию роста (208,6%, или в 2,08 раза). При этом женская занятость среди пожилого населения ЕАО, начиная с 2008 года, несколько выше, чем мужская.

Более высокий уровень занятости женщин обусловлен рядом факторов. Во-первых, они раньше выходят на пенсию и имеют более высокую ожидаемую продолжительность жизни. Во-вторых, их труд, как правило, менее энергозатратен и вреден по сравнению с мужским. В итоге женщины, живущие в семьях, сталкиваются с увеличением временных затрат на домашний труд и уход за семьей, одновременно с этим растет значение вынужденной трудовой занятости.

Таблица 5. Удельный вес численности занятых в экономике Еврейской автономной области по лицам старше трудоспособного возраста за период с 2000 по 2023 гг., %

Показатель	Год						
	2000	2008	2015	2020	2021	2022	2023
Занято в экономике – всего, в том числе:	100	100	100	100	100	100	100
лица старше трудоспособного возраста:	3,5	4,7	6,3	7,6	7,4	7,5	7,3
среди мужчин	4,0	4,0	5,3	6,6	5,8	6,8	6,5
среди женщин	2,9	5,0	7,4	8,7	9,2	8,5	8,1

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. Электронные версии 2002–2024 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 29.05.2026).

Заключение

Проведенное исследование показало актуальность дальнейшего анализа динамики демографических процессов, в частности старения населения и его влияния на социально-экономическое развитие региона. Это обусловлено тем, что на современном этапе общественного развития рост среднего возраста становится одним из ведущих факторов, определяющих целый спектр элементов общественной безопасности.

Анализ демографической ситуации в рассматриваемом регионе показывает, что Еврейская автономная область уже на сегодняшний день сталкивается с целым рядом негативных последствий старения населения. Для территории области такие междисциплинарные исследования, которые учитывали бы демографические и социально-экономические аспекты сдвига возрастной структуры мало представлены в научной литературе, так как ранее регион выделялся высокой рождаемостью и большой долей трудоспособного населения. Современные демографические тенденции привели к сокращению численности работающих граждан, росту доли пожилых людей, снижению производительности труда, увеличению демографической нагрузки. Указанные факторы в дальнейшем приведут к сокращению спроса и потребительской активности со снижением общей покупательной способности, увеличению доли иждивенцев по отношению к доли работающих, повышению расходов на социальную защиту, пенсионную систему и здравоохранение, при сокращающейся базе начисления страховых взносов.

По результатам анализа влияния демографического старения на социально-

экономическое развитие региона авторами получены следующие выводы:

- Еврейская автономная область относится к демографически старым регионам и демонстрирует темпы роста демографической нагрузки на трудоспособное население выше дальневосточных и среднероссийских.

- Рынок труда региона испытывает негативные эффекты от старения, которые проявляются в дефиците рабочей силы на региональном уровне. Компенсация происходит за счет увеличения занятости среди пенсионеров с неизбежным снижением общей производительности труда.

- Необходимость продолжения трудовой деятельности обусловлена значительным снижением уровня жизни при выходе на пенсию и стагнирующей динамикой реального уровня назначенных пенсий.

В целом область имеет сходные тенденции, которые характерны для большинства российских регионов с продолжающимся старением населения. Полученные результаты имеют важное прикладное значение, поскольку раскрывают особенности увеличения среднего возраста слаборазвитых регионов Дальнего Востока. Отмеченные тенденции позволяют наметить в перспективе необходимые изменения в стратегии социально-экономического развития области, связанные, прежде всего, с сокращением трудоспособного населения, возможности привлечения к активной трудовой деятельности лиц старше трудоспособного возраста в целях достижения планируемых результатов в рамках исполняемых областью Национальных проектов «Демография», «Продолжительная и активная жизнь».

ЛИТЕРАТУРА

- Алешковский И.А. (2012). Демографический кризис как угроза безопасности России // Век глобализации. № 2. С. 96–114.
- Андреев Е.М., Вишневский А.Г. (2014). Ближайшие демографические перспективы России // Демоскоп Weekly. № 601–602. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0601/demoscope601.pdf>.
- Аюшеева В.Г., Батомункуев В.С., Зангеева Н.Р., Емельянова Н.В. (2021). Пространственный анализ возрастной структуры населения Азиатской России и сопредельных территорий // География и природные ресурсы. № 1. С. 25–32. DOI: 10.15372/GIPR20210103

- Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. (2020). Эволюция демографического и социального конструирования возраста старости // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 1. С. 34–55.
- Бобков В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г., Данилова Н.А., Маликов Н.С. [и др.]. (2013). Методологические основы разработки региональных программ демографического развития с учетом региональных особенностей (на примере Дальневосточного федерального округа) // Уровень жизни населения регионов России. № 1 (179). С. 10–17.
- Варламов В.Ю. (2011). Демографические аспекты обеспечения национальной безопасности России // Право и безопасность. № 3-4 (40). С. 87–95.
- Вихарева Е.В., Хоженко Е.В., Екушева Е.В. (2025). Возрастная жизнеспособность и качество жизни: концептуальные аспекты и научный анализ // РМЖ. Медицинское обозрение. № 9 (11). С. 797–801. DOI: 10.32364/2587-6821-2025-9-11-4
- Гайдаров Г.М., Алексеевская Т.И., Софронов О.Ю., Киндрат Д.О. (2023). Демографическое старение населения: оценка индекса благополучия старшего поколения Иркутской области // Социальные аспекты здоровья населения. № 4 (69). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1503/30/lang,ru/>. DOI: 10.21045/2071-5021-2023-69-4-7
- Гасников В.К., Стрелков Н.С., Забродин Н.А., Попова Н.М., Гасников К.В. [и др.]. (2012). Демографическая нагрузка и численность населения в трудоспособных возрастах: многолетняя динамика и современное состояние // Медицинский альманах. № 4 (23). С. 9–12.
- Гонатаева А.Г., Кирова И.В. (2023). Демографическое старение населения: причины и последствия // Ecomomy and Business: Theory and Practice. Т. 9. № 103. С. 53–60.
- Дмитриева Ю.Н. (2023). Региональные особенности возрастной структуры населения Сибири // География и природные ресурсы. № 4. С. 108–117. DOI: 10.15372/GIPR20230411
- Канев А.Ф., Кобякова О.С., Куракова Н.Г., Шибалков И.П. (2023). Старение населения и устойчивость национальных систем здравоохранения. Обзор мировых практик // Национальное здравоохранение. № 4 (4). С. 5–13. DOI: 10.47093/2713-069X.2023.4.4.5-13
- Калинина И.В., Комарова Т.М., Мишук С.Н. [и др.]. (2023). Население Еврейской автономной области. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН. 159 с.
- Рязанцев С.В., Рыбаковский Л.Л. (2021). Демографическое развитие России в XX–XXI веках: историческое и геополитическое измерения // Вестник РАН. Т. 91. № 9. С. 810–819. DOI: 10.31857/S0869587321090085
- Синица А.Л. (2018). Некоторые экономические последствия изменения возрастной структуры населения России в условиях демографической волны // ЭКО. № 8 (530). С. 44–62. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-8-44-62
- Строева Г.Н., Телушкина Е.Н. (2021). Демографическая составляющая стратегий социально-экономического развития регионов Дальневосточного федерального округа // Вестник ТОГУ. № 1 (60). С. 67–76.
- Такмакова Е.В., Черемисина Н.В., Черемисина Т.Н., Турбина Н.М. (2023). Характеристика динамики демографической нагрузки на население трудоспособного возраста в России // Вестник евразийской науки. Т. 15. № 5. URL: <https://esj.today/PDF/67ECVN523.pdf>
- Турзин П.С., Дербенев Д.П. (2024). Современный взгляд зарубежных ученых на проблему старения и увеличение продолжительности здоровой жизни // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. № 3. С. 184–190. DOI: 10.69541/NRIPH.2024.03.029.

- Храмова М.Н., Зорин Д.П. (2020). Проблемы реализации конкурентных преимуществ российского Дальнего Востока в контексте развития человеческого капитала // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 4. С. 44–58. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-4-04
- Цуканова Н.Е. (2011). Демографические процессы в России: современное состояние и прогнозирование // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 7. № 27 (120). С. 14–23.
- Черемисина Н.В., Черемисина Т.Н. Гришко Ю.С. (2022). Анализ качества жизни населения старше трудоспособного возраста в России // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. № 5 (92). С. 163–172. DOI: 10.37493/2307-907X.2022.5.17
- Чистова Е.В. (2017). Подход к определению стадии демографического старения населения на региональном уровне. Демографический потенциал стран ЕАЭС: сборник статей VIII Уральского демографического форума. Т. 2. Институт экономики Уральского отделения РАН. С. 489–496.
- Cylus J., Al Tayara L. (2021). Health, an ageing labour force, and the economy: Does health moderate the relationship between population age-structure and economic growth? *Soc Sci Med.*, 287, 114353. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.1143536> (accessed: 03.07.2026).
- Eklund K., Wilhelmson K. (2009). Outcomes of coordinated and integrated interventions targeting frail elderly people: A systematic review of randomized controlled trials. *Health Soc Care Community*, 17(5), 447–58. Available at: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1365-2524.2009.00844.x> (accessed: 03.07.2026).
- Ham C. (2010). The ten characteristics of the high-performing chronic care system. *Health Econ Policy Law*, 5(Pt 1), 71–90. Available at: <http://dx.doi.org/10.1017/S1744133109990120> (accessed: 03.07.2026).
- Kabrt T. (2024). The economic implications of population aging on current account balance. *Economic Analysis and Policy*, 84, 1895–1909.
- Low L.F., Yap M., Brodaty H. (2011). A systematic review of different models of home and community careservices for older persons. *BMC Health Serv Res.*, 11(1), 93. Available at: <http://dx.doi.org/10.1186/1472-6963-11-93> (accessed: 03.07.2026).
- Lukyanets A., Okhrimenko L., Egorova M. (2021). population aging and impact of the country's economy. *Social Science Quarterly*, 102(2), 722–736.
- Ma D., Zhou K., Xu J. et al. (2023). Industrial structure upgrading, population aging and migration: An empirical study based on Chinese provincial panel data. *PLoS One*, 18(10), e0291718. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0291718> (accessed: 03.07.2026).
- Maresova P., Mohelska H., Kuca K. (2015). Economics aspects of ageing population. *Procedia Economics and Finance*, 23, 534–538. Available at: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00492-X](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00492-X) (accessed: 03.07.2026).
- Rowland D.T. (2021). *Population Aging: The Transformation of Societies*. Springer Netherlands.
- Zhao Z. (2025). The parental leave can alleviate the problem of declining population growth and rapid aging. *Interdisciplinary Humanities and Communication Studies*, 1(3).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Татьяна Михайловна Комарова – кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 679016, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, д. 4; e-mail: carpi-komarova@yandex.ru)

Ольга Валерьевна Аверина – кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник, Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 679016, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, д. 4; e-mail: oaverina@yandex.ru)

Елена Викторовна Стельмах – кандидат географических наук, доцент, заведующий лабораторией, Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 679016, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, д. 4; e-mail: stelmahlena69@mail.ru)

Сергей Александрович Соловченков – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 679016, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, д. 4; e-mail: solovchenkov@yandex.ru)

Komarova T.M., Averina O.V., Stelmakh E.V., Solovchenkov S.A.

POPULATION AGEING AS A THREAT TO THE REGION'S DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT (CASE STUDY OF THE JEWISH AUTONOMOUS REGION)

The article examines the problem of population ageing, which is one of the main threats to the demographic development of both the country as a whole and its individual regions. Using the Jewish Autonomous Region as a case study, the process of population ageing and its consequences for the socioeconomic development of the region are analyzed. A high demographic dependency burden on the workingage population in the Jewish Autonomous Region is noted. Since 2008, the share of children and the elderly has converged, and subsequently the population above working age has come to predominate. This issue is also characteristic of the Primorye Territory and the Sakhalin Region and is among the most pressing in the Far Eastern Federal District, although its percentage ratio there is lower than the Russian average. The calculated longevity coefficients and ageing depth index indicate that the region is demographically old. The low life expectancy indirectly reflects the insufficient level of healthcare development in the region and the inadequate commitment of the population to a healthy lifestyle. The high proportion of the elderly population leads to high mortality rates. The growing demographic dependency burden affects the workingage population; reduces demand and consumer activity; increases the share of dependants relative to the working population; reduces the most creative, progressive, and innovation and technologyoriented segments of society; and raises spending on social protection, the pension system, and healthcare, while the base for insurance contributions shrinks.

Population ageing, age structure of the population, demographic dependency burden, Jewish Autonomous Region, morbidity, mortality, birth rate.

REFERENCES

- Aleshkovskii I.A. (2012). Demographic crisis as a threat to Russia's security. *Vek globalizatsii*, 2, 96–114 (in Russian).
- Andreev E.M., Vishnevskii A.G. (2014). Russia's immediate demographic prospects. *Demoskop Weekly*, 601–602. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2014/0601/demoscope601.pdf> (in Russian).
- Ayusheeva V.G., Batomunkuev V.S., Zangeeva N.R., Emel'yanova N.V. (2021). Spatial analysis of the age structure of the population of Asian Russia and adjacent territories. *Geografiya i prirodnye resursy*, 1, 25–32. DOI: 10.15372/GIPR20210103 (in Russian).
- Barsukov V.N., Kalachikova O.N. (2020). The evolution of demographic and social construction of the age of old age. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 1. C. 34–55 (in Russian).
- Bobkov V.N., Elizarov V.V., Dzhanaeva N.G., Danilova N.A., Malikov N.S. et al. (2013). Methodological foundations for the development of regional demographic development programs, taking into account

- regional peculiarities (using the example of the Far Eastern Federal District). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 1(179), 10–17 (in Russian).
- Cheremisina N.V., Cheremisina T.N. Grishko YU.S. (2022). Analysis of the quality of life of the population over working age in Russia. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*, 5(92), 163–172. DOI: 10.37493/2307-907X.2022.5.17 (in Russian).
- Chistova E.V. (2017). An approach to determining the stage of demographic aging of the population at the regional level. In: *Demograficheskii potentsial stran EAEU: sbornik statei VIII Ural'skogo demograficheskogo foruma. T. 2* [Demographic Potential of the EAEU Countries: Collection of Articles of the 8th Ural Demographic Forum. Volume 2]. Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN (in Russian).
- Cylus J., Al Tayara L. (2021). Health, an ageing labour force, and the economy: Does health moderate the relationship between population age-structure and economic growth? *Soc Sci Med.*, 287, 114353. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.114353> (accessed: 03.07.2026).
- Dmitrieva YU.N. (2023). Regional features of the age structure of the Siberian population. *Geografiya i prirodnye resursy*, 4, 108–117. DOI: 10.15372/GIPR20230411 (in Russian).
- Eklund K., Wilhelmson K. (2009). Outcomes of coordinated and integrated interventions targeting frail elderly people: A systematic review of randomized controlled trials. *Health Soc Care Community*, 17(5), 447–58. Available at: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1365-2524.2009.00844.x> (accessed: 03.07.2026).
- Gaidarov G.M., Alekseevskaya T.I., Sofronov O.Yu., Kindrat D.O. (2023). Demographic aging of the population: Assessment of the index of well-being of the older generation of the Irkutsk region. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya*, 4(69). Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1503/30/lang,ru/>. DOI: 10.21045/2071-5021-2023-69-4-7 (in Russian).
- Gasnikov V.K., Strelkov N.S., Zabrodin N.A., Popova N.M., Gasnikov K.V. et al. (2012). Demographic burden and working age population: Long-term dynamics and current state. *Meditinskii al'manakh*, 4(23), 9–12 (in Russian).
- Gonataeva A.G., Kirova I.V. (2023). Demographic aging of the population: Causes and consequences. *Economy and Business: Theory and Practice*, 9(103), 53–60 (in Russian).
- Ham C. (2010). The ten characteristics of the high-performing chronic care system. *Health Econ Policy Law*, 5(Pt 1), 71–90. Available at: <http://dx.doi.org/10.1017/S1744133109990120> (accessed: 03.07.2026).
- Kabrt T. (2024). The economic implications of population aging on current account balance. *Economic Analysis and Policy*, 84, 1895–1909.
- Kalinina I.V., Komarova T.M., Mishchuk S.N. et al. (2023). *Naselenie Evreiskoi avtonomnoi oblasti* [The Population of the Jewish Autonomous Region]. Birobidzhan: IKARP DVO RAN.
- Kanev A.F., Kobyakova O.S., Kurakova N.G., Shibalkov I.P. (2023). The aging of the population and the sustainability of national health systems. Overview of global practices. *Natsional'noe zdravookhranenie*, 4(4), 5–13. DOI: 10.47093/2713-069X.2023.4.4.5-13 (in Russian).
- Khramova M.N., Zorin D.P. (2020). The problems of realizing the competitive advantages of the Russian Far East in the context of human capital development. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo*, 4, 44–58. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-4-04 (in Russian).
- Low L.F., Yap M., Brodaty H. (2011). A systematic review of different models of home and community careservices for older persons. *BMC Health Serv Res.*, 11(1), 93. Available at: <http://dx.doi.org/10.1186/1472-6963-11-93> (accessed: 03.07.2026).
- Lukyanets A., Okhrimenko L., Egorova M. (2021). population aging and impact of the country's economy. *Social Science Quarterly*, 102(2), 722–736.
- Ma D., Zhou K., Xu J. et al. (2023). Industrial structure upgrading, population aging and migration: An empirical study based on Chinese provincial panel data. *PLoS One*, 18(10), e0291718. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0291718> (accessed: 03.07.2026).

- Maresova P., Mohelska H., Kuca K. (2015). Economics aspects of ageing population. *Procedia Economics and Finance*, 23, 534–538. Available at: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00492-X](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00492-X) (accessed: 03.07.2026).
- Rowland D.T. (2021). *Population Aging: The Transformation of Societies*. Springer Netherlands.
- Ryazantsev S.V., Rybakovskii L.L. (2021). Demographic development of Russia in the 20th–21st centuries: Historical and geopolitical dimensions. *Vestnik RAN*, 91(9), 810–819. DOI: 10.31857/S0869587321090085 (in Russian).
- Sinita A.L. (2018). Some economic consequences of the change in the age structure of the Russian population in the context of the demographic wave. *EKO*, 8(530), 44–62. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-8-44-62 (in Russian).
- Stroeva G.N., Telushkina E.N. (2021). Demographic component of the socio-economic development strategies of the regions of the Far Eastern Federal District. *Vestnik TOGU*, 1(60), 67–76 (in Russian).
- Takmakova E.V., Cheremisina N.V., Cheremisina T.N., Turbina N.M. (2023). Characteristics of the dynamics of the demographic burden on the working-age population in Russia. *Vestnik evraziiskoi nauki*, 15(5). Available at: <https://esj.today/PDF/67ECVN523.pdf> (in Russian).
- Tsukanova N.E. (2011). Demographic processes in Russia: Current state and forecasting. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 7, 27(120), 14–23 (in Russian).
- Turzin P.S., Derbenev D.P. (2024). The modern view of foreign scientists on the problem of aging and increasing healthy life expectancy. *Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N.A. Semashko*, 3, 184–190. DOI: 10.69541/NRIPH.2024.03.029 (in Russian).
- Varlamov V.Yu. (2011). Demographic aspects of ensuring Russia's national security. *Pravo i bezopasnost'*, 3-4(40), 87–95 (in Russian).
- Vikhareva E.V., Khozhenko E.V., Ekusheva E.V. (2025). Age-related viability and quality of life: Conceptual aspects and scientific analysis. *RMZH. Meditsinskoe obozrenie*, 9(11), 797–801. DOI: 10.32364/2587-6821-2025-9-11-4 (in Russian).
- Zhao Z. (2025). The parental leave can alleviate the problem of declining population growth and rapid aging. *Interdisciplinary Humanities and Communication Studies*, 1(3).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana M. Komarova – Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (4, Sholom Aleichem Street, Birobidzhan, 679016, Russian Federation; e-mail: carpi-komarova@yandex.ru)

Olga V. Averina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Researcher, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (4, Sholom Aleichem Street, Birobidzhan, 679016, Russian Federation; e-mail: oaverina@yandex.ru)

Elena V. Stelmakh – Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, head of laboratory, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (4, Sholom Aleichem Street, Birobidzhan, 679016, Russian Federation; e-mail: stelmahlena69@mail.ru)

Sergey A. Solovchenkov – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (4, Sholom Aleichem Street, Birobidzhan, 679016, Russian Federation; e-mail: solovchenkov@yandex.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.10

УДК 332.13; 332.14 | ББК 65.04; 65.05

© Степаненко В.А., Базуева Е.В.

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ СОКРАЩЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

ВЛАДА АНДРЕЕВНА СТЕПАНЕНКО

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» г. Пермь
Пермь, Российская Федерация
e-mail: vladakaz98@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-8094-4596; ResearcherID: IST-1388-2023

ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА БАЗУЕВА

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Российская Федерация
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: bazueva.l@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0945-3597; ResearcherID: E-1233-2017

В связи с повышением значимости рассмотрения интеллектуального неравенства в качестве одного из факторов устойчивой пространственной дифференциации социально-экономического развития регионов РФ изучается необходимость разработки управленческого механизма, позволяющего сократить риски его усиления и создать условия для экономического развития региона. На текущий момент данная задача решается фрагментарно. Риски усиления интеллектуального неравенства не представлены в качестве управленческого вызова в стратегических документах, что снижает результативность применяемых управленческих мер. Цель работы заключается в обосновании и разработке организационно-управленческого механизма сокращения уровня интеллектуального неравенства, призванного обеспечить экономическое развитие Пермского края и усложнение технологической структуры его экономики. Установлено, что данный индустриальный регион обладает потенциалом для улучшения своего положения по параметрам капитализации способностей к интеллектуальному труду и его эффективной реализации

Для цитирования: Степаненко В.А., Базуева Е.В. (2026). Управление экономическим развитием региона на основе сокращения интеллектуального неравенства // Проблемы развития территории. Т. 30. № 4. С. 164–182. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.10

For citation: Stepanenko V.A., Bazueva E.V. (2026). Managing regional economic development by reducing intellectual inequality. *Problems of Territory Development*, 30(4), 164–182. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.10

в создании интеллектуальных товаров и услуг. Для достижения поставленной цели использованы общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, а также статистический анализ. Предложенный механизм позволяет как провести диагностику межрегионального интеллектуального неравенства, так и оценить положение региона и факторов, на него влияющих. Такая оценка выступает основой разработки дифференцированных мер, которые повышают возможности приближения Пермского края к регионам-лидерам по показателям интеллектуального труда. Представляется, что в дальнейших исследованиях предложенный организационно-управленческий механизм будет адаптирован для других субъектов РФ, не только относящихся к регионам с индустриальным типом экономического развития, но и для преимущественно аграрных и аграрно-индустриальных регионов.

Интеллектуальное неравенство, организационно-управленческий механизм, экономическое развитие региона, пространственная дифференциация, факторы интеллектуального неравенства.

Введение

Экономическое развитие региона представляет собой многофакторный процесс, причем значимость факторов меняется в зависимости от эволюции социально-экономических систем. Одним из таких факторов является труд, однако наблюдается трансформация его сущности и характера. Известно, что в условиях постиндустриальной экономики усложнение труда происходит в сторону его интеллектуализации. Соответственно, концентрация интеллектуального труда в определенных регионах страны без разработки стратегически ориентированной региональной политики, обеспечивающей более сбалансированное накопление и распределение знаний с целью создания интеллектуальных товаров и услуг, может стать основой воспроизводства так называемого вторичного интеллектуального неравенства, которое усилит пространственную дифференциацию социально-экономического развития регионов.

Известно, что пространственная неоднородность социально-экономического развития субъектов РФ в последние годы усиливается (Антипин, Шишкина, 2024; Зубаревич, Сафронов, 2024; Землянский, Медведникова, 2025). Это актуализирует поиск факторов, его обуславливающих, и последующую разработку управленческих механизмов с целью минимизации рисков создания барьеров для экономического развития регионов. На сегодняшний день в качестве таких факторов авторы рассматри-

вают нерешенность существующих проблем в виде концентрации высоких темпов экономической активности в нескольких субъектах РФ (Коломак, 2014; Буфетова, 2024), неэффективности действующей системы институтов пространственного развития (Базуева, Дубровская, 2021; Нижегородцев, 2019) и др. К новым факторам, создающим барьеры для более сбалансированного развития регионов РФ в период технологической трансформации региональных экономических систем, относят возможность усиления цифрового неравенства в результате неравномерного доступа населения к информационным технологиям в зависимости от территории проживания (Архипова, Сиротин, 2019; Груздева, 2020; Усков, 2024), дифференциации уровня цифровой зрелости в регионах, отсутствия механизмов межрегионального цифрового взаимодействия (Лаврик, 2026). Актуальными становятся исследования, посвященные анализу концентрации ресурсов интеллектуальной составляющей экономики в определенных субъектах РФ. Например, в исследовании С.Е. Афонина и В.С. Осипова отмечается концентрация научных расходов в нескольких регионах страны (Афонин, Осипов, 2023). С.В. Авилкина обращает внимание на дифференциацию регионов РФ по численности профессорско-преподавательского состава (Авилкина, 2021). Такие закономерности, с учетом положительного влияния человеческого капитала на региональное эконо-

мическое развитие (Алехин, 2021), способствуют повышению важности рассмотрения проблемы концентрации интеллектуальных ресурсов в небольшой группе регионов РФ.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что в условиях постиндустриальной экономики значимым для экономического развития территории становится фактор интеллектуального неравенства, выраженный через региональные различия в условиях накопления интеллектуальных способностей и их эффективной реализации в процессе интеллектуального труда¹. Оно выступает структурным барьером регионального развития наряду с инфраструктурными, инвестиционными, институциональными, демографическими и иными ограничениями. Причем, как показали результаты наших исследований, формирующееся интеллектуальное неравенство носит интерсекционный характер, аккумулируя образовательные, профессиональные, цифровые, территориальные различия (Базуева и др., 2023), поэтому его сокращение не может быть сведено к отдельным мерам в сфере образования, занятости или цифровизации. Несмотря на существование работ в области управления пространственным развитием (Зубаревич, 2019; Кузнецова, 2025) и сокращения пространственной дифференциации (Бухвальд, 2025), специфика управления интеллектуальным неравенством представляет интерес для современных исследований. На текущий момент управленческие практики реализуются фрагментарно: отдельно развиваются образовательные проекты, цифровая инфраструктура, программы занятости, меры поддержки инноваций и молодежной политики. В то же время в стратегических документах регионального уровня риски межрегионального интеллектуального неравенства, как правило, не представлены в качестве самостоятельного управленческого вызова, что снижает адресность и результативность принимаемых решений (Базуева и др., 2023). Исходя из этого, целью данного исследования является разработка направлений совершенствования системы

управления экономическим развитием региона на основе сокращения уровня интеллектуального неравенства.

Представляется, что система инструментов сокращения межрегионального неравенства встраивается в концептуальную модель управления экономическим развитием региона на основе реализации принципов регионального развития: принципа саморазвития регионов и принципа соблюдения региональной (территориальной) справедливости (Анимица, 2020). Ввиду того, что принцип саморазвития территорий предполагает формирование возможностей региона в обеспечении воспроизводства ВРП за счет собственных ресурсных возможностей и источников дохода в целях достижения макроэкономических и внутрирегиональных приоритетов (Татаркин, Татаркин, 2009), сокращение барьеров экономического развития, вызванных факторами второй природы, представляет первоочередную важность для региональной политики.

В связи с этим стоит отметить, что проблема управления социальным неравенством выступала объектом длительных теоретических осмыслений в философии, социологии и экономической теории. В результате сформировались диаметрально противоположные подходы к ее рассмотрению. К примеру, эгалитарный подход предполагает, что чрезмерные различия подрывают социальную справедливость и должны регулироваться посредством институтов перераспределения и гарантирования базовых благ. Согласно теории справедливости Дж. Роулза, социально-экономическое неравенство допустимо только в том случае, когда оно приносит наибольшую пользу наименее благополучным членам общества и обеспечивает реальное равенство возможностей (Rawls, 1999). Представители либертарианского подхода, напротив, отрицают любые механизмы перераспределения и оценивают неравенство в качестве закономерного результата свободы выбора. Р. Нозик трактует неравенство как допустимое, если оно возникает в результате добро-

¹ Подробнее о концептуализации понятия см. (Базуева, Степаненко, 2025b).

вольного обмена (Nozick, 1974). А. Сен также акцентирует внимание на необходимости обеспечения равных реальных возможностей человека – его способности получать образование, поддерживать здоровье, участвовать в экономической и общественной жизни (Sen, 1992). В контексте регионального развития данная идея находит полноценное отражение, поскольку изменяет фокус решения проблемы социального неравенства с помощью чисто распределительных механизмов на управление факторами, создающими неравенство возможностей, в т. ч. доступности институтов развития. Таким образом, разрабатываемый управленческий механизм должен быть ориентирован на систематизацию региональных мер, направленных на создание возможностей в регионе для реализации интеллектуального труда с целью сокращения уровня межрегионального интеллектуального неравенства и обеспечения экономического развития территории.

Оценка текущих показателей Пермского края в области управления интеллектуальными возможностями региона

В условиях цифровой трансформации экономики интеллектуальное неравенство становится не только социальной, но и экономической проблемой, оказывающей влияние на темпы технологического обновления региона, качество человеческого капитала, уровень инновационной активности и способности экономической системы адаптироваться к новым моделям производства и управления. Для регионов, входящих в группу преимущественно индустриально развивающихся субъектов РФ (Акбердина, 2020; Коровин, 2023), к числу которых относится и Пермский край, данная проблема приобретает особую значимость, поскольку в таких регионах технологическая модернизация зависит не только от наличия при-

родных ресурсов и темпов обновления производственных мощностей, но и от условий, обеспечивающих доступ населения и организаций к образовательной и инновационной инфраструктуре, создающих возможности для накопления и диффузии знаний, цифровых компетенций.

Для оценки параметров межрегионального интеллектуального неравенства в данной статье с помощью интегрального метода рассчитываются индекс капитализации способностей к интеллектуальному труду ($I_{КАП}$), индекс интеллектуальной занятости ($I_{ЗАН}$) и агрегированный индекс интеллектуального труда ($I_{ИТ}$), формирующие основу для интеллектуального неравенства регионов (формулы 1–3).

$$I_{КАП} = \sqrt[3]{X_1 + X_2 + X_3} \quad (1)$$

$$I_{ЗАН} = \sqrt[3]{X_4 + X_5 + X_6} \quad (2)$$

$$I_{ИТ} = \sqrt[6]{X_1 + X_2 + X_3 + X_4 + X_5 + X_6} \quad (3)$$

где X_1 – численность занятого населения с высшим образованием; X_2 – численность аспирантов; X_3 – численность исследователей, имеющих ученую степень кандидата наук; X_4 – численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по категориям и субъектам РФ (исследователи); X_5 – численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по категориям и субъектам РФ (техники); X_6 – численность занятых в высокотехнологичных отраслях².

Соответственно, высокий уровень неравномерности регионов по агрегированному индексу интеллектуального труда отражает межрегиональное интеллектуальное неравенство. Высокий уровень пространственной неоднородности по данному фактору подтверждает значение коэффициента

² Использованы данные Федеральной службы государственной статистики и Единой межведомственной информационно-статистической системы. Для нивелирования влияния размера региона каждый показатель рассмотрен относительно 10000 человек среднесписочной численности занятых. Перед включением индикаторов в индекс осуществлена процедура нормирования.

вариации, равное в 2023 году 79,2% для всех регионов РФ. Причем, согласно результатам нашего исследования, начиная с 2018 года показатель увеличился на 3,7%, что свидетельствует о возможности усиления межрегионального интеллектуального неравенства в случае отсутствия стратегически ориентированной региональной политики, направленной на его нивелирование. Данные выводы являются предпосылкой для подробного анализа текущего состояния интеллектуальной составляющей экономики в Пермском крае и поиска причин, влияющих на положение региона в сопоставлении с регионами-лидерами.

Согласно нашим предшествующим исследованиям³, Пермский край входит в группу регионов с преимущественно индустриальным типом экономики, для которого характерны средние значения по капитализации способностей к интеллектуальному труду (коэффициент индекса ($I_{КАП}$) изменяется в пределах от 0,23 до 0,40) и их реализации в процессе интеллектуальной занятости (коэффициент индекса ($I_{ЗАН}$) изменяется в пределах от 0,14 до 0,35). При этом наблюдается существенное отставание данной группы регионов от группы регионов-лидеров, для которой диапазоны значений изменяются в пределах от 0,70 до 0,99 по капитализации способностей к интеллектуальному труду и в пределах от 0,59 до 0,63 по коэффициенту их реализации в процессе интеллектуальной занятости.

Как было показано нами ранее, это две существенные характеристики интеллектуального труда, значимость которого как фактора экономического развития регионов в условиях становления шестого технологического уклада повышается (Базуева, Степаненко, 2025а). Именно неравномерность сложившихся в регионах условий, определяющих возможности формирования человеческого капитала высокого качества (капитализация способности к интеллектуальному труду) и ограничивающих доступ к его использованию в процессе ин-

теллектуального труда с целью создания наукоемких товаров и услуг (интеллектуализация занятости), создает барьеры для усиления межрегионального интеллектуального неравенства. В связи с этим для выявления причин отставания Пермского края проанализируем динамику изменения факторов, его формирующих, в сравнении с регионами-лидерами по РФ (г. Москва) и Приволжскому федеральному округу (Нижегородская область) по агрегированному индексу интеллектуального труда ($I_{ИТ}$). В то же время рассмотрение показателей Пермского края в сравнении с данными регионами представляет интерес для последующей разработки региональной политики, которая будет считаться результативной в случае создания возможностей для перехода региона по «восходящему тренду» в группу лидеров по двум показателям одновременно (лидером является г. Москва), либо в группу регионов-лидеров по индексу интеллектуальной занятости с сохранением средних значений по второму индексу (к данной группе относится Нижегородская область).

Так, в 2023 году значение агрегированного индекса интеллектуального труда в Пермском крае составило 0,291, у лидера в РФ (г. Москва) – 0,790, лидера в ПФО (Нижегородской области) – 0,442 (табл. 1). Следовательно, Пермский край заметно отстает как от национального, так и от окружного лидера, несмотря на сравнительно сильные позиции относительно средних значений по стране и ПФО, сохраняет выражено периферийное положение в процессах развития интеллектуального труда.

Динамика показателя в рассмотренных регионах характеризуется различными тенденциями. Так, г. Москва при стабильно лидирующем значении показателя интеллектуального труда за анализируемый период наращивала его с 2021 года. В итоге индекс за период с 2018 по 2023 год вырос на 13%. Это означает, что в столице происходит концентрация интеллектуалоемких видов занятости и человеческого капитала

³ Формирование и апробация методического инструментария оценки интеллектуального неравенства в регионах РФ представлены в отдельной статье авторов, которая на данный момент находится в печати.

Таблица 1. Сопоставление агрегированного индекса интеллектуального труда Пермского края с регионами-лидерами согласно ранжированию регионов в 2023 году

Регион	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Изменение показателя (2023/2018)
Регион-лидер в РФ (Москва)	0,710	0,701	0,700	0,729	0,790	0,790	1,13
Регион-лидер в ПФО (Нижегородская область)	0,464	0,473	0,458	0,454	0,455	0,442	0,95
Пермский край	0,294	0,309	0,293	0,289	0,285	0,291	0,99
Источник: составлено авторами.							

высокого уровня. В Пермском крае показатель оставался практически стабильным, наблюдалось лишь незначительное его снижение за анализируемый период с ростом в 2023 году. Такая динамика говорит скорее о сохранении достигнутого уровня, чем об интенсификации процесса интеллектуализации труда в регионе. В итоге за анализируемый период разрыв между Пермским краем и Москвой не сократился, а напротив, увеличился с 0,416 до 0,499. Отставание от среднего показателя лидера в ПФО менее существенное, но также устойчивое. Нижегородская область в течение всего периода опережала Пермский край при волнообразном характере изменения показателя год от года и его снижении в итоге в 2023 году по сравнению с 2018 годом с 0,464 до 0,442. На этом фоне Пермский край демонстрировал большую устойчивость, поскольку его индекс сократился минимально, что может быть обусловлено стратегическими приоритетами на технологическое развитие при необходимости соответствующего кадрового обеспечения наукоемких отраслей. Также стоит отметить, что агрегированный индекс на фоне падения за анализируемый период увеличивался в 2019 году как в Нижегородской области, так и в Пермском крае. Положение двух регионов сблизилось, абсолютный разрыв уменьшился с 0,170 до 0,151 пункта. Однако это сближение произошло не за счет ускоренного экономического роста Пермского края, а главным образом вследствие более существенного снижения показателя в Нижегородской области.

Анализ динамики показателей факторов-условий (табл. 2), формируемых Пермским краем, свидетельствует, что из-

менение агрегированного индекса интеллектуального труда за период с 2018 по 2023 год носило противоречивый характер и определялось сочетанием позитивных и сдерживающих тенденций. Положительное влияние на значение индекса оказывает увеличение внутренних затрат на НИОКР на 91%, однако в сравнении с регионами-лидерами по данному показателю наблюдается существенное отставание. Также стоит отметить повышение доли организаций, осуществляющих технологические инновации в регионе с 15,2 до 28,5% и расширение использования передовых производственных технологий на 34%. Такие закономерности свидетельствуют о формировании в регионе более благоприятной среды для повышения спроса на интеллектуальный труд, а также эффективности реализованных мер согласно комплексной государственной программе Пермского края «Научно-технологическое развитие Пермского края», ориентированной на технологическое развитие региона. Однако стабильность доли высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП показывает, что имеющийся интеллектуальный и технологический потенциал региона пока не полностью конвертируется в структурные изменения экономики региона.

В то же время рост агрегированного индекса сдерживался сокращением профессорско-преподавательского состава, а также нестабильностью показателя цифровой оснащенности высших учебных заведений. Закономерно, что в регионе существуют ограничения по факторам, способствующим формированию человеческого капитала высокого качества. Снижение числен-

Таблица 2. Сравнительный анализ значений факторов-условий интеллектуального неравенства в Пермском крае и регионах-лидерах в 2018-2023 гг.

Наименование фактора	Описание фактора	Динамика показателя за период 2018-2023 год						Изменение показателя (2023/2018)	Показатель региона-лидера в РФ		Показатель региона-лидера в ПФО	
		2018	2019	2020	2021	2022	2023		Изменение показателя 2023/2018	Показатель / показатель региона-лидера	Изменение показателя 2023/2018	Показатель ПК / показатель региона-лидера
Факторы создания условий для капитализации интеллектуальных способностей												
Численность лиц, обученных по дополнительным профессиональным программам, по формам обучения (чел./ 10000 человек среднесписочной численности занятых)	Демонстрирует тенденции к постоянному обновлению знаний населения в регионе	1486,93	1663,70	1296,07	1464,33	1783,26	2196,28	1,48	2,38	1,07	1,28	2,66
Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях по программам высшего образования (ед. на 1000 обучающихся)	Показывает уровень цифровой оснащенности образовательных организаций высшего образования (Изотова, Гаврилюк, 2023). Например, распределение цифровых учебных ресурсов в регионах Китая измерялось также с помощью показателя количества компьютеров (Ли, Ма, 2018)	290	296	310	298	343	314	1,08	0,97	1,37	1,16	1,27
Состав безработных по уровню образования (%)	Демонстрирует долгосрочные тенденции, находящие отражение в несоответствии спроса и предложения на рынке труда	8,8	14,5	13,5	48,5	12,8	15,4	1,75	0,76	0,44	1,04	0,77
Число профессорско-преподавательского состава (человек / 10000 человек среднесписочной численности занятых)	Показывает развитость системы высшего образования в регионе (Faggian et al., 2019; Сафуллин и др., 2023)	29,84	29,18	27,99	25,57	25,93	25,35	0,85	1,03	0,45	0,90	0,92

Окончание таблицы 2

Наименование фактора	Описание фактора	Динамика показателя за период 2018-2023 год						Изменение показателя (2023/2018)	Показатель региона-лидера в РФ		Показатель региона-лидера в ПФО	
		2018	2019	2020	2021	2022	2023		Изменение показателя 2023/2018	Показатель / показатель региона-лидера	Изменение показателя 2023/2018	Показатель ПК / показатель региона-лидера
Факторы создания условий для реализации интеллектуального труда												
Внутренние затраты на научные исследования и разработки (млн руб. / 10000 человек среднестатистической численности занятых)	Институциональный эффект научно-образовательной среды (Шорохова, 2024), ее привлекательности (Charlot et al., 2015; Zemtsov et al., 2016)	124,96	162,39	152,48	188,03	199,13	238,39	1,91	1,72	0,35	1,66	0,30
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации (%)	Демонстрирует долю организаций, вовлеченных в систематическое создание инноваций. Соответственно, чем больше организаций занимаются инновационной деятельностью, тем больше возможностей для трудоустройства	15,2	19,0	23,1	24,2	24,4	28,5	1,88	0,79	0,87	0,95	1,05
Используемые передовые производственные технологии (единиц / 10000 человек среднестатистической численности занятых)	Характеризует способность предприятия к освоению нового оборудования и новейших производственно-технологических линий (Мариев, Савин, 2010)	107,14	122,78	130,47	140,31	149,35	144,06	1,34	1,20	7,26	1,04	2,65
Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте (%)	Демонстрирует востребованность экономикой людей с высоким уровнем человеческого капитала, Показатель вводится ввиду наличия гипотезы в научном пространстве о существовании ситуации отсутствия запроса со стороны предприятий на высококвалифицированную рабочую силу (Гимпельсон, 2016)	27,6	28,9	32,2	29,2	28,9	27,6	1,00	1,33	1,01	1,08	0,90
Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики.												

ности преподавателей означает ослабление кадровой базы высшего образования и научно-образовательного воспроизводства, что в долгосрочном плане ограничивает подготовку специалистов для интеллектуально-насыщенных сфер занятости. Данный аспект также важен, поскольку интеллектуализация труда зависит не только от текущего внедрения технологий, но и от способности региональной системы образования стабильно воспроизводить человеческий капитал высокого качества.

Таким образом, Пермский край, наряду с имеющимися ограничениями развития интеллектуального труда, обладает позитивными тенденциями и возможностями повышения показателя с целью сокращения разрыва с регионами-лидерами. Создание организационно-управленческого механизма позволит интенсифицировать возможности региона для продвижения к кластеру регионов-лидеров с последующим наращиванием технологического потенциала в целях обеспечения экономического развития.

Формирование организационно-управленческого механизма сокращения интеллектуального неравенства в целях обеспечения экономического развития Пермского края

Создание организационно-управленческого механизма в контексте региональной экономической политики позволяет объединить комплекс управленческих воздействий для достижения конкретной стратегической цели регионального развития. Прикладная ценность разработки организационно-управленческого механизма подтверждается практикой его применения. Например, О.В. Хабарова и Е.В. Яковлева разработали механизм развития регионального рынка труда в условиях цифровизации экономики (Хабарова, Яковлева, 2024). М.А. Пономарева предлагает механизм управления устойчивым развитием региона (Пономарева, 2009), а также рассматривает концептуализацию понятия «организационно-управленческий механизм» с позиции системности понятия и описания его струк-

турных элементов. В данном случае под механизмом управления следует понимать совокупность целей, принципов, инструментов, применяемых субъектами управления для воздействия на управляемые объекты. Организационно-управленческий механизм регулирования межрегионального интеллектуального неравенства обладает своей спецификой. Во-первых, традиционно такая политика осуществляется на двух уровнях – федеральном (в виде установления общих целей и принципов сокращения межрегиональной дифференциации по различным параметрам социально-экономического развития) и уровне конкретных регионов. В свою очередь региональная политика позволяет территориальным единицам самостоятельно контролировать ключевые показатели и осуществлять их регулярный мониторинг с целью улучшения положения региона. Именно региональная политика будет объектом данного исследования. Во-вторых, регион может воздействовать только на управляемые факторы-условия, следовательно, организационно-управленческий механизм должен учитывать дифференциацию методов и инструментов управления в зависимости от его текущего положения. В-третьих, представляется важным учет типа социально-экономического развития региона, так как конечной целью управленческих воздействий выступает создание возможности его перехода к более сложному технологическому укладу за счет обеспечения восходящего тренда, связанного с переходом субъекта в группу регионов с более высокими значениями. Причем для Пермского края, как было отмечено ранее, продуктивным будет считаться переход в группу лидеров по показателям капитализации способностей к интеллектуальному труду и интеллектуальной занятости либо в группу лидеров по показателю интеллектуальной занятости, но со стабильно средними значениями по первому показателю.

Исходя из этого, целеполагание в рамках предложенного организационно-управленческого механизма выстраивается вокруг верхнеуровневых ориентиров обеспече-

ния социально-экономического развития региона с учетом создания условий сокращения уровня интеллектуального неравенства. Субъектами управления согласно предложенному механизму выступают органы государственной власти регионов при тесном взаимодействии с представителями научно-экспертного, корпоративного и предпринимательского сообщества. Для реализации заявленных интересов предлагаемые инструменты и методы должны соответствовать ключевым принципам, определяющим логику управленческих процедур:

- *принцип системности и комплексности* означает, что система управления интеллектуальным неравенством должна включать согласованный набор организационных, экономических, кадровых, инфраструктурных и информационных инструментов, объединенных общей целью и логикой воздействия;

- *принцип равенства возможностей* предполагает, что механизм должен быть направлен не на формальное уравнивание территорий по конечным результатам в области интеллектуального труда, а на создание сопоставимых стартовых условий для доступа к ключевым ресурсам интеллектуального развития;

- *принцип процедурной справедливости и качества управления* наиболее сложно интегрируется в конкретные управленческие процедуры; однако, согласно современным исследованиям, негативные эффекты неравенства результатов смягчаются за счет справедливых процедур (Trautmann, 2023); процедурная справедливость предполагает прозрачность критериев отбора проектов и однозначность процедур определения получателей поддержки, равномерность административных требований при получении доступа к ресурсам формирования человеческого капитала высокого уровня и возможностям его реализации в процессе интеллектуального труда;

- *принцип многоуровневой координации* демонстрирует, что управление многокритериальным интеллектуальным неравен-

ством требует согласованности регионального целеполагания с федеральными требованиями, а также взаимодействия власти, институтов образования, науки и бизнеса; межрегиональное интеллектуальное неравенство формируется в плоскостях пересечения политик нескольких сфер – образовательной, научно-технологической, промышленной, инвестиционной и цифровой, поэтому механизмы его сокращения должны включать вертикальную и горизонтальную координацию;

- *принцип адресности и оценимости мер* предполагает, что меры в составе механизма должны проектироваться не как универсальные и применимые ко всем территориям, а как дифференцированные по типам дефицитов, уровню развития и потенциалу конкретных территорий; одновременно адресность должна сочетаться с оценимостью, а именно для каждой меры необходимо заранее определить ожидаемые результаты, временные горизонты и способы мониторинга;

- *принцип фокуса на управляемых факторах* означает, что организационно-управленческий механизм должен быть сосредоточен прежде всего на выявленных на этапе анализа факторах интеллектуального неравенства, на которые региональная власть и иные органы управления интеллектуальным неравенством способны воздействовать;

- *принцип сочетания механизмов перераспределения и стимулирования развития* обеспечивает включение в организационно-экономический механизм выравнивающих и стимулирующих мероприятий в зависимости от принадлежности региона определенной группе по показателям, отражающим интеллектуальную компоненту труда.

Алгоритм управления интеллектуальным неравенством регионов представляет собой последовательность взаимосвязанных аналитических, оценочных, инструментальных процедур, направленных на формирование условий для капитализации способностей к интеллектуальному труду

и их реализации в процессе интеллектуального труда в региональной социально-экономической системе. Его применение предполагает переход от диагностики положения региона в структуре межрегиональных различий к выбору управленческих инструментов и последующей оценке результативности применяемых мер. Первые два диагностических этапа рассмотрены в предыдущем разделе данной статьи применительно к Пермскому краю. В общем виде на первом этапе осуществляется оценка положения региона по ключевым характеристикам интеллектуального труда: капитализации способностей к интеллектуальному труду и их реализации в процессе интеллектуальной занятости. Данный этап имеет диагностический характер, по результатам оценки регион может быть отнесен к одной из групп: регионы-лидеры, регионы-аутсайдеры либо регионы со средними значениями. Классификация позволяет определить степень разрыва и выбрать ориентиры последующего управленческого воздействия.

На втором этапе проводится оценка факторов интеллектуального неравенства в сравнении с показателями группы регионов-лидеров. Данный этап направлен на выявление причин отставания, ограничивающих формирование интеллектуального труда в регионе. В *таблице 2* рассмотрена динамика показателей Пермского края по данным факторам-условиям за анализируемый период.

Третий этап посвящен выбору методов и инструментов управления и носит проектно-инструментальный характер. Механизм базируется как на выравнивающих методах, так и на стимулирующих. Включение в организационно-управленческий механизм стимулирующих и выравнивающих мероприятий обусловлено содержанием принципа сочетания механик перераспределения и стимулирования. Стимулирующие мероприятия обеспечивают запуск механизмов саморазвития: проектных инициатив, поддержки высокотехнологичного

предпринимательства, поощрения межорганизационного сотрудничества, развития трансфера технологий и удержания в регионе высококвалифицированных кадров. В свою очередь выравнивающие мероприятия ориентированы на снижение структурных ограничений: расширение доступа к знаниям и компетенциям, развитие инновационной и цифровой инфраструктуры, обеспечение включенности в профессиональные и научно-технологические сети, усиление институциональной поддержки. Данные меры, исходя из достигнутых значений конкретного региона, которые были представлены в *таблице 2* и проанализированы нами ранее, конкретизированы в предлагаемом организационно-управленческом механизме сокращения интеллектуального неравенства в целях обеспечения технологической трансформации Пермского края (*рисунок*).

Самостоятельным элементом механизма выступает система мониторинга, ориентированная на регулярную оценку динамики интеллектуального неравенства, положения региона среди иных субъектов, степени достижения поставленных целей и результативности реализуемых мер. Данные действия осуществляются в рамках четвертого этапа организационно-управленческого механизма. Ее функционирование позволяет своевременно выявлять ограничения в доступе к интеллектуальным ресурсам, оценивать влияние проводимой политики на различные группы субъектов. При необходимости результаты оценки становятся основанием для корректировки региональных программ, перераспределения ресурсов и уточнения инструментов управленческого воздействия.

В результате реализации предложенных мероприятий предполагается сокращение вероятности усиления межрегионального интеллектуального неравенства на основе создания условий для экономического развития региона, обеспечивающих возможности для усложнения технологической структуры региональной экономики.

Рис. Организационно-управленческий механизм сокращения интеллектуального неравенства в целях обеспечения экономического развития Пермского края

Источник: составлено авторами.

Заключение

В условиях необходимости рассмотрения интеллектуального неравенства в качестве фактора, создающего барьеры для регионального экономического развития и усиливающего пространственную неоднородность социально-экономических систем, возрастает актуальность разработки стратегически ориентированной региональной политики, призванной сократить данные риски. Предложенный организационно-управленческий механизм ориентирован на системное управление пространственным развитием на основе создания в регионе возможностей для капитализации способностей к интеллектуальному труду и его реализации с целью сокращения уровня межрегионального интеллектуального неравенства и обеспечения экономического развития территории. Он включает совокупность целей, принципов, инструментов, применяемых субъектами управления для воздействия на управляемые объекты, направленные на формирование условий трансформации технологической структуры экономики региона. В результате диагностики текущего уровня межрегионального интеллектуального неравенства и оценки положения исследуемой территории относительно других регионов РФ определено, что Пермский край обладает потенциалом для наращивания показателей капитализации способностей к интеллектуальному труду и его эффективной реализации. На данный момент он существенно отстает от региона-лидера в РФ (г. Москва) и региона-лидера в ПФО (Нижегородская область), что определяет выбор дифференцированных мер управленческих воздействий. С учетом того что Пермский край относится к группе регионов со средними значениями по индексу капитализации способностей к интеллектуальному труду и индексу интеллектуальной занятости, имеет преимущественно индустриальный тип структуры экономики, повышается важность реализации стимулирующей политики, направленной на достижение стратегической цели «восходящего перехода» в группу регионов-лидеров по

двум показателям либо в группу лидеров по индексу интеллектуальной занятости с сохранением средних значений по второму индексу.

В связи с тем что в регионе наблюдаются ограничения по факторам, отражающим возможности формирования человеческого капитала высокого качества и привлекательность научно-образовательной среды относительно лидирующих регионов по показателю интеллектуального труда, в долгосрочной перспективе это будет создавать барьеры в рамках подготовки кадров для интеллектуально емких сфер занятости и препятствовать структурным изменениям экономики региона. Следовательно, именно данные факторы должны быть рассмотрены в качестве приоритетных при разработке мер управленческих воздействий.

В результате реализации предложенных мероприятий предполагается улучшение положения Пермского края и сокращение вероятности усиления межрегионального интеллектуального неравенства на основе создания условий для экономического развития, обеспечивающих возможности для усложнения технологической структуры региональной экономики.

Перспективы дальнейших исследований связаны с адаптацией разработанного организационно-управленческого механизма сокращения межрегионального интеллектуального неравенства к условиям других субъектов Российской Федерации. Универсальный характер диагностических этапов механизма и соответствующих процедур оценки позволяет рассматривать их как методическую основу для выявления специфики факторов интеллектуального неравенства в различных региональных системах. В свою очередь инструменты региональной политики, разрабатываемые по результатам диагностики, носят дифференцированный характер. Такой подход позволит обеспечить как сопоставимость результатов диагностики по регионам, так и адресность управленческих решений, направленных на стимулирование экономического развития территорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилкина С.В. (2021). Методология дифференциации регионов по динамике численности профессорско-преподавательского состава университетов // Экономический анализ: теория и практика. № 20 (9), С. 1731–1755. DOI: 10.24891/ea.20.9.1 731
- Акбердина В.В. (2020). Мультифункциональная роль индустриально развитых регионов в экономике страны // Journal of New Economy. Т. 21. № 3. С. 48–72. DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-3-3
- Алехин Б.И. (2021). Человеческий капитал и рост региональных экономик // Пространственная экономика. Т. 17. № 2. С. 57–80. DOI: 10.14530/se.2021.2.057-080
- Анимица Е.Г. (2020). Региональная экономика: курс лекций / под общ. ред. Я.П. Силина, Е.Г. Анимицы. М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Вольное экон. о-во России, Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та. 417 с.
- Антипин И.А., Шишкина Е.А. (2024). Стратегическое управление диспропорциями социально-экономического и пространственного развития регионов России // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 247. № 3. С. 179–201. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-247-3-179-201
- Архипова М.Ю., Сиротин В.П. (2019). Региональные аспекты развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий в России // Экономика региона. Т. 15. № 3. С. 670–683. DOI: 10.17059/2019-3-4
- Афонин С. Е., Осипов В. С. (2023). Региональные экономические диспропорции и устойчивость региональных экономических систем в условиях санкций 2022 г. // Управление. № 11 (4). С. 119–128. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-119-128
- Базуева Е.В., Степаненко В.А. (2025а). Интеллектуальный труд в контексте регионального экономического развития: концептуальные основы идентификации // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы: сб. науч. ст.: в 3 томах. Минск: БГУИР. Т. 3. С. 182–187.
- Базуева Е.В., Степаненко В.А. (2025b). Интеллектуальное неравенство как новая форма неравенства в условиях постиндустриальной экономики: сущность и предпосылки формирования // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. № 4. С. 354–367. DOI: 10.15593/2224-9354/2025.4.22
- Базуева Е.В., Буторина О.В., Степаненко В.А. (2023). Человеческий капитал и неравенство: новые управленческие вызовы для экономики регионов России // Проблемы развития территории. Т. 27. № 4. С. 33–52. DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.3
- Базуева Е.В., Дубровская Ю.В. (2021). Обоснование причин неэффективности системы институтов пространственного развития РФ в контексте параметров качества // Вестник Пермского университета. Серия Экономика. Т. 16. № 2. С. 150–167. DOI: 10.17072/1994-9960-2021-2-150-167
- Буфетова А.Н. (2024). О пространственной неоднородности и пространственной автокорреляции уровней экономической активности в регионах России // Регион: экономика и социология. № 4 (124). С. 3–33. DOI: 10.15372/REG20240401
- Бухвальд Е.М. (2025). Российский федерализм и новая стратегия пространственного развития // Проблемы развития территории. Т. 29. № 5. С. 32–43. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.2
- Гимпельсон В. (2016). Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. № 10. С. 129–143. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-10-129-143
- Груздева М.А. (2020). Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 5. С. 90–104. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.5
- Землянский Д.Ю., Медведникова Д.М. (2025). Взвешенное и невзвешенное межрегиональное неравенство в России в период действия основ государственной политики регионального развития 2017–2024 гг. // Региональные исследования. № 3 (89). С. 4–22. DOI: 10.5922/1994-5280-2025-3-1

- Зубаревич Н.В. (2019). Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. № 1. С. 135–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2024). Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке // Региональные исследования. № 1. С. 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1
- Изотова А.Г., Гаврилюк Е.С. (2023). Уровень цифровизации университета как один из ключевых факторов конкурентоспособности российских вузов в инновационной экономике // Вопросы инновационной экономики. Т. 13. № 1. С. 421–438. DOI: 10.18334/vines.13.1.117094
- Коломак Е.А. (2014). Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. № 4. С. 82–99. DOI: 10.14530/se.2014.4.082-099
- Коровин Г.Б. (2023). Сравнительная оценка цифровизации промышленных регионов РФ // Экономика региона. Т. 19. № 1. С. 60–74. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-5
- Кузнецова О.В. (2025). Стимулирование межрегионального сотрудничества в федеральной пространственной политике: проблемы и возможности // Проблемы развития территории. Т. 29. № 5. С. 44–57. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.3
- Лаврик А.Д. (2026). Снижение дифференциации экономического пространства регионов на основе цифровой трансформации: теоретико-методологические и практические аспекты // Проблемы развития территории. Т. 30. № 1. С. 90–107. DOI: 10.15838/ptd.2026.1.141.6
- Мариев О.С., Савин И.В. (2010). Факторы инновационной активности российских регионов: моделирование и эмпирический анализ // Экономика региона. № 3. С. 235–244.
- Нижегородцев Р.М. (2019). Поляризация экономического пространства России и парадигма устойчивого неравновесия макросистем // Инновационное развитие экономики. № 5 (53) Ч. 2. С. 7–13.
- Пономарева М.А. (2009). К вопросу о формировании организационно-экономического механизма управления устойчивым развитием региона // Terra economicus. Т. 7. № 2. С. 246–249.
- Сафиуллин М.Р., Гатауллина А.А., Ильдарханова А.К., Кузьмишин И.А. (2023). Кластеризация регионов Российской Федерации по уровню развития высшей школы и конкурентоспособности экономики // Университетское управление: практика и анализ. Т. 27. № 4. С. 23–42. DOI: 10.15826/umpra.2023.04.031
- Татаркин А.И., Татаркин Д.А. (2009). Саморазвивающиеся территориальные экономические системы. Диалектика формирования и функционирования // Экономика. Налоги. Право. № 5. С. 3–13.
- Усков В.С. (2024). Развитие цифровой экономики России: факторы и региональные различия // Проблемы развития территории. Т. 28. № 1. С. 28–41. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.3
- Хабарова О.В., Яковлева Е.В. (2024). Организационно-управленческий механизм развития регионального рынка труда специалистов в условиях цифровизации экономики // Экономика труда. Т. 11. № 11. С. 1735–1746. DOI: 10.18334/et.11.11.122089
- Шорохова И.С. (2024). Методический подход к оценке влияния эффектов концентрации на инновационное развитие регионов России // Проблемы развития территории. Т. 28. № 1. С. 42–60. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.4
- Charlot S., Crescenzi R., Musolesi A. (2015). Econometric modelling of the regional knowledge production function in Europe. *Journal of Economic Geography*, 15(6), 1227–1259. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeg/lbu035>
- Faggian A., Modrego F., McCann P. (2019). Human capital and regional development. In: *Handbook of Regional Growth and Development Theories*.
- Liu W.H., Ma R. (2018). Regional inequality of higher education resources in China. *Frontiers of Education in China*, 13(1), 119–151. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11516-018-0005-1>
- Nozick R. (1974). *Anarchy, State, and Utopia*. New York: Basic Books.

- Rawls J.A. (1999). *Theory of Justice (Revised ed.)*. Cambridge, MA: Harvard U.P.
- Sen A.K. (1992) *Inequality Reexamined*. Oxford: Clarendon Press.
- Trautmann S.T. (2023). Procedural fairness and equality of opportunity. *Journal of Economic Surveys*, 37(5), 1697–1714. DOI:10.1111/joes.12542
- Zemtsov S., Muradov A., Wade I., Barinova V. (2016). Determinants of regional innovation in Russia: Are people or capital more important? *Foresight and STI Governance*, 10(2), 29–42. DOI:10.17323/1995-459X.2016.2.29.42

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Влада Андреевна Степаненко – заместитель декана, преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» г. Пермь (Российская Федерация, 614070, г. Пермь, ул. Студенческая, д. 38; e-mail: vladakaz98@yandex.ru)

Елена Валерьевна Базуева – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15); ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а); e-mail: bazueva.l@mail.ru

Stepanenko V.A., Bazueva E.V.

MANAGING REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT BY REDUCING INTELLECTUAL INEQUALITY

Given the growing importance of treating intellectual inequality as a factor in the persistent spatial differentiation of socio-economic development across Russia's regions, this work examines the need to devise a governance mechanism capable of reducing the risks of its deepening and of creating conditions for a region's economic development. At present, this task is being addressed in a fragmented manner. The risks of intensifying intellectual inequality are not framed as a governance challenge in strategic planning documents, which undermines the effectiveness of the management measures applied. The aim of this study is to substantiate and develop an organizational-managerial mechanism for reducing intellectual inequality, designed to promote the economic development of the Perm Territory and to increase the technological complexity of its economy. It is established that this industrial region possesses the potential to improve its position in terms of capitalizing its intellectual labor capacities and their effective realization in the creation of intellectual goods and services. General scientific methods of analysis, synthesis, comparison, and statistical analysis were employed to achieve the stated aim. The proposed mechanism makes it possible both to diagnose interregional intellectual inequality and to assess the region's standing and the factors that influence it. Such an assessment serves as the basis for designing differentiated measures that enhance the prospects for the Perm Territory to converge with the leading regions on indicators of intellectual labor. In future research, the proposed organizational-managerial mechanism is expected to be adapted for other constituent entities of the Russian Federation – not only those with an industrial type of economic development, but also predominantly agrarian and agrarian-industrial regions.

Intellectual inequality, organizational-managerial mechanism, regional economic development, spatial differentiation, intellectual inequality factors.

REFERENCES

- Afonin S.E., Osipov V.S. (2023). Regional economic disproportions and the resilience of regional economic systems under the 2022 sanctions. *Upravlenie*, 11(4), 119–128. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-119-128 (in Russian).
- Akberdina V.V. (2020). The multifunctional role of industrially developed regions in the national economy. *Journal of New Economy*, 21(3), 48–72. DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-3-3 (in Russian).
- Alekhin B.I. (2021). Human capital and the growth of regional economies. *Prostranstvennaya ekonomika= Spatial Economics*, 17(2), 57–80. DOI: 10.14530/se.2021.2.057-080 (in Russian).
- Animitsa E.G. (2020). *Regional'naya ekonomika: kurs lektsii* [Regional Economics: A Course of Lectures]. Yekaterinburg: Ural State University of Economics (in Russian).
- Antipin I.A., Shishkina, E.A. (2024). Strategic management of disproportions in the socio-economic and spatial development of Russian regions. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 247(3), 179–201. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-247-3-179-201 (in Russian).
- Arkhipova M.Yu., Sirotin V.P. (2019). Regional aspects of the development of information-communication and digital technologies in Russia. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 15(3), 670–683. DOI: 10.17059/2019-3-4 (in Russian).
- Avilkina S.V. (2021). A methodology for differentiating regions by the dynamics of university faculty numbers. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 20(9), 1731–1755. DOI: 10.24891/ea.20.9.1731 (in Russian).
- Bazueva E.V., Butorina O.V., Stepanenko V.A. (2023). Human capital and inequality: New managerial challenges for Russia's regional economies. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 27(4), 33–52. DOI: 10.15838/ptd.2023.4.126.3 (in Russian).
- Bazueva E.V., Dubrovskaya J.V. (2021) Quality determinants based justification of the reasons for an inefficient system of the RF spatial development institutions. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Ekonomika= Perm University Herald. Economy*, 16(2), 150–167. DOI: 10.17072/1994-9960-2021-2-150-167 (in Russian).
- Bazueva E.V., Stepanenko V.A. (2025a). Intellectual labor in the context of regional economic development: conceptual foundations of identification. In: *Strategiya razvitiya ekonomiki Belarusi: vyzovy, instrumenty i perspektivy: sbornik nauchnykh statei, v 3 tomakh. T. 3* [The Strategy for the Development of the Economy of Belarus: Challenges, Tools and Prospects: Collection of Scientific Articles: In 3 Volumes. Vol. 3]. Minsk: BGUIR (in Russian).
- Bazueva E.V., Stepanenko V.A. (2025b). Intellectual inequality as a new form of inequality in the post-industrial economy: Essence and prerequisites of formation]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 4, 354–367. DOI: 10.15593/2224-9354/2025.4.22 (in Russian).
- Bufetova A.N. (2024). On spatial heterogeneity and spatial autocorrelation of levels of economic activity in Russian regions. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 4(124), 3–33. DOI: 10.15372/REG20240401 (in Russian).
- Bukhvald E.M. (2025). Russian federalism and a new spatial development strategy. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 29(5), 32–43. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.2 (in Russian).
- Charlot S., Crescenzi R., Musolesi A. (2015). Econometric modelling of the regional knowledge production function in Europe. *Journal of Economic Geography*, 15(6), 1227–1259. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeg/ibu035>
- Faggian A., Modrego F., McCann P. (2019). Human capital and regional development. In: *Handbook of Regional Growth and Development Theories*.
- Gimpelson V. (2016). Does the Russian economy need human capital? Ten doubts. *Voprosy ekonomiki*, 10, 129–143. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-10-129-143 (in Russian).

- Gruzdeva M.A. (2020). Inclusion of population in digital space: Global trends and inequality of Russian regions. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(5), 90–104. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.5 (in Russian).
- Izotova A.G., Gavriluk E.S. (2023). The level of university digitalization as one of the key factors of competitiveness of Russian universities in the innovation economy. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*, 13(1), 421–438. DOI: 10.18334/vinec.13.1.117094 (in Russian).
- Khabarova O.V., Yakovleva E.V. (2024). An organizational-managerial mechanism for developing the regional labor market for specialists under the digitalization of the economy. *Ekonomika truda*, 11(11), 1735–1746. DOI: 10.18334/et.11.11.122089 (in Russian).
- Kolomak E.A. (2014). Spatial concentration of economic activity in Russia. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 4, 82–99. DOI: 10.14530/se.2014.4.082-099 (in Russian).
- Korovin G.B. (2023). A comparative assessment of the digitalization of Russia's industrial regions. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 19(1), 60–74. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-1-5 (in Russian).
- Kuznetsova O.V. (2025). Stimulating interregional cooperation in federal spatial policy: Problems and opportunities. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 29(5), 44–57. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.3 (in Russian).
- Lavrik A.D. (2026). Reducing the differentiation of the economic space of regions based on digital transformation: Theoretical-methodological and practical aspects. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 30(1), 90–107. DOI: 10.15838/ptd.2026.1.141.6 (in Russian).
- Liu W.H., Ma R. (2018). Regional inequality of higher education resources in China. *Frontiers of Education in China*, 13(1), 119–151. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11516-018-0005-1>
- Mariev O.S., Savin I.V. (2010). Factors of innovation activity in Russian regions: Modeling and empirical analysis. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 3, 235–244 (in Russian).
- Nizhegorodtsev R.M. (2019). Polarization of Russia's economic space and the paradigm of sustainable disequilibrium of macro-systems. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*, 5(53), Part 2, 7–13 (in Russian).
- Nozick R. (1974). *Anarchy, State, and Utopia*. New York: Basic Books.
- Ponomareva M.A. (2009). On the formation of an organizational-economic mechanism for managing the sustainable development of a region. *Terra Economicus*, 7(2), 246–249 (in Russian).
- Rawls J.A. (1999). *Theory of Justice (Revised ed.)*. Cambridge, MA: Harvard U.P.
- Safullin M.R., Gataullina A.A., Ildarkhanova A.K., Kuzmishin I.A. (2023). Clustering of Russian Federation regions by the level of higher education development and economic competitiveness. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 27(4), 23–42. DOI: 10.15826/umpa.2023.04.031 (in Russian).
- Sen A.K. (1992) *Inequality Reexamined*. Oxford: Clarendon Press.
- Shorokhova I.S. (2024). A methodological approach to assessing the impact of concentration effects on the innovative development of Russian regions. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 28(1), 42–60. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.4 (in Russian).
- Tatarkin A.I., Tatarkin D.A. (2009). Self-developing territorial economic systems. the dialectics of formation and functioning. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 5, 3–13 (in Russian).
- Trautmann S.T. (2023). Procedural fairness and equality of opportunity. *Journal of Economic Surveys*, 37(5), 1697–1714. DOI:10.1111/joes.12542
- Uskov V.S. (2024). The development of Russia's digital economy: Factors and regional differences. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 28(1), 28–41. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.3 (in Russian).
- Zemlyansky D.Yu., Medvednikova D.M. (2025). Weighted and unweighted interregional inequality in Russia during the period of the state regional development policy framework, 2017–2024. *Regional'nye issledovaniya*, 3(89), 4–22. DOI: 10.5922/1994-5280-2025-3-1 (in Russian).

- Zemtsov S., Muradov A., Wade I., Barinova V. (2016). Determinants of regional innovation in Russia: Are people or capital more important? *Foresight and STI Governance*, 10(2), 29–42. DOI:10.17323/1995-459X.2016.2.29.42
- Zubarevich N.V. (2019). Spatial development strategy: priorities and instruments. *Voprosy ekonomiki*, 1, 135–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145 (in Russian).
- Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2024). Interregional inequality in Russia and post-Soviet countries in the 21st Century. *Regional'nye issledovaniya*, 1, 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vlada A. Stepanenko – deputy dean, lecturer, National Research University Higher School of Economics – Perm (38, Studencheskaya Street, Perm, 614070, Russian Federation; e-mail: vladakaz98@yandex.ru)

Elena V. Bazueva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor of department, Perm State National Research University (15, Bukirev Street, Perm, 614990, Russian Federation); Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation); e-mail: bazueva.l@mail.ru

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

ЭКОНОМИКА СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В МАЕ 2026 ГОДА: РОСТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СПРОСА НА ФОНЕ СПАДА ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.11 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

Вологодский научный центр РАН продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики СЗФО на фоне общероссийской динамики.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР FMGZ-2025-0012 «Структурно-технологическая трансформация региональной экономики в условиях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: мониторинг, регулирование и прогноз».

Крупнейшие экономики мира начали 2026 год с явным торможением и квартальные данные подтверждают устойчивость этого негативного тренда (табл. 1). Перекрытие Ормузского пролива вызвало рост цены на нефть и ухудшило перспективы мирового экономического роста. Всемирный банк исходит из предположения, что влияние конфликта будет ограниченным, и прогнозирует возврат темпов прироста мировой экономики к привычным в 2027 году после снижения на 0,3 п. п. в 2026

году (до 2,8 и 2,5% соответственно). Вместе с тем, в сравнении с предыдущим прогнозом, в июньском докладе Всемирного банка темпы роста крупнейших экономик пересчитаны в сторону фронтального ухудшения. Так, в странах с развитой экономикой прогнозируемое значение за 2026 год понизится на 0,3 п. п., а в странах с формирующимся рынком и в развивающихся экономиках прирост составит 3,6% в 2026 году (-0,6 п. п.) и 4,1% в 2027 году. Увеличение ВВП Китая в 2026 году также понизится, при этом в дальнейшем ожидается устойчивое замедление прироста до 4,2–4,3% из-за структурных проблем. Исключением на общем фоне выглядит экономика США, где прогнозируется сохранение темпов прироста на уровне 2,1–2,2%, однако в дальнейшем этот прогноз скорее всего также будет пересмотрен. Ожидаемое увеличение ВВП Индии в 2026 и 2027 гг. составит 6,6 и 7,2% соответственно, после 7,7% в 2025 году.

Согласно данным Росстата, российская экономика в I квартале 2026 года продемонстрировала снижение ВВП на 0,2% (годом ранее был отмечен прирост на 1,4%; рис. 1). Минэкономразвития оценило прирост ВВП в январе – мае 2026 года в 0,2%¹.

Для цитирования: Сидоров М.А., Лукин Е.В. (2026). Экономика Северо-Запада России в мае 2026 года: сохранение устойчивости на фоне усиливающегося давления // Проблемы развития территории. Т. 30. № 4. С. 183–198. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.11

For citation: Sidorov M.A. Lukin E.V. The economy of Northwest Russia in May 2026: Growth in consumer demand amid a decline in investment activity. *Problems of Territory's Development*, 30(4), 183–198. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.11

¹ Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) январь – май 2026 года сопоставляется с январем – маем 2025 года.

Таблица 1. Динамика развития мировой экономики, % к предыдущему году

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	I кв. 2026 г.	2026 г.	2027 г.
Мир	2,8	2,9	2,9	н/д	2,5	2,8
Развитые экономики	1,6	1,8	1,8	н/д	1,5	1,8
США	2,9	2,8	2,1	2,0	2,2	2,1
Зона евро	0,5	1,0	1,4	0,1	0,8	1,3
Япония	0,7	-0,2	1,1	0,5	0,7	0,9
Развивающиеся экономики	4,3	4,4	4,4	н/д	3,6	4,2
Вост. Азия и Тихоокеанский бассейн	5,2	5,0	5,0	н/д	4,2	4,4
Китай	5,4	5,0	5,0	5,0	4,2	4,3
Европа и Центр. Азия	3,6	3,9	2,5	н/д	2,1	2,3
Россия	4,1*	4,9*	1,0*	-0,2*	0,8	0,7
Латинская Америка и Карибский бассейн	2,3	2,3	2,3	н/д	2,2	2,5
Ближний Восток и Северная Африка	2,0	2,9	4,0	н/д	1,6	5,0
Южная Азия	6,6	6,8	7,0	н/д	6,3	6,9
Индия	7,2	7,1	7,7	1,8	6,6	7,2
Африка к югу от Сахары	3,0	3,8	4,1	н/д	4,0	4,4

* Данные Росстата.

Источник: Global Economic Prospects, June 2026. Washington: World Bank. 180 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-2315-2

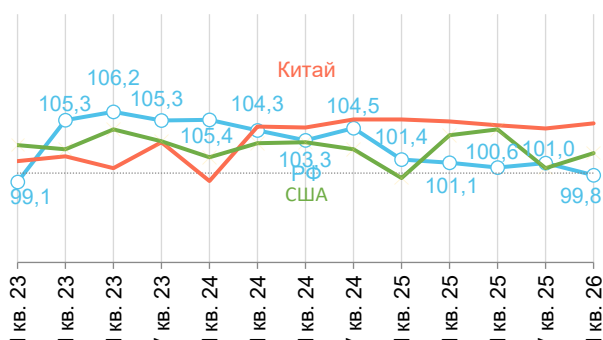
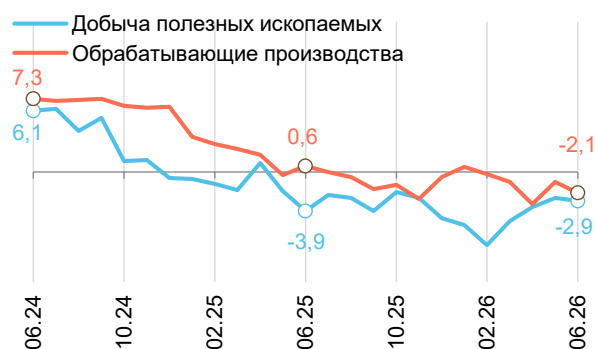

Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к соответствующему кварталу предыдущего года

Изменения индекса предпринимательской уверенности отражают затяжной характер негативных ожиданий предприятий страны: в июне 2026 года его уровень по обрабатывающей промышленности составил -2,1 (годом ранее - 0,6; рис. 2). Рост предпринимательской уверенности в добывающей промышленности (на 1 пункт, до -2,9) может объясняться удорожанием углеводорода. В сфере услуг индикатор во II квартале 2026 года снизился до 1 в сравнении с пятью годами ранее; в строительстве опустился на 5 п. п., при этом достигнув самого низкого уровня среди перечисленных (-14).

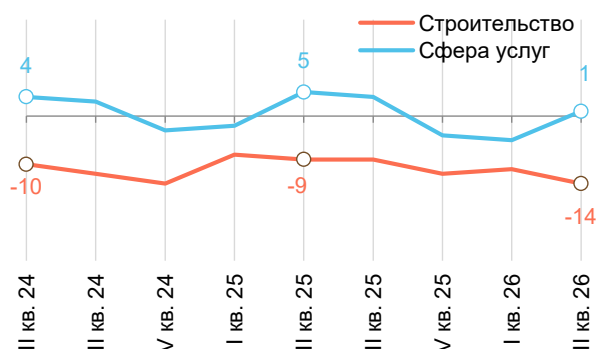

Рис. 2. Индекс предпринимательской уверенности, %

Рисунок 3. Прирост выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности* в январе – мае 2026 года по федеральным округам и регионам СЗФО, % к январю – маю 2025 года

* В состав базовых видов экономической деятельности входят растениеводство; животноводство; охота и предоставление услуг в этих областях; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; водоотведение; организация сбора и утилизации отходов; деятельность по ликвидации загрязнений; строительство; торговля оптовая, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; транспорт.

Примечание: в скобках указано изменение показателя в январе – мае 2025 года, % к январю – маю 2024 года.

1. Производство валового продукта в экономике Северо-Запада России

Выпуск товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в целом по СЗФО вырос на 1,4% (отметим, что федеральные округа страны сохранили направления динамики этого индикатора; *рис. 3*). Половина субъектов округа увеличила выпуск, лидерами стали Калининградская область и Санкт-Петербург (на 7,6 и 5,4% соответственно). В то же время в пяти регионах СЗФО отмечено существенное снижение выпуска товаров и услуг (4,3–6,1%).

✓ **Промышленность** СЗФО показала снижение производства на 0,4% на фоне аналогичного увеличения в целом по стране (годом ранее в этих территориях отмечался прирост на 0,5%; *табл. 2*). При этом аналитики ЦМАКП отмечают, что динамика выпуска гражданских производств (за вычетом нефтяной промышленности) после полугодового снижения балансирует между стагнацией и дальнейшим уменьшением². В половине субъектов округа выпуск промышленности сократился, при этом в Ленинградской и Мурманской областях, а также Республике Коми спад составил 9,2; 4,3 и 4% соответственно. Позитивное вли-

Таблица 2. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	5 мес. 2024 г.	5 мес. 2025 г.	5 мес. 2026 г.	р*
Промышленность в целом				
Российская Федерация	106,0	100,5	100,4	-
Северо-Западный ФО	108,0	100,5	99,6	7
Псковская область	116,4	101,6	114,5	2
Калининградская область	106,1	99,6	112,3	5
Новгородская область	106,1	104,4	106,5	20
Санкт-Петербург	114,0	107,5	103,2	33
Ненецкий авт. округ	99,2	90,4	101,8	41
Республика Карелия	100,1	95,6	97,7	58
Вологодская область	103,8	103,2	97,4	59
Архангельская область	113,9	92,0	97,1	62
Республика Коми	103,1	95,1	96,0	66
Мурманская область	103,3	90,0	95,7	69
Ленинградская область	109,0	100,7	90,8	80
Добыча полезных ископаемых				
Российская Федерация	100,2	96,9	99,8	-
Северо-Западный ФО	101,3	93,0	101,9	7
Калининградская область	101,1	91,1	292,8	1
Архангельская область	116,0	74,7	115,1	5
Новгородская область	84,2	87,2	111,2	10
Псковская область	101,8	91,0	107,5	17

² О динамике промышленного производства. Май 2026 г. // ЦМАКП. URL: <https://disk.360.yandex.ru/i/ZW7NVRaYeU3Bhg> (дата обращения: 17.07.2026).

Территория	5 мес. 2024 г.	5 мес. 2025 г.	5 мес. 2026 г.	Р*
Санкт-Петербург	169,1	85,4	106,7	20
Ленинградская область	89,3	98,4	103,7	29
Ненецкий авт. округ	99,0	90,2	102,4	35
Российская Федерация	99,0	90,2	102,4	35
Республика Карелия	96,6	102,4	101,7	37
Вологодская область	95,7	101,4	98,2	43
Мурманская область	97,0	103,9	97,3	45
Республика Коми	103,0	93,8	96,0	49
Обработывающие производства				
Российская Федерация	110,4	103,6	100,3	-
Северо-Западный ФО	110,0	103,3	98,9	4
Псковская область	114,5	106,4	114,9	5
Калининградская область	107,1	99,1	107,2	17
Новгородская область	106,0	104,7	107,0	19
Республика Карелия	101,3	90,0	97,5	50
Вологодская область	104,2	103,5	97,4	51
Республика Коми	103,7	100,6	95,7	61
Архангельская область	115,2	94,6	94,9	62
Мурманская область	105,4	82,7	94,1	66
Ленинградская область	107,5	100,5	88,2	80
Ненецкий авт. округ	122,3	129,1	57,0	84
* Здесь и далее показан ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – мае 2026 года (если не оговорено иное), без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.				

яние на обобщающее значение показателя по макрорегиону оказал прирост производства продукции промышленности в ряде регионов, в наибольшей степени в Псковской и Калининградской областях (14,5 и 12,3% соответственно).

⬆️ **Добыча полезных ископаемых** в СЗФО возобновила рост, показав увеличение на 1,9%, после спада на 7% годом ранее. В целом по стране зафиксировано сохранение негативной динамики – выпуск продукции этой отрасли снизился на 0,2%, годом ранее – на 3,1%. В Калининградской области выпуск продукции вырос в 2,9 раза, что стало луч-

шим результатом в стране, в Архангельской и Новгородской областях – на 15,1 и 11,2% соответственно. В то же время в Республике Коми, Мурманской и Вологодской областях отмечено уменьшение добычи полезных ископаемых на 4; 2,7 и 1,8% соответственно. Отсутствие данных по добыче нефти и газа³ усложняет понимание ситуации в отрасли, однако по суммарному индексу добычи можно предположить, что их выпуск увеличился, так как доля нефти и газа в общем объеме ресурсов СЗФО составляет порядка 60%, а извлечение угля и металлических руд снизилось на 30,8 и 3,9% соответственно (рис. 4).

✔️ **Обработывающая промышленность** СЗФО сократила производство продукции на 1,1% на фоне увеличения выпуска отрасли в целом по РФ на 0,3%. Это снижение было обусловлено негативной динамикой показателя в большинстве регионов, среди которых наибольший спад продемонстрировали Ненецкий автономный округ и Ленинградская область (43 и 11,8% соответственно). При этом в трех субъектах округа – Псковской, Калининградской и Новгородской областях – выпуск отрасли увеличился на 14,9; 7,2 и 7% соответственно.

В отраслевой динамике производства продукции обрабатывающей промышленности СЗФО наблюдаются в основном неблагоприятные изменения.

✔️ Отрасли **сектора обрабатывающей промышленности промежуточного спроса** СЗФО уменьшили выпуск продукции. Так, производство кокса и нефтепродуктов сократилось на 30,9%, химических продуктов и металлопроката – на 7,1 и 4,9% соответственно. Примечательно, что значение показателя в деревообрабатывающей индустрии выросло на 73,8%. По оценке Росстата, индекс физического объема производства деревообработки в Санкт-Петербурге и Калининградской области составил 237 и 200% соответственно, в Республике Карелии – 137%.

³ Росстат перестал публиковать данные по добыче нефти // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/04/2023/64492a769a794789b8b0feec> (дата обращения: 20.07.2026).

Рисунок 4. Прирост объемов промышленного производства СЗФО в январе – мае 2026 года, % к январю – маю 2025 года

Примечание: в скобках указано изменение показателя в январе – мае 2025 года, % к январю – маю 2024 года.

В феврале 2026 года группа компаний «Свеза» (Санкт-Петербург) начала выпуск ламинированной фанеры увеличенной толщины до 55 мм, которая используется в производстве высоконагруженных виброподдонов. Для реализации проекта сотрудники предприятия силами технической службы модернизировали пресс ламинирования. По прогнозам, годовой объем производства фанеры для виброподдонов может составить до 1,5 тыс. куб. м⁴.

Новый собственник завода Henkel в Тосно (Ленинградская область) LAB Industries вложил 450 млн рублей в запуск линии по выпуску монтажных пен. Максимальная проектная мощность нового производ-

ства составляет до 10 млн баллонов в год. Пока что выпускать удастся около 200 тыс. баллонов в месяц. С запуском предприятия созданы 20 дополнительных рабочих мест. Компания выпускает монтажные пены на основе собственных рецептур под торговыми марками «Макрофлекс», «Церезит», «Момент», «Экон»⁵.

➡ Большинство отраслей **сектора обрабатывающей промышленности конечного спроса** СЗФО продемонстрировали рост производства продукции. Так, существенно увеличился выпуск резиновых и пластмассовых изделий на 31,7%, готовых металлических изделий – на 24,9%, лекарственных

⁴ «Свеза» разработала уникальную фанеру для виброподдонов // Свеза. URL: <https://sveza.ru/press-center/news/sveza-razrabotala-unikalnuyu-faneru-dlya-vibropoddonov/> (дата обращения: 14.07.2026).

⁵ LAB Industries гнет свою линию // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8691692> (дата обращения: 14.07.2026).

средств и материалов – на 17,7%, прочих готовых изделий – на 39,2%. При этом в значительной мере сократилось производство текстильных изделий и мебели на 18,4 и 16,6% соответственно, кожаных изделий – на 8,1% (после прироста на 45,3% в предыдущем году), одежды и напитков – на 4,6 и 2,7% соответственно.

✓ В отраслях **сектора обрабатывающей промышленности инвестиционного спроса** СЗФО динамика выпуска продукции была негативной: в производстве транспортных средств и оборудования спад составил 41,8%; компьютеров, электронных и оптических изделий – 19,9% (годом ранее был отмечен прирост на 36,6%). Выпуск автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов, а также машин и оборудования сократился на 16,3 и 4,6% соответственно, производство неметаллической минеральной продукции – на 4,1%. В то же время на 7,8% увеличился выпуск отрасли «Ремонт и монтаж машин и оборудования».

В Псковской области в особой экономической зоне «Моглино» стартовало новое производство – ООО «АКСИ ТЕХ». Завод будет специализироваться на выпуске промышленных трубопроводов, оборудования для газовой, атомной и нефтехимической отраслей, а также прочих металлоконструкций. Компания выбрала площадку в Псковской области благодаря выгодным условиям, предоставляемым ОЭЗ⁶.

В особой экономической зоне «Моглино» в ближайшее время появится еще одно предприятие. На нем планируется производить кожушки зубчатой передачи локо-

мотивов из композиционных материалов. Они более легкие и, в то же время, более прочные по сравнению с металлическими аналогами. Сумма инвестиций составит около 350 млн руб. На предприятии будет создано 105 рабочих мест⁷.

ООО «Тосно» (ранее – ООО «Катерпиллар Тосно») запустило производство экскаваторов-погрузчиков. В 2026 году завод должен произвести 300 машин (они уже все законтрактованы). Инвестиции в проект на сегодняшний день составили примерно 500 млн руб.⁸

Группа «Эталон» запустила завод префабрицированной продукции на территории технопарка «Горелово». Производственный объект площадью 10 тыс. кв. м рассчитан на выпуск более 700 комплектов готовых конструктивных элементов домов в месяц. В дальнейшем этот объем можно будет увеличить почти в три раза – до двух тысяч изделий в месяц. Изначально инвестиции в проект оценивались примерно в 1 млрд рублей, однако впоследствии их объем вырос до 2,8 млрд рублей⁹.

▲ **Сельское хозяйство** в СЗФО в I квартале 2026 года увеличило выпуск продукции в большей степени, чем в целом по стране – на 4,7 и 0,2% соответственно, что стало самым высоким значением среди остальных федеральных округов (табл. 3). Так, в Калининградской и Псковской областях производство сельскохозяйственной продукции выросло на 7,8 и 7,5%, в Вологодской и Ленинградской областях – на 5,6 и 5,4%. В то же время в ряде субъектов округа за-

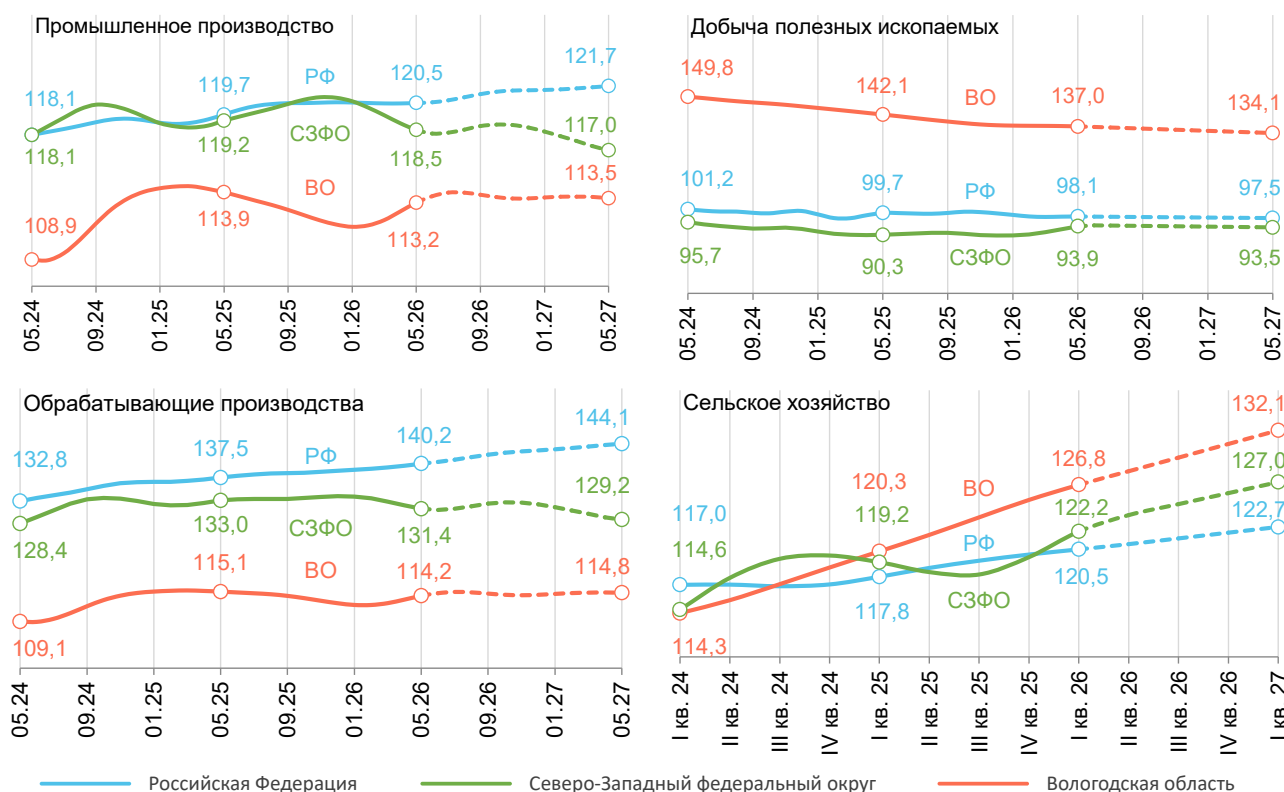
⁶ В Псковской области начнет работу завод по производству металлоконструкций и промышленных трубопроводов // Московский комсомолец. Псков. URL: <https://www.mk-pskov.ru/economics/2026/01/28/v-pskovskoy-oblasti-nachnyot-rabotu-zavod-po-proizvodstvu-metallokonstrukciy-i-promyshlennykh-truboprovodov.html> (дата обращения: 14.07.2026).

⁷ Предприятие по производству композитных изделий откроется в Моглино // ГТПК «Псков». URL: <https://gtrkpskov.ru/news-feed/vesti-pskov/43555-predpriyatie-po-proizvodstvu-kompozitnykh-izdelij-otkroetsya-v-mogolino.html> (дата обращения: 14.07.2026).

⁸ Бывший завод Caterpillar в Ленинградской области возобновил производство // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/1084111> (дата обращения: 14.07.2026).

⁹ Группа «Эталон» запустила в Петербурге завод префаб-продукции // Фонтанка.ру. URL: <https://www.fontanka.ru/2026/04/10/76359606/> (дата обращения: 14.07.2026).

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2024–2027 гг., % к уровню 2018 года

фиксировано снижение выпуска отрасли – в Мурманской области оно составило почти половину от уровня прошлого года.

Таблица 3. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	3 мес. 2024 г.	3 мес. 2025 г.	3 мес. 2026 г.	Р*
Российская Федерация	101,5	100,6	100,2	-
Северо-Западный ФО	103,6	104,7	104,7	1
Калининградская область	106,5	91,2	107,8	5
Псковская область	121,9	114,1	107,5	6
Вологодская область	97,9	105,4	105,6	10
Ленинградская область	99,6	101,5	105,4	12
Республика Карелия	96,3	95,5	100,7	38
Архангельская область	104,7	104,1	100,6	39
Ненецкий авт. округ	96,1	94,8	98,6	48
Республика Коми	97,4	107,7	97,7	51
Новгородская область	87,4	113,9	96,7	58
Мурманская область	112,4	81,7	50,5	83

* По индикатору «Динамика производства продукции сельского хозяйства» приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе–марте 2026 года, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Показатели **рынка труда** демонстрировали усиление напряженности.

Уровень безработицы в СЗФО марте – мае 2026 года снизился на 0,1 п. п., до 1,9% (в целом по России – остался на уровне прошлого года; табл. 4). Снижение показателя отмечено в большинстве субъектов округа, при этом в Новгородской области оно достигло уровня 0,7%, что стало лучшим результатом в стране. При этом в Санкт-Петербурге, Мурманской и Ленинградской областях, а также в Республике Карелии уровень безработицы по сравнению с прошлым годом не изменился.

✓ Объем заявленной в службы занятости **потребности работодателей в работниках** в большинстве субъектов СЗФО, как и в целом по РФ, снизился на 2,7 и 4,7% соответственно. В частности, отмечено существенное сокращение числа зарегистрированных вакансий в Ненецком автономном округе и Псковской области (на 18 и 9,8%), а также в Архангельской, Вологодской и Новгородской областях (в диапазоне 8,9–8,7%). Важное значение на обобщающий показатель индикатора по СЗФО оказало

**Таблица 4. Динамика рынка труда,
% к соответствующему периоду
предыдущего года**

Территория	Март – май 2024 г.	Март – май 2025 г.	Март – май 2026 г.	Р*
Уровень безработицы, % от численности занятых				
Российская Федерация	2,6	2,2	2,2	-
Северо-Западный ФО	2,2	2,0	1,9	4
Новгородская область	1,5	1,1	0,7	1
Псковская область	2,3	2,2	1,3	11
Вологодская область	3,1	1,9	1,5	20
Санкт-Петербург	1,5	1,5	1,5	21
Калининградская обл.	2,7	1,9	1,7	33
Архангельская область	2,1	2,3	2,1	57
Мурманская область	2,8	2,4	2,4	62
Ленинградская область	2,8	2,8	2,8	69
Республика Карелия	4,2	2,9	2,9	72
Ненецкий авт. округ	5,4	3,7	3,1	73
Республика Коми	3,6	3,4	3,1	74
Территория	3 мес. 2024 г.	3 мес. 2025 г.	3 мес. 2026 г.	Р*
Потребность работодателей в работниках				
Российская Федерация	118,4	107,5	95,3	-
Северо-Западный ФО	115,8	108,7	97,3	4
Республика Карелия	115,6	95,9	107,7	12
Калининградская обл.	115,8	107,1	102,1	23
Ленинградская область	126,1	120,5	101,9	25
Мурманская область	105,5	90,0	97,6	29
Санкт-Петербург	112,7	110,1	97,1	30
Республика Коми	115,5	100,2	94,8	41
Новгородская область	129,0	111,4	91,3	55
Вологодская область	130,0	113,6	91,2	57
Архангельская область	122,1	97,1	91,1	58
Псковская область	115,6	119,0	90,2	60
Ненецкий авт. округ	103,9	114,4	82,0	84

* По индикатору «Уровень безработицы» приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в марте – мае 2026 года, по индикатору «Потребность работодателей в работниках» – в январе – марте 2026 года без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

ухудшение динамики Санкт-Петербурга на 2,9%. Исключением из общей картины стали Республика Карелия, а также Калининградская и Ленинградская области, показавшие прирост заявленной потребность работодателей в работниках на 7,7; 2,1 и 1,9% соответственно.

2. Образование доходов

Рост доходов бюджета и населения происходил на фоне существенного снижения предпринимательских доходов.

▲ **Реальные денежные доходы** населения СЗФО и России увеличились на 3,6 и 2,6% соответственно (табл. 5). Рост этого показателя отмечен почти во всех субъектах округа, кроме Ненецкого автономного округа, где доходы населения остались на уровне прошлого года. При этом локомотивами динамики по макрорегиону во многом стали Санкт-Петербург и Вологодская область, где изменение составило 4,5%.

**Таблица 5. Динамика образования доходов
населения, % к соответствующему периоду
предыдущего года**

Территория	3 мес. 2024 г.	3 мес. 2025 г.	3 мес. 2026 г.	Р*
Реальные денежные доходы населения				
Российская Федерация	108,0	108,3	102,6	-
Северо-Западный ФО	111,9	108,6	103,6	3
Вологодская область	106,8	106,8	104,5	18
Санкт-Петербург	114,1	109,2	104,5	18
Новгородская область	113,4	107,2	103,7	27
Архангельская область	106,1	106,5	103,4	34
Республика Карелия	102,4	110,3	102,9	42
Ленинградская область	120,1	111,8	102,9	42
Калининградская область	108,7	109,7	102,2	55
Псковская область	114,6	111,0	102,1	58
Мурманская область	102,7	102,4	101,3	71
Республика Коми	104,8	102,4	100,4	79
Ненецкий авт. округ	112,2	107,9	100,0	84
Реальная начисленная заработная плата				
Российская Федерация	111,0	103,4	108,7	-
Северо-Западный ФО	108,1	102,6	105,6	5
Новгородская область	111,1	106,3	107,7	24
Санкт-Петербург	107,1	101,9	106,3	36
Архангельская область	104,6	102,7	105,4	43
Мурманская область	109,5	98,4	105,4	43
Вологодская область	111,1	100,9	105,1	48
Калининградская область	108,0	106,3	105,1	48
Псковская область	113,8	108,3	104,8	52
Республика Карелия	107,0	98,1	104,1	61
Республика Коми	104,3	101,0	103,5	69
Ленинградская область	113,5	107,1	103,1	71
Ненецкий авт. округ	106,3	101,3	100,8	81

* По индикаторам «Реальные денежные доходы населения» и «Реальная начисленная заработная плата» приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в марте – мае 2026 года, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

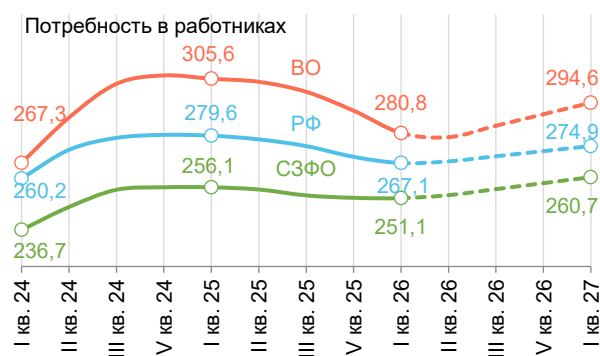
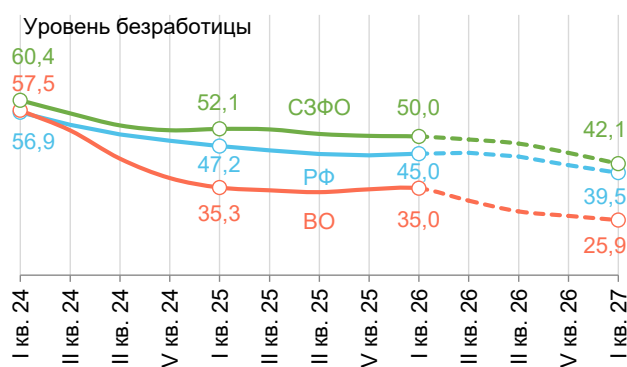
▲ **Реальная начисленная заработная плата** в СЗФО увеличилась на 5,6%, зарплаты россиян в то же время выросли на 8,7%. Данный показатель во многом определяет динамику реальных денежных доходов населения при одновременном снижении роли таких компонентов, как доходы от собственности и проценты по вкладам. Позитивная динамика заработных плат прослеживается во всех регионах субъектах округа, однако ни в одном из них не зафиксировано улучшение, соразмерное с темпом страны. Лидерами СЗФО по увеличению реальных начисленных заработных плат стали Новгородская область и Санкт-Петербург (7,7 и 6,3% соответственно).

▲ **Реальные доходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда** в СЗФО увеличились на 1,5% (табл. 6). Среди субъектов округа динамика была разнонаправленной. Отмечены как существенное увеличение доходов бюджета (в частности, в Мурманской и Новгородской областях на 17,4 и 14,7% соответственно), так и глубокий спад (в Ненецком автономном округе и Вологодской области он составил 17,9 и 13,9% соответственно). Объем налогов на доходы физических лиц в макрорегионе вырос на 10,4%. Данное явление отмечено во всех субъектах округа, в частности в Новгородской области увеличение индикатора составило 19,8%. Поступление налогов на доходы от предпринимательской деятельности в СЗФО уменьшилось на 4,5%, при этом худшее значение по данному показателю продемонстрировала Вологодская область, где налоги на прибыль организаций сократились втрое. Объем поступлений от реализации подакцизных товаров по макрорегиону уменьшился на 0,8%. В целом по России реальные доходы консолидированного бюджета увеличились на 0,1%, объем налогов на доходы физических лиц на уровне стране вырос на 8,8%, поступления от реализации подакцизных товаров – на 0,5%. Поступления налогов на доходы от предпринимательской деятельности снизились на 5,5%.

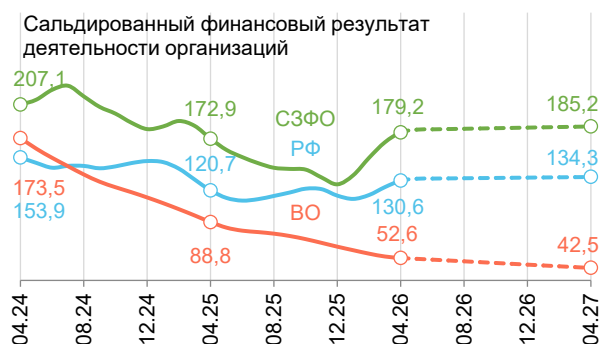
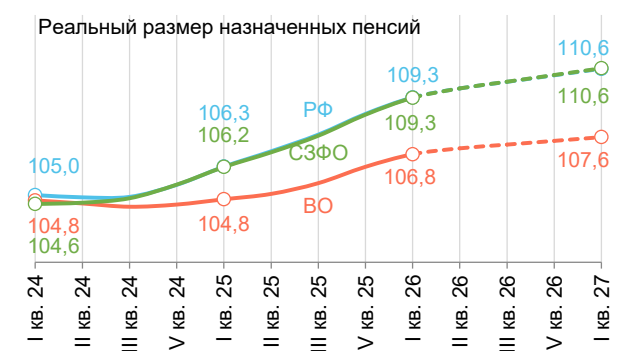
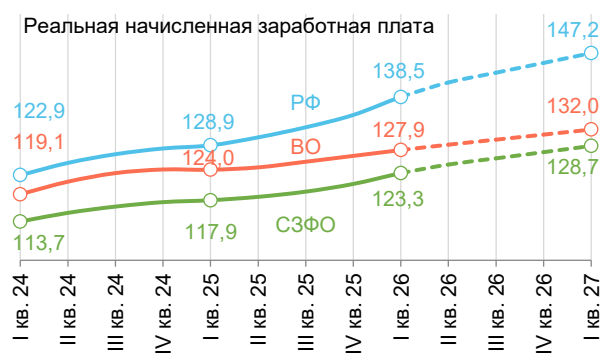
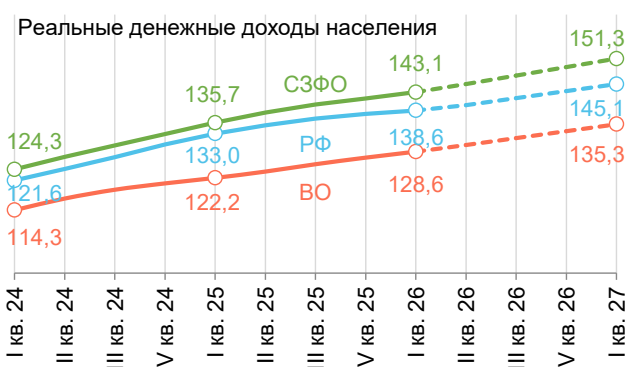
Таблица 6. Динамика образования предпринимательских и государственных доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	5 мес. 2024 г.	5 мес. 2025 г.	5 мес. 2026 г.
Доходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда			
Российская Федерация	100,4	99,4	100,1
Северо-Западный ФО	98,5	94,9	101,5
Мурманская область	81,7	100,6	117,4
Новгородская область	86,5	88,6	114,7
Псковская область	99,7	88,9	110,3
Республика Коми	95,5	85,5	102,5
Санкт-Петербург	102,2	97,0	102,1
Республика Карелия	85,8	90,5	101,5
Калининградская область	109,6	98,7	99,8
Ленинградская область	94,7	100,6	98,2
Архангельская область	103,5	89,0	97,9
Вологодская область	92,8	84,1	86,1
Ненецкий авт. округ	122,1	89,5	82,1
Территория	3 мес. 2024 г.	3 мес. 2025 г.	3 мес. 2026 г.
Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет РФ			
Российская Федерация	93,3	103,3	94,5
Северо-Западный ФО	82,0	98,2	121,0
Мурманская область	48,0	137,6	170,6
Санкт-Петербург	105,1	93,6	139,0
Новгородская область	43,4	121,7	132,9
Вологодская область	83,1	60,4	121,3
Псковская область	121,1	107,2	119,9
Калининградская область	106,8	163,8	118,0
Ленинградская область	128,6	108,9	107,8
Архангельская область	56,2	112,8	103,5
Республика Карелия	135,4	92,4	88,8
Республика Коми	34,6	96,0	63,0
Ненецкий авт. округ	31,6	101,4	30,9
Территория	4 мес. 2024 г.	4 мес. 2025 г.	4 мес. 2026 г.
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций			
Российская Федерация	103,4	89,0	84,9
Северо-Западный ФО	88,0	120,5	92,6
Ненецкий авт. округ	-	15,7	204,1
Санкт-Петербург	66,5	186,1	123,3
Псковская область	92,7	75,9	103,1
Ленинградская область	117,8	85,1	74,1
Калининградская область	81,4	925,2	51,8
Республика Коми	127,4	104,2	41,8
Архангельская область	113,3	114,3	4,5
Республика Карелия	260,8	48,1	-
Вологодская область	159,3	35,5	-
Мурманская область	14,9	-	-
Новгородская область	-	106,8	-

Тренды развития рынка труда в 2024–2027 гг., % к уровню 2018 года

Тренды образования доходов в экономике в 2023–2027 гг., % к уровню 2018 года

— Российская Федерация — Северо-Западный федеральный округ — Вологодская область

▲ **Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет** из регионов СЗФО в I квартале 2026 года выросло на 21% (в целом по стране снизилось на 5,5%). Значение индикатора увеличилось в большинстве субъектов округа, в том числе в Мурманской области, Санкт-Петербурге и Новгородской области оно составило 70,6; 39 и 32,9% соответственно. В то же время в Ненецком автономном округе, а также в республиках Карелия и Коми поступление налогов сократилось на 69,1; 37 и 11,2% соответственно.

▼ **Сальдированный финансовый результат** организаций СЗФО и России в январе – апреле 2026 года продемонстрировал снижение в реальном выражении на 7,4 и 15,1% соответственно. Ухудшение финансовой ситуации отмечено на предприятиях почти всех субъектов округа, при этом в Новгородской, Мурманской и Вологодской областях, а также в Республике Карелии значение показателя было отрицательным. Исключением стали Ненецкий автономный округ, Санкт-Петербург и Псковская область, показавшие прирост сальдированного финансового ре-

зультата организаций на 104,1; 23,3 и 3,1% соответственно.

3. Конечное использование

Потребительский спрос выступил в качестве основного позитивного фактора экономической динамики. Ожидание устойчивого роста потребительского спроса отчасти объясняется постепенным снижением склонности населения к сбережениям¹⁰.

➤ **Оборот розничной торговли** в СЗФО увеличился на 6,3% (в целом по стране – на 5%; табл. 7). Прирост розничной торговли продовольственными товарами в России составил 2,8%, непродовольственными – 7,2%. В СЗФО оборот торговли непродовольственными товарами вырос на 7,5%. Лидерами в макрорегионе по приросту оборота розничной торговли непродовольственными товарами стали Вологодская область и Санкт-Петербург – на 11,4 и 10,1% соответственно. Оборот торговли продовольственными товарами в СЗФО вырос на 4,8%, в наибольшей степени в Новгородской области (на 8,6%).

Таблица 7. Динамика развития потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	5 мес. 2024 г.	5 мес. 2025 г.	5 мес. 2026 г.	Р
Оборот розничной торговли				
Российская Федерация	110,5	103,0	105,0	-
Северо-Западный ФО	109,4	103,9	106,3	3
Санкт-Петербург	111,1	105,5	108,6	15
Новгородская область	106,2	107,3	107,8	20
Вологодская область	108,1	107,9	106,9	26
Калининградская область	114,1	107,0	104,9	48
Мурманская область	101,7	100,4	103,9	60
Ленинградская область	110,4	99,6	103,0	65
Архангельская область	100,6	95,7	102,8	67
Псковская область	112,0	102,6	102,3	71
Республика Коми	108,2	103,7	102,2	72
Республика Карелия	104,5	103,2	101,5	76
Ненецкий авт. округ	103,9	100,1	101,4	78
Объем платных услуг населению				
Российская Федерация	105,2	102,2	102,7	-
Северо-Западный ФО	103,3	102,2	103,3	4
Ленинградская область	111,9	103,1	107,6	7
Калининградская область	110,4	103,1	105,7	15
Псковская область	103,0	101,7	103,6	32

Архангельская область	104,8	98,5	103,4	39
Санкт-Петербург	101,2	103,8	103,3	40
Вологодская область	102,5	98,0	102,6	48
Ненецкий авт. округ	103,3	98,8	102,3	52
Республика Карелия	104,7	100,7	100,9	71
Новгородская область	100,6	100,1	100,4	75
Мурманская область	101,4	99,8	99,0	80
Республика Коми	105,2	94,8	97,7	82

Индекс потребительских цен
(к декабрю предыдущего года)

Российская Федерация	103,2	103,6	103,3	-
Северо-Западный ФО	103,3	104,0	103,4	7
Республика Карелия	103,3	104,3	102,6	16
Мурманская область	104,0	105,0	103,0	32
Калининградская область	103,5	105,2	103,1	42
Псковская область	103,0	104,5	103,1	42
Ленинградская область	103,5	104,0	103,3	51
Новгородская область	102,8	104,0	103,4	55
Вологодская область	102,6	104,4	103,5	58
Санкт-Петербург	103,3	103,6	103,6	64
Республика Коми	103,4	103,8	103,8	77
Архангельская область	102,8	103,5	103,8	77
Ненецкий авт. округ	104,2	105,8	103,9	79

Индекс цен производителей промышленных товаров
(к декабрю предыдущего года)

Российская Федерация	105,4	97,3	109,8	-
Северо-Западный ФО	105,3	100,2	108,7	5
Ленинградская область	105,2	101,9	98,2	5
Республика Карелия	109,8	104,0	100,0	11
Вологодская область	103,3	99,4	100,2	12
Архангельская область	106,2	105,9	101,2	28
Новгородская область	101,6	103,6	102,3	40
Калининградская область	99,6	101,1	103,2	48
Псковская область	106,5	103,7	103,3	49
Санкт-Петербург	103,6	111,4	104,5	58
Мурманская область	103,2	101,3	105,9	64
Республика Коми	110,0	89,6	137,7	82
Ненецкий авт. округ	109,7	71,7	195,0	85

➤ Объем **платных услуг**, оказанных населению СЗФО, увеличился на 3,3% (в целом по стране – на 2,7%). Прирост значений этого показателя отмечен почти во всех субъектах округа. Лидерами стали Ленинградская и Калининградская области – 7,6 и 5,7%. Исключением стали Республика Коми и Мурманская область, где объем оказанных населению платных услуг снизился на 2,3 и 1% соответственно.

¹⁰ Квартальный прогноз ВВП. Выпуск 70. Июнь 2026 г. // ИНП РАН. URL: <https://ecfor.ru/publication/kvartalnyi-prognoz-vvp-vypusk-70/> (дата обращения: 17.07.2026).

✓ **Потребительская инфляция** в СЗФО была близка к среднестрановому уровню (3,4 и 3,3% соответственно). Цены на продовольственные товары по федеральному округу поднялись на 1,5% (в целом по России – на 2,1%). Цены на непродовольственные товары выросли на 2,1 и 1,8% соответственно в макрорегионе и в стране, при этом по «ядру» монетарной инфляции (удорожанию непродовольственных товаров без учета нефтепродуктов и сигарет) роста цен практически не произошло¹¹. Потребительские цены на услуги в макрорегионе и стране выросли на 7,5 и 6,7% соответственно. Тарифы ЖКХ в СЗФО и России увеличились на 2,8 и 2,9% соответственно.

✓ **Цены производителей промышленных товаров** в СЗФО и России продемонстрировали увеличение на 8,7 и 9,8% соответственно. Зафиксировано резкое удорожание продукции промышленности Ненецкого автономного округа и Республики Коми на 95 и 37,7% соответственно. В остальных субъектах округа цены на продукцию этой отрасли также увеличились. Исключением стала Ленинградская область, где отмечено снижение значения показателя на 1,8%, а также Республика Карелия, где оно осталось на уровне прошлого года.

✓ В **строительстве** СЗФО объем выполненных работ снизился на 10%, в России значение сократилось на 7,4% (табл. 8). Среди субъектов округа прирост продемонстрировала только Мурманская область (на 59,4%, чему предшествовал спад на 54,7% годом ранее). В остальных регионах округа объем строительства сократился, при этом в половине из них ухудшение было в диапазоне от 45,7 до 24,2%.

✓ **Ввод жилья** в СЗФО продемонстрировал более глубокое снижение в сравнении с Россией (29,4 и 21,7% соответственно), что обусловлено негативной динамикой во всех регионах округа. При этом в Санкт-Петербурге спад составил 56,6%, что стало одним из худших изменений показателя в стране.

Таблица 8. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	5 мес. 2024 г.	5 мес. 2025 г.	5 мес. 2026 г.	р
Объем работ по ВЗД «Строительство»				
Российская Федерация	104,6	104,5	92,6	-
Северо-Западный ФО	105,0	115,1	90,0	5
Мурманская область	126,1	45,3	159,4	3
Новгородская область	147,6	91,5	99,2	24
Ленинградская область	132,4	163,1	94,7	36
Санкт-Петербург	83,3	120,2	92,7	41
Республика Коми	111,9	86,1	86,4	46
Псковская область	129,0	127,9	75,8	66
Калининградская область	108,9	88,2	72,1	68
Вологодская область	138,0	119,3	69,7	72
Архангельская область	116,6	94,7	62,7	76
Ненецкий авт. округ	113,4	44,9	55,3	79
Республика Карелия	77,7	129,6	54,3	81
Ввод жилых домов				
Российская Федерация	101,3	102,0	78,3	-
Северо-Западный ФО	101,1	102,2	71,6	6
Архангельская область	111,3	91,4	99,2	19
Псковская область	110,0	76,4	98,5	20
Республика Коми	93,5	104,2	98,2	21
Ленинградская область	106,9	105,9	89,0	31
Республика Карелия	108,8	117,3	76,9	44
Калининградская область	125,3	85,0	67,6	58
Мурманская область	144,2	161,6	65,8	61
Новгородская область	89,3	133,2	59,3	70
Вологодская область	96,6	143,5	49,7	81
Санкт-Петербург	86,5	90,5	43,4	83
Ненецкий авт. округ	148,7	127,9	40,7	84
Объем выданных ипотечных кредитов				
Российская Федерация	79,1	52,3	138,2	-
Северо-Западный ФО	83,3	53,2	141,2	5
Ненецкий авт. округ	69,8	50,7	186,7	2
Республика Карелия	70,0	45,5	178,5	3
Новгородская область	78,0	49,0	159,8	9
Мурманская область	78,3	47,2	158,0	10
Архангельская область	96,6	54,0	150,1	22
Ленинградская область	74,8	58,1	146,6	23
Вологодская область	75,0	47,7	146,2	31
Республика Коми	64,4	53,7	145,3	33
Псковская область	78,9	55,8	138,2	51
Калининградская область	95,1	57,6	132,5	61
Санкт-Петербург	87,3	53,0	134,8	66

¹¹ Анализ макроэкономических тенденций. Июнь 2026 г. // ЦМАКП. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_MK/2026/macro68.pdf (дата обращения: 17.07.2026).

➤ **Объем выданных ипотечных кредитов** продемонстрировал резкое увеличение как в СЗФО, так и в целом по стране – на 41,2 и 38,2% соответственно. Данное явление затронуло все субъекты округа, проявившись в активизации ипотечного кредитования на 34,8–86,7%. Причинами могут выступать снижение доходности вкладов и затяжное падение индекса ММВБ¹² при сохранении высоких инфляционных ожиданий. В таких условиях недвижимость воспринимается как главный защитный актив. Оказывает влияние и то, что застройщики в дальнейшем будут закладывать растущие расходы на стройматериалы и рабочую силу в цену строящегося жилья. Согласно данным Банка России, в мае 2026 года лишь 54,8% приходилось на программы господдержки, ранее этот показатель продолжительное время держался в диапазоне 75–85%. В годовом сопоставлении предоставление ипотечных жилищных кредитов по количеству увеличилось на 18,7%, по объему – на 14,2%¹³, что позволяет сделать предположение о растущем спросе на квартиры малой площади.

➤ **Реальные расходы консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда** в январе – мае увеличились в СЗФО на 3,7% (в целом по РФ – на 0,7%; табл. 9). Позитивная динамика обобщающего индикатора по макрорегиону обусловлена приростом в большинстве его субъектов, среди которых наибольшее увеличение продемонстрировала Псковская область (на 13,5%). В то же время ряд регионов СЗФО продемонстрировал снижение расходов бюджета – в Республике Коми, Вологодской и Архангельской областях оно было в диапазоне 7,2–7,3%. При этом в СЗФО увеличились бюджетные расходы на здравоохранение и социальную политику – на 2,7 и 1,1% соответственно. В целом по стране наблюдалась обратная тенденция – бюджетные расходы на здравоохранение

и социальную политику снизились на 2,4 и 1,1% соответственно.

Таблица 9. Динамика расходов консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	5 мес. 2024 г.	5 мес. 2025 г.	5 мес. 2026 г.
Российская Федерация	102,2	106,3	100,7
Северо-Западный ФО	106,3	101,1	103,7
Псковская область	99,9	97,5	113,5
Ненецкий авт. округ	83,7	103,8	108,5
Ленинградская область	107,0	108,5	107,8
Новгородская область	100,5	89,1	107,6
Санкт-Петербург	113,3	102,5	106,9
Республика Карелия	81,9	99,5	103,3
Калининградская область	94,6	103,2	102,9
Мурманская область	110,1	92,2	99,3
Архангельская область	101,8	95,9	92,8
Вологодская область	105,7	99,1	92,8
Республика Коми	98,6	104,1	92,7

✓ Индекс объема **инвестиций в основной капитал** СЗФО в I квартале 2026 года составил 89,4% на фоне более негативного значения в целом по стране (85,7%; табл. 10). Как отмечают аналитики ЦМАКП, наблюдаемый спад и его беспрецедентная длительность взаимоусиливают друг друга, в результате чего отсутствие предпосылок к росту само по себе становится фактором, влияющим на инвестиционную (и, шире, бизнес-) активность компаний¹⁴. В Новгородской и Ленинградской областях инвестиции увеличились на 9,4 и 5,2%, в остальных субъектах округа отмечено существенное замедление инвестиционных процессов. Так, в Республике Карелия инвестиции снизились более чем наполовину (худший результат в стране), а в Архангельской, Вологодской и Мурманской областях уменьшились на 34,2–37,5% (при этом важно отметить высокую базу прошлого года).

¹² 18 недель без перемен // БКС Экспресс. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/mneniia/18-nedel-bez-peremen> (дата обращения: 14.07.2026).

¹³ Обзор рынка ипотечного жилищного кредитования // Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/Indicator_mortgage/1225/ (дата обращения: 14.07.2026).

¹⁴ Анализ макроэкономических тенденций. Июнь 2026 г. // ЦМАКП. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_MK/2026/macro68.pdf (дата обращения: 17.07.2026).

Таблица 10. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	3 мес. 2024 г.	3 мес. 2025 г.	3 мес. 2026 г.	Р*
Российская Федерация	114,8	106,5	85,7	-
Северо-Западный ФО	116,0	122,0	89,4	3
Новгородская область	77,7	101,1	109,4	7
Ленинградская область	136,6	163,8	105,2	11
Республика Коми	118,4	85,9	90,7	31
Санкт-Петербург	124,3	97,1	87,3	35
Калининградская область	89,1	93,3	85,8	36
Ненецкий авт. округ	105,6	83,6	83,1	42
Псковская область	141,7	94,6	81,3	48
Мурманская область	94,6	134,3	65,8	69
Вологодская область	101,0	159,5	63,9	70
Архангельская область	57,7	112,1	62,5	74
Республика Карелия	98,9	156,1	48,1	85

* По индикатору «Динамика инвестиций в основной капитал» приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – марте 2026 года, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Согласно данным агентства «Автостат», в I квартале 2026 года в России было реализовано 8932 новых крупнотоннажных или тяжелых грузовика (что на 30% меньше, чем в I квартале 2025 года). «КамАЗ» занял почти 35% рынка с продажами 3100 тяжелых грузовиков, при этом 64,7% рынка HCV заняла техника отечественного производства. На долю седельных тягачей за три месяца пришлось 34,2% рынка¹⁵.

✓ Согласно данным Федеральной таможенной службы, в январе – мае 2026 года общий объем **экспорта** и **импорта** России в стоимостном выражении заметно увеличился – на 8,5 и 8,1% соответственно. Экспорт

в Азию вырос на 14,5%, тогда как поставки во все остальные группы стран продемонстрировали снижение, в частности экспорт в Европу сократился на 8,4%, в Африку – на 10%. Импорт из Азии и Европы увеличился на 8,8 и 8% соответственно. Экспорт продовольственных товаров вырос на 20,3%, импорт – на 5,4%. Стоимостной объем экспорта минеральных продуктов увеличился на 4,3% (доля составила 54%), импорта – на 40,5%. Зафиксирован прирост экспорта металлов и изделий из них на 26%. Экспорт машин и оборудования сократился на 8,5%, импорт данной категории товаров увеличился на 9,3%, при этом их доля составила 49% от общего объема импорта.

↗ **Цены на мировых рынках** на нефть выросли на 19,8% (табл. 11). Подорожал и ряд других экспортируемых из СЗФО товаров: фосфорсодержащие удобрения – на 18,3%, газ – 12,8%, металлопрокат – 9,1%.

Таблица 11. Динамика мировых цен на товары, % к соответствующему периоду предыдущего года

Товар	5 мес. 2024 г.	5 мес. 2025 г.	5 мес. 2026 г.
Нефть	104,4	85,3	119,8
Газ	61,3	146,2	112,8
Металлопрокат (Мет.)	95,6	108,4	109,1
Фосфатные удобрения (ФУ)	95,4	84,0	118,3

Мировые цены на большинство категорий металлопроката демонстрируют тенденцию к росту: отмечено увеличение цен как на «плоский» прокат (на 9,8–14,2%), так и на «длинный» (на 7–14,3%), за исключением сортового проката, который подешевел на 1% (табл. 12). На внутреннем рынке цены на «плоский» металлопрокат снизились на 2,5–15,3%, на «длинный» выросли на 8,8–19,1%, за исключением подешевевших на 1,5% балки и швеллера (табл. 13).

¹⁵ Продажи новых крупнотоннажных грузовиков (HCV) в России в 2025 году и в декабре // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/auto/news/2026/04/06/1188272-prodazhi-gruzovikov> (дата обращения: 14.07.2026).

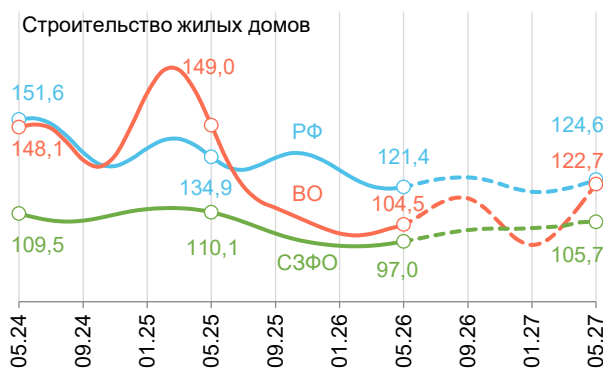
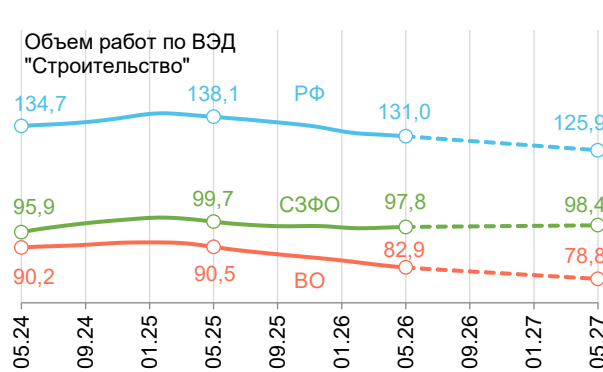
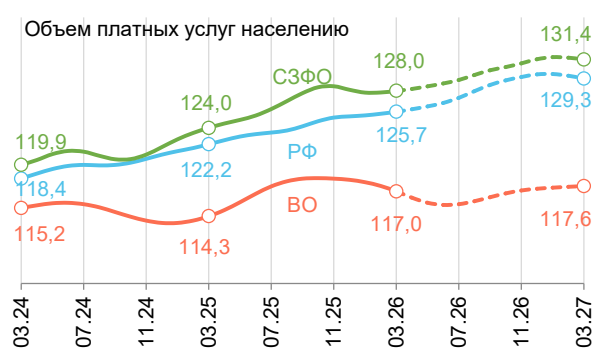
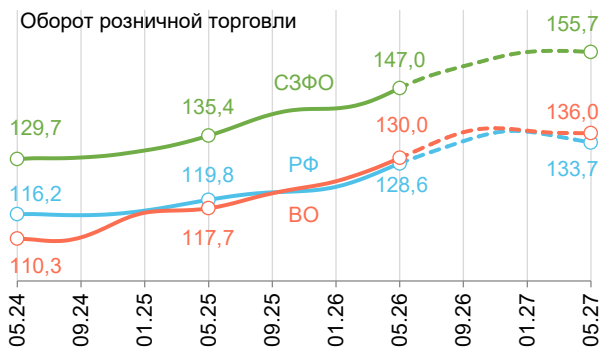
Таблица 12. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну, на начало июня соответствующего года

Вид металлопродукции	Единица измерения	2024 г.	2025 г.	2026 г.	2026 г., % к	
					2025 г.	2024 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Долл. США	927	758	858	113,2	92,5
Лист оцинкованный	Долл. США	951	840	923	109,8	97,0
Лист горячекатаный	Долл. США	771	650	743	114,2	96,3
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	Долл. США	780	663	758	114,3	97,1
Конструкционные профили	Долл. США	912	715	765	107,0	83,8
Сортовой прокат	Долл. США	869	715	708	99,0	81,4

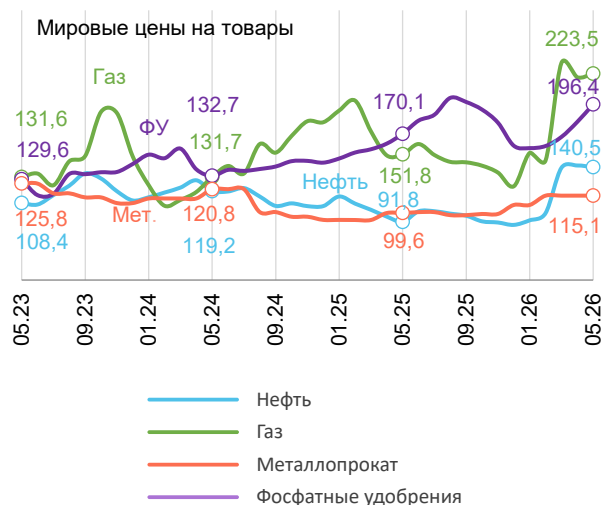
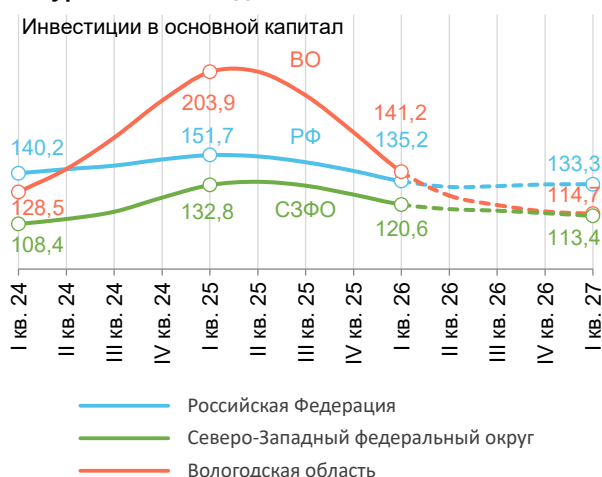
Таблица 13. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну, на начало июля соответствующего года

Вид металлопродукции	Единица измерения	2024 г.	2025 г.	2026 г.	2026 г., % к	
					2025 г.	2024 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Руб.	87625	82475	69850	84,7	79,7
Лист оцинкованный	Руб.	118125	102075	89200	87,4	75,5
Лист горячекатаный	Руб.	65850	61650	60300	97,8	91,6
«Длинный» прокат						
Арматура	Руб.	64800	58036	66100	113,9	102,0
Балка и швеллер	Руб.	84806	80350	79175	98,5	93,4
Круг	Руб.	63833	56500	61500	108,8	96,3
Уголок	Руб.	65317	60033	71500	119,1	109,5

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2024–2027 гг., % к уровню 2018 года

Тренды развития инвестиционной активности и внешней торговли в 2023–2026 гг., % к уровню 2018 года

Подводя итог, отметим, что в январе – мае 2026 года экономика СЗФО продемонстрировала ряд позитивных явлений.

1. На фоне снижения доходности вкладов и прибыли предпринимателей продолжил расти потребительский спрос, чему способствовала положительная динамика реального размера заработных плат.

2. Увеличение расходов бюджета и выдачи ипотечных кредитов оказали позитивное влияние на экономическую динамику.

3. В ряде отраслей промышленности макрорегиона существенно вырос выпуск продукции, в том числе в обрабатывающей промышленности конечного спроса.

Вместе с тем экономика СЗФО испытала усилившееся давление, поскольку укрепление рубля и рост импорта помогли сдерживать инфляцию, но повысили конкуренцию для отечественных производителей. В отрицательной зоне оказались промышленность промежуточного и инвестиционного спроса, строительство, инвестиции.

Таким образом, перед СЗФО, как и перед страной в целом, нарастает необходимость как можно быстрее перейти к возобновле-

нию инвестиционного цикла, чему будут способствовать сохранение дополнительных стимулов для поддержания потребительского спроса, адресная поддержка инвестиций в реальном секторе экономики, а также повышение эффективности рабочих мест. В качестве примера уже реализованных мер можно привести расширение поддержки промышленных проектов¹⁶, поддержку аграриев¹⁷, строительства¹⁸, инфраструктурных проектов¹⁹.

Источники: Росстат, Министерство экономического развития России, Банк России, Федеральная таможенная служба, Правительство России, worldbank.org, metalinform.ru, metaltorg.ru, divercitytimes.com, tradingeconomics.com, data.stats.gov.cn, bea.gov и др.

Материал подготовили:

М.А. Сидоров

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.В. Лукин

кандидат экономических наук

ведущий научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

¹⁶ О направлении свыше 3 млрд руб. на поддержку программы промышленной ипотеки: распоряжение Правительства РФ № 1475-р от 13.06.2026; О выделении 2 млрд руб. на поддержку предприятий, реализующих проекты по созданию высокотехнологичной продукции: распоряжение Правительства РФ № 1767-р от 09.07.2026.

¹⁷ Распоряжения Правительства РФ № 1611-р, №1612-р от 25.06.2026 о выделении более 60 млрд руб. на субсидирование льготных кредитов для сельхозпроизводителей.

¹⁸ Распоряжение Правительства РФ № 1738-р от 04.07.2026 о выделении 290 млн руб. на субсидирование кредитов для строительных компаний, работающих в рамках механизма проектного финансирования.

¹⁹ Распоряжение Правительства РФ № 1340-р от 03.06.2026 о выделении около 10,8 млрд руб. на субсидирование инфраструктурных проектов регионов по развитию автомобильного и электрического транспорта.

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ В ИЮНЕ 2026 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.12 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В мае – июне 2026 года ФГБУН ВолНЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале.

Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском и Шекснинском муниципальных округах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины, женщины);
- возрасту (до 30 лет, от 30 до 55 лет, старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее, среднее специальное, высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

Для обработки социологической информации и анализа данных используется индексный метод. Для расчета индексов из доли положительных ответов (в процентах) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

☉ С начала 2026 года постепенно улучшаются индексы социального самочувствия населения: с февраля по июнь индекс социального настроения возрос со 145 до 148 пунктов, индекс запаса терпения – со 169 до 172 п. (табл. 1).

Доля положительных оценок социального настроения и запаса терпения остается стабильной на протяжении последних 12 месяцев: 70–73 и 80–83% соответственно.

Для цитирования: Морев М.В., Леонидова Е.Э. (2026). Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в июне 2026 года // Проблемы развития территории. Т. 30. № 4. С. 199–206. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.12

For citation: Morev M.V., Leonidova E.E. (2026). Monitoring of social well-being of the Vologda Region population in June 2026. *Problems of Territory's Development*, 30(4), 199–206. DOI: 10.15838/ptd.2026.4.144.12

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области*, % от числа опрошенных

Показатель	Вариант ответа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Февр. 2026	Апр. 2026	Июнь 2026	Изменение (+/-), июнь 2026 к	
																			апр. 2026	июнь 2025
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	67,3	68,7	71,2	69,9	61,0	66,7	67,3	65,6	69,0	71,6	71,9	72,9	70,9	73,2	69,7	70,1	71,2	+1	-1
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,0	25,9	23,1	24,5	30,4	27,3	28,1	29,2	27,2	24,3	25,3	24,1	23,5	22,2	24,9	24,1	23,7	0	-2
	Индекс социального настроения	140,3	142,8	148,2	145,5	130,6	139,4	139,3	136,4	141,8	147,3	146,6	148,8	147,4	151,0	144,8	146,0	147,5	+2	+1
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	76,6	78,4	77,1	77,0	72,3	75,8	76,9	76,5	77,9	81,1	80,4	79,9	83,5	83,4	81,1	80,6	82,5	+2	+2
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	15,8	14,5	16,3	17,2	19,9	17,7	16,1	14,6	13,9	12,6	11,9	12,9	12,1	10,1	11,9	11,6	10,5	-1	-1
	Индекс запаса терпения	160,8	163,9	160,8	158,8	152,5	158,1	160,8	162,0	164,0	168,5	168,5	167,0	171,4	173,3	169,2	169,0	172,0	+3	+4

* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 3 п. п. считаются незначительными, в таблицах они выделены синим цветом.

⬆ В июне 2026 года в целом по области продолжилась тенденция улучшения самооценок уровня доходов, которая отмечается с декабря 2025 года (табл. 2).

Вместе с тем позитивные изменения за последние два месяца произошли только в группе тех людей, которые по самооценкам собственных доходов относятся к категории 20% наиболее обеспеченных слоев населения (уровень доходов возрос с 52,8 до 57,3 тыс. руб.).

✓ Среди тех, кто попадает в группу 60% среднеобеспеченных и 20% наименее обеспеченных граждан, уровень доходов (по самооценкам) снизился: с 32,5 до 32 и с 17 до 16 тыс. руб.

⦿ В динамике оценок экономической ситуации в стране и регионе существенных изменений не произошло. Доля позитивных и нейтральных характеристик составляет 50–55%, отрицательных – 30–35% (табл. 3).

⬆ Чуть более позитивной выглядит ситуация в отношении оценки своего собственного материального положения: за последние два месяца доля позитивных и нейтральных суждений увеличилась с 55 до 58%.

✓ С декабря 2025 года отмечаются негативные изменения в динамике оценок политической обстановки в стране и регионе. За этот период (с декабря 2025 по июнь 2026 года) доля негативных суждений в отношении ситуации в стране увеличилась с 60 до 66%, в отношении политической обстановки в регионе – с 40 до 43% (табл. 4).

⦿ Впрочем, стоит отметить, что удельный вес позитивных характеристик остается в целом стабильным: около 20–22% жителей области находят политическую ситуацию в России «спокойной, благополучной»; 48–50% опрошенных дают такие же оценки политической ситуации в регионе.

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Февр. 2026	Апр. 2026	Июнь 2026	Изменение (+/-), июнь 2026 к	
																		апр. 2026	июнь 2025
Доход на одного члена семьи, руб.																			
20% наименее обеспеченных	4330	5430	6602	7792	7546	8529	10008	11746	13211	14731	13726	14118	16549	16002	18216	16964	16432	-532	+2706
60% среднеобеспеченных	9293	11708	13251	14113	14031	15741	17503	20310	22885	27620	26831	27079	29274	29941	31594	32504	32040	-464	+5209
20% наиболее обеспеченных	19907	23624	27433	28267	28207	30338	37250	40186	43286	51186	53688	52992	49932	52421	51864	52768	57308	+4540	+3620
Среднее по области	10425	12837	14757	15686	15570	17220	19953	22578	25038	29757	29579	29669	30863	31665	32986	33448	33972	+524	+4393
Прожиточный минимум, руб.*	6563	9639	10658	11042	11509	11767	13633	14519	15608	17910	17910	17910	17910	17910	19128	19128	19128	0	+1218
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз																			
20% наименее обеспеченных	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,9	0,9	1,0	0,9	0,9	0	+0,1
60% среднеобеспеченных	1,4	1,2	1,2	1,3	1,2	1,4	1,3	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,6	1,7	1,7	1,7	1,7	0	+0,2
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,5	2,6	2,6	2,5	2,6	2,7	2,8	2,8	2,9	3,0	3,0	2,8	2,9	2,7	2,8	3,0	+0,2	0
Среднее по области	1,6	1,3	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,6	1,6	1,7	1,7	1,7	1,7	1,8	1,7	1,7	1,8	+0,1	+0,1
* Источник: Постановления Правительства Вологодской области «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области» // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru																			

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Февр. 2026	Апр. 2026	Июнь 2026	Изменение (+/-), июнь 2026 к	
																		апр. 2026	июнь 2025
Экономическое положение России																			
Хорошее	10,7	6,2	14,4	14,6	11,7	11,5	11,7	12,1	13,9	14,5	14,2	15,1	16,1	14,3	12,0	11,5	12,4	+1	2
Среднее	51,2	46,6	43,9	44,6	42,9	42,7	42,3	43,2	45,7	44,2	44,3	43,3	41,5	44,3	44,3	40,7	42,5	+2	-2
Плохое	25,5	35,5	27,2	26,1	31,1	30,8	32,9	30,2	26,2	27,6	28,5	27,5	26,4	24,7	26,1	28,8	30,2	+1	+2
Индекс	85,2	70,7	87,2	88,6	80,6	80,8	78,7	81,9	87,7	86,9	85,7	87,6	89,7	89,6	85,9	82,7	82,2	-1	-4
Экономическое положение области																			
Хорошее	9,9	5,2	11,8	11,5	10,8	10,9	11,1	13,8	15,0	16,1	15,9	16,5	17,7	15,1	14,6	14,1	13,2	-1	-3
Среднее	49,4	39,9	39,2	41,3	38,3	40,4	40,1	42,7	43,8	42,0	40,8	43,5	40,1	40,6	39,5	37,7	37,9	0	-3
Плохое	29,4	43,0	36,9	34,9	36,9	35,9	36,5	32,6	30,3	31,4	31,7	30,9	32,0	31,3	32,6	35,2	35,8	+1	+4
Индекс	80,5	62,2	74,9	76,6	73,9	75,0	74,6	81,2	84,7	84,7	84,2	85,6	85,7	83,8	82,0	78,9	77,4	-2	-7
Материальное положение семьи																			
Хорошее	10,1	7,9	11,8	10,2	9,2	8,4	8,8	10,1	12,4	14,3	14,7	13,8	15,3	13,9	13,9	10,9	12,5	+2	-2
Среднее	54,2	49,5	48,7	50,1	46,2	48,6	47,9	51,0	51,6	48,0	47,7	50,7	48,9	47,1	44,4	44,5	45,5	+1	-2
Плохое	27,4	31,2	30,2	29,7	33,0	32,4	32,2	27,9	26,4	26,9	27,5	25,2	25,3	27,6	29,1	30,7	31,5	+1	+4
Индекс	82,7	76,7	81,6	80,4	76,2	76,0	76,4	82,2	86,0	87,4	87,2	88,6	90,0	86,3	84,8	80,2	81,0	+1	-6

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Фев. 2026	Апр. 2026	Июнь 2026	Изменение (+/-), июнь 2026 к	
																		апр. 2026	июнь 2025
В России																			
Благополучная, спокойная	39,8	25,5	40,4	45,0	41,0	37,2	27,5	23,3	24,7	23,8	24,3	25,6	24,0	22,1	20,3	21,7	19,5	-2	-5
Напряженная, критическая, взрывоопасная	43,2	58,7	45,6	41,6	43,2	47,2	56,9	62,3	59,7	61,6	62,1	61,3	60,2	61,9	62,4	64,4	65,5	+1	+3
Индекс	96,6	66,8	94,8	103,5	97,8	89,9	70,6	61,0	65,0	62,2	62,2	64,3	63,8	60,2	57,9	57,3	54,0	-3	-8
В области																			
Благополучная, спокойная	51,8	46,0	54,9	58,0	53,9	53,7	47,9	49,8	52,5	52,3	54,3	51,1	52,3	51,9	49,4	49,9	48,7	-1	-6
Напряженная, критическая, взрывоопасная	31,8	39,1	33,3	31,5	32,9	34,3	40,4	41,0	39,1	39,0	37,1	38,9	39,2	39,9	39,2	41,0	42,9	+2	+6
Индекс	120,0	106,9	121,6	126,4	121,0	119,8	107,5	108,8	113,4	113,3	117,2	112,2	113,1	112,0	110,2	108,9	105,8	-3	-11

Резюме

Результаты «волны» мониторинга, проведенной в июне 2026 года, свидетельствуют о продолжении тенденций, которые российские социологи начали фиксировать в конце 2025 – начале 2026 года¹. В целом они характеризуются озабоченностью и формированием конструкти DOI: 10.15838/rtd.2026.4.144.11 вного запроса со стороны населения к органам власти относительно динамики уровня и качества жизни в стране; в том числе на фоне «привыкания» людей к повседневности в условиях продолжающейся специальной военной операции.

Не исключено, что данный тренд сохранится в ближайшие месяцы и будет оказывать существенное влияние на результаты выборной кампании в Государственную Думу РФ, которая официально стартовала 16 июня 2026 года (сами выборы назначены на 18–20 сентября).

Периодические обстрелы и атаки дронами российских территорий со стороны «киевского режима» не способствуют улучшению оценок политической ситуации в стране, однако уровень консолидации общества вокруг государства, президента и национально ориентированной повестки стратегического развития по-прежнему высок, о чем свидетельствует в целом стабильная картина и психологического состояния общества, и оценки общего положения дел в стране и регионе.

О дальнейшей динамике общественного мнения жителей Вологодской области будут свидетельствовать результаты следующих «волн» мониторинга ВолНЦ РАН.

Материал подготовили

М.В. Морев

кандидат экономических наук

ведущий научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

¹ См., например: Алфимов В. От зарплаты до победы: как за год изменилось российское общество (интервью с руководителем ВЦИОМ В. Федоровым) // Комсомольская правда. 02.01.2026. URL: <https://www.kp.ru/daily/27763.3/5191948/?ysclid=mkgituc55z530676123>; Обухов С.П., Михальчук А.М., Богачев А.М., Стрелков Д.А., Хамадиева Т.В., Червонцев А.В. Итоги 2025 года от В.В. Путина. Экспресс-анализ послания российскому обществу и зарубежным оппонентам / Центр исследований политической культуры России 19.12.2025 // Официальный сайт КИПРФ. URL: <https://kprf.ru/politindx/239901.html?ysclid=mlhmrkgapk916136109>

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

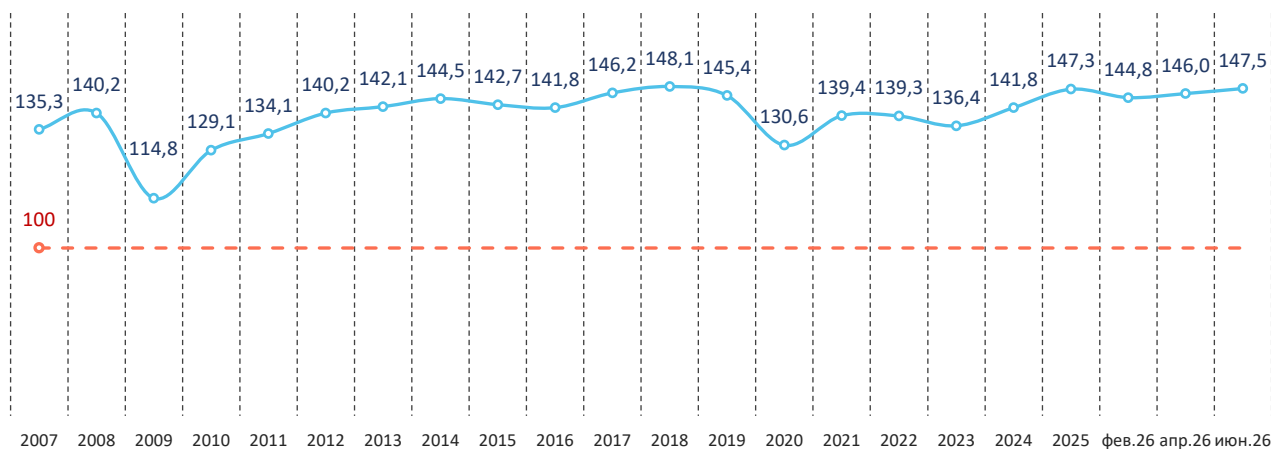

Рис. 1. Индекс социального настроения, пунктов

В июне 2026 года по сравнению с апрелем т. г. социальное настроение жителей Вологодской области существенно не изменилось. Индекс составляет 146–148 п.

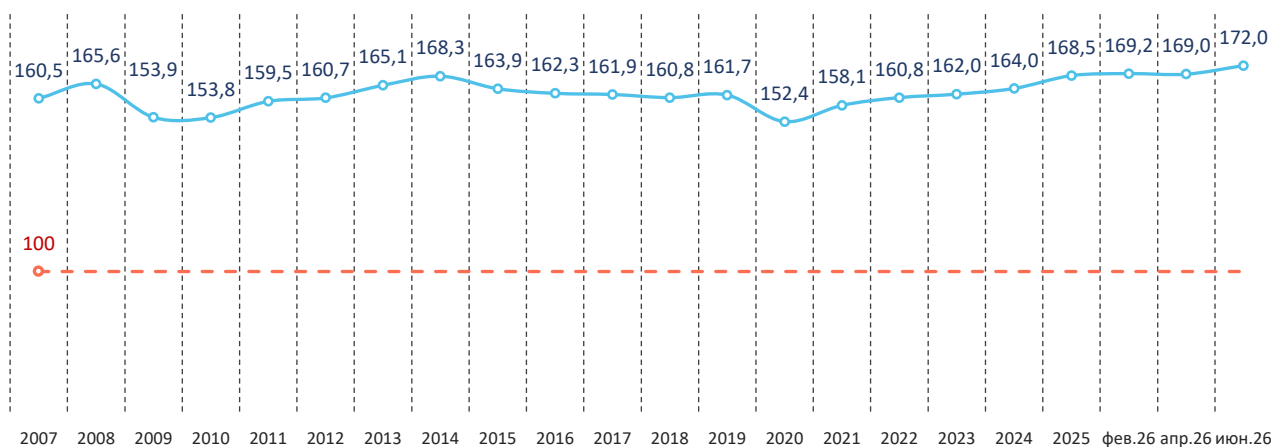

Рис. 2. Индекс запаса терпения, пунктов

В апреле – июне 2026 года значение индекса запаса терпения жителей Вологодской области увеличилось на 3 пункта (со 169 до 172 п.).

Здесь и далее: для расчета индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (---).

Представлены данные с 2007 года – последнего года второго президентского срока В.В. Путина.

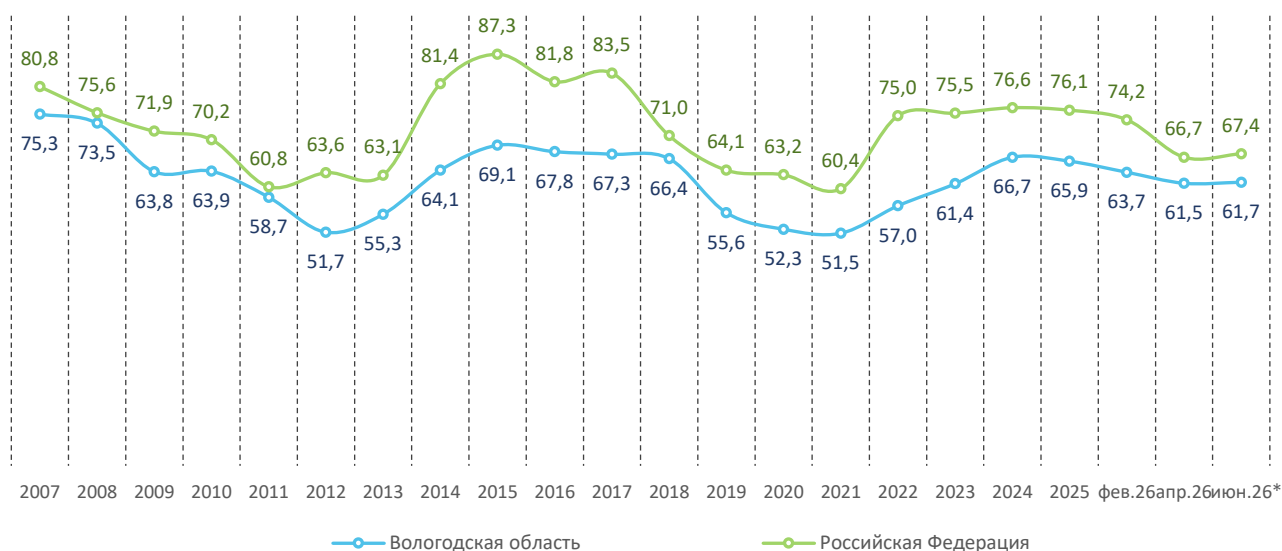

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

С апреля по июнь 2026 года уровень одобрения деятельности главы государства в Вологодской области и в России в целом не изменился и составил 62 и 67% соответственно.

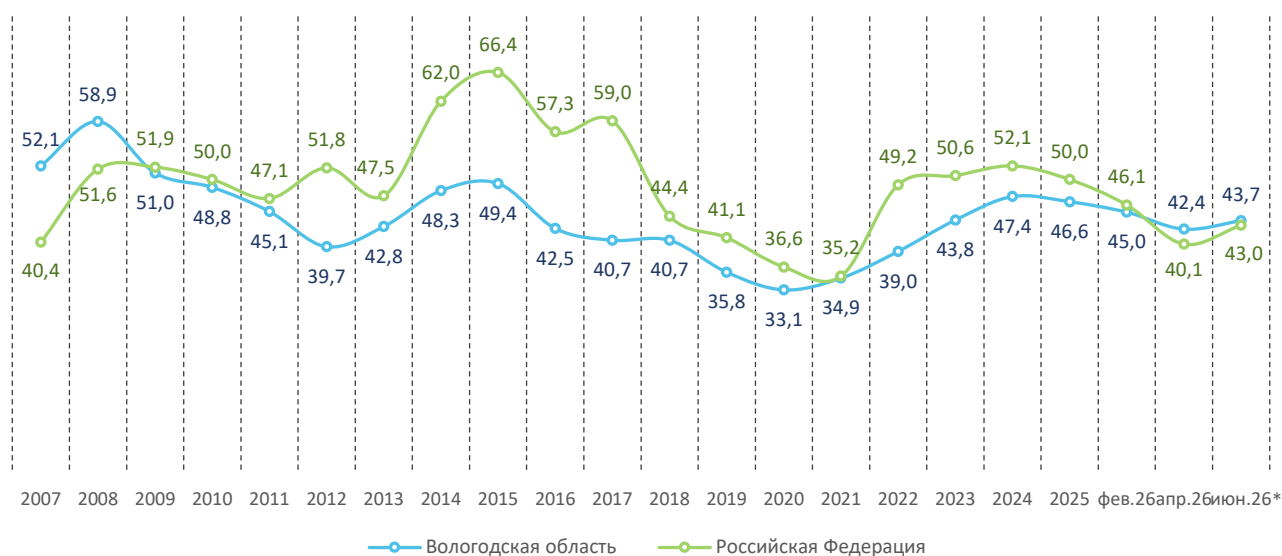

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

В первый летний месяц 2026 года по сравнению с апрелем т. г. положительные оценки жителями Вологодской области работы Правительства РФ остаются стабильными (42–44%). В целом по России показатель одобрения деятельности высшего исполнительного органа государственной власти РФ увеличился на 3 п. п. (с 40 до 43%).

Здесь и далее: Вологодская область – данные ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные ВЦИОМ (<https://wciom.ru>).

* Данные ВЦИОМ – одобрение деятельности Президента РФ и Правительства РФ: среднее за 2 опроса от 07.06.2026 и 14.06.2026.

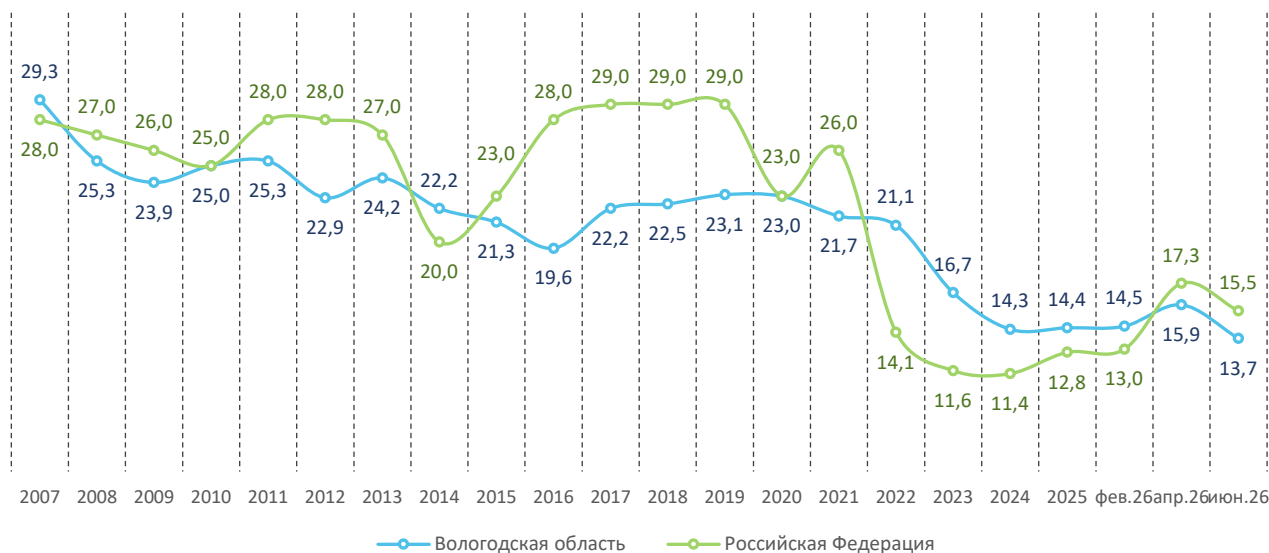

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений
(доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста),
% от числа опрошенных

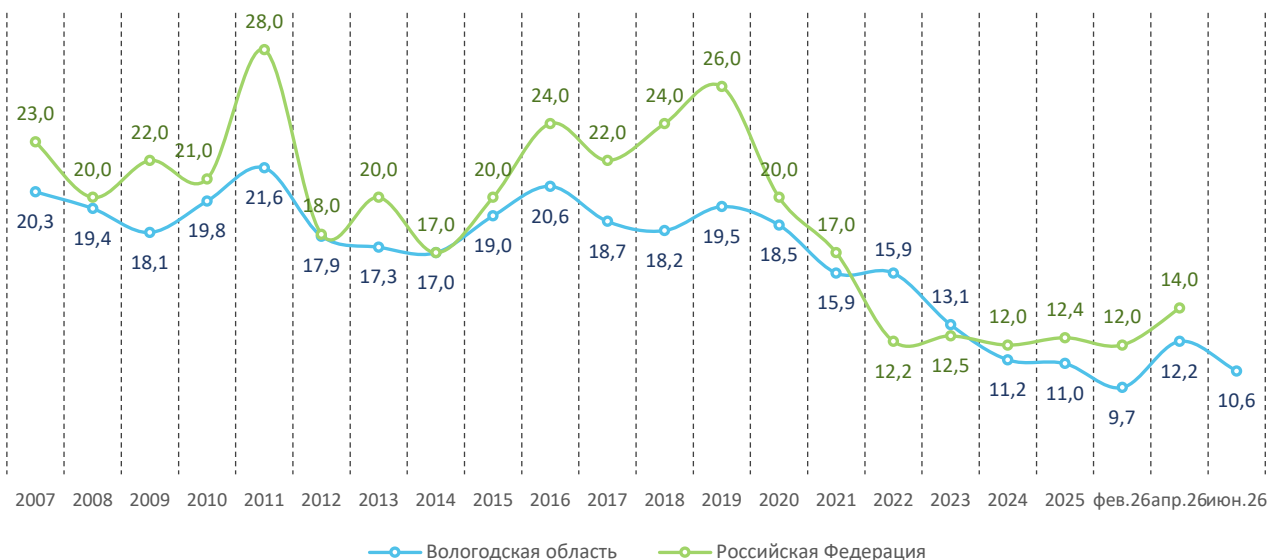

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях
(доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста),
% от числа опрошенных

В июне 2026 года доля населения Вологодской области и России в целом, указывающая на вероятность протестных выступлений, не изменилась. Значения остались на уровне апрельских показателей (14–16 и 16–17% соответственно). 11–12% вологжан допустили возможность своего участия в акциях протеста.

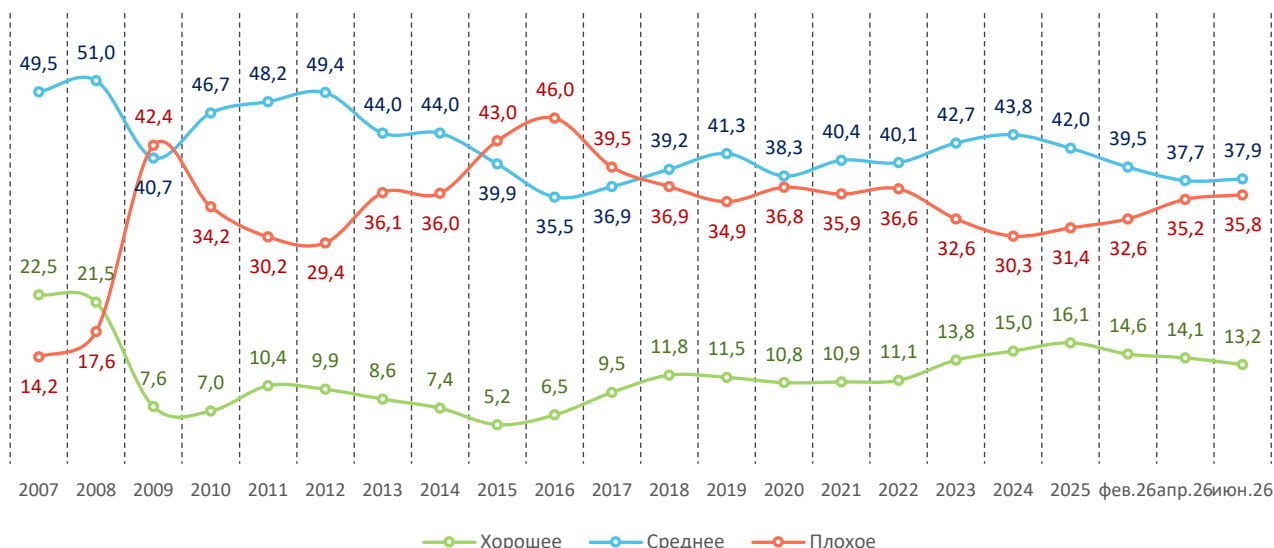

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

Первый летний месяц 2026 года не привнес изменений в оценочные суждения жителей Вологодской области относительно экономического положения региона. В апреле и июне т. г. удельный вес положительных характеристик составил 38%, нейтральных – 35–36%, негативных – 13–14%.

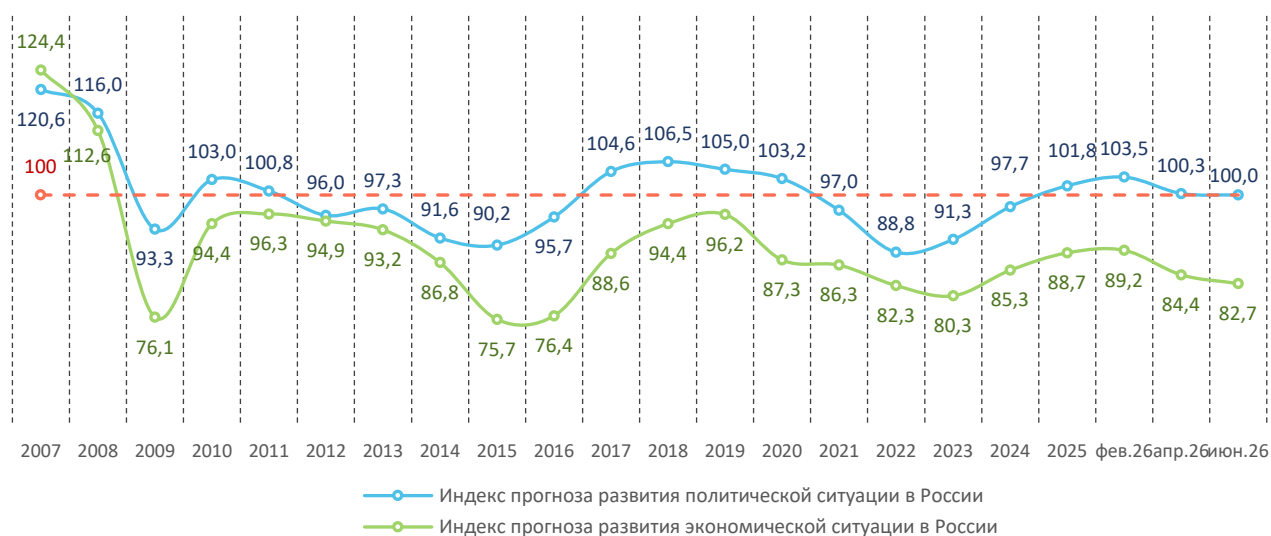

Рис. 8. Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России*, пунктов

В июне 2026 года значения индексов прогнозов развития политической и экономической ситуации в стране не претерпели изменений и находятся на уровне апрельских данных (100 и 83–84 п. соответственно).

* Индекс прогноза развития политической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос: «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс прогноза развития экономической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос: «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

ОБ ИТОГАХ XI МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ «ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ»

18–21 мая 2026 года на базе Вологодского научного центра РАН состоялась XI Международная научно-практическая интернет-конференция «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий». Организаторами конференции выступили Вологодский научный центр РАН, Отделение общественных наук Российской академии наук, Вольное экономическое общество России.

Мероприятие стало одной из региональных площадок проведения VIII Международного Московского академического экономического форума «Приоритеты экономического развития и технологический суверенитет России» (МАЭФ-2026).

Конференция объединила более 100 человек – ученых и начинающих исследователей, студентов и аспирантов из России, Беларуси и Армении, среди которых 10 докторов и 41 кандидат наук (48,6% участников с ученой степенью). В рамках конференции прошло обсуждение современных тенденций развития национальной и региональной экономики, актуальных проблем эко-

номического роста и устойчивого развития территорий, а также путей их решения.

Во второй день работы конференции, 19 мая 2026 года, состоялось пленарное заседание. С приветственным словом к участникам мероприятия обратился заведующий центром структурных исследований и прогнозирования территориального развития, ведущий научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН канд. экон. наук Евгений Владимирович Лукин, который отметил важность и актуальность проблем, поднимаемых на конференции, осветил географию участников, перечень обсуждаемых вопросов и количество докладов.

На пленарном заседании представили свои доклады:

– профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации д-р экон. наук Юрий Владимирович Савельев – «Межрегиональные экономические и инфра-

структурные диспропорции на Северо-Западе России»;

– ведущий научный сотрудник центра социально-демографических исследований ФГБУН ВолНЦ РАН канд. экон. наук Андрей Васильевич Попов – «Современные трансформации в занятости и их значение для устойчивого развития территорий»;

– старший научный сотрудник лаборатории прогнозирования производства и использования конструкционных материалов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН канд. экон. наук Василий Сергеевич Устинов – «Социальные аспекты роботизации российской металлургии»;

– научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования воспроизводственных процессов центра структурных исследований и прогнозирования территориального развития ФГБУН ВолНЦ РАН Никита Михайлович Румянцев – «Структурная трансформация региональной экономики: мониторинг, регулирование, прогноз»;

– инженер-исследователь центра финансовых исследований ФГБУН ВолНЦ РАН Данила Сергеевич Гончарук – «Готовы ли регионы к научно-технологическому лидерству России? Результаты эмпирической оценки 2025 года».

Конференция продолжила свою работу в рамках четырех тематических секций, на которых было представлено 98 докладов. Традиционно обсуждение проходило на интернет-форуме в формате онлайн-дискуссии по следующим научным направлениям:

1. Проблемы и перспективы социально-экономического развития территорий в условиях структурно-технологической трансформации российской экономики.

2. Проблемы и перспективы пространственного развития территорий.

3. Проблемы и актуальные вопросы развития финансовой системы.

4. Научно-технологическое развитие территорий: проблемы и перспективы.

На форуме конференции развернулась оживленная дискуссия – более 860 сообщений на интернет-площадке. Наибольший интерес вызвали следующие доклады:

– «Бизнес-процессы в оптовой торговле, их особенности, проблемы информационного сопровождения в контексте потребительского спроса и принятия управленческих решений» – Наталья Ивановна Попова, Виктория Александровна Стеценко (ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк);

– «Технологический суверенитет России: роль формирования диверсифицированной специализации экономики и повышения ее сложности» – Алия Динмухаматовна Бикмаева (ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологии», г. Уфа);

– «Пути устойчивого развития молодого предпринимательства в России» – Татьяна Евгеньевна Шатунова, Михаил Андреевич Боболев (Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск);

– «Туристическая индустрия как инструмент повышения качества жизни населения» – Елена Михайловна Янкевич (УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Республика Беларусь, г. Витебск);

– «Автомобилестроительная отрасль: роль и состояние в России» – Наталия Евгеньевна Терешкина (ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения», г. Новосибирск).

Все участники интернет-конференции получили именные сертификаты. В IV квартале 2026 года планируется выход сборника докладов с присвоением УДК, ББК, ISBN и размещением в РИНЦ.

Материал подготовила

Е.Ю. Широкова,

младший научный сотрудник ЦСИиПТР

ФГБУН ВолНЦ РАН

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://pdt.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес ptd@volnc.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию. Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

7. Требования к ключевым словам. К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц. В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм. Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками. Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок. Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы. В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Грызлова Валерия Игоревна, тел.: 8(8172) 59-78-32, адрес электронной почты: ptd@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректоры

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
О.В. Лебедева
О.Я. Байрамов

Дата подписания в печать 07.08.2026. Дата выхода в свет 11.08.2026.

Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 24,62. Тираж 500 экз. Заказ № 43.

Свободная цена.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:

160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН

Телефон +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02

E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru